ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
8'2007
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

РАДЖНАР ВАДЖРА
ИЗУМРУДНЫЕ РЕКИ, ЖЕМЧУЖНЫЕ НЕБЕСА

ЭСТЕР ФРИСНЕР
ИГОРЬ ПРОНИН
КОНО ТЕНСЕИ
КАРИНА ШАИНЯН

МАРИЯ ГАЛИНА:
ЧТО С НАМИ БУДЕТ?

SHOUT
SHARE
IT

- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - Яна Дубинянская
    - Карина Шаинян
      -
    - Эстер Фриснер
      -
    - Майкл Пейн
      -
    - Игорь Пронин
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
      - 9
      - 10
      - 11
      - 12
      - 13
      - 14
      - 15
      - 16
      - 17
      - 18
      - 19
      - 20
      - 21
      - 22
    - Фред Чаппелл
      -
    - Раджнар Ваджра
      -
    - Рэйко Хикава
      -
    - Коно Тенсеи
      -
  - ВИДЕОДРОМ
    - Убить Болла
    - РЕЦЕНЗИИ

        - ИСТОРИЯ ЖАНРА
    - КРИТИКА
        - Кодзи Миякадзе
    - КРУПНЫЙ ПЛАН
        - БОЛЬШОЙ БЕДЕКЕР ПО НФ
    - РЕЦЕНЗИИ
    - ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
        - Терри Пратчетт:
    - СТАТИСТИКА
        - СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА
    - КУРСОР
    - PERSONALIA
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 08

ПРОЗА

Яна Дубинянская
ЖИВОЙ (?) ЖУРНАЛ

Это был самый оптимистичный за последнее время пост в моем ЖЖ.

«Дорогие френды, свершилось! Сегодня пересдаю инглиш — и в село, на волю, в пампасы! Там речка с крокодилами на три кило, грибастый лес, пейзане с домашней наливкой и вообще совершенная пастораль у истоков. На месяц как минимум. Завидуйте!»

К тому времени, как я вернулся из универа (зачет — а кто бы сомневался?), дорогие френды уже завидовали вовсю. Vano, как всегда, надавал кучу вумных указаний, что и как, mania_zolotaya советовала добавить в список удовольствий сеновал и пейзанок, krugerr уныло расписывал свои каникулярные перспективы курьером в отцовской конторе, svetusik просто за меня радовалась, она по жизни бескорыстная, а вот подавляющее большинство высказалось в таком ключе: типа, не прочь бы с тобой, так ведь не приглашаешь…

После счастливо поставленного зачета настроение у меня было еще радостнее, чем утром. Я даже удивился, почему такая мировая идея не забрела в голову раньше. И живенько накатал

апдейт: «Кто хочет со мной — поехали! Хата большая. Электричка в 18.12. Встречаемся на вокзале».

Комменты посыпались, как орехи с дерева. Народ бурно радовался, но собраться к 18.12 был морально не готов, особенно кто из других городов. Задолбавшись отвечать каждому, я сделал еще один апдейт: дал адрес, объяснил дорогу от станции и сообщил, что жду всех завтра, а иногородних через денек-другой. Френды возликовали и начали наперебой строить планы.

И одна лишь malyshka_mu поинтересовалась: «А как твоя бабка, не против?»

Я ответил: «Бабка зимой умерла».

* * *

Собственно, потому я и был так оптимистично настроен.

При жизни бабки затянуть меня в село получалось только авторитарными методами вроде месячного запрета на мотороллер. Поскольку бабка была монстр. Нет, конечно, я ее любил, и она души не чаяла в единственном внуке, но все же рассматривала в первую очередь как рабсилу. Приезжая к бабке, я тут же ставился перед планом пятилетки за месяц. Отремонтировать все, что сломалось в доме в течение года, реализовать бабкины архитектурные идеи по переустройству двора, поспиливать старые деревья в саду (насчет дров вы уже догадались, да?), привезти из райцентра кучу всего, без чего раньше, до рекламных рассылок (мне вручалась целая пачка), бабка прекрасно обходилась. Она, кстати, шла в ногу с прогрессом. Первая в селе провела кабельное телевидение. Мировая была у меня бабуля…

Да, но это еще цветочки. Кроме глобальных дел я был обязан душой и телом участвовать в повседневной жизни бабкиного хозяйства. Хозяйство не поражало размахом, при желании я мог бы все переделать до обеда и махнуть на речку — но фиг вам, традиция требовала иного. Я должен был тенью ходить за бабкой и помогать во всем, за что бы она ни бралась. Бабка поливает огород — я ношу воду. Бабка лущит фасоль — я, как придурок, сижу рядом и тоже лущу. Бабка кормит кур — я опять же задействован на подхвате, и так далее. Правда, меня не допускали к уборке, стирке, приготовлению еды и мытью посуды, спасибо родному патриархату. Короче, освобождался я на закате, и бабкино «сходи на речку, искупайся» звучало форменным издевательством. Я раз по неведенью сходил. Как раз на комариный ужин.

Конечно, моими неотъемлемыми правами оставались рыбалка и грибы, но, знаете, когда вас будят в пять утра и ставят под удочку, как под ружье, или безапелляционно суют в руки ведро… Ну, вы поняли.

А главная жара начиналась вечером. Про кабельное ТВ я уже сказал? Так вот, по вечерам к нам стягивалось на просмотр все село. Бабка гордо клацала пультом, управляя сериалами, не доступными на полутора национальных каналах. Впрочем, национальные тоже смотрели. По четыре-пять разноканальных серий ежедневно, набиваясь в хату так, что я не мог продохнуть. Честное слово, у меня в ЖЖ никогда не висело одновременно столько народу. Причем у бабки так было всегда, и в докабельные времена тоже. Наоборот, ряды ее френдов за последние пару лет поредели. По понятной грустной причине.

…Зато в это лето хата поступала в мое полное распоряжение. Вместе с лесом, речкой, наливкой, пейзанами и пейзанками. И свободой!..

Хотя, конечно, жалко бабку.

* * *

Телевизор я по жизни почти не смотрю. Но кабельное ТВ в селе — штука пользительная. Угадайте с трех раз почему. Правильно: если есть кабель, можно бросить шнур и на модем, фирма предоставляет выделенку. Я бабке так и брал пакетом, она не совсем въехала, но поверила, что это круто.

Я подсоединил ноутбук и, пока грузился инет (скорость тут была, конечно, не ахти), разглядывал в окно полуденный сельский пейзаж. Двор без курей, цыплят и кота выглядел грустно. А сад-огород ничего, зеленели. Там сейчас, наверное, джунгли.

Загрузил ЖЖ и начал читать френд-ленту. ЖЖизнь бурлила. Vasyament зажигал про вчерашнюю пьянку; olechka выложила очередную главу своего романа (на этот раз под кат, умница); greg_ кинул кучу полезных ссылок (я не стал по ним ходить); vano зацитировал greg_, но со своими вумными комментариями; ol_zhyvoi затеял тред о смысле жизни, в который вступил один krugerr, зато на две страницы; mania_zolotaya спровоцировала жестокую рубку, высказавшись по национальному вопросу (418 комментов, в том числе сам dr_wason!); pofigist повесил новую подборку анекдотов (я ржал пацтолом); a svetusik — свежую кучу фоток своего ребятенка двух с половиной месяцев (дитё прикольное, но читать флейм восторженных мамаш не имело

смысла). Ну, и так далее… френдов у меня дополна, одних взаимных человек триста.

Чего-то мне в этой ленте не хватало. Отмечаясь в коммах и вдыхая здоровый деревенский воздух, я никак не мог въехать, чего именно. И уже под конец ленты осенило.

Я так и не наткнулся на пост вроде «собрался в гости к seryj_volk, на рыбалку, к пейзанкам…» Ни у кого. Что бы это значило?

Оставалось накатать самому.

«Репортаж от истоков. Приехал вчера вечером, до ночи приводил хату в божеский вид, потом спал как убитый. Сейчас вот сижу у окна, аки красна девица, выглядываю наших на пыльной дороге. Кто не с нами — завидуйте!»

Коммы повалили сразу же, расталкивая друг друга. Кое-кто и вправду завидовал, больше всех femme_fatal из своей Калифорнии. Но в основном френды оправдывались. «Прости, Серый, но никак», «запарка на работе, шеф — зверь», «два зачета висят, а то бы с радостью», «ты ж понимаешь, я теперь с маленьким невыездная», «передавай привет грибам и крокодилам»…

Даже vano. Даже greg_, pofigist и malyshka_mu. Даже vasyament, на которого я больше всего надеялся по части наливки. Да что там: shustryj и тот отмазался, хотя вообще-то ему нечем крыть, давно вольная птица, каждый день вижу его в подъезде!.. Вот и надо было взять за шиворот и волоком потащить на электричку. Живем на одной клетке, а общаемся только в ЖЖ.

Ладно-ладно. Лучшие люди сейчас в пути. Потому и не отметились ни у меня в комментах, ни во френд-ленте.

…Над соседским плетнем догорал закат.

А я, как последний идиот, все еще пялился на еле различимую дорогу, правда, уже не из окна, а от калитки. Не пошел ни на речку, ни в лес, ни к соседям, хотя мужики и приглашали посидеть в честь приезда. Целый день псу под хвост. И еще минут сорок до последней электрички.

Комары озверели. Ну его на фиг. Какой дурак поедет на последней?

* * *

Насчет «спал как убитый» я, похоже, сглазил. А может, просто выспался накануне с запасом. Печка, где я устроил себе лежбище по старой памяти (на бабкину кровать ложиться не хотелось), с каждой минутой становилась все холоднее и тверже. А

настроение — все хреновее.

Друзья, называется. Френды. Впрочем, френды и друзья — далеко не одно и то же. Место френдов — в ЖЖ, и только там. Даже когда кто-нибудь из них звонит тебе по телефону, чувствуешь себя как-то стремно, не говоря уже о встрече в реале. Правда, некоторые мои френды, самые старые, образовались как раз из друзей. Тот же shutryj, мы с ним вместе в школе учились… давно.

Что-то громко скрипнуло, зашуршало, бр-р. Стихло. Где-то на стенке бормотал брехунец, надо же, до сих пор. Днем я его не слышал — днем в селе до фига разнообразных звуков, — а сейчас раздражал. Но слезать, разыскивать и выключать было лень. В полночь сыграет гимн и сам уймется.

С высоты печки хата выглядела прикольно. Лунные лучи от окон чертили сеточку на половицах, хоть играй в крестики-нолики. От двери под стол пробежал черный кот, я аж вздрогнул; и где он только ныкался? Обернулся, сверкнув из-под стола зелеными глазищами. Интересно, это бабкин (тот вроде дымчатый был) или так, приблудился?

В конце концов, френдам можно дать сроку до завтра. И даже до субботы: каникулы же не у всех, многие работают. Спокойствие.

На этой оптимистической ноте под депрессивные звуки гимна я твердо решил спать. И уже почти развернулся к стене, завешенной лоскутным одеялом.

Вот тут-то с оглушительным скрипом отворилась дверь.

И вошла бабка.

* * *

В первый момент я не очень-то и удивился: ну, бабка и бабка. Потом вспомнил. И, прошибленный холодным потом, попытался рассуждать логически и здраво.

Скорее всего, я уже сплю… ага, свежая мысль. Отмазка не катит.

Если б ширялся — решил бы, что глюки. Но я же сегодня даже с мужиками не пил!.. Тоже мимо кассы.

Как-то мой френд maxgenius, он сценарии для телесериалов ваяет, писал, что если персонаж не лежал в кадре в гробу — его всегда можно воскресить. К примеру, актер поругался с начальством, его по-быстрому грохнули, а он взял и помирился. Макс то и дело таких оживляет. Вернее, доказывает доверчивым зрителям, что данный персонаж и не умирал вовсе.

Моя бабка. Могла она не умереть, а просто всех развести? Лично я ее в гробу не видел. И отца на похоронах не было: он, когда извещение пришло, как раз в командировку уехал, в Швейцарию, мы с матерью ему сообщать до возвращения не стали. Мать ехать отказалась, у них с бабкой были свои заморочки, а я… Ну не люблю я мертвецов и похороны. А бабке по-любому уже все равно… так я тогда подумал.

Могла она вот так круто над нами подшутить? Подговорить соседей, почтальона?… Чисто практически оно возможно, пожалуй, но ведь у бабки никогда не было ни на полстолько чувства юмора!

…Тем временем бабка хозяйственно накрыла стол скатертью, повытаскивала из коморы самовар и груду чашек со стаканами. Черный кот терся о ее ноги. Бабкиного лица я отсюда не мог как следует разглядеть. Может, это вообще не она?

— Ульяна! Гостей принимаешь?

Голос был крайне мерзопакостный. Про такой говорят — замогильный.

— Иду-иду! — бабка засеменила к двери.

Скрип двери, и в хату ввалился старикашка, согнутый и худющий, на вид еще более мерзкий, чем по голосу. Бабка встретила его радушно, чуть на шее не повисла, провела за руку в центр комнаты, выдвинула стул на середину лунной сетки. Гость расположился основательно, нога на ногу, как у себя дома, и требовательно спросил:

— Чего не включаешь?

— Уже, — заторопилась бабка.

И как в прежние времена, тщательно прицелившись, щелкнула пультом.

Стало почти светло. Зазвучала диковатая музычка.

— Срамота, — удовлетворенно крякнул гость.

— Это все реклама, спасу от нее нет. Сейчас про инспектора Фареру будет.

Экрана мне с печки видно не было, да, если честно, не очень-то и хотелось. Старикашка довольно покачивался на стуле. Стул отбрасывал две тени: одну, еле заметную, от луны, и другую, почетче, от телевизора.

А бабкин гость — ни одной.

Лимит логических объяснений происходящему исчерпался, оставалось тихо ехать крышей. Я повыше подтянул к подбородку одеяло. Только не шевелиться. Если меня до сих пор не обнаружили, то, возможно, еще есть шанс… дожить до утра… Черт!

На музычку, уже другую, наложился дробный стук, словно

кто-то кончиками пальцев барабанил в стекло. Я скосил глаза к окну: с той стороны к нему прильнула бледная физиономия, окруженная длинными спутанными волосами. Барышня-русалка скреблась в раму коготками, вот сейчас она дотянется до форточки, рука, если надо, удлинится, покрываясь зеленью… где же я про это читал?!..

Впрочем, взламывать окно гостье не пришлось: бабка сама широко распахнула перед ней дверь, и барышня, врываясь, утробно защебетала:

— Баб Уль, я вовремя? Так бежала, так бежала… но еще реклама идет, да?

С ее волос, почти закрывавших лицо, частыми каплями стекала вода. Припомнился хит сельских триллеров двух-трехлетней давности: совсем молоденькая, закрутило в водоворот, и крикнуть не успела, на глазах у подружек… а может, и не она…

Я, кажется, вспомнил из классики, что именно меня спасет.

В двери ломились, оживленно болтая и гремя костями, распространяя амбре плесени и дохлых кошек, все новые и новые гости. Бабка суетилась, рассаживала, командовала телевизором и собравшимися — как всегда. Я зажмурился.

Это село, твердил я про себя.

Тут непременно ровно в четыре утра прокричит петух.

* * *

«Репортаж от истоков-2. Я бачив дивний сон…»

Перечитал и вытер. Во-первых, российские френды не поймут. Во-вторых, какой там, к чьей-то матери, сон. В-третьих, если писать по-приколу, все так и подумают, что я прикалываюсь.

А в-четвертых, какая мне сейчас польза от ЖЖ и френдов?!

Выходя со двора, я на всякий случай прицепил на калитку записку: мол, скоро буду, располагайтесь, ключ под ковриком. Неплохое руководство для грабителей, но что-то мне подсказывало: бабкину хату так просто не ограбишь. Телевизор же за полгода не вынесли — н-да, попробовали бы!.. Правда, ноутбук я все-таки захватил с собой.

Надо провести расследование. Соседи должны были что-то заметить. Если бы я вчера, вместо того чтобы тупо пялиться в ЖЖ и на дорогу, посидел с мужиками, меня б наверняка предупредили, что в хате нечисто.

Словечко, однако!

Вообще-то бабка после гостей прибрала. Мертвецы

проторчали у нее часа три, пересмотрев серию из полицейского детектива (мыльных опер после полуночи на ТВ не пускают), затем эстрадное шоу, а под конец, судя по звукоряду, жесткую порнуху. Старушки в платочках поверх голых черепов с элементами гниющей плоти плевались, отворачивались и скрипели по поводу нынешних нравов, а мумифицированным старичкам ничего, нравилось. После бабка без экивоков сообщила, что пора бы и расходиться, ей еще до петухов посуду надо вымыть. Юная утопленница вызвалась помочь, и в четыре мертвых руки они полностью замели следы ночной гулянки в прямом и переносном смыслах.

Под спасительный крик петуха я поклялся: первой же электричкой, не оглядываясь, и ноги моей больше… а потом заснул.

Но утром (или полдвенадцатого — не утро?) из зеркала над умывальником на меня глядел вполне черноволосый и жизнерадостный молодой человек. С опухшими красными глазами, но они всегда такие после ночи в инете, не привыкать. Оптимизм вернулся, и я уже не собирался за здорово живешь сдавать позиции.

Значит, следы.

Первым делом я проверил самовар и чашки: бабка предусмотрительно спрятала их в глубину коморы, но повытирать насухо не успела. Это раз. На раме с внешней стороны обнаружился длинный темный волос — это два. В сенях отметился кот, но с котом не все так просто, он мог оказаться и живым, их тут по селу немерено шастает.

Переходим к опросу свидетелей.

Мужики у соседского плетня, которые вчера звали меня посидеть, сегодня встретили хмуро. Обиделись, наверное.

— Дядь Коль, — я скромно пристроился рядом, прислонив к плетню ноутбук. — Ты вчера в моей хате ничего подозрительного не видел?

Мордатый пейзанин неприязненно обернулся:

— В твоей?

— Ну… в бабкиной.

— Так бы и казав, — встрял другой мужик. — На похорон не выбрався, а туды ж, хата…

— А шо я мог видеть? — бросил дядя Коля. — Як ты телек полночи крутил, людям спать не давал?

Я весь подтянулся, как пес в стойке:

— Значит, вы не спали? И видели, кто из хаты выходил?!

— Очень оно мне надо, с кем ты тусуешь.

Продвинутые нынче пейзане. Однако рассказывать ему, что

тусуюсь главным образом в ЖЖ, я не стал. Спросил:

— А раньше вы ничего такого не замечали? Чтобы телевизор всю ночь…

— Да крути ты, сколько хошь. Телек твой, хата твоя. Мужики хором хмыкнули.

— В мое отсутствие, — попытался я пояснить.

Дядя Коля медленно развернулся ко мне всем корпусом:

— Значит так, Серега. Твое отсутствие, твое присутствие — хрен разберешь. Вчера звали тебя, как человека, посидеть, поговорить… Оно тебе не надо. Ты людей вообще не замечаешь, вон не поздоровался даже. Покойницу Ульяну без тебя хоронили… Иди себе. Чемоданчик не забудь.

— Это ноутбук, — огрызнулся я.

* * *

Покойников бояться не надо, гласит народная мудрость. Бояться надо живых.

Эта мысль грела меня весь день. Особенно на пляже, где я вырубился на песочке под солнышком, а проснулся через несколько часов ярко-малиновый, словно аватарка femme_fatal. Хорошо, хоть ноутбук не сперли. Солнце приобрело тот же оттенок и грело уже меньше, равно как и оптимистическая мысль. Активизировались комары.

По дороге от речки домой я совсем было решил хватать рюкзак и сматываться в город последней электричкой. Времени до нее оставалось в обрез, я успел бы, если бы припустил бегом! Затормозила надежда на то, что, пока я спал, все-таки приехал кто-нибудь из френдов. Ага, два раза.

Вариант попроситься ночевать к соседям я отмел как несовместимый с мужской гордостью. А до полуночи еще надо было дожить, и я, естественно, полез в ЖЖ.

Френд-лента запестрела перед глазами, бесконечная, как ожидание кошмара. Next page. А там еще раз next… Ни одного поста, включая самые лаконичные, я не мог осилить настолько, чтобы постичь смысл. Ни разу не возникло желания заглянуть под кат или посмотреть комменты. Я вообще не мог въехать, как это люди тратят время и креатив на такую вот пургу.

Однако время шло к одиннадцати. Я слазал на печь и оборудовал себе там нычку, отогнув палаткой лоскутное одеяло: снизу смотрелось совсем незаметно. Поразмыслил и проковырял дырку, выпоров темный лоскуток. А затем принялся уничтожать следы своего пребывания здесь: если бабка вчера ничего не

заметила, это еще не дает гарантий на будущее. Спрятал под лавку рюкзак, вымыл, насухо вытер и сложил в комору посуду, убрал с окна подсохшие плавки. Ну, и главное — ноутбук.

Перед тем как отсоединить шнур, я не удержался, снова вошел в ЖЖ. В ленте прибавилась пара новых постов, таких же бессмысленных, как и все остальные. Впрочем, ленту я загрузил так, машинально.

«Френды! Огромная просьба ко всем. Если завтра до обеда меня не будет в ЖЖ, значит, пора поднимать шухер. Напоминаю: я в селе (ссылка на позавчерашний пост с адресом), и тут такое… Напишу завтра, если напишу».

Перечитал. Понравилось. Запостил и отключился от сети.

* * *

На этот раз бабка явилась не одна, а сразу в сопровождении нескольких трупов разной степени разложения. Балагуря и сплетничая, гости расселись по лавкам, а бабка засуетилась насчет самовара. Пока она хлопотала, подходили новые покойники, некоторые совсем свежие, не потерявшие человеческого облика. Я узнал пасечника, дядьку Тараса: получается, он тоже умер… жалко, хороший был дядька. Барышня-утопленница причесалась и открыла личико; честное слово, лучше б она этого не делала.

Публика требовала зрелищ, и тут выяснилось, что пропал пульт от телевизора. Начались бурные поиски. Мертвецы шарили под лавками (в том числе под той, куда я заныкал свой рюкзак!), приподнимали крышки сундуков, заглядывали в комору. Чей-то невероятно пакостный голос предложил посмотреть на печке…

Бояться покойников глупо, бояться надо живых, твердил, дрожа как осиновый лист, мой внутренний голос. Покойники — люди мирные, весь день лежат в земле и никого не трогают, по ночам вон телевизор смотрят, да я им и не нужен, я же не пультик…

— Вот он! — торжествующе воскликнула бабка.

Я съежился, влип в стену, свернулся в пиктограмму в углу монитора. Все!..

…Нагнулась и вытащила пульт из-под стола. Наверное, кот заныкал.

Зажегся экран, и все разом притихли, потому что инспектор Фарера уже допрашивал очередного подозреваемого. Классный он мужик, инспектор Фарера. Я бы его зафрендил, честное слово.

Порнуху сегодня выключили, победило старушечье лобби.

Недовольные скелеты и мумии мужского пола начали расходиться, а среди баб завязался душевный разговор.

— Все пьет-гуляет, охальник, а уже тридцатый год пошел, жениться пора, — сокрушалась старушенция с черными провалами глазниц (и как она ими телек смотрела?). — Уж я бы ему показала… царство ему земное!

— Твой хоть на глазах все время, — вздохнула другая (вышло как-то умозрительно).

— Не кажи, — вмешалась бабка. — Мой Сашко як поехал с отой лахудрой городской, так и с концами. Даже на похорон не пустила, сволота! И Сереженька, хлопчик, в городе чахнет, а тут же свежий воздух, речка, дытына б отдохнула…

Ага, усмехнулся я. С тобой, бабка, отдохнешь. Хоть с живой, хоть с мертвой.

И тут заорал петух.

* * *

Проснулся я после полудня, голова гудела, как с жестокого бодуна; честное слово, бессонные ночи перед сессией или в сети меня так не выбивают из колеи. Н-да, пытался размышлять я, сунув голову под умывальник. Покойники, разумеется, люди мирные, бояться их, конечно же, не стоит, но по-любому надо что-то с ними делать. Долго мне так не протянуть. Или я, или они.

Крутилась неопределенная мысль: я кому-то чегой-то обещал. Ага, вспомнил! Написать в ЖЖ. Что я пока живой.

На мой вчерашний пост нападало под сотню комментов. Я читал их, и на душе становилось теплее с каждым постом, с каждой ветвью дискуссии. Френды реально переживали. Френды расспрашивали друг друга, кто когда видел меня в последний раз (в ЖЖ и даже в реале), что я собирался делать, какие настроения высказывал; уточняли, во сколько у меня обычно обед; риторически кричали в бездну ЖЖ: «Серый, где ты? Что случилось?!»; начинали формировать опергруппу, чтобы ехать спасать меня в село… В реализацию последнего плана я, впрочем, не верил. Но все равно здорово, что у меня такие френды.

В конце концов, протянуть человеку потную руку в реале — далеко не единственный вариант дружеской помощи. Во многих ситуациях куда пользительнее ценный совет, информационная ссылка, креативный мозговой штурм, да просто поддержка и участие. Пожалуй, мой нынешний переплет — именно тот случай.

И я принялся ваять пост. Описал все, как было, повествовательно, словно поющий казах, без особых приколов и

фишек. Хотите — верьте, не хотите — ваши проблемы. Прошу помощи клуба.

Отставил ноутбук и пошел завтракать (обедать?) последней банкой консервов. Если вырисуется что-нибудь концептуальное — пойду сегодня в магазин. Если нет — на электричку. Хватит с меня ночей в компании мертвецов. Тем более что третья, писали классики, как правило, плохо заканчивается.

Пожевал и вернулся в ЖЖ.

Ну, отдельные личности, вроде _pofigist и krugerr, конечно, решили, что я прикалываюсь («ржунимагу»; «спасибо, Серый, смиялсо» и т. д.). Ну и фиг с ними. Svetusik радовалась, что со мной не случилось ничего плохого (это с какой стороны посмотреть). Mania_zolotaya интересовалась подробностями моих отношений с утопленницей (бр-р!). Max_genius просил разрешения использовать данную story в сценарии. Но большинство френдов подошли к вопросу если и не всерьез, то креативно. Greg_ накидал кучу ссылок на ресурсы по борьбе с зомби и носферату (я внимательно изучил). Vano разразился списком вумных советов на 72 пункта, из них некоторые (налопаться чеснока, обвешаться серебром и пригласить на пиво местного батюшку) я взял на вооружение. Многие девчонки (и даже femme_fatal!) обеспокоенным хором советовали уезжать. А malyshka_mu предложила вообще безбашенное: «А ты попробуй ее оживить».

В ее посте прыгал кэпслок — бывает, если ткнешь не глядя в клавишу; вернее, это я сразу так подумал. Потом перечитал:

«А ты попробуй ее вЖЖивить».

Внизу вилась, как мышиный хвост, длинная ветвь дискуссии. Я с интересом кликнул.

* * *

— Рано сегодня что-то, — недовольно проскрипел скелет с редкими седыми прядями по черепу.

— Может, лиса разбудила? — предположил покойник посвежее.

Завязался диспут, считать ли крик петуха легитимным или же плюнуть и гулять дальше. Последнее в мои планы не входило. Я выставил диктофон на начало, и петух убедительно кукарекнул снова. Расталкивая друг друга, мертвецы ломанулись в дверь, лишь бабка закрутилась вокруг своей оси: не могла ж она бросить хату неубранной.

Уже оставшись одна, спохватилась и выключила телевизор.

Тут я и подал с печки голос:

— Расслабься, ба, это не петух, это я.

Она задрала физиономию, от которой я предусмотрительно отвернулся: все-таки уже полгода.

— Сереженька! Сергийко! Хлопчику!

— Вот, приехал навестить, — сказал я, не слезая с печки. Спущусь чуть попозже, когда у бабки пройдет порыв прижать меня к груди, плюс, чего доброго, расцеловать.

С полчаса мы с бабкой грузились на тему последних новостей из нашей с отцом жизни (мамы разговор дипломатично не касался), моей учебы, здоровья и т д. и т. п. Бабка ни капельки не изменилась. Беседа перешла на ее собственные проблемы со здоровьем (ну-ну) и вытекающие отсюда трудности по хозяйству… Пора было срочно съезжать с темы. Так и не придумав плавного перевода стрелок куда мне надо, я попросту ляпнул в лоб:

— Бабка, а у тебя ЖЖ есть?

— Шо-шо? Яке «же»?

— Ну, ба, ты даешь. Как ты до сих пор живешь без живого журнала?

Н-да, сказанул так сказанул. Правда, бабка несоответствия не заметила, а всерьез забеспокоилась. Она не любила отставать от прогресса.

— Все нормальные люди давно вЖЖивились, — подбросил я дровишек.

— А шо оно таке? — сдалась бабка.

Я спокойно спустился с печки и подсоединил ноутбук с модемом. Бабка пристроилась у меня за спиной; запашок от нее шел еще тот, да и от могильного холода пробирало до костей, но я держался. Действительно, не бояться же родной бабули, пускай и покойницы. Я вошел в ЖЖ и принялся разъяснять ей преимущества этого мощнейшего информационного ресурса, средства массовой коммуникации, инструмента самопиара, зоны релакса… короче, ЖЖизни.

Бабка кивала: она любила непонятные слова и велась на них, как маленькая, всю жизнь — да и после смерти, как выяснилось, не перестала. На нее произвело впечатление количество моих френдов, особенно взаимных. И совершенно умилил козел Фрэнк.

— Ну что, ба, открываем бесплатный аккаунт?

— Бесплатный?!

Она не поверила своему счастью.

Затруднение, как и у большинства начинающих ЖЖ-юзеров, вызвал подбор имени. Оказалось, и babka, и _babka, и babka_, и даже _babka_ уже кем-то заняты. Я уже хотел попробовать

радикальный вариант с нижним подчеркиванием через каждую букву, как вдруг бабка взбунтовалась и заявила, что при всем честном народе хочет именоваться Ульяной Анатольевной. Ulyana_anatolievna — кроме шуток, кто-нибудь зафрендит такого юзера? А если авторизироваться с чужого компа?

Для очистки совести ввел ulyana, uliana и так далее — занято, хоть ты тресни! Начал извращаться. Babka_u в ЖЖ и то имелась! А вот u_babka оказалась свободна. С чем я бабку и поздравил. Она не отпиралась, поскольку уже нервничала, что бесплатного ЖЖ ей не достанется.

Наконец я торжественно открыл ей окно для первого поста. Бабка, как и любой на ее месте, засмущалась:

— А шо писать-то, Сережа?

— Все, что хочешь. Ладно, ты думай, я пока у себя кой-чего хочу запостить.

Зашел в свой ЖЖ и отстучал:

«Всем-всем-всем! Срочно френдим юзера u_babka!!!»

* * *

Когда на следующую ночь бабка заявилась в хату, брехунец к исполнению гимна еще не приступил. Время — категория относительная, я всегда подозревал.

Бабка хозяйственно оттеснила меня от компа и нырнула в ЖЖ. Комментов к ее первому посту должно было нападать немерено: я верил в солидарность своих (теперь и ее) френдов. Кроме того, u_babka располагала немаленькой, страниц на пять-шесть, френд-лентой.

Некоторое время я следил, как она внимательно вчитывается в чужие посты, как азартно отстукивает ответы, бормоча себе под нос, проверяет каждый раз, добавился ли коммент, а через пару минут возвращается посмотреть, не появился ли ответ (надо будет бабке еще почту завести, чтобы коммы в ящик падали, решил я). Занятие до первых петухов ей было обеспечено. Уж кто-кто, а я не понаслышке знаю, что такое ЖЖизнь.

В дверь и в окно некоторое время скреблись, стучались, звали замогильными голосами. Фиг вам: бабка ничего в упор не слышала, а насчет засовов и шпингалетов изнутри я позаботился лично. В конце концов мертвецы обломались и постепенно разошлись.

А я, напомнив бабке, как выходить из сети и выключать комп, отправился спать. И впервые за последние дни выспался, как нормальный человек, на отвлекаясь ни на каких петухов.

С утра я встал бодрый, настроенный оптимистически, как никогда. Ноутбук бабка выключила грамотно, она у меня вообще продвинутая, я уже, кажется, говорил. Глянул в почту: на мой вчерашний пост нападало еще несколько комментов. Причем один — от u_babka. С него то я и начал.

«Сереженька, — писала моя новая френдесса. — Ото дерево с краю, сливу старую с развилкой, спилить надо и на дрова порубать. В огороде ничего не посажено, то и добре, хай земля отдохнет, ты грядочки ровненько вскопай. И плетень покосился, перед соседями стыдно.

Звыняй за офф-топ».

Я прожил в селе целый месяц, как и планировал. С утра выполнял бабкины хозяйственные указания (в том порядке и ритме, как сам хотел, вот!), после обеда зависал на речке, ходил на рыбалку и по грибы и время от времени напоминал френдам, до чего же мне здесь хорошо. Френды сдержанно завидовали.

Зато бабка висела в ЖЖ фанатично, от полуночи до первых петухов. Рейтинг u_babka стремительно рос, комменты к ее постам зашкаливали, а по количеству взаимных френдов она меня вскоре и догнала, и перегнала. Я и сам читал ее в ленте не без интереса, часто присоединяясь к флейму. Все-таки потусторонний взгляд на мир — это нечто.

А ночью я спал, и мне не мешали никакие покойники. Бабка с котом — не в счет.

Перед отъездом пришлось, уступив жесткому давлению, оставить ей ноутбук (бабка — монстр, я говорил или нет?). Теперь хожу в ЖЖ с отцовского компа, из универа или из интернет-кафе. ЖЖизнь по-прежнему бурлит, у меня появилось немало новых классных френдов. Вот, например, utoplena — потрясающая барышня, такое постит, что закачаешься!.. И юзерпик у нее супер, причем фотка, похоже, настоящая, только лица не видно, волосы закрывают.

Сейчас чего-нибудь наваяем, оптимистичное и жизнеутверждающее:

«Дорогие френды…»

Карина Шаинян
ЗЕЛЕНЫЙ ПАЛЕЦ

Зимняя темнота не действовала на папоротник: он снова выпустил несколько свежих завитков, покрытых серебристым пухом. Оливия запустила руку в сплетение ветвей, потрогала землю — суховата; потянулась за кувшином. Его стеклянные стенки покрылись зеленым налетом, и за ним колыхались пушистые нити. Муть раздражала, но в глубине души Оливии нравилось, что даже в воде, отстаивающейся для поливки, что-то растет. Каждый раз, наполняя кувшины, она опасалась, что хлорка из-под крана убьет водоросли, но они только разрастались.

Что-то мешало воде литься. Оливия наклонила кувшин сильнее, и в горшок обрушился маленький водопадик. Она опасливо склонилась над цветком. В сухих листьях билась, быстро покрываясь землей, крошечная рыбка. Набравшись храбрости, Оливия двумя пальцами схватила скользкое тельце.

Рыбка извивалась, пытаясь вырваться, и едва не выскользнула, когда Оливия, не разжимая руки, опустила ее в воду. Грязь смылась, открыв радужную полоску на боку, круглый желтый глаз, прозрачные плавнички — присмотревшись, Оливия узнала аквариумную тетру.

С растерянной улыбкой она запустила рыбку обратно в кувшин. Тетра вильнула хвостом и скрылась в мутной воде.

Оливия даже не помнила, с чего все началось. С отростка хлорофитума, принесенного подругой. С косточки авокадо, зарытой в землю и проклюнувшейся жирным гладким ростком, который очень быстро превратился в деревце с крупными, голубоватыми с изнанки листьями. С кактуса-подкидыша, подобранного в подъезде… Под руками Оливии все росло и расцветало, бурно и необъяснимо. Вскоре ее знали все садоводы города. Как только таял снег, телефон начинал разрываться от звонков. Стоило ей дотронуться здесь, поправить там, посадить пару кустов — дальше шло само. Поначалу Оливия смущалась, говоря, что у нее нет никаких особых знаний и умений, но в конце концов покорилась и прикрыла свой странный дар скромным словечком «озеленитель», аккуратно напечатанным на визитке.

Ко всем этим будничным клумбам, живым изгородям и альпийским горкам она относилась с ласковой насмешкой и радовалась, когда наступала зима, и поток работы в чужих садах иссякал. Каждое утро Оливия просыпалась все позже, наслаждаясь тем, что никуда не надо идти и почти никто не тревожит ее. Друзья уезжали из города на рождественские каникулы. Звали Оливию, но она не соглашалась. «Мне не на кого оставить цветы», — объясняла она. Друзья возражали — мол, можно что-нибудь придумать, договориться… «Да, но…» — отвечала Оливия, придумывая причины все изощреннее. «Это превращается в манию», — говорили ей, но Оливия только тихо улыбалась в ответ. Ехать никуда не хотелось. Ей холодно было выходить на улицу. Оливии хотелось в джунгли, а джунгли были дома.

Темноватая квартира заполнялась все новыми и новыми горшками, и Оливия целыми днями бродила среди зарослей с кувшинами и лейками, подрезала, подвязывала, подливала подкормку, а чаще просто любовалась, предвкушая мелкие чудеса: свежий росток, невесть как забредшего в куст паучка, новый бутон, пушистую кисть орхидеи, источающую запах карамели.

«Мои джунгли», — говорила Оливия редким гостям. «Зимы не

будет», — утверждала она, блуждая в зарослях. Иногда она запускала в сухую листву, прикрывавшую землю, резиновую, но очень похожую на настоящую змейку. Иногда, не удержавшись и не замечая настороженных взглядов, врала знакомым про попугая, поселившегося в безымянной лиане, про мелькнувшего ночью мотылька, про услышанное однажды мяуканье, — веселая чепуха, невинное развлечение.

И вот — аквариумная тетра. Амазонская тетра… Оливия всмотрелась в мутноватую воду и нервно рассмеялась. Забарабанило по окну

— на улице мело, и злой ветер швырял в стекло горсти снега. Но здесь, внутри, стояла влажная жара, по окну стекали крупные капли, и в них отражалась зелень листвы. Оливия провела пальцем по стеклу, и капли соединились в ручеек. «Зимы не будет», — прошептала Оливия. Из комнаты послышалось хлопанье птичьих крыльев. «Голубь возится снаружи на подоконнике, — объяснила себе Оливия. — Просто замерзший голубь».

Вечерами она выключала верхний свет и с ногами забиралась в кресло. Третий год шел дождь над Макондо, книжка выскальзывала из вялых рук, и торшер отбрасывал на потолок резные лиственные тени. Оливия вспоминала котенка, который был у нее в детстве. Настоящего котенка, однажды оказавшегося вдруг на месте любимого плюшевого, маленькое непрошеное чудовище, наверняка подсунутое родителями — хотя, кто знает? Они ведь так и не признались. Вновь подступал радостный ужас, и Оливия, спасаясь от страха и разочарования, снова и снова говорила себе: ничего необычного. Школьникам дарят рыбок, школьники ленятся за ними ухаживать — помнишь, как ты не хотела возиться с котенком? Рыбки надоедают, и дети спускают их в канализацию (и перепуганные взрослые тоже, добавлял ехидный голосок). А оттуда они запросто могли попасть в водопровод. Как? Не знаю, пожимала плечами Оливия; наверняка очень просто: вспомни, какая гадость льется иногда из крана. Или розыгрыш. Розыгрыш! Сестра вечно посмеивалась над ее выдумками. Теперь Оливия припоминала, что Алекс как-то особенно хитро улыбалась перед уходом; а ведь была в гостях совсем недавно. Оливия сердито хмурилась. Нет уж, она не станет звонить: пусть сестрица думает, что шутка не удалась.

В окно барабанил тропический дождь, и в мгновения тишины между ударами капель был слышен тихий шорох. Оливия знала, что это растут цветы. В последнее время они множились особенно бурно, и стоило прикоснуться к любому побегу, как он начинал

тянуться и ветвиться, набухая липкими почками. «Амазонская тетра, надо же, — думала Оливия, — славная шутка». Плюшевый котенок вдруг становился теплым и гибким, беззвучно разевал розовую пасть, полную зубов-иголочек, и выворачивался из рук. «Я же играла, — говорила Оливия, — я просто играла». Но не знала — верит ли себе. Она задремывала и через опущенные ресницы видела тучи желтых бабочек, круживших над влажными листьями бегоний.

Несколько дней спустя ясным утром, полным ледяного золотистого света, Оливия увидела, что стена на кухне покрылась паутиной трещинок. Штукатурка осыпалась, обнажив рыжий кирпич. Сквозь проплешины пробивались толстые белесые нити. Они тошнотворно колыхались на сквозняке и на первый взгляд казались червями — живыми и извивающимися. Оливия долго смотрела на них, будто загипнотизированная, а потом в ужасе бросилась в комнату.

В углу у окна, вплотную придвинутый к стене, стоял гигантский прямоугольный горшок с бугенвиллеей — багровое облако цветов на мощных узловатых побегах. Оливия раздвинула стебли и всмотрелась в заросли. Земли почти не осталось — все пространство занимали плотно переплетенные корни. Обожженная глина горшка давно раскрошилась под их напором, и корни впились в стены, взламывая кирпич.

На плечи посыпались малиновые лепестки, защекотало в носу. Оливия выбралась наружу. На пальцах осталась сухая пыль — Оливия машинально потянулась к кувшину с отстоявшейся водой. Задумчиво покачала его, глядя, как колышется зеленая пленка на поверхности. «Сломанная стена — страшно, но объяснимо», — сказала она себе. Это не рыбка («Розыгрыш!» — испуганно закричала внутри Оливия Разумная). От бугенвиллеи придется избавиться — жаль, но ничего не поделаешь: не позволять же растению разрушать дом. Оливия со вздохом взглянула на пышную шапку цветов, наклонилась, чтобы поставить кувшин на пол, и замерла.

Стена под подоконником раскололась, и сквозь трещину с улицы пробивался мягкий зеленоватый свет. Оттуда тянуло влажным, прелым жаром — скользкой палой листвой, синими поганками на гигантском гниющем бревне, мясистыми цветами с гладкой, восковой сердцевиной. Парная тишина взорвалась хлопаньем крыльев и хриплым птичьим воплем. Пол качнулся и медленно ушел из-под ног.

Телефон был усыпан сухими листьями. Оливия вдруг поняла,

что он молчит уже неделю — с тех пор как в кувшине нашлась тетра. Будто очнувшись, она оглядела комнату. В зеленом полумраке пахло сыростью и плесенью, потолок и стены покрывали разводы, и пол был усеян опавшими листьями и комочками земли.

Она смахнула с телефона мусор и сняла трубку.

— Бугенвиллея сломала стену на улицу, и теперь мне страшно, — говорила Оливия автоответчику, набрав очередной номер. — В стене щель, и из нее пахнет джунглями.

Сестре она позвонила последней.

— Ты совсем заигралась, — тревожно ответила та, и тогда Оливия рассказала про рыбку.

— Я принесла ее в пакете с водой, — сказала Алекс, — извини.

— Мне придется избавиться от растений, — сказала Оливия.

— Достаточно выкорчевать этот здоровенный куст. Жалко, конечно, но…

— Нет. Ото всех, — тихо ответила Оливия. — Ото всех. Мне страшно.

— Глупо. Но как хочешь, — сестра помолчала и добавила: — Может, оно и к лучшему.

Оливия осторожно положила трубку и прикусила губу, чтобы не заплакать. Ни выкинуть, ни тем более выкорчевать свои джунгли она не могла — не поднималась рука, и Оливия решила просто засушить их. «Дождь кончился, — сказала она себе. — Дождь кончился, небо очистилось; хватит сходить с ума».

Она методично обошла квартиру, собирая пластиковые бутылки, лейки и любимые стеклянные кувшины. Отстоявшуюся воду выливала в раковину — из одного сосуда выскользнула еще одна тетра и судорожно забилась на дне. Оливия, брезгливо кривясь, ногтем подтолкнула ее к сливному отверстию. Она драила стекло металлической мочалкой, пока на кувшинах не осталось и следа водорослей. Запихала лейки и ведра в самый дальний угол стенного шкафа.

Сгребла в пакет пузыри и пакеты с удобрениями и вывалила в мусоропровод. Еще раз обошла квартиру. Схватилась было за пылесос, но махнула рукой: все равно скоро все засыплет сухими листьями. Оливия забилась в кресло и, стараясь не смотреть на растения, долго слушала удары капель и шорохи между ними: цветы допивали последнюю в своей жизни воду.

Она проснулась от жажды. На кухне нашлись лишь остатки минералки — пара глотков, которые едва смочили пересохший рот. Оливия провела языком по шершавым губам и открыла кран.

Она гулко глотала, давясь и обливаясь; вода холодным шаром прокатывалась по горлу и падала в желудок тяжелым комом. От воды несло хлоркой и металлом, но Оливия смогла остановиться, только почувствовав, как раздулся живот.

Она оглядела батарею пустых пластиковых бутылок. Прозрачный голубоватый пластик напоминал о горных озерах, полных вкусной воды. Бутылок собралось много. Неестественно много — столько не могло накопиться за какие-то три дня, и все же… Всего три дня, как она решила избавиться от растений; всего три дня, как страх зайти слишком далеко, всегда таившийся в глубине души, стал зримым и осязаемым. Но новые звуки уже наполняли квартиру — сухое потрескивание, тихие щелчки, песчаный шелест, колкое старческое покашливание.

Ее джунгли умирали. Это было невозможно, неправильно — иногда Оливия не поливала растения и по неделе, и с ними ничего не случалось, но сейчас джунгли погибали. Зелень сменили оттенки коричневого. Мясистые листья тигровой бромелии сделались болезненно-белесыми, почти прозрачными. Папоротник осыпался ржавым кружевом. Все стало ломким и хрупким, и каждый шаг, малейшее сотрясение воздуха приносили новые разрушения.

Оливия подошла к подоконнику — и с шорохом упал еще один лист. Она провела пальцем по стволу граната, покрытому клочьями отслоившейся коры. Оторвала сухой побег, смяла. Стебель рассыпался в скрипучую пыль. Хотелось заплакать — но слезы не шли, лишь резало глаза, до боли сводило горло и опять страшно хотелось пить.

Вновь наглотавшись из-под крана, Оливия набрала воды в пустую бутылку — вкус тот же, но хоть на вид приятнее. Звонок в дверь застал врасплох — Оливия вздрогнула всем телом и застыла. Открывать не хотелось — казалось, за дверью поджидают чужаки, которые будут всюду совать свой нос, не понимая, что засуха — только ее дело, ее и растений, и больше никого не касается. Будут задавать дурацкие вопросы, как тогда — с котенком. Тот тоже был… слишком живой, но никто этого не понимал, никто, кроме Оливии.

Она уже решила сделать вид, что ее нет дома, когда вспомнила о визите сестры. Сама попросила прийти — и едва не оставила на пороге. Обтерев испачканные древесной трухой пальцы о джинсы и не выпуская из рук бутылку, Оливия пошла открывать.

— Жалко, — сказала Алекс, оглядевшись. — Может, все-таки не стоило так резко?

— Нет уж, хватит, — Оливия отхлебнула воды, тщательно завинтила крышку. — Ты сама говорила, что я заигралась. Больше никаких растений. Вообще никаких. Ни дома, ни в садах… хватит.

— И что ты теперь будешь делать? Оливия пожала плечами.

— Понятия не имею, — сказала она. — Я не просила этого умения, я его не хочу, — подбородок Оливии затрясся, но глаза остались сухими. Она судорожно вздохнула и сжала губы. — Пойдем чаю попьем, — подтолкнула она сестру.

Алекс мрачно смотрела, как Оливия возится с чашками. С сестрой явно творилось что-то неладное. Скулы, будто обтянутые пергаментом, растрескавшиеся воспаленные губы, тусклые волосы, руки, похожие на птичьи лапки… Оливия нажала на кнопку чайника, опять жадно глотнула минералки. Алекс не выдержала.

— Не нравится мне, как ты выглядишь, — сказала она. — И пьешь все время. Ты не заболела случайно?

— Нет.

— Уверена? С тобой явно что-то не то. Может, сходишь…

— Нет! — Оливия сжала руки, выдохнула. — Со мной все в порядке.

Они помолчали, настороженно поглядывая друг на друга. Потом Оливия тихо заговорила, опустив глаза:

— Я все думаю про эту дырку в стене… Я ведь могла бы просто подглядывать, правда? Ведь если ты выходишь на балкон — это не значит, что надо обязательно с него прыгать?

— Что за чушь ты несешь… — Алекс повертела в руках ложечку. — Покажи-ка мне эту дырку. Выдумываешь бог знает что…

— Я ее заделала. Мне показалось, что она становится шире, и я ее заделала.

Они вернулись в комнату. Оливия с натугой отвела в сторону стебли бугенвиллеи, и Алекс расчихалась от сухой пыли и листвяной трухи. Вытирая заслезившиеся глаза, она нагнулась и заглянула под подоконник. Белесый нарост, покрытый сеткой трещин, сначала показался ей огромным уродливым грибом-трутовиком, и она вздрогнула. Но иллюзия быстро рассеялась; присмотревшись, Алекс поняла, что это цемент, грубо нашлепанный прямо поверх обоев. По краям он был темнее — видимо, Оливия добавляла все новые слои.

— Он постоянно отходит, как будто что-то давит с той стороны, и приходится заново замазывать края, — объяснила Оливия.

— Может, просто усыхает и сжимается?

— Может быть, — недоверчиво пожала плечами Оливия.

По ночам Оливии снилось, что ее джунгли все еще живы. Джунгли хотели пить. Они просили. Они требовали — и за ними чудились другие, тонны и тонны зелени, густое органическое варево. Это были лишь тени — но тени, готовые вырвать право на существование любой ценой. Им не было дела до Оливии — она лишь служила дверью, через которую жадно ломилась буйная, всепоглощающая, чуждая жизнь. Этот бурлящий, горячий поток норовил вырваться на нее и сквозь нее — и Оливия с криком просыпалась.

Снова наваливалась жажда, впивалась в стянувшуюся кожу тысячей иголочек, песком пробиралась под веки. Оливия нашаривала в темноте воду и, с трудом разлепив спекшиеся, потрескавшиеся губы, пила, стараясь не смотреть на окно — из-под подоконника пробивалось зеленоватое свечение, и уродливая цементная нашлепка отбрасывала на стену черную тень, похожую на бездонный колодец. «Это продолжение сна», — уговаривала себя Оливия, глотая, обливаясь и чувствуя, как вода прохладными струйками стекает по груди. Она на ощупь возвращала бутылку на тумбочку, обессиленно роняла голову на подушку и тут же отключалась, проваливаясь все в тот же сон.

В одну из таких ночей Оливия забыла проснуться.

Утром она увидела, что цемент под подоконником снова осыпался по краям, и лучи, пробивавшиеся из щели, стали как будто сильнее. Они примешивались к свету ночника, приглушали его, сплетались в зеленую сеть, сгущая воздух. Зрение Оливии словно раздвоилось: она одновременно видела усохшие стебли, побеги, рассыпающиеся ржавой трухой, пыльные горшки — и призрачную листву, глянцевито поблескивающую в темноте зимнего утра. Моргая и потирая глаза, Оливия включила люстру, но яркое электричество не рассеяло тени — наоборот, они сгущались, становились зримее, и уже можно было различить узор фиолетовых жилок на листе, колонну муравьев-листорезов, деловито шагающих по гладкой белой коре, мелькнувшую в ветвях древовидного папоротника разноцветную птицу, пеструю мышь, выскочившую из-под ног. Воздух гудел от насекомых, где-то рядом застрекотала цикада. Все еще призрачные, полупрозрачные джунгли напряженно ждали, когда Оливия придаст им плоть.

— Ну уж нет, — сказала Оливия. Шарахнулась от эфемерного геккона, суетливо пробежавшего по стене. — Надо проснуться, — велела она себе. Ресницы слипались, под веками щипало, и очень хотелось зажмуриться, но закрыть глаза было страшно.

Стараясь не задевать засохшие кусты, Оливия проскользнула в ванную и задвинула защелку, радуясь, что так и не собралась поставить там пару кустов попышнее и лампы дневного света, как хотела когда-то. Ванная одна во всей квартире была чиста, пуста, стерильна. Здесь не было ни призраков, ни мертвецов. Здесь пахло шампунем и стиральным порошком. Столик вокруг раковины был уставлен баночками и тюбиками с увлажняющим кремами. Уже привычно напившись из-под крана и умывшись, Оливия наугад открыла один из тюбиков и намазала лицо, заранее зная, что это не поможет. Присела на край ванны и уставилась на дверь, будто ожидая, что та сейчас распахнется.

— Надо проснуться, — повторила Оливия.

Она стянула с себя одежду и встала под душ. Трубы зарокотали, но не пролили ни капли. Оливия удивленно подняла голову, и в этот момент душ, натужно всхлипнув, выплюнул ей в лицо струйку воды настолько мутной, что она больше походила на жидкую грязь. Заорав, Оливия шарахнулась, поскользнулась и растянулась в ванне, одной рукой пытаясь протереть глаза, а другой — дотянуться до крана. Упавший душ вертелся и извивался, то и дело обдавая Оливию красными густыми струями, но в конце концов ей удалось перекрыть воду. Оливия осела и разрыдалась, размазывая по груди грязь. Кое-как вытерла лицо, разлепила веки. Сток с протяжным хлюпом втянул в себя остатки влаги. На дне ванны остался слой жирного ила. В нем плавали прелые листья и копошились головастики, темные и глянцевитые, будто шоколадные конфеты. Взвизгнув, Оливия одним прыжком вылетела из ванны и распахнула дверь.

— Да оставьте же меня в покое! — заорала она.

Квартира встретила ее настороженной тишиной и глухим стуком невидимых капель. Вокруг шептались тени. Под ногами хрустела опавшая листва, сухие веточки кололи ступни. Оливия медленно прошла в комнату. Бугенвиллея в багровой пене цветов вновь загораживала стену, но заглядывать под подоконник не пришлось. Сумрачные зеленые лучи, лившиеся из-под окна, наконец взломали стену. Цементная нашлепка беззвучно взорвалась облачком пыли; доска подоконника медленно приподнялась и рухнула на пол, на глазах рассыпаясь в труху. Рама стремительно темнела; краска как будто растворилась, и стало видно дерево, источенное причудливыми ходами жуков-древоточцев. Стекло вдруг помутнело, рассыпалось в водяную взвесь и ручьем пролилось под ноги Оливии. В оконный проем медленно вползло щупальце лианы. Джунгли стояли на пороге.

Оливия отступила. Резкая боль пронзила косточку на лодыжке, загремела перевернутая ведерная алюминиевая лейка,

до сих пор надежно спрятанная в шкафу. Рука сама потянулась к изогнутой ручке, но Оливия, стиснув кулаки и прикусив губу, снова шагнула назад.

— Я не хочу! — прошептала она, нашаривая взглядом хоть какую-нибудь одежду. Издалека донесся глухой рокот. Босые ноги заскользили по полу, усыпанному листьями — но уже не сухими, а влажными, мягкими, почти черными, перемешанными с землей. Оливия опустила глаза и почувствовала, как дыбом поднимаются волоски на позвоночнике: в перегное, покрывшем паркет, четко виднелся след огромной кошки. Легкий мускусный душок скользнул в воздухе и растворился в запахе грибов.

— Явился, — хихикнула Оливия и медленно выпрямилась во весь рост.

Заросли лиан раздвинулись. Сочно хрупнул под тяжелой лапой стебель бегонии. Заструилось в полумраке пестрое золото меха, и лиственные тени пролились на шкуру черными кольцами. Ягуар прогнулся, припал к полу вислым мохнатым брюхом. Разинул клыкастую пасть, показав пунцовое, в темных пятнышках нёбо, похожее на лепесток орхидеи. Прищуренные глаза распахнулись, обдав Оливию фосфорическим пламенем. Она улыбнулась и шагнула навстречу.

Никто не знает, что увидела Оливия в глазах ягуара. Известно лишь, что вскоре в квартире этажом ниже сосед раздраженно свернул газету и прислушался к доносящимся сверху звукам. Там лили воду, с дробным громом швырялись пустыми ведрами, били посуду, истерически всхлипывали и орали голосами, лишь отдаленно похожими на человеческие. Грохот стоял невыносимый, и сосед сердито посмотрел на часы.

— Что-то садовница сегодня разбуянилась.

— Гости? — предположила его жена. — Нет, вряд ли. Может, уборку затеяла?

Снова грохот и плеск, как будто кто-то опрокинул целую цистерну воды, и металлическое громыхание. Потом вдруг все затихло, остался лишь неясный фон, тревожный шорох и жужжание на грани восприятия, и только прислушавшись, можно было различить шум льющейся из кранов воды и торопливое шлепанье босых ног. Потом душераздирающе заорал попугай; в ответ раздался стремительный стрекот, прерываемый звонкими щелчками. Явственно процокали маленькие копыта, кто-то с шумным хрюканьем заелозил по полу и взвизгнул, когда фырканье заглушил громовой рев.

— Да что у нее там, зверинец, что ли! — соседка страдальчески закатила глаза и подскочила. — Что за черт! Нас

заливает!

Потолок сочился мутной водой. Густые капли набухали на потемневшей штукатурке, и вот первая шлепнулась на скатерть и впиталась, оставив на светлой ткани налет красноватого ила. Побагровев от ярости, соседка бросилась к телефону.

Она набрала номер Оливии, выждала несколько гудков и бросила трубку. Высунулась на площадку, — муж, отчаявшись звонить, уже грохотал в дверь кулаками. Вздохнув, она вернулась на кухню и с ужасом поглядела на потолок. От побелки не осталось и следа; разбухшая штукатурка растрескалась, и из щелей свисали какие-то коричневые и зеленые веревки. Среди них, растопырив прозрачные пальцы-присоски, застыла крошечная лягушка с удивленной физиономией. Перекрестившись, соседка отступила к телефону и принялась судорожно листать блокнот, радуясь, что когда-то Оливия оставила на всякий случай номер своей сестры.

Когда подоспевшая Алекс открыла дверь, ей навстречу выпорхнула стая бледных мотыльков и осыпалась на плиты лестничной клетки, не выдержав холода. Побеги уже заполонили вход в комнату, цеплялись тонкими усиками за стены и выплескивались на пол в коридоре. В нос ударил горячий запах мха и перегноя; из комнаты в подъезд повалил пар и осел на лицах мельчайшими каплями.

— Да она совсем свихнулась, — проворчал сосед, заглядывая через плечо Алекс. Отстранив девушку, он брезгливо раздвинул мокрую листву и встал на пороге комнаты, почесывая в затылке. Алекс приподнялась на цыпочки, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь из-за широкой спины, но увидела лишь мокро блестящую, колеблющуюся листву. Она окликнула Оливию, уже не надеясь на ответ. Что-то влажно шлепнулось на пол, сосед шумно втянул воздух и отступил, едва не сбив Алекс. Под ногами, тошнотворно колыхая бахромчатыми краями, стремительно проскользнула огромная плоская многоножка и забилась под плинтус.

— Вроде перестало лить, — деловито крикнули снизу.

— Ну вот и славно, — с явным облегчением откликнулся сосед и поспешно вышел из квартиры.

Оставшись одна, Алекс сделала несколько робких шагов в глубь комнаты. Споткнулась о толстый корень, жадно впившийся в скрытый под листьями и грязью паркет, и остановилась. Джунгли подступили со всех сторон; Алекс оглянулась, и прихожая, еще не заполоненная растительностью, показалась ей страшно далекой. Противоположной стены не было видно — лишь на месте окна в листве виднелся просвет, обрамленный

трухлявыми, поросшими мхом стволами. От теплой земли поднимались струйки испарений, вились вокруг деревьев и растворялись в лучах зеленоватого света, лившегося с потолка. Алекс еще раз окликнула сестру, но собственный голос показался ей глухим и едва слышным, будто она говорила в мокрую, теплую вату. Тонко чирикнула какая-то пичуга; будто в ответ, откуда-то донесся раскатистый рев. Под ногами зашуршало, и Алекс, всхлипнув, бросилась прочь.

На пороге она оглянулась и сквозь прелый туман, сквозь густую листву увидела, как на прогалину вышла Оливия с огромной лейкой в руке. Алекс едва узнала ее — голую, перепачканную, с ветками и травой, запутавшимися в волосах. Она застыла, прижав ладонь к губам.

Оливия заметила сестру. Приостановившись, она грустно улыбнулась и пожала плечами.

— Наверное, я могла просто подглядывать, — сказала она, будто продолжая старый разговор.

— Ты и сейчас…

— Поздно, — Оливия смотрела на буйствующие вокруг нее джунгли. На ее лице мешались страх, досада и облегчение. Она махнула сестре рукой и беззвучно бросила на мягкий перегной ненужную уже лейку. Издалека снова донесся рев; в нем слышалось торжество.

Больше не оглядываясь, Оливия шагнула в проем бывшего окна и тотчас растворилась во влажном зеленом полумраке, где никогда не бывает зимы.

Алекс тщательно закрыла квартиру. Постояла, прислонившись к двери и прислушиваясь к звукам за ней — влажный шорох, хлопанье крыльев, нервный вскрик мартышки. На всякий случай еще раз потрогала ручку, убеждаясь, что замок крепко заперт, и начала медленно спускаться по лестнице.

Эстер Фриснер
ПО ЭТИМ ЦЕНАМ

По мнению Биксби, момент был выбран на редкость удачно. С такой мыслью он энергично постучал в дверь одного из номеров отеля «Тернан».

Вероятно, много времени это не займет.

«Я только сообщу мисс Франклин, что остальные гости жалуются на кошмарный шум, не прекращающийся с восьми утра. Она, вне всякого сомнения, будет счастлива устранить причину», — думал Биксби.

Откуда-то из-за двери донесся чудовищный скрип пружин, сопровождаемый враждебно-раздраженным восклицанием:

— Ну, что там еще?!

Неужели он ошибся?

Биксби постучал снова, на этот раз уже настойчивее, но добился только очередного вопроса:

— Кто там?

Судя по тону, далее последует приказ немедленно убираться.

Но это, разумеется, не выход, тем более, что на карту поставлен покой остальных постояльцев отеля.

Он постучал в третий раз и деловитым, не допускающим возражений голосом объявил:

— Администрация, мэм.

Последовало минутное колебание.

— Входите.

Биксби помедлил ровно столько, чтобы поглядеться в карманное зеркальце, которое всегда носил с собой. Ему предстало радующее глаз отражение дородного, респектабельного, круглолицего, краснощекого и темноглазого джентльмена лет пятидесяти.

И дело было не в тщеславии. Политика отеля «Тернан» диктовала: внешность имеет огромное значение, особенно при личных встречах с постояльцами.

Посчитав, что его внешность сделает честь любимому хозяину, Биксби сунул зеркальце в карман, вставил в замок универсальный ключ и вошел в комнату.

И был немедленно вознагражден видом мисс Беллы Франклин в потрепанном голубом халате, ночной сорочке и пушистых шлепанцах с кроличьими ушками. Леди всем телом навалилась на большой открытый чемодан, валявшийся на кровати.

Биксби хватило одного взгляда, чтобы понять смысл происходящего. Очевидно, леди сражается с упрямыми, неподатливыми или заевшими замками, используя при этом каждый прием из руководства для закаленного в подобных битвах упаковщика багажа.

Наконец она выкатила пушки главного калибра, яростно налегая на чемодан, в результате чего матрац и пружины стали издавать ужасающую серенаду романтической встречи потерявших голову любовников. Похоже, у постоялицы совершенно не было настроения принимать нежданных гостей, но ничего не поделаешь: ему нужно выполнять свою работу, причем в темпе! Время идет, а некоторые вещи не могут, не *смеют* ждать!

— Доброе утро, мэм. Меня зовут Биксби, — представился он, постучав по серебряному именному бейджу, приколотому к лацкану аккуратного серого пиджака. — Сегодня утром на телефон портье поступило четыре звонка относительно чрезмерно высокого уровня шума, доносящегося из этого номера. Я пришел справиться, не могу ли чем-то помочь, чтобы разрешить ситуацию к удовлетворению наших уважаемых гостей.

— Подразумеваете, что вы именно тот, за кого я вас принимаю?! — ахнула Белла, по-прежнему вцепившись в чемодан

мертвой хваткой.

— Мэм? — Биксби вскинул безупречную бровь.

— И вообразили, будто я тут обжимаюсь?! Ну и ну! Да никогда в жизни! — (Биксби немедленно задался вопросом, так ли уж она далека от истины.) — Как же вам не стыдно?!

— Мэм, заверяю вас, мне такое в голову не приходило, — ответил Биксби с наиболее убедительными интонациями. — Я пришел всего лишь посмотреть на причину жалоб от…

— Как видите, причина — этот чемодан! — воскликнула Белла, откидывая со лба редкие спутанные волосы невыразительного каштанового оттенка. На впалых землистых щеках неожиданно выступили красные пятна. Попрыгав для наглядности на вышедшем из повиновения чемодане, она добавила: — И если бы обслуживание в этом отеле действительно стоило хоть десятую часть тех безумных денег, которые вы дерете, вы помогли бы мне закрыть это чудовище, вместо того чтобы стоять здесь и бросаться гнусными обвинениями!

— Э… постараюсь, как только могу, мэм, — поклялся Биксби, сделав ей знак отойти от чемодана. Леди принялась нехотя сползать вниз, не прекращая при этом давить на крышку. Он попытался приналечь сбоку, но ничего не вышло. Наконец терпение его лопнуло.

— Мэм, почему бы вам не посторониться и не позволить *мне* заняться делом?

Лицо Беллы мгновенно застыло.

— Это мой чемодан!

— Мэм, я этого не оспариваю. Просто предположил, что будет легче закрыть его, если вы позволите…

— Я никого не просила о помощи, — сухо процедила Белла.

— Просили, мэм.

И хотя он сказал чистую правду, это не помешало Белле пренебрежительно фыркнуть.

— Я не посылала за вами. Я отбываю из отеля сегодня утром. Вот и попыталась сложить вещи, пока варится кофе.

Очевидно, она опасалась даже на секунду отнять руки от чемодана и с трудом умудрилась кивнуть в сторону маленькой комнатной кофеварки, весело бурлившей на комоде.

— Кофе?! — Биксби поискал взглядом кофеварку и уперся в миниатюрный стеклянный сосуд. В глазах появилось тоскливое желание. Биксби облизнул губы и вдохнул запах кофейных бобов так глубоко, словно хотел втянуть его в глубины души: — Аххх… — Голос его дрожал: — Д-да. Да, конечно. Весьма предусмотрительно с вашей стороны.

— Очень. И все было прекрасно, пока вы не заявились и не

начали действовать мне на нервы!

Белла слишком увлеклась, подогревая свое праведное негодование, чтобы заметить несколько странное поведение Биксби.

— Если бы не съезд работников фирмы «Сперанца сторм косметикс», ни за что не остановилась бы в этой безобразно дорогой пародии на отель, пусть он и расположен рядом с центром Манхэттена! Это еще не причина так вздувать цены! Даже ваши так называемые групповые скидки смехотворны! Номера крошечные, разрекламированные удобства доброго слова не стоят, а если кто-нибудь и интересуется нуждами постояльца, то исключительно в тех случаях, когда постояльцу это совершенно ни к чему…

Именно на этом месте чемодан взорвался. Несмотря на упорное давление Беллы, несчастное вместилище багажа испытывало еще большее давление изнутри и, не выдержав оного, вылетело из-под ее рук, проехалось по кровати и ударилось в ближайшую стену, лопнув, как гигантский стручок молочая, и разбросав содержимое по всему номеру. Отдача швырнула Беллу на пол.

Биксби оглядывал последствия разрушений с мрачным восхищением. Его неумолимое притяжение к кофеварке мгновенно исчезло, растоптанное в прах видом того, что скрывалось во взбунтовавшемся чемодане Беллы. Первым в его руках оказался фен.

— Это мое, — каркнула Белла, хотя еще не совсем пришла в себя после позорного падения; глаза ее превратились в две амбразуры, полные стальной решимости и сосредоточенные на предмете, свисавшем с пальцев Биксби.

— Мэм, вы, должно быть, ошиблись, — спокойно, но твердо объявил он. — Как видите, на ручке ясно обозначено название отеля. Что же до мыльницы…

Он ткнул носком идеально начищенного полуботинка вышеупомянутый аксессуар для ванной, лежавший под россыпью канцелярских мелочей, также принадлежавших отелю.

— Не смейте рыться в моих личных вещах! — взвизгнула Белла, подползая к краю кровати.

В попытках обрести равновесие, она судорожно стиснула маленькую бутылочку с шампунем, одну из приблизительно трех дюжин, рассыпанных по простыням незастланной кровати. Да и где ей быть застланной, если покрывало и пуховое одеяло, вывалившиеся из чемодана, громоздились на другом конце комнаты.

— Полагаю, вы намерены утверждать, что, заплатив целое

состояние за подобную дыру, я не могу забрать это?

Она помахала бутылочкой.

— Мисс Франклин, — начал Биксби, пытаясь быть предельно дипломатичным. — Мисс Франклин, мэм, полагаю, мы оба стали жертвами обычного недоразумения… касающегося… э… определенных границ. Малые предметы, такие, как мыло и шампунь, можете увезти в качестве сувенира, хотя мы предпочли бы, чтобы вы взяли только те, что оставлены в вашей комнате.

Он снова обозрел горы флаконов с зубным эликсиром, геля для ванн, лосьонов для тела и кондиционера для волос и пробормотал:

— Так вот почему тележка горничной оказалась ободранной до последней бумажной салфетки!

Белла не обратила на него внимания, поэтому он уже громче заметил:

— Что же до вещей большего размера, таких, как эти…

Держа фен одной рукой, другой он поднял из груды вещей махровый гостиничный халат.

— Их, к сожалению, нельзя увозить с собой.

Белла, издав нечто среднее между рычанием и хныканьем, метнулась вперед и вырвала халат из пальцев Биксби.

— Это мое! — вознегодовала она. — Я привезла его с собой. Биксби сделал глубокий вдох:

— Мэм, возможно, вы спутали этот халат со своим. Взгляните. Он поднес к ее глазам полу спорного предмета, чтобы Белла своими глазами увидела вышитую в уголке эмблему отеля.

— Я купила халат в прошлый раз, когда останавливалась здесь! — с ходу нашлась она. — Меня в жизни так не оскорбляли! Немедленно убирайтесь из моего номера, пока я не позвала полицию!

— Разумеется, мэм, — ответил Биксби, чей голос потерял всяческую мягкость. — В это время у меня немало других… — на лице высыпали целые россыпи капель пота, — обязанностей. Безотлагательных, позвольте заметить. Сейчас почти десять утра. Этот час для меня священен, и я улажу наше с вами дельце к десяти. Подчеркиваю, улажу, и притом любым способом. Зовите полицию, и чем скорее, тем лучше.

— Ну и наглец же вы, — прошипела Белла, однако не двинулась с места.

Биксби позволил себе скупую улыбку.

— Мэм, я вам не враг. И согласен, что цены в нью-йоркских отелях достаточно высоки, что бережливость — это добродетель и что ваша слепая решимость возместить потраченные деньги достойна восхищения… в некоем роде. Однако подобная, неверно

истолкованная бережливость переходит все границы…

Белла театрально прижала ладонь к груди.

— О боже, вы называете меня воровкой?! Утверждаете, будто я обокрала эту жалкую ночлежку, когда я всего-навсего взяла несколько дешевеньких и, заметьте, вполне бесплатных безделушек!

Она ткнула пальцем в разбросанный багаж. Поднос, когда-то стоявший под ведерком для льда, выглядывал из-под присвоенного пухового одеяла. Набор из четырех одинаковых бокалов для воды, заботливо завернутых в одеяло, благополучно покоился в ведерке для льда, которое ранее стояло на мини-баре.

— Ни в одном порядочном отеле не обратили бы внимания на подобные пустяки, — продолжала она. — По таким ценам вы должны были устроить мне бесплатные спа-процедуры, вместо того чтобы чернить ложными обвинениями! Это клевета! Инсинуации! Я буду преследовать вас в судебном порядке, пока не посинеете, я…

Она вдруг осеклась и озадаченно уставилась на Биксби. Ярость улеглась, сменившись искренним участием.

— Простите, но лицо у вас действительно синее. Вернее, синевато-серое…

В кармане Биксби взвыла сирена… правильнее сказать, будильник сотового, возвещающий о наступлении десяти часов.

— Проклятие на тебя, злоязычная фурия! — заревел он.

Столь мгновенное превращение благонамеренного служащего в безумца с лицом цвета сланцевого шифера заставило Беллу пронзительно вскрикнуть.

— Твоя бесконечная трескотня достала меня! Клянусь благословенной Мельницей, настал Священный час, и никакой надежды на спасение, если только я не найду…

Он вдруг осекся. Ноздри жадно дернулись. Беспорядочно бегающие глаза обвели комнату и снова зажглись при виде маленькой кофеварки. Биксби сделал один неверный шаг, протянув к кофеварке руки, подобно сэру Галахаду,[1] удостоенному видения Святого Грааля.

— Мэм, — вибрирующим голосом произнес он. — Мэм, простите мою вспышку. Заверяю, все будет в порядке, если вы только позволите выпить… выпить одну… всего одну маленькую чашку…

Белла проследила за взглядом Биксби, устремленным на предмет страстного желания.

— Кофе? — спросила она, удивленная столь затейливой речью, и, деловито устремившись к стеклянному сосуду, наполнила гостиничную кружку, не удостоенную чести занять

место в ее чемодане, затем сунула Биксби.

Биксби поднял чашку дрожащими узловатыми пальцами, на глазах приобретавшими пепельный оттенок. Все его тело постепенно теряло вес, становясь изможденным, почти бесплотным, но при первом же глотке кожа снова засветилась здоровьем, кости моментально облеклись плотью, конечности перестали трястись, а лицо осветила довольная улыбка.

Но тут он сделал второй глоток, и лицо его исказил ужас.

— Это не… это не… Это не «Тернан груп»!

Белла закатила глаза и выхватила из кармана почти украденного халата горсть пакетиков растворимого кофе.

— Сейчас вы, полагаю, заявите, что я и кофе взять с собой не имею права!

— Если это наши бесплатные пакетики, то что, во имя благословенной Мельницы, я сейчас выпил? — возопил Биксби.

— *Мой* кофе. Я всегда привожу с собой пару лишних пакетиков, правда, немного завалявшихся. Тех, что забрала из отелей в предыдущих поездках. Но, позвольте заметить, тогда я останавливалась в *приличных* отелях, — добавила Белла, не удержавшись от укола.

Но Биксби уже было не до оскорблений. Бедняга приобрел вид человека, по горло хлебнувшего превратностей судьбы. Досада умерла, кротость осталась… вместе с благородной решимостью примириться с неизбежным и наилучшим образом использовать ту кошмарную ситуацию, в которую он попал не по своей вине. Он церемонно поднес кружку к губам, осушил, после чего упал на колено и протянул ее Белле.

— Эй, если хотите еще, наливайте сами. Я вам не служанка!

— Напротив, это я ваш слуга навеки, ибо вы принесли мне священный напиток из ваших собственных запасов и я по собственной воле и желанию выпил его. Таким образом, я стер все прошлые привязанности и клятвы в верности, скрепленные этим же самым священным напитком. Воистину говорю: как все пустые разговоры, как все никчемные воспоминания отбрасываются и забываются, так и каждый вновь сваренный напиток создает и укрепляет новые связи, соединяющие хозяина с миром и…

— Если я дам вам еще кофе, вы заткнетесь? — перебила Белла. Биксби умоляюще поднял глаза.

— Я сделаю все, что угодно, миледи, стоит вам только захотеть.

— Я хочу одного, — резко бросила Белла, — убраться подальше из этой психушки, вернуться к себе домой и не слышать дурацких претензий по поводу парочки жалких, вполне законных

сувениров, которые каждый постоялец имеет полное право взять с собой.

Широким взмахом руки она обвела свою добычу, вывалившуюся из чемодана.

Биксби проворно вскочил, поправил спадающий на лоб завиток и громко объявил:

— К вашим услугам, миледи.

С этими словами он поспешил к сломанному чемодану, в мгновение ока починил его с помощью двух скрепок и цепочки для ключей, проворно и умело сложил вещи и даже добавил к ним два эстампа, сняв их со стены.

Белла ошарашенно наблюдала за Биксби, пораженная не столько тем, что он легко закрыл неподъемный чемодан, сколько тем, как именно он его закрыл. Никаких усилий. Никаких манипуляций руками. Довольствуясь лишь странно звучащим заклинанием и щелчком наманикюренных пальцев.

— Что вы… как вы… Не верю своим глазам… Я, кажется, спятила?

— О нет, миледи, вы в полном рассудке. Клянусь благословенной Мельницей, которая мелет бобы блаженства в мельчайший порошок!

Биксби снова встал на одно колено и низко склонил голову, а когда поднял, оказалось, что вполне заурядное лицо превратилось в некий образ из средних веков, не имеющий ничего общего с человеческим обликом. Подобные морды красуются на крышах великих соборов и обычно держат во рту дождевой желоб.

Стоило Белле бросить взгляд на землисто-серую кожу и гротескные черты Биксби — выпученные глаза, достойные чистокровного бостонского бультерьера, губы, растянутые до заостренных отвислых ушей, нос, блестевший, словно молодой баклажан — как она в ужасе воскликнула:

— Да кто вы, черт возьми?

— Ваш смиренный и покорный слуга, миледи. Брауни, по рождению и воспитанию, полностью к вашим услугам. Говорите, и если моя ничтожная магия или сильные руки сумеют исполнить ваши желания, буду несказанно счастлив.

Белла всегда считала, что брауни — это либо шоколадные пирожные, либо орда уродливых карликов, обожающих чинить всякие пакости, но она была человеком сообразительным и училась на ходу.

— Означает ли это, что у меня есть три желания?

— Я не джинн, миледи, — покачал головой Биксби. — Мы, брауни, домашние духи, чьи силы заключаются в том, чтобы

содержать дома и очаги в исключительном порядке.

— Если вы домашний дух, что делаете в отеле?

— Ах, моя госпожа так же мудра, как и… привлекательна, — выдавил Биксби. — Во времена иные в Старом свете семейство Тернан по тогдашним обычаям принимало на постой гостей. Они были людьми не только добрыми, но и сведущими в укладе жизни Маленького народца. Они знали достаточно, чтобы заслужить нашу благосклонность, выставив на пороге блюдце с молоком или бочонок с пивом в канун Иванова дня. Но времена меняются, хотя преданность и верность остаются прежними, и когда последний из Тернанов покинул Старый свет ради этих берегов, поклявшись открыть гостиницу в Новом свете, мы не смогли расстаться с ним.

— Скорее всего, не смогли расстаться с бесплатным пивом, — съязвила Белла.

Биксби пожал плечами, изогнутыми, будто бока глиняного кувшина.

— Если бы только наша связь с Тернанами ограничивалась пивом! Но когда мы оказались на этой земле, мир для нас перевернулся. Как-то ночью всего двести лет назад хозяину пришло в голову посидеть на крыльце с чашкой священного напитка. В момент рассеянности он, собираясь идти спать, оставил на крыльце чашку — и, увы, мы ее нашли, — вздохнул Биксби.

— Погодите-ка! — подняла палец Белла. — Хотите сказать, что подсели на кофе после всего лишь одной чашки?!

— Одного глотка, — поправил Биксби. — Я не единственный, с кем хозяина связывали обязательства еженощного подношения. Мы все испробовали божественного напитка и стали его рабами.

— Все? И сколько же здесь вас, шельмецов?

Биксби назвал цифру.

— Так много?! Иисусе!

— Конечно, в это число входят служащие всех отелей сети «Тернан груп», — пояснил брауни. — Ибо со временем бизнес нашего хозяина значительно вырос, захолустная гостиница дала начало целой империи.

— И все по цене чашки кофе на служащего в день?

— Видите ли, мы предпочитаем латте с корицей, да и хороший кусочек датского рулета с вишней еще никому не повредил, но священного напитка достаточно, чтобы платить нам за службу.

— Вот это я называю «окупить расходы», — процедила Белла, злобно уставясь на брауни. — И после всего этого гнусные скряги из «Тернан груп» не только не постарались облегчить жизнь

постояльцев, но и подняли тарарам, когда бедная трудящаяся женщина попыталась захватить с собой парочку сувениров из их дорогущего чулана для метел!

— Совершенно верно, миледи, — кивнул Биксби, вполне естественно разделивший образ мыслей новой госпожи, согласно девизу Маленького народца, гласившему, что податель кофеина всегда прав. — Позор Тернану! Да здравствует Франклин!

Вскочив, он так лихо взвалил раздувшийся чемодан Беллы себе на плечо, будто тот весил не больше опустошенного кофейного пакетика.

— Ну что, идем?

— Не так быстро, — возразила Белла. — Сначала мне нужно одеться. И заплатить по этому безобразно раздутому счету…

Но тут ее осенило.

— Полагаю, ты не можешь сделать так, чтобы этот счет испарился? Биксби уныло повесил голову.

— Увы, отныне я не властен влиять на все, что происходит в этих стенах.

— Черт! Ну ладно, тогда вот что: пока я одеваюсь и плачу по счету, сообщи боссу, что отныне ты работаешь на меня, и…

— О, миледи, нет никакой необходимости сообщать о моем увольнении, — вздохнул Биксби, после чего как-то странно передернулся, и его чудовищная внешность мифического существа мгновенно растворилась, поглощенная невыразительным обличьем пожилого невзрачного слуги. — Заверяю вас: в качестве смиренного брауни меня никто не хватится.

Хотя Белла Франклин дала бы сто очков вперед любой пиранье по умению ободрать до стен гостиничный номер, при этом оправдывая воровство справедливым стремлением возместить выброшенные на ветер деньги, ее собственная квартира крайне нуждалась в избавлении от гор ненужных вещей. Обиталище Беллы представляло собой нечто вроде пещеры Али-Бабы, едва не до потолка набитой хламом. Настоящая выставка многочисленных трофеев с предыдущих конференций фирмы «Сперанца сторм косметикс». Блокноты, ручки, кофейные кружки, пепельницы и различные элементы декора гостиничных номеров, добытые неправедным путем, были раскиданы по всем свободным поверхностям. Тарелками, столовыми приборами и мини-пакетиками с кетчупом, похищенными в бюро обслуживания номеров, была забита вся кухня. Повсюду, куда ни падал взгляд, валялись вещи с эмблемами известных американских отелей.

Но все это изменилось с прибытием Биксби. Первым делом он

принял свой истинный облик. Во-вторых, избавился от всей гостиничной косметики, сроки хранения которой истекли в незапамятные времена. В-третьих, ему пришлось долго рыться в мусорном контейнере, чтобы отыскать легкомысленно выброшенные «ценности», после того как Белла взвыла, что он пытается разорить ее, выбросив шампунь десятилетней давности. В-четвертых, бедняга складировал в чулан оставшийся мусор, после чего вычистил до блеска всю квартиру, от пола до светильников. Все это заняло неделю. Конечно, времени ушло бы гораздо больше, будь у него возможность хоть немного отдохнуть, но Белла во что бы то ни стало вознамерилась использовать бесплатные услуги на всю катушку. Она не позволяла измученному брауни присесть ни на минуту, если не считать неизбежной необходимости Священного часа (или ежедневного короткого перерыва на кофе, как именуют его обычные смертные). Он с самого начала заявил госпоже, что без этой чашки кофе просто умрет.

— Такого допустить нельзя, — решила Белла, — тем более, что мои расходы едва начали окупаться.

— Миледи слишком добра, — ответил Биксби.

На седьмой день, когда брауни уже был готов свалиться от усталости, госпожа приказала ему изменить внешность… просто ради смеха. Вскоре Биксби преобразился в романтического героя гавайского происхождения, пылкого и страстного туземца: бронзовое тело блестит от кокосового масла, черные до синевы волосы доходят до пояса, короткий саронг держится на одной ниточке, за ухо для пущей экзотики заткнут цветок гибискуса. Белла все еще одобрительно облизывала губы, когда в дверь постучали.

— Лишь бы не эта старуха Кенмор, что живет напротив, — пробормотала она, открывая дверь с громким возгласом: — Нет, у меня не найдется чашки сахара взаймы!

Но вместо древней надоеды, топчущейся на коврике, перед дверью обнаружился квартет незваных гостей.

Буквально излучающая подозрительность Белла хмуро уставилась на двух женщин в дешевых ситцевых платьях и двух мужчин в белых рубашках с коротким рукавом и простых черных брюках.

— Что вам нужно? — нелюбезно бросила она.

— Биксби, мэм, — так дружно ответили посетители, словно это требование казалось самым естественным в мире.

— Бикс… понятия не имею, о ком вы, — поспешно ответила Белла.

— Черта с два не имеете! — отрезала та, что была пониже

ростом.

— Селина, что за речь, — упрекнула вторая, зажимая ладонями уши.

— А-а-а, брось, Мел, — отмахнулась Селина. — Мы здесь не для того, чтобы в ладушки играть с этой наглой воровкой брауни! Мы просматривали записи гостиничных камер слежения, так что не смейте ничего отрицать! Он ушел с вами. И мы найдем его!

— Прошу прощения, мне это неинтересно, и без того вокруг полно психов, прощайте, — выпалила Белла, пытаясь захлопнуть дверь. Не тут-то было: башмак пятидесятого размера, принадлежавший, разумеется, плотному здоровяку, занял прочную позицию на пороге. Белла смерила нахала ледяным взглядом: — Итак, что вы собой представляете?

Мужчина поменьше выступил вперед.

— Добрый день, мэм. Меня зовут Берри, а это — мои друзья и коллеги: Том, Селина и Мелузина.

— Я спрашивала не *кто* вы, — ехидно парировала Белла, — а *что*. Мне известны все нюансы трудового кодекса служащих сети отелей «Тернан груп».

— Неужели? — Учтивая улыбка Берри увяла. — Мэм, мы будем счастливы снять с себя чары. Мы не стыдимся нашего природного облика. Однако вашим соседям он может не понравиться. Кто знает, как они отреагируют? Надеюсь, вы позволите нам зайти? Всего лишь поговорить, уверяю вас. Мы не причиним вам зла. Даю слово инженера.

Берри щелкнул пальцами, и в руках его появилась древняя логарифмическая линейка. Он благоговейно поцеловал ее, прежде чем отправить в невидимые пределы.

— Секунду!

Белла нырнула на кухню и, появившись снова, объявила:

— Клянитесь на этом, и я вам поверю.

Она подняла маленькую электрическую кофемолку. Все четверо обменялись тревожными взглядами, явно предчувствуя недоброе.

— Откуда… вы узнали о благословенной… благословенной… — неверным голосом пробормотала Мелузина.

— Благословенной Мельнице? — хмыкнула Белла. — Я способная ученица, а Биксби — хороший учитель. Клянитесь на ней или оставайтесь в коридоре.

— Не могу сказать, что одобряю такое ваше отношение, — угрюмо пробурчал здоровяк. — Как говорил мой старый па, как он говорил мне: «Том, для нас, троллей, Плохое Отношение ко всему на свете — вроде как Стандартный Способ Существования. Но нет никаких причин брать пример с куска смертной плоти,

который можешь раздавить без дальнейших размышлений, в основном потому, что нам, троллям, и без того хватает бед с попытками словить хоть какую-то связную мысль». Добрый старый па!

С этими словами Том снял с себя чары и остался во всем своем чудовищном великолепии. Уличная одежда исчезла. Каждая бугрящаяся мышца, каждая бородавка, каждый нарост и клык, каждый коготь и квадратный дюйм кожи цвета поросшего лишайниками булыжника расцвели на пороге Беллы Франклин, увенчанные к тому же щегольским голубым кепи с вышитыми белым шелком словами: ОХРАНА ОТЕЛЯ. Оглушительный рев сорвался с кожистых губ, сотряс пол, скрутил и подпалил края дешевого ковра и низверг град штукатурки с потолка.

А кроме того, призвал в свидетели миссис Кенмор из квартиры напротив. Старая леди бросила короткий взгляд на Тома в его естественном обличье, пискнула, словно пойманная мышь, и хлопнула дверью с такой силой, что в коридоре поднялась настоящая вьюга из хлопьев побелки.

— Ну вот, взгляните только, что вы наделали, — прищелкнула языком Белла и, ничуть не впечатленная внешностью тролля, оглянулась и окликнула: — Эй, Биксби! У меня для тебя работа!

Не успела она договорить, как рядом появился облаченный в саронг брауни. Он протащился мимо четверых посетителей, не соизволив даже кивнуть, проигнорировал тролля в его первозданном виде и стал пылесосом подбирать разлетевшуюся штукатурку.

— Биксби! — воскликнул Берри, перекрывая шум пылесоса. — Ты нас не узнал?

Биксби выключил пылесос и медленно повернул голову.

— Конечно, узнал. Как любезно с вашей стороны навестить меня, дорогие друзья, но, боюсь, все бесполезно. Она наложила на меня узы бобов и напитка. Я принадлежу ей.

Закончив работу, он пробормотал едва слышное «алоха» и поплелся назад, в квартиру. Четверо в мрачном безмолвии наблюдали отступление сломленного духа. Тролль Том оглушительно шмыгнул носом, не замечая, как по грубо вытесанным щекам льются слезы бессилия, и высморкался в кепи охранника.

— Отпусти его! — крикнул он, потрясая каменюкой-кулаком перед носом Беллы. — Отпусти немедленно, не то… не то… я… я тебе врежу!

— Да ну? — ухмыльнулась Белла. — Надеюсь, ты не смелешь мои кости в муку, чтобы испечь хлеб троллей? Оставь свои

угрозы, дубина стоеросовая! Я всего лишь пошутила. И знаю, что вам необязательно клясться на этой штуке… — она помахала кофемолкой перед физиономией тролля и снова хмыкнула, — и что вы пальцем меня не тронете. Святое правило гостеприимства запрещает хозяину причинять вред гостям. Забыл? Я была гостьей «Тернан», хотя и по непристойно высоким ценам, и поскольку полностью оплатила счет, никто из вас не посмеет протянуть ко мне грязные лапы.

— Очередной урок Биксби, мэм? — вздохнул Берри.

— Совершенно верно. Итак, теперь, когда мы всё выяснили… — она отступила в прихожую и иронически поклонилась: — Хотите войти?

Вся четверка слаженным строем протопала в квартиру Беллы. Том оставался в облике тролля, а остальные сбросили обличье смертных на пороге. Берри, самопровозглашенный инженер, сократился почти на фут, превратившись в дородного карлика, хотя его одежда больше соответствовала залу заседаний совета директоров, чем подземному королевству: копай-копай-копай-хей-хо, ху-ха! Только горчично-желтый колпак превращал его ансамбль из шикарного в тошнотворный. Он с некоторым усилием взобрался на диван Беллы, не дав себе труда попросить Тома не следовать его примеру, дабы не превратить мебель в щепки.

Злоязычная Селина усохла еще больше, чем Берри — до размера воробья. Она порхала под носом Беллы на прозрачных розовых крылышках, оставляя за собой сверкающий след. Белла невольно облизнула губы и ощутила вкус сахарной пудры, что было вполне естественным, если учесть крошечный поварской халат и колпак феи. Наконец Селина примостилась на горлышке аляповатой трофейной вазы и стала лениво поигрывать деревянной ложкой размером с иглу.

Что же до Мелузины, ее убогое платье превратилось в чистый практичный комбинезон, туго перетянутый поясом с инструментами. Она любовно гладила гаечный ключ перепончатой лапкой цвета спелой мускатной дыни.

Сверлящий взгляд Беллы впился в розовую оборку жаберных щелей, обрамлявших безмятежное личико Мелузины.

— Эй, маленькая русалочка, где твой рыбий хвост? Румянец цвета мяты разлился по лицу Мелузины.

— О, я не русалка, мэм. Служу слесарем-водопроводчиком в отеле «Тернан». Я ундина, — призналась она и, заметив недоумение Беллы, пояснила: — Дух вод.

Ни тени мысли не мелькнуло на брезгливом лице Беллы.

— Я родственница водяных эльфов, русалок, наяд и… и… о,

пропади все пропадом! — Мел устало скорчилась в потертом кресле, яростно бормоча: — Чертова мифологическая невежа!

— Полагаю, нет смысла предлагать вам кофе. Самодовольный, чересчур сладенький тон Беллы прозвучал не выражением гостеприимства, а явной издевкой.

Фея Селина отреагировала почти неуловимым, но откровенно грубым жестом, зато Берри просопел благодушно:

— От чашечки чая мы бы не отказались, мэм. Очень мило с вашей стороны побеспокоиться о нас.

— О, лично для *меня* — никакого беспокойства.

Белла коротко пролаяла приказ, обернувшись в сторону кухни, где пребывал плененный брауни. Пока Биксби заваривал и подавал настой ромашки (собранной вручную в Массачусетсе и вручную же стыренной из бостонского «Шератона»), Белла объявила визитерам:

— А теперь послушайте, вы, народец недоделанный: как только чай будет готов, у вас остается десять минут, чтобы выпить по чашечке и убраться. Так что если есть разговор, выкладывайте сейчас.

— Мэм, как вы уже знаете, мы пришли за нашим товарищем, — спокойно ответил Берри.

— Черта лысого! — парировала Белла. — Это самый классный бесплатный сувенир, который я когда-либо привозила из отеля, так что он остается у меня.

— Знаете, мэм, — скрипучим голосом начал тролль Том. — Ежели вы согласитесь отпустить Биксби по доброте сердца, мы будем рады добровольно предоставить вам те же самые услуги, которые он выполняет по обязанности. Станем приходить дважды в неделю, регулярно, как часы, и прибирать ваш дом. Я, например, отлично мою окна.

— Уборка дважды в неделю? Вместо слуги, готового выполнить любое мое пожелание? Слуги, который усердно трудится круглые сутки все семь дней в неделю? О нет, я не согласна.

— Прошу вас, мэм, сжальтесь, — умоляюще прошептала Мел. — Если разлучить Биксби с его семейством сили, он просто зачахнет.

— Он находится в родстве с тюленями?[2]

— Не тюлени, а сили, — пояснила Мел, которую выводило из равновесия поразительное невежество Беллы. Но отважная ундина не сдавалась. — Волшебный народец. Маленькие люди. Феи. Хорошие соседи. Тайные помощники. Подземные жители. Торговцы-гоблины…

Белла наконец сообразила, кого имеет в виду Мел, но ничуть

не смягчилась.

— И что мне до этого?

— Очевидно, ничего, — сухо обронил Берри. — Мэм, всю свою жизнь я, карлик и инженер, сталкивался с трудными проблемами, но по сравнению с этой даже строительство плотины Гувер-Дам[3] кажется не сложнее попытки выпустить двух бобров на ферму для выращивания рождественских елей.

— Отцепитесь со своими бобрами, — отрезала Белла. — Клянусь чистейшим кофе «Кона», что у вас имеется собственная корыстная причина, чтобы прийти сюда спасать Биксби. Никто не совершает добрых дел просто так, из чистой благотворительности. Во всяком случае, не в этом мире. Я не вчера родилась.

— Это сразу видно! — жизнерадостно провозгласила Селина.

— Мэм, если вы искренне в это верите, мне вас жаль, — вздохнул Берри. — Неудивительно, что вы украшаете вашу жалкую унылую жизнь безделушками, украденными из отеля, иначе она была бы совсем пуста.

Белла затряслась от смеха так, что даже облила Тома чаем. Пока тролль промокал мокрое лицо бумажной салфеткой (взятой в коробке, выдранной Беллой из настенного дозатора в балтиморском «Шератоне»), та вылила на Берри очередную порцию нескрываемого презрения.

— Ну и ну! Вот, что я скажу вам, лицемерный пройдоха: как насчет небольшого пари?

Она принесла из кухни пакет с зернами «Ямайка Блу Маунтин» и шлепнула его на журнальный столик.

— Видите это? Я взяла его не из отеля, мотеля или пансиона. Это мой собственный кофе! Я купила его на честно заработанные денежки, по цене, которую запросили эти грабители в бакалее, так что имела полное право взять две горсти ирисок из короба со сладостями!

— Мэм, если вы считаете, что мы рискнем нашей свободой ради капли этого напитка, значит, принимаете нас за дураков, — мрачно заметил Берри.

— Иными словами, черта лысого! — вставила Селина.

— Хочешь сказать, «черта с два», — услужливо поправил Том.

— Как могу, так и говорю, — фыркнула фея. Белла проигнорировала перепалку.

— Я не хочу, чтобы вы его пили. Достаточно поклясться на зернах.

— Смотрю, мэм, у вас просто какая-то тяга к клятвам, — процедил Берри. — Сначала на благословенной Мельнице, теперь на Бобах блаженства. Не шутите с нашей верой ради собственного

развлечения!

— Это не шутка. Если вы действительно пришли освободить Биксби во имя священных уз дружбы и братства тюленей…

— Сили! — завопила выведенная из себя Мел.

— …Тогда клянитесь на этих бобах, и я поклянусь, что отпущу его прямо сейчас. Но если не сделаете этого, придется исполнить мое желание, то самое, что не по силам исполнить даже Биксби. Именно то, чего я всегда желала всем сердцам.

— Обаяние и привлекательность? — предположила Селина.

— Вечеринка, ты, летучий комок соплей, — холодно ответила Белла. — Потрясающая вечеринка, чтоб я смогла наконец втереться в доверие ко всем важным персонам в «Сперанца сторм косметикс». Единственный способ преуспеть в этом бизнесе — научиться целовать задницы этих кляч с налаченными прическами. Прямая дорога к получению всех премий как лучшему продавцу: круизы, машины…

— Словом, предел желаний! — пробормотала Мел, исподтишка обозревая капельки, поблескивающие в уголках рта Беллы; от предвкушения бесплатных сокровищ у той потекли слюнки.

— Я считал, что награда лучшему продавцу выдается на основании соответствующих заслуг, — заметил Берри.

— Много ты понимаешь, карлик, — хмыкнула Белла. — Это жестокий мир, и единственная возможность продвинуться — брать, брать, брать все, что можешь, хватать обеими руками и, самое главное, быстро соображать.

Она вдруг швырнула пакет с кофе прямо в лицо карлику. Мел встревоженно вскрикнула, но прежде чем нос Берри столкнулся с темной погибелью, карлик инстинктивно выбросил вперед руку и перехватил снаряд в воздухе. У Беллы был вид кошки, слизавшей сливки.

— Священный кофеин теперь в твоем распоряжении, великан. Так как насчет клятвы?

— Я инженер и не боюсь правды.

Берри благоговейно баюкал кофе в сложенных ладонях.

— Клянусь честью, мы пришли спасти Биксби исключительно из дружеских побуждений.

— Вот как…

Белла выглядела потрясенной, словно не только поставила на безнадежную лошадь, но и сделала то же самое на собачьих бегах.

— И еще потому, что если мы не заполучим Биксби на еженедельную партию в покер, придется заменить его Линдоном.

Карлика передернуло.

— Линдоном? — переспросила Белла.

— Чудовищем-людоедом, — пояснил Том.

— Кровожадным сокрушителем костей, пожирателем плоти, паршивым игроком в покер, вечным неудачником, истязателем троллей, палачом карликов, угнетателем ундин и ненавистником фей. Великаном-людоедом Линдоном, — пояснила Селина. — Линдоном, который терпеть не может проигрывать.

— Да, тем самым Линдоном. Флористом из независимого цветочного магазинчика в вестибюле отеля, — добавил Берри. — Нашему маленькому покерному клубу завидуют служащие других гостиниц, и не только из-за нашей тесной дружбы, но и возможности выиграть серьезную сумму.

— Что Биксби и делал последние шесть недель до того, как вы его захватили! — горячо воскликнула Селина. — Этот негодяй разорил нас, и мы все хотим получить шанс отыграться!

— И на сколько разорил? — осведомилась Белла.

— На пару тысяч.

— М-м, действительно большие деньги, — почтительно прошептала Белла.

— Не деньги. Подарочные сертификаты «Старбакс».[4]

— Наши коллеги знают, что мы играем честно. Всякое применение магии недопустимо. А вот они не доверяют друг другу настолько, чтобы организовать собственную игру, — продолжал Берри. — Поэтому и попросили завести список очередников, на случай, если кому-то из нас суждено выбыть из игры по той или иной причине. Первым в списке значится Линдон. Еще одна неделя без Биксби — и нам придется позволить людоеду войти в игру.

От волнения Берри с такой силой сжал злополучный пакет, что треть зерен превратилась в мельчайший порошок.

— Поэтому, мэм, ради искренней дружбы и из сочувствия к нам, несчастным, ради честной игры в покер умоляю вас, отпустите нашего брауни!

— Попросите еще раз — после моей вечеринки, — провозгласила Белла, взорвавшись торжествующим кудахтаньем, сходившим у нее за смех.

Биксби с пачкой бумаг под мышкой стоял под знакомым зеленым с золотом навесом, укрывавшим главный вход в отель «Тернан». Дежурным швейцаром в тот день был гном по имени Хорк. При виде пропавшего брауни он широко улыбнулся.

— Клянусь благословенной Мельницей, старина, неужели ты снова свободен? — воскликнул Хорк, широко распахнув двери. — Мел рассказывала мне о твоих тяжелых испытаниях. Ужасно, дружище, просто ужасно. Но теперь ты опять дома…

— Закрой дверь, Хорк, — мрачно перебил Биксби. — Я не

свободен. И пришел сюда только для того, чтобы передать список пожеланий миледи относительно вечеринки, которую она выиграла на пари. Не хватает воли переступить порог горячо любимого отеля. Будь хорошим домовым, позови кого-нибудь из моих партнеров по покеру. — Биксби многозначительно потряс кипой бумаг. — Я уполномочен передать ему вот это.

Хорк заложил в рот два пальца и издал такой пронзительный свист, что к отелю, словно чайки на баржу-мусоровоз, слетелись такси едва ли не со всего города. Резкий звук привлек внимание Мелузины, прелестной в своем комбинезоне водопроводчика. Биксби молча вручил ей список и повернулся, чтобы уйти.

— О, Биксби, как жаль, что мы так и не смогли тебя спасти! — крикнула она ему в спину.

Биксби остановился и оглянулся.

— Это неудивительно, — пробормотал он с таким трогательным смирением, что из глаз ундины покатились капли чистейшей морской воды. — Я заточен в темницу жестокой смертной, с пальцами более липкими, чем нити паутины. Ей нравится выставлять себя жертвой тяжких обстоятельств, но я ни разу не слышал от нее слова сочувствия другим страждущим. Она ощущает лишь собственную боль и не замечает страданий других. Я умру у нее на службе, Мелузина.

— Биксби, ты не должен думать ни о чем подобном.

— О смерти? В данный момент это было бы, как говорит Клинт Иствуд, наилучшим выходом.

Мел вытерла глаза и глянула на бумаги, переданные Биксби. Берри велел Белле Франклин как можно точнее изложить свои пожелания, намекнув, что она получит только то, что просит, не больше и не меньше. Подобные ограничения не были в привычках великодушного карлика, но поведение этой смертной вывело его из себя и лишило остатков терпения. Белла же с ее цепким умом, в свою очередь, делала все, чтобы побить карлика в его же игре. Нужно сказать, что юриспруденция очень-очень много потеряла, когда Белла Франклин вместо изучения законов занялась продажей губной помады. Список всего необходимого для вечеринки был составлен рукой весьма опытного и беспощадного педанта. Тут было все: от закусок и аперитивов до десертов и декора. Похоже, она упустила из виду только одно.

— Глупая пожирательница пыли сильно промахнулась, — пробормотала Мелузина себе под нос. — Как же это она не догадалась? И хотя прекрасно знает, что мы не обязаны поставлять то, чего нет в списке, бьюсь об заклад, закатит истерику, если мы не позаботимся об *этом!* А, ничего, все легко исправить.

Мел вытащила водонепроницаемую ручку, чтобы дописать недостающий пункт внизу списка.

— Сейчас зайду к Линдону, и…

И тут ундина осеклась. Ручка застыла буквально в волоске от страницы.

— О-ой!

Сияющая улыбка вдохновения озарила ее лицо. Зеленовато-желтый язычок скользнул по острым рыбьим зубкам. Ундина так поспешно ринулась в отель, что Хорк, гном-привратник, еще долго недоумевал, действительно ли он слышал из уст ундины гортанное, злорадствующее *муа-ха-ха-ха-ха.*

Вечеринка Беллы Франклин, немноголюдный, но роскошный бранч,[5] устроенный в элегантно обставленном номере «Оберон», принадлежавшем отелю «Тернан», выгодно контрастировал с ухоженной и отшлифованной вульгарностью гостей.

Все руководство «Сперанца сторм косметикс» сгрудилось вокруг фуршетного стола и жевало с таким азартом, словно сама их жизнь зависела от накопления слоя пропитанной креветками плоти: иначе им просто не пережить зиму. Появившийся из кухни бедняга официант с подносом грибных шляпок, начиненных крабовым мясом, едва не погиб в давке. Покрытый потом шеф-повар, разделывавший говяжий бок, в отчаянии сжимал нож, умоляя дать ему передохнуть: несчастный со скоростью автомата шлепал на тарелки гостей куски мяса. Высоко над жадно поглощающей угощение компанией парила никем не замеченная Селина. Фея-повариха имела все причины выглядеть довольной: сегодня она превзошла себя. На стол был подан даже зажаренный целиком поросенок с обязательным яблоком во рту и бесплатной тату на левом окороке, изображающей лицо Беллы Франклин.

С самой леди, которую таким странным образом обессмертила фея, оскорбление скатилось, как апельсиновый соус со спинки лонг-айлендской утки. Короче говоря, как с гуся вода! Она прислонилась к открытому бару, пробуя сухое мартини и обозревая сцену.

Триумфально улыбаясь, она выцедила в стакан последние капли из стоявшего у ее локтя отдельного шейкера и по заведенной привычке, завернув шейкер в бумажную салфетку, сунула его в сумку — расшитую стеклярусом торбу, купленную именно из-за поистине бездонной вместимости.

— Выглядите счастливой, миледи, — уныло выдавил Биксби. Он по-прежнему был герметически запаян в облик гавайского милашки, если не считать того, что ради сегодняшнего события напялил смокинг.

— Почему бы и нет?

Белла смела в пропасть сумки все картонные пакетики с бумажным спичками, добавила для ровного счета две мисочки из-под арахиса (включая арахис) и гордо объявила:

— До этой минуты уже шесть вице-президентов «Сперанца сторм» соизволили потолковать со мной. От них так и несло бесплатными устрицами «Рокфеллер». Уж они точно вспомнят мое имя, когда придет пора раздавать награды на следующем съезде.

— Браво, миледи.

Белла оскалилась в улыбке пантеры.

— Бедный Биксби, вот ты совсем не кажешься счастливым. Может, хотя бы выпивка тебя развеселит.

Взмахом руки она подозвала бармена.

— Еще один сухой мартини для меня и ирландский кофе для моего друга.

В глазах Биксби мелькнул огонек надежды, мгновенно погашенный короткой жестокой фразой:

— Впрочем, нет, кофе не надо. — И бессердечная госпожа, потрепав по щеке потрясенного Биксби, проворковала: — Ай-ай-ай, а счастье было так близко! Тебе едва не удалось перехватить кофе из родного отеля, а мы оба знаем, чем это кончится. К счастью, я вовремя успела тебя спасти.

— Как скажете, миледи.

Одинокая слеза слетела с ресниц Биксби.

К бару приблизились Берри и Мел — стройные, шикарные, скучающие, затянутые в черное.

— Полагаю, мы угодили вам, мэм? — осведомился карлик с высоты необычного для него роста.

— Сойдет, — вальяжно бросила Белла. — Но какой дурак придумал делать такие громоздкие аранжировки?

Она ткнула пальцем в величественные заросли краснодева, орхидей и роз на каждом столе.

— Это Линдон, мэм, — пояснил Берри. — Он любит масштабы, как, впрочем, все великаны-людоеды.

— Людоед, который к тому же чертовски удачливый бизнесмен, — вставила Мел.

— И что такого умного в том, чтобы впихнуть целую клумбу на каждый стол? Сплошная трата денег, ничего больше, — фыркнула Белла, обводя рукой комнату.

— Тут вы не правы, миледи. Никаких лишних затрат, особенно если использовать одни и те же аранжировки на нескольких мероприятиях.

— Что? На нескольких… — ахнула искренне удивленная

новостями Белла.

Мел кивнула.

— Именно. И все остаются на месте. Ни одна из аранжировок не исчезнет между ланчем для подружек невесты в час дня, пятичасовым чаем и семичасовым юбилейным обедом. Кто захочет утащить домой такую громадину? У кого сил хватит?!

— Хотите сказать, что после *моей* вечеринки он потащит *мои* цветы к кому-то еще? — допытывалась начинающая закипать Белла.

— Честно говоря, мэм, это не ваши цветы.

Откуда-то, как по волшебству, появился список Беллы, который и предъявила Мел.

— Как видите, вы вообще забыли указать аранжировки, какого бы то ни было размера. Ни маленькие, ни большие. И тот факт, что отель «Тернан» все же предусмотрел украшение для столов…

— Ваши нимбы перешлю почтой! — рявкнула Белла. — А теперь прошу извинить, мне нужно позаботиться о *приглашенных* гостях.

С этими словами она грубо протиснулась мимо Берри и Мелузины. Биксби поплелся следом.

За спинами друзей возник тролль Том. Он тоже принял облик человека и выглядел поистине неотразимым в своей униформе охранника. Правда, бедняге было явно не по себе от бесцеремонных знаков внимания со стороны присутствующих дам.

— Не возражаете, если стану держаться поближе к вам? — спросил он, бросая опасливые взгляды на хищниц. — Бррр! Пялятся на меня так, словно готовы слопать.

Селина, слетев с люстры, устроилась у него на плече.

— Сожалею, Том, но они не в силах устоять. Все дело в каменно-твердых мышцах. Жаль, девочки не подозревают, что это и в самом деле камни, — рассмеялась она так самозабвенно, что свалилась в ухо тролля.

— Селина!

Не подумав, как это может выглядеть со стороны, Берри запустил пальцы в ухо Тома и спас фею от гибели в кратере вулкана ушной серы.

— О-о-о-о-о-ой!

Вопль полнейшего ужаса и отвращения, вырвавшийся из горла весьма важной персоны, только что наблюдавшей за процедурой спасения Селины, заставил всех присутствующих устремить взоры в сторону четверых приятелей по покеру.

— Что это за тварь?! — взвыла женщина. — Таракан? Заполз

ему в ухо?

— Эй! Никакой я не таракан! — заорала взбешенная Селина. Перепуганные дамы подняли отчаянный визг.

Начался массовый исход. Менее чем через минуту последними признаками недавнего пребывания в номере целой кучи прожорливых баб были рассыпанная шелуха креветок, царапины от каблуков на паркете и облако неумеренно наложенных теней для век и румян, слетевшее с лиц всполошившихся женщин и сейчас медленно опускающееся на покинутые столы.

— Вот это да! — воскликнула фея, оглядывая опустевший номер, где каждый звук отдавался гулким эхом.

— Вы… монстры! Что вы сделали с моими гостями? — взревела Белла Франклин. — Вы самым бессовестным образом нарушили условия пари!

— Мэм, мы договаривались устроить вам вечеринку, только и всего, — напомнил Берри.

— И ни одним словом не коснулись продолжительности этой вечеринки, — добавила Мел, уколов Беллу еще сильнее, хотя бы потому, что говорила чистую правду.

Но сейчас Белле было не до логики. Берри и Мел, не успев оглянуться, получили по оплеухе, и все под аккомпанемент непристойных ругательств. Селина оказалась проворнее и легко взлетела к потолку. Белла прокляла ловкую фею и, окончательно озверев, набросилась на Тома. Сильный удар в подбородок вызвал вопль боли. Вопль, нужно сказать, исходивший не от Тома.

— Чертова мифологическая невежа! — процедила Мел на этот раз с улыбкой. — *Некоторые* люди знают, что тролли сделаны из камней.

— Вы погубили меня! — завопила Белла, осторожно придерживая покалеченную руку. — Унизили перед всем руководством «Сперанца сторм»! Да знаете ли вы, *кто из приглашенных первой* увидела мерзкого таракана?! Всего лишь президент «Сперанца сторм косметикс»! Вы разрушили мое будущее! Я убью вас!

— Прошу прощения, мэм, — заметил Том, — но хотелось бы видеть, как вы это сделаете.

Белла скрипнула зубами.

— О, вы еще увидите! Все увидите! Вернувшись домой, я уморю Биксби работой. И много времени это не займет! Отныне он лишается доступа к кофеварке!

Друзья хором ахнули.

— Мэм, вы не сделаете этого! — вскричала Мелузина. — Оставить его без священного напитка! Невероятная жестокость

даже для смертной!

— И невероятная глупость, — добавила Селина с потолка. — Если уморите Биксби, кто будет вашим домашним рабом?

— Жила я без него раньше, — парировала Белла, — обойдусь и теперь.

— Мэм, умоляю вас подумать, — выдохнул Берри. — Мы будем скорбеть о потере Биксби, но это нас не убьет.

— Конечно. Вас уничтожит людоед Линдон, — ехидно ухмыльнулась Белла, несмотря на боль в ушибленной руке, — Линдон, истязатель троллей, палач карликов, угнетатель ундин и ненавистник фей. Линдон, который терпеть не может проигрывать. Думаете, я не слышала, что вы там плели? Как только Биксби откинет копыта, вам придется взять в игру Линдона и либо позволить ему выигрывать все партии, либо погибнуть в его пасти. Лично мне плевать, разоритесь вы или будете съедены. Может, он убьет вас не сразу, но, уверена, вы еще будете молить о скорой смерти.

Она повернулась ко всей компании спиной и громовым голосом окликнула Биксби. Тот мгновенно примчался на зов.

— Мы едем домой. Прощайся.

— Да, миледи, — грустно ответил брауни. — Прощайте, Том, Селина, Мелу…

— Не прощайте. До свиданья, — перебила Белла с безжалостной усмешкой и направилась к двери, прекрасно понимая, что Биксби покорно последует за ней даже на смерть. Однако у стола она остановилась ровно настолько, чтобы подхватить и опустить в сумку одну из высоких цветочных композиций. Правда, головки цветов торчали наружу. Должно быть, проделывать это с больной рукой было сущим мучением, но, как всегда, жадность затмевала все остальные соображения.

— Мэм, вы не можете это унести. Цветы не принадлежат… — начал Берри.

— После всего того, что я пережила в этом клоповнике? Такого ничем не окупить! — отрезала Белла и вылетела из номера «Оберон», с грохотом хлопнув дверью.

Стены все еще тряслись, когда Берри, Том, Мелузина и Селина сменили потрясенные выражения лиц на коварные улыбки.

— Прекрасно скоординировано, друзья. Идеально согласованные действия, — объявил Берри и, взяв мобильник, повернулся к Мел: — Сейчас?

Карлик нажал кнопку ускоренного набора, произнес несколько хорошо продуманных слов, и через мгновения покой

отеля «Тернан» расколол душераздирающий вопль боли и ужаса, за которым последовало мертвенное молчание, через минуту прерванное звуком тяжелых, зловещих шагов, приближавшихся к закрытой двери номера «Оберон».

Линдон, великан-людоед, возвестил о своем появлении мощным пинком, пославшим дверь на другой конец комнаты. Одна массивная лапа держала цветочную аранжировку, едва не покинувшую отель в недрах торбы Беллы Франклин. Линдон осторожно поставил цветы на стол и вышел без единого слова, небрежно ковыряясь в клыках, где застряли жилистые, липкие, алые ошметки. Под локтем удалявшегося людоеда проскользнул Биксби, лишившийся облика смертного и дрожавший всем телом от пережитого потрясения.

— Он… он съел… съел… Съел ее! — выкрикнул брауни, боязливо глядя в широкую спину чудовища.

— Что ж, надеюсь, так оно и есть, — кивнула Мел. — Во всяком случае, именно таков был наш план.

— Слава благословенной Мельнице, все сработало! — вторил Берри, вытирая лоб свернутым в комочек платком. — Если бы Франклин не стащила эти цветы…

— Упустить такой случай? Она?! — отмахнулась Мел. — Вопрос был не в том, проглотит ли она наживку, а в том, когда это произойдет. И поверь, уж я-то знаю наживку. Лично!

— Но как он мог пойти на такое? — запротестовал Биксби. — Как мог сожрать постоялицу? Законы гостеприимства…

— Не простираются на цветочный магазин, тем более, если постоялец не платил за цветы, — докончил Берри.

— Даже у людоеда, вроде Линдона, есть определенные моральные принципы, — добавила Мел, — и один из них — абсолютная нетерпимость к мелкому воровству, тем более, что все эти аранжировки крайне необходимы ему для сегодняшнего бармицва[6] у Зигельманов.

— Мазлтов![7] — воскликнула Селина и хлопнула в ладоши. Тут же появился гоблин-коридорный с подносом, на котором стояли дымящийся кофейник, четыре чашки и наперсток для феи.

— Смесь «Тернан груп», — самодовольно объявила она, едва ее приспешник сунул чашку в руки Биксби, после чего обслужил остальных.

— Добро пожаловать домой!

Биксби с благодарностью проглотил напиток, скрепивший прежние узы, глубоко вздохнул и пробормотал:

— Ах, мои дорогие друзья, чем мне отблагодарить вас?

— Попытайся хоть иногда проигрывать партию-другую, — предложила Селина.

— Или просто скажи Мелузине спасибо, — подсказал Берри. — Это была ее идея.

— Нет, не стоит благодарности, — возразила ундина, заключив Биксби в теплые и немного влажные объятия. — Эй, как насчет кофе и дармового шоколадного пирожного? Поверь, есть куда худшие способы начать день!

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Esther M. Friesner. At These Prices. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

Майкл Пейн
РЕЧНОЙ ЧЕЛОВЕК

Помост пристани Канбир видел слишком много потопов; Клем шевельнулся на прогнутой скамье, пока не нашел удобную ямку и не опустился в нее с глубоким вздохом. Все-таки уже весна, дожди скоро уймутся, и движение по реке опять оживится. Сегодня Талия тихо и спокойно текла вдоль причала. Джунгли по обоим берегам реки ерошил ветерок, солнце вверху приплясывало между облаков, его теплые лучи пробивались вниз, согревая шкурку Клема, а тени тучек отлетали от берега, приятно касаясь хвоста.

Зажмурившись, он принялся размышлять об океане. Теперь в прибрежные города перебралось уже столько носух, что с каждым новым путешествием вниз по течению Клем все дольше и дольше наблюдал за покойным колыханием великого простора. Соленый морской запах, рокот разбивающихся валов, одна только величина океана превращала все затоны и водовороты Талии в сущую ерунду, и Клем вполне мог понять тех, кто стремился

перебраться туда. Еще раз вздохнув, он свернулся на скамейке и, навострив уши, принялся вслушиваться, стараясь уловить свист и пыхтение баржи Старого Эфрама, совершающей свое путешествие вверх по реке.

Однако из дремоты его вывел не гудок, а голоса, точнее, два голоса, носухам не принадлежавшие и споривше под плеск волн и шелест джунглей. Клем перекатился на бок, чтобы посмотреть в нужную сторону. Тонкий мяукающий голосок принадлежал, должно быть, кошке, но в звуках другого… в них угадывалось нечто незнакомое.

— Ну конечно, — говорил этот второй голос. — Будто это я хотела оказаться в этом местечке! Будто все это всамделишное!

— Не скули, нечего разоряться, — ответила кошка. — Можно подумать, что это я потребовала, чтобы мы явились в эти вонючие джунгли? Знаешь, мне почему-то так не кажется… Ты бы еще сказала, что я придумала это с самого начала!

— Да?! Именно ты и задумала это с самого начала! Герка, признавайся!

— Ну да, обожаю, когда из меня выдергивают по волоску ради спасения тех, кого я ненавижу. Подумай как следует, Бетти.

— Не смей меня так называть! Меня зовут Элизабет!

— А ты не называй меня Геркой!

— Кстати, что это за имя такое — Геркина?

— Геркина — это старинная и почтенная кошачья кличка, Бетти, а кроме того…

В это мгновение обе спорщицы появились из-за поворота дороги внизу под пристанью. Клем сел и посмотрел на них. Одна из них действительно была кошкой, обыкновенной бродяжкой, из тех, что пляшут среди звезд, где бы они ни оказались, начиная от Глубинного Прошлого до самого Дальнего Будущего. Но другая… другая должна была принадлежать к роду людскому. Клем и не слышал, чтобы существовали другие, похожие на людей, создания: они ходят на задних лапах, словно медведь, лишены меха, как ящерица, и носят мохнатый куст на голове, как у террги, они гладкие, как дельфин, но цветом, скорее, похожи на рыбу… Тонкие руки и ноги этой особы укрывал слой ткани.

Продолжая спорить, они поднимались к платформе; дернув хвостом, кошка произнесла:

— Хочу, чтобы ты поняла — я делаю это только по доброте! И если я покину тебя хотя бы на пару минут — тогда, ам! Поняла? Достанешься на обед гремлинам.

— Не надо, прошу тебя! А кто извлек твой хвост из когтей боксера по дороге сюда, скажи мне?! А кто…

— Эй, а кто здесь из нас двоих профессиональная

глайдерамблерша? — Кошка изогнулась и лизнула свой хвост. — Вы, люди, прямая угроза навигации, это просто и ясно. У вас нет никакого чувства реальности!

Человеческое создание остановилось на верхней ступеньке платформы и поглядело вниз, на кошку:

— Реальность? Реальность?! Прости меня, Герка, но реальность имеет очень мало общего с говорящими животными, роботами и прыжками через пространство от планеты к планете! Реальность — это будильник, который звонит в 6:15 каждое утро, чтобы ты могла чем-то перекусить, прежде чем автобус отвезет тебя в школу на дополнительный урок физкультуры, чтобы ты могла, может быть — пройти тесты по физподготовке, может быть — поступить в приличный колледж, или может быть — на дополнительные занятия, которые нужны, чтобы получить работу, на которой платят побольше, чем в других местах, и может быть — самостоятельно заработать на жизнь!

Она обвела рукой джунгли, реку, пристань и самого Клема:

— Все это представляет собой не что иное, как вздорный и лихорадочный сон, и я абсолютным образом отказываюсь тратить остаток своей жизни на скитания в этом бредовом видении!

Тут человеческое создание повернулось и крикнуло в ту сторону, откуда пришло:

— Слышите меня?! Вы всего лишь колода карт! Ничтожества!

Потом девушка посмотрела на кошку, стиснув зубы и кулаки, но мурлыка только зевнула.

— Ты закончила? — спросила она.

Человеческое создание явно было готово пинком отправить кошку в реку, но вместо этого содрогнулось и словно уменьшилось в размере. Оно рухнуло на скамью и голой частью передней лапы утерло лоб.

— Просто… просто оставь меня в покое…

— Конечно. — Кошка подошла к краю причала, посмотрела в обе стороны реки, а потом повернулась и кивнула Клему: — Как дела, кузен? Не скажешь ли, когда вверх по реке пойдет следующая баржа?

Клем заставил себя улыбнуться:

— Вверх по реке? Кузина, в это время года вверх по реке ходят только такие дураки, как я, но я делаю это лишь по долгу службы.

Он протянул лапу.

— Меня зовут Клементо Паракас, но можно просто Клем. Кошка прикоснулась к его лапе.

— Мое имя — Геркина, а это… — она кивнула в сторону человеческого создания, — все, что осталось от Бетти Кауфиц.

— Элизабет, — простонала человеческая особа, осевшая на скамье, прикрывая рукой глаза. — Меня зовут Элизабет.

— Неважно, — Геркина улыбнулась Клему. — Так ждать нам баржу или нет?

— Может, и будет. — Клем прищурился на солнце, прыгавшее от тучки к тучке. — Эфрамы обычно заходят сюда около полудня, когда совершают рейс. Примерно через месяц они будут появляться два раза в неделю, но в дождливый сезон… — Он широко развел лапы.

На мохнатой мордочке Геркины вновь появилась улыбка.

— Эй, Бетти, ты слышала? Кажется, мы здесь застряли надолго.

— Чудесно, — скрипнула та в ответ. Поглядев на нее, Клем вежливо кашлянул.

— Прости меня, кузина Элизабет, но действительно ли ты являешься *человеческой* персоной?

Подняв руку, она окинула его яростным взглядом.

— Да, я человек! И если ты сейчас собираешься сообщить, что, мол, видеть человека в обществе глайдерамблера — дело, безусловно, необычное, то окажи любезность и промолчи. За последние недели — а их было много — я уже наслушалась подобных комментариев, и они мне порядком надоели!

Белые, с кружками посередине глаза моргнули.

— А сам ты, собственно, кто такой? Енот?

— Из носух будем. — Клем улыбнулся. — Извини, если обидел. Просто за всю писаную историю долины Талии человеческие создания побывали здесь всего два раза. Впрочем, не знаю, насколько часто люди встречаются среди глайдерамблеров: по долгу службы я все время около реки.

Кошка склонила голову набок:

— А что ты делаешь? Клем расправил усы:

— Я гриот.

Кошка и человеческая персона смотрели на него с недоумением.

— Простите, забыл, что вы из другого мира. Скажем так: я местная газета, если не напутал со словом. Я езжу вверх и вниз по течению Талии, от поселений, которые находятся в снежной стране, до самой Баллавувы, и рассказываю обитателям нашего края о том, что происходит на свете.

Геркина хлопнула лапкой по скамье.

— Эй, Бетти, если это не удача, то не знаю, что и сказать! Элизабет резким движением села, скамейка под ней скрипнула.

— Речной Человек, — спросила она, поглядев на Клема круглыми глазами. — Ты не знаешь, где найти Речного Человека?

— Речного Человека? — Клем на мгновение утратил дар речи. — А откуда вам о нем известно?

Кошка пожала плечами.

— Это все роботы в Дальнем Будущем, они хранят всякие сведения и выкладывают тебе, хочешь ты этого или нет.

— Но… но… — Клем посмотрел сперва на одну, потом на другую. — Зачем вам понадобился Речной Человек?

— Он должен вернуть меня обратно. — Элизабет подошла по пристани к скамье, на которой устроился Клем. — Роботы сказали, что он выполняет одно желание того существа, которое сумеет его найти, какой бы невероятной ни была просьба. У меня нет другого шанса вернуться домой.

Клем тряхнул головой.

— Кажется, я чего-то не понимаю. Разве Геркина не может вернуть тебя в твой мир?

Кошка фыркнула.

— Могла бы, если бы это я доставила ее сюда. Однако Бетти заявилась сюда сама и сделала это самым сложным способом.

— Сложным способом?…

Элизабет потянула себя за длинную желтую шерсть на голове.

— Ага. Я сделала это сама. Клем был потрясен.

— Но… но это ведь невозможно! Совершать глайдерамбль способны только кошки!

Человеческая особа скривилась.

— Так мне говорили…

— Но… как ты вообще сумела?…

— Не знаю! — Элизабет взмахнула сразу обеими руками. — Я просто бежала к автобусу! Он был уже на остановке, и когда я огибала угол, окатил меня дымом; я закашлялась, потеряла равновесие и упала. Вокруг меня был только дым, и я… я не рухнула на тротуар… Только падала и падала… — Она вздохнула. — Дело-то вот в чем: возможно, в данный момент я просто валяюсь без сознания в канаве на углу Пятой и Кэри.

— Да, Бетти выкинула изрядную штуку. — Геркина почесала за ухом. — Она не знает, каким образом сумела переместиться, поэтому ей неизвестно, как найти путь домой, а мы, кошки, не можем обнаружить его, потому что не доставляли ее сюда. Роботы обследовали ее и сказали, что она происходит из мира людей, примерно 1998 год от РХ, что оставляет нам… ну, всего около 40 000 миров. Я уже приготовилась к началу расследования, но тут явились они, рассказали ей об этом Речном Человеке, и вот мы здесь.

— Но… ты не можешь… — Клем вновь повернулся к

Элизабет. — Ты должна знать, из какого мира происходишь!

Та поперхнулась смешком.

— Ага. Знаю. Из *настоящего*.

— Нет, я хочу сказать, из какого среди множества…

— Не старайся, кузен, понапрасну, — Геркина постучала хвостом о бок Клема. — Понимаешь, наша Бетти убедила себя, что попала внутрь какого-то кошмара, и то, что псы-боксеры едва не разорвали ее на клочки, не смогло переубедить эту особу.

Заморгав, Клем уставился на девушку, однако, прежде чем он успел что-либо сказать, снизу реки донесся свисток, и из-за поворота, пыхтя, выползла «Тимирос»; на палубе и вдоль планширов были привязаны ящики. Клем увидел на носу баржи Молодого Эфрама, крыс помахал ему, когда судно повернуло к причалу; Старый Эфрам гнулся в лоцманской кабинке, одной лапой управляя двигателем, а другой — вращая штурвал. Молодой Эфрам перепрыгнул на пристань, закрепил причальный канат на носу и бросился за кормовым линем; Старый Эфрам шевельнул лапами, рокот мотора умолк, и баржа глухо толкнулась в доски.

Пока Молодой Эфрам закреплял кормовой трос, Старый Эфрам выставил голову из окошка лоцманской рубки.

— Привет, гриот! — воскликнул старый крыс, блеснув темным зрячим глазом. — Какие новости?

— Хорошие, плохие и так себе, — как всегда, откликнулся Клем, а Старый Эфрам, как всегда, закатился смехом, постукивая лапой по стенке рубки. — Рано ты в этот раз, дружище.

— Все дело в погоде, — Старый Эфрам кивнул молодому крысу. — Расскажи ему, парень, а я пока начну разгружаться.

Молодой Эфрам поднялся по грузовой рампе на площадку пристани.

— Мы получили вести из дельты, гриот: на нас надвигается жуткая буря. Баллавува и прибрежные города ждут шести дюймов осадков, однако самое худшее начнется, когда шторм доберется до гор. Мы со Стариком оставляем здесь половину груза, чтобы добраться в Бентито до начала ливня. — Заметив на помосте еще двоих, он отвесил им легкий поклон: — Добрый день тебе, глайдерамблер, и твоей спутнице. Простите, но я должен помочь Старику. У нас осталось несколько часов.

И он направился вниз к Старому Эфраму, отвязывавшему веревки с ящиков.

Клем потер усы.

— Последняя буря дождливого сезона всегда самая кошмарная. — Он повернулся к гостьям: — Боюсь, сейчас не время гоняться за слухами. Не хотелось бы огорчать вас, но

признаюсь: никогда не видел никакого Речного Человека, хотя провел на реке всю свою жизнь. Конечно, время от времени кто-нибудь является с новой повестью о нем, и я передаю ее дальше, но если хотите знать мое мнение: все это только легенда.

Элизабет вздохнула.

— О Боже! Даже мои собственные галлюцинации рождают свои галлюцинации!

— Ты, наконец, перестанешь? — Геркина с негодованием поглядела на нее. — Если среди нас находится галлюцинация, Бетти, я бы сказала, что это ты!

— Не называй меня Бетти!

— Ах, неужели скверная галлюцинация оскорбила Бетти в лучших чувствах?

Ссора разгорелась с новой силой, поэтому Клем направился вниз по рампе, чтобы помочь Эфрамам разгрузиться. У Старого Эфрама были ключи от находившегося возле пристани сарая, и Клем вместе с Молодым Эфрамом принялись перетаскивать вверх по рампе ящики, на которые указывал старый крыс, и складывать их внутри. Через некоторое время Элизабет оставила свой спор с Геркиной и пришла на помощь; будучи выше ростом, чем Клем или Молодой Эфрам, она могла и взять больше, поэтому работа пошла быстрее и скоро оказалась законченной.

Клем опустился на скамью возле задремавшей кошки, а Элизабет, вытирая лоб, вышла из склада. Указав большим пальцем на сарай, она спросила:

— А с этим ничего не случится? Паводки здесь сильные?

— И даже очень, — заверил Клем, — однако пока им ничего не удавалось поделать с причалом.

Молодой Эфрам как раз запирал замки на двери.

— Более прочного сарая на берегу Талии не найти, можешь не беспокоиться. — Повернувшись, он опустил ключи в карман жилета. — Спасибо за помощь, кузены, однако нам пора в путь.

Элизабет немедленно подобрала со скамьи свою куртку. Клем внимательно поглядел на нее и спросил:

— Итак, кузина Элизабет, что ты решила?

— Я хочу убраться отсюда, — ответила та. — И если для этого нам придется разыскать мифическое создание, значит, мы займемся этим делом.

Клем невольно улыбнулся:

— Значит, ты все-таки поверила в то, что мы реальны? И что ты попала в такое место, откуда можно выбраться?

— Нет. — Она откинула волосы со лба. — Однако, пребывая в иллюзии, приходится соблюдать ее правила: однажды я видела нечто подобное по телику. Просто разные части моего ума

сталкиваются друг с другом, и мне придется выполнить то решение, которое сложится само собой. Вот в Риме…

— Я была в Риме, — перебила ее Геркина, свернувшаяся клубочком на скамейке. — Катулл, Цицерон, цезари… и какие же это были задницы, скажу тебе честно… — Кошка поднялась и потянулась. — Так едем или как?

Двигатель баржи ожил, пропел свисток. Геркина поскакала вниз по рампе причала; Клем жестом пропустил Элизабет вперед, и все они скоро оказались на борту. Пока они работали, тучи над головами сгустились, потемнели и заволокли все небо. Молодой Эфрам перебросил на борт причальные концы и перепрыгнул на баржу; Старый Эфрам вновь потянул за ручку свистка, и пристань Канбир неторопливо поползла назад, медленно уменьшаясь.

Клем отвел остальных в кабину, располагавшуюся под лоцманской рубкой. Здесь ничего не переменилось, если не считать располагавшегося посреди помещения стола: вместо крошечного треснувшего столика, за которым Клему приходилось столь часто сиживать, каюту заполнял огромный дубовый обеденный стол, вокруг которого теснились шесть стульев и четыре прижавшиеся к стенам койки.

Следом в каюту вошел Молодой Эфрам, и Клем спросил:

— А это что еще такое? И как вы затащили его сюда?

Крыс расхохотался и указал когтем в сторону лесенки, располагавшейся с правой стороны каюты:

— Старина увидел эту вещицу на базаре в Баллавуве и просто не сумел устоять; ты ведь знаешь его. Мне с тремя грузчиками пришлось четыре часа возиться — разбирать стол, отворачивать ножки, снимать дверь каюты…

Он покачал головой, зажигая фонари, чтобы прогнать вливавшуюся сквозь иллюминаторы тьму. Клем кивнул:

— Жаль, что меня не было при этом. — Отодвинув кресло, он втиснулся между ним и столом. — Устраивайтесь поуютнее, кузены.

Взмахом лапы Клем пригласил сесть парочку, остававшуюся стоять у противоположной стены, а потом посмотрел на две двери, находившиеся в другой стене.

— Гальюн слева, кухня справа, и не выходите наверх, пока у штурвала Старый Эфрам. — Он глянул на крыса. — Я ничего не забыл?

— Вон та лесенка ведет вниз, в машинное отделение, — добавил Молодой Эфрам, — поэтому не спускайтесь туда. Атак — наслаждайтесь поездкой. Я схожу к старику, узнаю, как он там.

Поклонившись, крыс направился к лестнице. Геркина уже вскочила на стол и бродила по нему, обнюхивая различные

черные и бурые пятна.

— Очаровательная компания…

Поглядев на лестницу, Элизабет села.

— А почему он все говорит «Старик»? Они ведь не люди, а крысы. Клем, заморгав, уставился на нее, однако кошка сказала:

— Бетти, тебя часто называют тупицей? Когда ты перемещаешься, язык часто действует иначе, поэтому-то ты и можешь понимать чужую речь. Вспомни, я ведь все это уже тебе объясняла.

— Объясняла? Герка, ты только и говоришь, что язык действует иначе. Но это никакое не объяснение! Его вообще невозможно понять!

— Теперь тебе уже не нравится, как я говорю?

— Мне не нравится уже то, что ты вообще разговариваешь! Однако нельзя удивляться тому, что тупое животное неспособно правильно изложить свои мысли!

Покачав головой, Геркина лизнула переднюю лапку.

— Бетти, девочка моя, тебе необходимо самым серьезным образом изменить свое отношение к действительности.

— Нет, мне необходимо выбраться отсюда! — Элизабет уперлась подбородком в сложенные руки. — Выбраться из этого сумасшедшего дома и вернуться туда, где все устроено разумно!

— Разумно? Уж я-то слышала, как ты описывала свою землю всезнающим роботам, и могу тебе сказать, что твой мир устроен не более разумно, чем другие. Впрочем, будучи всего лишь тупым животным, я, наверное, не понимаю всех тонкостей…

Элизабет окинула кошку яростным взором, и в комнате воцарилось безмолвие. Которое, впрочем, следовало назвать относительным: ветер завывал за иллюминаторами, по стенкам каюты уже барабанили капли дождя, вдалеке грохотал гром. Даже при самой лучшей погоде от Канбира до Бентито нужно было плыть сорок минут, но буря уже доставала их своим краем…

Клем кашлянул:

— Я не знаток вашего глайдерамблерирования, однако могу посоветовать вам обеим исчезнуть отсюда, прежде чем разразится буря. Едва ли мы успеем вовремя добраться до Бентито, а во время грозы на реке делать нечего.

Кошка фыркнула:

— Именно, кузен. В глайдерамблерировании ты не знаток. Имей в виду: мы никуда не исчезаем. Мы танцуем, перемещаясь из пространства в пространство. К тому же этого нельзя проделать в произвольном месте. У каждого мира есть особые точки, где можно сойти, а можно подняться, и здесь этого не сделать.

— Понимаю. — Клем потер усы. — Тогда нам лучше надеть спасательные жилеты.

Он нагнулся, чтобы дотянуться до ящика, находящегося под одной из коек.

Лишенная меха кожа Элизабет побледнела.

— Ты… ты считаешь, что дело настолько плохо?

— Особого веселья ждать не приходится… Геркина зевнула и потянулась.

— Простите, но после того, как мне пришлось иметь дело с псами-боксерами и гремлинами, ничто земное меня не тревожит…

Уши ее дернулись, следуя громовому раскату; налетевший порыв ветра превратил стук капель о стенку каюты в барабанную дробь, и баржа заметно качнулась.

— Конечно, — добавила кошка, — весь этот шум способен вывести из себя даже самую здравомыслящую личность.

Клем как раз открыл ящик, извлек из него три оранжевых спасательных жилета, перебросил самый большой Элизабет, а самый маленький положил на столе возле кошки. Обнюхав его, Геркина закатила глаза и повернулась к Элизабет, которая трясущимися руками возилась с застежками. Кошка коротко усмехнулась:

— Что я вижу? Неужели воображаемая буря способна испугать тебя, Бетти?

Человеческая особа как раз надевала жилет через голову:

— Заткнись, Герка! Я просто выполняю правила игры, которые установил мой мозг.

— Ах, да, конечно… Только не забывай почаще напоминать себе об этом.

На лестнице прозвучали шаги, и в каюту соскользнул Молодой Эфрам.

— Похоже, река сегодня торопится. Старик решил причалить к берегу: река вздувается, течение отгоняет нас назад; как бы не влететь кормой в какой-нибудь баобаб. Держитесь внутри, кузен и кузины, а то вот-вот начнет трясти. — С этими словами он подобрал с пола желтый дождевик, надвинул шляпу на уши и распахнул дверь. Внутрь хлестнул дождь, в проеме двери под облаками сверкнула молния, и дверь захлопнулась.

Клем распрямился и принялся вслушиваться в голоса крыс; они перекликались под шум бури; суденышко уже раскачивалось, и тут гул машин внизу смолк, уступив место шуму дождя и посвисту ветра. Через мгновение дверь распахнулась, и внутри появился Молодой Эфрам, по дождевику которого стекали ручьи воды.

— Ф-фу! Вот это настоящая буря!

— В самом деле? — голос Геркины мог показаться самым сухим предметом в комнате. — Никогда бы не подумала!

Молодой Эфрам только ухмыльнулся:

— Груз привязан надежно. Вода не поднимется больше, чем на несколько футов, поэтому оставайтесь здесь, и мы все пересидим. — Он затолкал мокрую шляпу в карман. — Я буду наверху в лоцманской рубке, если вам что-то понадобится… Клем, ты, наверное, знаешь наши порядки не хуже меня самого… но если что будет не так, кричите.

И он полез вверх по лесенке.

— Жуть, — буркнула кошка, поворачиваясь к Элизабет. — Ну и как, теперь тебе весело?

Баржу уже раскачивало по-настоящему, и кожа человеческого создания приобрела зеленоватый оттенок.

— Терпеть не могу никаких лодок. Мой папа каждое лето заставляет нас ездить на озеро, и я всякий раз под конец чувствую себя настолько мерзко…

Закрыв глаза, она откинулась на спинку кресла.

— Не стоит думать об этом, — посоветовал Клем. — Вспоминай свой дом. Представь, что ты вернулась, и это тебя ободрит.

Геркина вновь буркнула:

— Уж меня-то точно это ободрит!

Какое-то время они сидели, прислушиваясь к голосам реки, дождя и ветра, дружно старавшихся проникнуть внутрь каюты. А потом Клем услышал уже другой шум — дальний гул и грохот, которые доносились с верховьев. И сразу же он вспомнил о другой опасности…

— Селевой поток, — произнес Клем.

Тут грохот и треск окружили их, иллюминаторы по левому борту словно взорвались. Стенка каюты прогнулась и лопнула, грязь, камни и ветви хлынули внутрь, накренилась вся баржа. Клем попытался вскочить, однако стул его приник к столу, вместе с которым скользнул вниз, в дыру в стене, а потом и в реку.

Течение сразу подхватило Клема, попыталось подмять его и унести вглубь, однако он вцепился когтями в крышку стола и удержался на нем. Река заметалась, как загарпуненный аллигатор, перевернула стол вниз столешницей, и вода охватила Клема. Однако он только покрепче вцепился в стол, медленно, с усилием перебирая лапами, дотянулся до края столешницы и взобрался на нее. Тут его схватила мокрая и теплая рука, и он услышал голос Элизабет:

— Клем! Клем! Что с тобой?!

Задохнувшись, он попытался ответить. Клема повело в сторону, а потом оказалось, что дождь хлещет уже не так сильно. Отдышавшись, он принялся протирать глаза лапами.

Молния прорезала облака, и Клем увидел бурлившую под ним реку. Вода скользила под столом, его торчавшие вверх ножки зацепились за ветви баньяна. Рядом с ним на толстом суку устроилась Элизабет; с длинной шерсти на голове ручьем стекала вода. Баржи поблизости не было, дождь занавешивал все вокруг серым грохочущим пологом. Обхватив его голыми человеческими лапами, она закричала:

— Что случилось?! Где Геркина?! И где наш корабль?!

— Селевой поток! — завопил в ответ Клем. — Он катит в реку с горы, и в нем не столько вода, сколько камни и грязь! Я… — он умолк, потому что на них надавило нечто большое и прямоугольное; ветвь наклонилась и дрогнула, стол оторвался и направился вниз по течению реки, высвобожденный ящиком, ударившим в него. Элизабет сумела крепко ухватиться за ветвь, и Клем обнаружил, что слишком глубоко запустил когти в ткань, прикрывавшую ее ногу. Впрочем, отцепившись, он не заметил крови и отодвинулся со словом «Прости!».

Она ничего не почувствовала.

— А ты не видел Геркину?

— Я ничего не видел. Нам нужно продержаться, пока не кончится дождь, а потом попытаемся подняться вверх по берегу и посмотрим, что случилось с баржей!

Дождь начал слабеть прямо на этих словах; вой ветра в ветвях над головой превратился в ровный стук капель, только что царившая вокруг тьма начала рассеиваться, а внизу реки появились прорехи в облаках. Клем посмотрел на ветви. Ему еще не приходилось видеть, чтобы гроза уходила так быстро.

— Смотри-ка! — Элизабет поднялась на ноги, встряхнув ветвь. Она указывала на клок серой шерсти, появившийся посреди потока. — Геркина! Мы здесь!

Течение, подносившее лохматый комок поближе, заставляло его шевелиться, однако осмысленных движений со стороны подозрительного предмета не наблюдалось. Клем припал к ветке, чтобы Элизабет смогла наклониться. Обхватив ветку одной рукой, она нагнулась к поверхности реки, выудила из нее ком мокрой шерсти, а потом села, положив его на колени.

Это и впрямь была кошка — насквозь промокшая и неподвижная. Элизабет прикоснулась дрожащим пальцем к ее шейке.

Легкое прикосновение заставило голову откинуться без всякого сопротивления. Элизабет вздрогнула так, как если бы ее

что-то ужалило, и уставилась на лежавшее на ее коленях тельце.

— Нет, — прошептала она, и Клем различил за шумом воды: — О, нет, Геркина, нет…

Клем подобрался поближе.

— Должно быть… она застряла под столом. — Он опустил лапу на колено Элизабет. — Мне очень жаль, кузина.

— Нет, — проговорила снова Элизабет, не отводя глаз от бездыханного тельца Геркины. — Нет, этого не должно было случиться! Она, то есть все это… это же сон… — Она осторожно прикоснулась к боку кошки, но та не пошевелилась. Солнечные лучи брызнули сквозь листву, разбрасывая вокруг мелкие тени, и Элизабет прижала к глазам свои лишенные шерсти лапы. Прячет глаза от солнца? Клем поглядел вверх. Тучи уже разделились на ватные горы, башнями уходившие в хрустальную синеву. Ветер стих, баньян окутало безмолвие. И Клем понял, что слышит теперь одни лишь рыдания Элизабет: даже река под ними притихла.

Но как это может быть? Клем посмотрел на реку и… встретил чей-то ответный взгляд. Нечто поднялось над поверхностью воды, точнее, выросло из нее — Нечто, шерсть и лапы которого образовывала вода, а в столь же жидкой голове камешками темнели глаза. Текучим движением оно поднялось из реки прямо перед ветвью и замерло, надежно упершись водяными ногами в текучую поверхность.

— Это же сон, — проговорило оно голосом, который можно было уподобить туману. — Всего лишь сон, а ты все-таки горюешь.

Элизабет вздернула голову, глаза ее покраснели:

— Заткнись!

Тут она увидела загадочное создание и утратила дар речи. Первым сумел заговорить Клем.

— Речной Человек, — выдохнул он.

Создание повернулось к нему, сверкнув каменными глазами:

— Гриот. Мне приятны твои рассказы. — После чего оно вновь повернулось к Элизабет: — Но ты! Ты приводишь меня в недоумение. Разве можно так плакать?

Элизабет утерла глаза:

— Она была моей подругой.

— *Воображаемой?*

Лицо человеческой особи исказила вспышка гнева:

— Заткнись! Она была мне другом больше, чем все знакомые люди!

— В самом деле?

— Да! — Элизабет поникла головой. — В самом деле. А

теперь… уходи…

Клем посмотрел на нее и попытался объяснить, мол, она взволнована и сама не понимает, что говорит. Однако Речной Человек взмахнул водяной конечностью, и Клем вдруг обнаружил, что не в состоянии произнести ни слова. Ему оставалось только сидеть и смотреть на поникшую Элизабет.

— Значит, мне уйти? — спросил Речной Человек, скрестив на груди руки. — Но ведь ты явилась сюда, чтобы отыскать меня. Ты хочешь попасть домой, не так ли?

Она подняла голову:

— А ты способен отправить меня туда? То есть на самом деле?

— Не вижу причин, которые могли бы помешать мне.

— Но… — глаза ее опустились к застывшему на коленях тельцу. — А что будет с ней?

— Ну, ты не сможешь взять ее с собой. — Речной Человек потер свою водяную физиономию. — Если тебе будет угодно, я могу поглотить ее тело.

— Нет! — Элизабет вздрогнула и едва не свалилась с ветви. — Нет, я хотела спросить, можешь ли ты… можешь ли…

— Вернуть ее назад? — Он развел руки. — Прости, но правило есть правило: одному клиенту положено одно желание.

Элизабет посмотрела на тело, перевела взгляд на Клема:

— Послушай! А ты не попросишь его?

— Это не его желание. — Улыбка тронула усы Речного Человека, с которых капала вода. — Желание гриота мне известно, однако его очередь еще не пришла. — Он указал на Элизабет острым, как сосулька, когтем. — Нет, человек, сейчас твое время просить, твое время решать.

Вновь скрестив руки на груди, он замер над речной гладью, словно гигантский столб, не отводя каменных глаз от Элизабет.

Та стойко выдержала этот взгляд. Еще раз посмотрев на уже начавшее коченеть тельце Геркины, на вытекавшую из ее рта струйку воды, Элизабет перевела взгляд на небо. Наконец, закрыв глаза, она прошептала:

— Не могу. Хотелось бы, но не могу. — Она неторопливо открыла обращенные к Речному Человеку глаза: — Верни ее назад. Пожалуйста, верни ее.

Речной Человек развел жидкими руками и начал растекаться по поверхности воды. Клем ощутил, как ослабли путы, сковывавшие его тело, и уже готов был обратиться к исчезающей фигуре, когда Геркина закашлялась и дернулась на коленях Элизабет. Та негромко вскрикнула, и сразу же над головами их сомкнулись облака, ударила молния, прогремел гром, а внизу под

баньяном взревела вода. Клема разом охватил холод, и дождь загремел по листьям, едва ли не заглушая доносившийся со стороны далеких верховьев рев водопадов.

— Ты жива! — вскричала Элизабет и, схватив кошку, прижала ее к груди. — Ты жива!

Геркина кашляла и отплевывалась, стараясь выбраться из объятий:

— Была жива, пока ты меня не придушила! Полегче, обезьяноподобная!

Элизабет выпустила кошку из рук, и та спрыгнула на колени девушки.

— Ничего не понимаю! Что это со мной было?

Клем все не мог отвести глаз от реки — той самой, возле которой он вырос, где провел всю свою жизнь, путешествуя от верховьев к низовьям и обратно; резкий толчок в бок вернул его на толстую ветвь. Геркина пристально смотрела на него:

— Итак, кузен, что ты можешь сказать *мне?*

Язык его не мог пошевельнуться, а шерсть до сих пор стояла дыбом, поэтому на вопрос ответила Элизабет:

— Мы подумали, что ты погибла. Селевой поток пробил дыру в стенке каюты; то есть мы с Клемом еще ничего не успели понять, и тут я увидела на воде тебя, схватила, ты не дышала и… и… — Она торопливо тряхнула пучком волос, разбрасывая капли воды. — Но теперь-то с тобой все в порядке, так?

Геркина, моргнув, посмотрела на девушку:

— Вроде бы да.

Кошка снова кашлянула, и тельце ее сотрясла дрожь.

— Увы, пневмонии теперь не избежать, я в этом не сомневаюсь, однако пока я держусь. — Она перевела взгляд на Клема. — А как ты, кузен?

— Не знаю… — сумел выдавить он. — В самом деле, не знаю.

Внизу под ветвью баньяна бурлила вода, и Клему показалось, что он заметил внутри водоворота два обращенных вверх любопытных глаза.

Тут от верховья реки донесся свист, отвлекший внимание Клема. Подняв голову, он заметил показавшуюся из-за изгиба реки шлюпку с «Тимирос». Клем видел трос, привязанный к корме небольшой лодки, а Молодой Эфрам веслами направлял ее путь по середине вздувшейся реки; свист вновь пронесся над джунглями, когда лодка остановилась в излучине реки.

— Эфрам! — завопил Клем, и Элизабет присоединилась к нему. До их ушей донесся его ответный крик:

— Охо-хо, там!

— Элизабет, — сказал Клем, — встань, чтобы он смог

заметить твой оранжевый спасательный жилет.

Геркина скатилась с колен Элизабет, девушка встала и принялась кричать и махать свободной рукой, крепко схватившись за ветку над головой:

— Эфрам! Сюда! Мы на дереве!

Крыс повернул голову, не переставая работать веслами; Клем заметил, как насторожились его уши и шевельнулись усы, когда Молодой Эфрам наконец повернулся в их сторону. Он отвесил несколько пинков привязанному к корме тросу; из-за береговой излучины донесся гудок, и лодка вновь поползла вниз по течению. Клем слышал плеск воды под веслами, которыми Молодой Эфрам направлял лодку ближе к стволу, скрип уключин, натужное дыхание крыса, и наконец лодка оказалась под их ветвью. Молодой Эфрам трижды торопливо ударил по корме, и лодка остановила свое скольжение вниз по течению. Крыс все еще шевелил веслами, хотя лодка трепетала в воде, как воздушный змей на веревочке.

— Поторопитесь! — распорядился он, стараясь перекричать спешившую вниз реку. — Мне не хотелось бы врезаться в стволы этого баньяна!

Подхватив Геркину, Элизабет опустила ее в лодку; Клем жестом указал девушке прыгать следом, а сам соскочил вниз только после того, как они с кошкой устроились на носу. Молодой Эфрам распорядился:

— Придется тебе подвинуться, Клем; мне нужно дать Старику сигнал.

Клем согласно кивнул и перебрался на край скамейки; откинувшись назад, Молодой Эфрам пять раз стукнул по натянутому тросу. За стеной джунглей пропел свисток баржи, и лодка поползла вверх по реке. Молодой Эфрам, налегая на весла, уводил их от затаившихся в потоке ветвей.

Дождь барабанил по неторопливо продвигавшейся к излучине лодке. Геркина свернулась клубочком на коленях Элизабет, однако теперь бока ее вздымались, усы подергивались, лапы шевелились. Повернувшись, Клем заметил «Тимирос», по-прежнему привязанную у левого берега Талии, Старый Эфрам стоял, опустив лапу на рукоятку лебедки. По правому борту торчали клочья рваного металла, однако Клема удивило то, сколько ящиков оставалось на месте.

Когда они оказались у самой кормы, Старый Эфрам крикнул:

— А мой стол?! Где мой стол?

Молодой Эфрам буркнул себе под нос нечто неразборчивое, а потом ответил:

— Наверное, пираньи сожрали! Клем указал когтем назад:

— Мы проехали на нем за эту излучину, но потом течение унесло его дальше…

— Хорошая была вещь, — огорчился вслух старый крыс, пока Клем привязывал лодку к причальным кольцам, а Молодой Эфрам передавал наверх весла. — Ну ладно, поднимайтесь обратно на борт. Теперь ничего не поделаешь, а нам надо добраться до Бентито, пока до нас самих не добрался настоящий фронт.

Клем вскарабкался наверх по лестнице из трех звеньев, свисавшей с кормы баржи; остановившись, он поглядел на крыса:

— Настоящий фронт? А этот что, игрушечным тебе показался?

Ступив на палубу, он взял полотенце, протянутое ему Старым Эфрамом.

— Нет, конечно, в подлинности ему не откажешь: он, проклятый, смыл пять моих ящиков и стол. Однако предупреждали нас не о нем. — Эфрам показал вниз по реке. — Тот только приближается к нам.

Клем поглядел на Элизабет, которая перебиралась через ограждение, поместив Геркину на шее, как воротник. На западе серые облака темнели, приобретая на самом краю горизонта истинную черноту жуткой бури. Поморгав, Клем повернулся к Старому Эфраму:

— Но твой шторм еще даже не подошел к побережью! Старый Эфрам пожал плечами:

— Я же сказал, что нас предупреждали не о прошедшей буре.

Он повернулся здоровым глазом к Молодому Эфраму, перелезавшему через поручень:

— Отвязывай линь, парень, и поднимай лодку на борт. Когда начнется *этот* шторм, я не намереваюсь находиться к реке ближе, чем таверна Бельцайра. — Он показал когтем на Элизабет: — А всем вам, наверное, лучше подняться в рубку лоцмана — там тепло.

Повернувшись спиной к пассажирам, он отправился к носу судна.

Соскочив с плеча Элизабет, Геркина сделала несколько неровных шагов, поскользнулась и упала на бок. Моргнув, кошка принялась вылизывать бок.

— Терпеть не могу воду! — сказала она. Элизабет присела на корточки возле нее:

— Я понимаю. Давай-ка выбираться отсюда, хорошо?

— Что? — посмотрела на нее кошка. — Бетти, девочка моя…

— Не смей называть меня так!

— Неужели мне нужно напоминать, что мы оказались здесь

по твоему требованию… или ты забыла, что хотела отыскать Речного Человека, дабы он вернул тебя домой?

— Речного Человека! — скривилась Элизабет. — Ты же слышала слова Клема: это всего лишь легенда. Разве ты сама не говорила, что у этих роботов иногда в головах разбалтываются гайки? Нам нужно уходить отсюда. Вижу, здесь можно скитаться несколько лет, но так ничего и не найти.

Геркина ухмыльнулась:

— Ну-ну. А я-то думала, люди не поддаются обучению. Неужели наша Бетти начинает прислушиваться к голосу рассудка?

— Заткнись, Герка. Просто, ну, просто от этого мира… — она потерла руки, — меня бросает в дрожь. Наверное, мы можем подыскать себе более перспективное занятие, чем бродить по джунглям в поисках несуществующего создания.

— Вот это деловой разговор! — Геркина поднялась на все четыре лапы, поежилась и торопливо села. — Я знаю кое-кого из приближенных Высшего Одинокого, которые могут нам помочь. Пробиться к ним наверх весьма сложно, они тоже способны выкидывать всякие штучки, но мне уже приходилось иметь с ними дело и добиваться успеха. — Она посмотрела на Клема. — Прости, кузен, но реки не вдохновляют меня.

— Понимаю, — проговорил Клем, ощутив, как колыхнулась баржа. — Наша река нередко удивляет даже меня. Войдем внутрь?

— Аминь — говорю тебе, — процитировала Геркина и, поднявшись на ноги, скользнула между ящиков в кабину.

Элизабет повернулась, чтобы последовать за ней, но Клем опустил лапу девушке на плечо:

— Почему ты ничего не сказала ей? Если Геркина узнает, что ты…

— И не вздумай рассказать ей! — отрезала Элизабет, а потом, покачав головой, положила руку на плечо Клема. — Если она узнает, то, наверное, начнет думать, что в долгу передо мной. А я этого не хочу. Я не желаю, чтобы она думала обо мне иначе! — Кривая улыбка казалась странной на плоском лице. — Она поддерживает меня в боевом настроении, потому-то я жива до сих пор. Словом, Клем, прошу тебя, ничего не рассказывай.

Клем не мог не улыбнуться:

— Но я же сказитель! Она усмехнулась:

— Тогда подожди до тех пор, пока мы не уйдем отсюда, ладно? Машины застучали, баржа неторопливо отвалила от берега. Молодой Эфрам скользнул мимо к лебедке:

— В Бентито прибудем через двадцать минут. Нечего

мерзнуть наверху, входите.

— Спасибо тебе, Эфрам. — Клем повернулся к Элизабет. — Иди, а я постою здесь немного.

Потрепав его по плечу, девушка повернулась и вошла в каюту. Клем проводил ее взглядом и попытался представить себе миры, полные людей, миры, которыми правят машины, миры, которыми владеют чудовища — там, в небе, открытом для глайдерамблеров. Небо над его головой казалось совсем крохотным, а до облаков явно нетрудно было достать лапой.

Но река плескалась возле борта баржи, и, опустив взгляд, Клем поглядел на ее бурные, темные воды. Он попытался припомнить истории, которые рассказывал возле очагов в городах и поселках на берегах Талии: о Человеке-Бабочке, о Карликах-Землеройках, сказания столь же сказочные, сколь и то, которое повествовало о Речном Человеке. Мысль эта заставила его улыбнуться.

Помахав реке лапой, Клем повернулся и вошел в каюту.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Michael Payne. River Man. 1993. Публикуется с разрешения автора.

Игорь Пронин
ТРОЕ БЕЗ ДОКУМЕНТОВ

1

Ты хочешь, чтобы я рассказал о себе?

А мне вот неинтересно слушать о незнакомцах…

Патруль привел человек пятьдесят, но почти всех Доломи уже отпустил. Народ обычный — все больше шудры, перепуганные новостями о прорыве фронта и кинувшиеся бежать куда глаза глядят. Удивительно, как слухи распространяются по Степи с такой скоростью? Вернувшемуся с ужина начальнику станции осталось только бегло просмотреть список и коротко переговорить с командиром патруля. Не бросать ведь обезумевших граждан на произвол их же безумия? Пусть ведет

строем до Кларума, там стены высокие и гарнизон большой. Успокоятся — разберутся, как дальше жить. Но оставались еще трое.

— Подозрительные! — коротко сообщил Доломи, поправляя фуражку. — Полагаю задержать, господин Пешти.

— Посмотрим…

Он уже смотрел — все трое стояли перед ним. Люди, двое мужчин и женщина. Выглядят так, что действительно надо бы арестовать.

— Документов не имеют, печатей тоже. Задержаны по одному, — продолжил Доломи. — Сопротивления не оказывали, скрыться не пытались.

— Оно и понятно, куда ты в Степи от патруля убежишь? Ладно, начнем. Вот ты! — Начальник станции ткнул пальцем в худощавого молодого человека. — Как звать?

— Кей Римти. — Задержанный переступил рваными сапогами, звякнула цепь. — Родом из Сароса. Я к морю шел. А документов нет, потому что меня ограбили неделю назад. Печать стерлась, я ведь месяца три в пути, от самой Древли пешком иду.

— Чем занимаешься?

— Я поэт.

— Нет такой профессии… — Пешти укоризненно покачал головой, глядя в вороватые глаза Римти.

— Зато есть такой образ жизни!

— Пишите, Доломи: бродяга. Теперь твоя очередь байки рассказывать, господин…

— Хью Грамон.

Второй задержанный был весьма невысок, широк в плечах и совершенно лыс. Пешти отметил, что выглядит Грамон опрятно, но лишь собственными стараниями — тут и там виднелись аккуратные заплаты.

Аккуратные, но заметные, мужская работа. Перевязь, когда-то довольно дорогая, совершенно истерлась. Было в нем что-то военное.

— Кшатрий?

— Так точно. Переведен из вайшьясов во время Второй Степной.

— Вижу, что не наследственный… Тоже бродяга?

— В настоящий момент — да, — не стал спорить Грамон. — Ищу службу. Документы утерял. Я долго жил на Территориях, и печать…

— Понимаю, понимаю. Вы задержаны. Ваша очередь, госпожа! Женщина, на вид лет тридцати, развела руками, насколько ей позволяли кандалы.

— А что говорить? Звать меня Офа Чандр, иду с Территорий, как вы их зовете. Документов нет и не было, печатей тоже. Хочу просить имперское гражданство. Можно сейчас заявление написать?

— Доломи, пишите: женщина без гражданства, род занятий не определен. — Пешти встал из-за стола и хрустнул пальцами. — Все, уводи. Дождемся разъезда, с ними и отправим.

— Так что, это запрещено что ли, гражданства просить?! — возмутилась госпожа Чандр. — Сами же пишете: «В целях заселения Степи, по Высочайшему Указу»!

— Пишем, пишем. Это хорошо, что ты такая грамотная, — кивнул Пешти, накидывая френч. — А еще пишем, что обращаться с заявлением нужно к пограничным властям.

— Ага, найди их в Степи, этих ваших пограничников! Они там только сами себя охраняют!

Доломи поднялся во весь свой немалый рост и погрозил задержанной дубинкой.

— Патрульные говорят, она намекала на… В общем, чтобы отпустили. Может, отметить ей в сопроводительной?

— Зачем нам это нужно? — поморщился Пешти. — Кому надо — разберется. Хотя… Вот этому проставь, что особо опасен!

Начальник станции покинул кабинет. Доломи перевел тяжелый взгляд на Хью Грамона. Коротышка только пожал плечами, звякнув цепью.

2

Если ты не бывала в тюрьме,
Значит, ты не бывала в пути.
Вот счастливица!

Их заперли в одной камере, что тут же вызвало поток проклятий со стороны Офы Чандр.

— Это только до утра! — пообещал Доломи. — А в нужник тебя отдельно сводят, стучи.

— Ага, «стучи»! До утра меня тут на куски, может, порвут! Да еще этот… «особо опасный»!

— Он в цепях. Кричи, если что.

Окошко захлопнулось, в камере наступила тишина. Кей Римти разулся, наполнив помещение ароматом пеших странствий, и печально уставился на рваные сапоги. Грамон, как был, повалился на топчан и прикрыл глаза.

— Воняет-то! — сморщилась Офа. — Иди хоть постирай свои портянки, неряха, тут вода есть.

— Сапог мой правый — парень бравый, прошел немало он дорог, но дошагался и порвался, и больше вынести не смог…

— Чего?

— Сапог мой левый, я не первый, кто на себя тебя надел, но в общем тоже ведь из кожи, и вот протерся, заболел…

— Он что, полный идиот? — Офа посмотрела на особо опасного Грамона. Коротышка, не открывая глаз, фыркнул. — Не поняла…

— Он поэт.

— И что? И я должна сидеть тут всю ночь с придурком и с бандитом? Мама дорогая, бред какой! — Она подошла к зарешеченному окошку, встала на цыпочки. — Кажись, водокачку видно. Станция… Я никогда поездов не видала. А вы?

Никто не ответил, но Офу это не расстроило. Пока она вытягивала шею, стараясь разглядеть хоть что-нибудь еще, поэт наконец оторвал взгляд от сапог, чтобы впиться им в показавшиеся под платьем тонкие икры женщины. Судя по улыбке, которая тотчас появилась на его губах, начался новый приступ вдохновения.

— Только не вслух! — попросил его Грамон. — А то у меня плохие нервы.

— Насколько плохие? — насупился Римти.

— Почти такие же плохие, как твои стишки. А вот этой железкой, — коротышка тряхнул кандалами, — я могу очень быстро сломать тебе шею.

— Поговорил бы я с тобой в другом месте и в другое время… — Поэт даже сплюнул на пол. — Все вы крутые, когда охрана кругом.

Грамон резко сел на топчане, но Римти совершенно напрасно отскочил к двери — глаза кшатрия выражали лишь изумление.

— Это ты сейчас мне сказал, рифмоплет? Мне?

— Ладно, ладно! — чересчур уж громко сказал поэт. — Проехали… Только не надо так.

— В смысле — «так»? — не понял Грамон. — У тебя что, стихи хорошие?

— Стихи плохие… — Римти вернулся на свой топчан, но присел с краешку. — Все же это не значит, что на меня можно голос повышать. Я же не жалуюсь, что меня заперли со шлюхой и…

— Чего?! — Офа, с интересом наблюдавшая за мужчинами, даже подскочила. — Как ты меня назвал?!

— Он больше не будет. — Грамон снова лег. — Он извинится. Только не устраивай драки, пожалуйста.

— Драки? Да я ему просто глаза вырву!

— Прости! — Римти, то ли в самом деле раскаиваясь, то ли из иных побуждений, рухнул на колени и склонил голову. — Ударь, если хочешь, только прости… Сорвалось.

— Я тебе сейчас еще что-нибудь сорву! — Офа схватила сапог поэта и несколько раз хорошенько треснула его по макушке. — Что б ты сдох, сволочь! Маму свою так называй, понял?!

Римти только вздрагивал, терпеливо ожидая завершения экзекуции. Наконец сапог развалился на две части, и Офа отшвырнула оставшийся в руке задник.

— Сволочь! — добавила она и окончательно успокоилась. — Никогда не видела поезда. Они ведь редко ходят, да?

— Завтра утром будет поезд, — сообщил Грамон. — Идет из Ошпорта до самой столицы.

— А ты откуда знаешь? Римти тоже поднял голову.

— Знаю…

3

Всегда смешно людей мне видеть,
Что полагают, будто не песчинки,
А прямо-таки люди!

Паула забрал у Пешти свиток с сообщением и сжег его в уничтожителе бумаг.

— Я там, кажется, не все понял… — запоздало пробормотал начальник станции.

— Я повторю. Кентавры идут прямо на нас. От трех до шести эскадронов. Их преследуют четыре конных полка, но, конечно, не успеют. Станция обречена, нам предложено эвакуироваться.

— Но… А если кентавры успеют раньше, до поезда? Брамин только пожал плечами.

— Ну да, ну да… — Пешти прошелся по кабинету мага, ожесточенно расчесывая затылок. — У меня только две роты пехотинцев и стрелки. Ну, мобилизовать всех — это будет еще полсотни… Не удержимся, да… Уходить в Степь? Вообще получится резня, мои орки каре держать не привыкли.

— Ты бы лучше подумал, что им здесь нужно. — Паула высыпал на стол содержимое ящика стола и принялся просматривать бумаги. — Водокачку разрушить и персонал перебить? Невеликое достижение, если иметь в виду, что уйти обратно будет очень трудно.

— Им нужен поезд? — Пешти сел в кресло, достал из кармана трубку. — Так давай, и правда, успокоимся.

— Ну, давай, — согласился маг, не отрываясь от своего занятия.

— Поезд… Смогут кентавры взять поезд?

— Маловероятно. Измором могли бы, но у них не больше двух дней до подхода кавалерии.

— Тогда зачем это все?

— Не знаю. Я просто предложил подумать. — Паула закончил просмотр бумаг и свалил все в уничтожитель. Коротко вспыхнуло бездымное пламя. — Привычка такая у браминов: думать. Но, может быть, кентавры просто заблудились и не понимают, что прижимаются к побережью.

— Кентавры заблудились в Степи?! Маг, ты забыл, откуда эти дикари родом. Им здесь каждая травинка родная. И выгнали их не так давно, чтобы хоть что-то изменилось. Как хорошо, что я услал беженцев с патрулем… Должны успеть уйти с пути кентавров. А я в любом случае обязан дождаться поезда, если поспешим — дадим троллям воды. — Пешти, так и не закурив, убрал трубку. — Все, брамин, думай сам, а мое дело — действовать.

— Действуй, кшатрий. Пешти выскочил на платформу.

— Доломи! Поднимай всех строиться, срочно!

Как только дверь за ним закрылась, маг быстро достал из шкафчика небольшую бутылочку и жадно отхлебнул. Брамины тоже боятся смерти. А думать и бояться одновременно практически невозможно.

4

В компании хорошей можно
Чудесно время провести,
На дом горящий глядя изнутри.

— Забегали чего-то! — Офа снова тянулась к окошку. — Темно уже почти, а они забегали…

— Попробуй что-нибудь услышать. — Грамон подошел и легко поднял женщину. — Так удобно?

— Ничего, спасибо… Ане разберешь, орут да матерятся — солдаты. Орки в основном. Я не знала, что орков на станцию пускают.

— А они граждане Империи, в отличие от тебя! — съязвил давно оправившийся от побоев Римти, подпрыгнул и подтянулся на руках к решетке.

— Сколько их там? — поинтересовался снизу ущемленный в правах ростом и кандалами Грамон. — Хоть примерно?

— Ну, не знаю… Сотни две, а то и больше. Отсюда не все ноги видно.

— Общее построение, — хмыкнул коротышка. — Ночью. Перед прибытием поезда. Я думаю, кентавры, от которых мы все драпали, где-то поблизости.

— А мне говорили… — уставший поэт спрыгнул вниз. — Мне говорили, что как раз к побережью они не пойдут, что тут их могут загнать на полуостров — и все!

— Правильно говорили, — кивнул Грамон. — Оттого их в этом направлении и встретить оказалось некому. Если начальник станции попробует ее защищать, то все мы скоро умрем. Тут просто нет порядочных укреплений.

— А если не попробует? — Офа опустила голову, разглядывая блестящую макушку кшатрия. — Бежать надо! Кентавры — это… Они злющие!

— Он обязан защищать станцию, если не будет другого приказа. Вот что… Начнется заваруха — надо нам самим выбираться. — Грамон поставил Офу на пол. — На крайний случай действуем так: ты зовешь охрану, чтобы в нужник сходить, а ты, поэт, кидаешься на первого, кого увидишь. Постарайся хоть немного его задержать. Я займусь остальными.

— Это — виселица, — мрачно произнес Римти. — Причем для всех. У виселицы нрав простой: закрутит руки за спиной, потом возьмет тебя за шею, подергает твоей ногой…

— Заткнись! — простонала Офа.

— А кентавры тебя быстро зарежут, но сначала задницу раздерут, — заметил Грамон.

Римти затряс головой, словно в припадке.

— Это сплетни!

— Да не такие уж, я всякие трупы видел… Офа Чандр, ты со мной?

— Естественно. — Женщина посмотрела на поэта, и тому показалось, что она мгновенно изменилась. — Кентавры никого в живых не оставят, дурачок. Значит, и свидетельствовать против нас будет некому. Сейчас как раз построение, наверняка во всем здании, кроме охраны, никого нет. Темно, суета. Уйдем в Степь — никто нас не найдет.

— А если напоремся на кентавров? — упорствовал Римти. — А если кентавры на станцию не пойдут — тогда что? Утром по нашим следам двинет разъезд, и крышка!

Офа медленно развернулась к Грамону.

— Сломайте ему шею, Хью, обойдемся…

— Подождите! — Коротышка хмурился. — Я сказал: в крайнем случае! Утром тут будет поезд. Если мы успеем

погрузиться, кентавры нас не достанут. По крайней мере, несколько дней им на это потребуется.

— Но если кентавры придут раньше поезда — будет поздно. Во время драки никто меня в нужник не поведет.

Офа говорила холодно, отчетливо выговаривая каждый звук. Грамон бесцеремонно протянул руку и чуть наклонил ее голову, подставляя под лунный свет. В следующую секунду его собственная голова дернулась от хорошей затрещины, но Хью ее будто и не заметил.

— Я сказал: ждем. И еще я сказал, — коротышка ткнул пальцем в грудь поэту, — что ты нам поможешь. А теперь пора снова послушать, о чем говорят на построении наши защитнички.

5

Империя крепка тогда,
Когда народы, что живут в ней,
Относятся друг к другу с уваженьем
Или хотя бы не плюют друг в друга.

Поезд двигался ощутимыми рывками. Ит Колораль едва не расплескал чай и тихо выругался на эльфине.

— Тролли недовольны, — объяснил молодой подполковник Жекоби, сидевший у окна. — Не привыкли ходить в темноте. Да и воды им, как я слышал, дали только половину нормы.

— Не понимаю, отчего этих кентавров не смогли остановить раньше, — проворчал эльф. — Я видел их у стен Карлгорода. Силы много, но ума…

— Тут не стены, тут Степь, — обиделся за действующую армию кшатрий. — Когда эти ребята несутся на каре, и каждый выпускает десяток здоровенных тяжелых стрел во время атаки… Представляете, с какой скоростью они летят? Пробивают даже заговоренные доспехи. Да еще чертова способность выполнять мгновенные перестроения в конном строю. Словно единый организм! Нам никогда такой слаженности не добиться.

— Все равно не понимаю. Кентавры не роют колодцев, а идут от одного к другому. Можно было предусмотреть… отравить воду, в конце концов… — Колораль махнул рукой. — Расслабились после побед. «Боевые действия перенесены в глубь Северных Территорий, отныне Степь — неотъемлемая часть Империи…» И вот, пожалуйста.

— Не думаю, что сейчас нам уместно критиковать действия

маршала Тастиаля.

Эльф коротко, с досадой поклонился старшему. Господин Омо Ахастиаль, управляющий Двора герцога Недельвейза, закончил с кашей и аккуратно промокнул губы салфеткой.

— Я уверен, что маршал Тастиаль сделал все возможное, чтобы предотвратить прорыв, — вежливо отметил подполковник. — Возможно, нам неизвестна вся подноготная действий врага, в то время как маршал…

Ахастиаль вяло махнул салфеткой, обозначив конец разговора. Но подняться из-за стола не успел: через ресторан к ним спешил гном в поездной фуражке.

— Разрешите… Срочное сообщение от капитана поезда… Определенному кругу лиц…

Все трое получили по конверту. Гном откозырял и побежал дальше, к капитанскому столу, где пассажиры высшего класса ужинали сегодня в отсутствии капитана.

— Сперва следовало передать донесения им, а уж потом нам! — проворчал вечно недовольный Ахастиаль.

Молодому эльфу пришлось ждать, пока старший рассмотрит конверт со всех сторон; вскрыть свой раньше не позволяло воспитание. Подполковник Жекоби решил, что был уже достаточно любезен с эльфами, и первым с треском разорвал плотную бумагу.

— Идем без остановок до станции… — пробормотал он будто про себя, но на самом деле для Колораля. Понимая это, молодой эльф поджал губы. — Если кентавры окажутся там раньше, мы останемся без воды и вынуждены будем ждать подвоза… Не исключено боевое столкновение…

— Напомните мне! — Ахастиаль отнюдь не просил. — Напомните мне, какими силами располагает наш любезный капитан?

— Полк охраны, около пятисот мечей. Плюс экипаж, плюс пассажиры.

— Негусто… Что ж, положимся на броню. — Эльф наконец вскрыл конверт.

Колораль мгновенно расправился со своим и прочел сообщение.

— Как я понимаю, все складывается не лучшим образом! В поезде, за броней, мы отсидимся, но кентавры убьют наших троллей. Значит, придется ждать не только воды, но и новую упряжку! Насколько же мы тут застрянем?

— Торопитесь в столицу? — Ахастиаль опять скривил губы.

— Не я, а моя госпожа. — Тут уж старика можно было поправить. — Принцесса Эду Симиаэль, как вам должно быть

известно, едет на Имперский Бал, который не будет отложен. То же, кстати, касается и князя Быстрые Стрелы.

— Надо было воспользоваться морским путем. Орки, говорят, боятся воды, но вам-то… — Ахастиаль наконец дочитал и аккуратно спрятал документ. — Ах да, извините, я не вправе критиковать желания принцессы Симиаэль. Имперский Бал, надо же! Я и забыл. Позвольте откланяться.

Человек и эльф поднялись, кланяясь старику. Как только он уковылял прочь, Колораль вполголоса разразился длинной тирадой на эльфине.

— Вероятно, господин Ахастиаль находится не в лучшем состоянии духа, — улыбнулся подполковник.

Эльф вскинул голову.

— Прошу вас, не надо обращаться ко мне запанибрата! В конце концов, я втрое старше вас! — Колораль отставил недопитый стакан чая и поднялся. — Честь имею!

Жекоби, улыбаясь, смотрел ему вслед.

— Я еще сам твою честь поимею, хамло… Сука живучая… Тварь…

— Еще чаю? — рядом оказался гном-официант.

— Спасибо, брат, довольно! Передай повару мою благодарность! — Подполковник встал и, сунув монету в руку официанта, чуть прихрамывая, последовал за своими сотрапезниками.

6

Порой как долго на обед ни строишь планов,
А взглянешь на часы — так это ужин.
Вот, жизнь сама решает все за нас.

Кей Римти расхаживал от стены к стене в нервной задумчивости. Они слышали почти все, сказанное Пешти на общем построении станционного гарнизона. Теперь поэт отчаянно трусил, что случалось с ним каждый раз, когда надо было принять решение.

— Я бы не ждала, — повторила стоявшая у стены Офа Чандр.

Перебиравший звенья цепи, словно четки, Грамон едва слышно хмыкнул.

— Да, кшатрий, я бы не ждала. Я привыкла сама решать свою судьбу.

— Кстати, ты могла бы их снять? — Хью позвенел кандалами. — Хотя бы с ног.

— В другое время, в другом месте… — Офа нагнулась, рассматривая оковы. — Выберемся — сниму. Нужно восходящее солнце.

— Они заговоренные, как ты их снимешь, — буркнул Римти. — Имперская работа, не самодел.

Женщина хотела что-то сказать, но лишь махнула рукой.

— Поймите, господин Грамон, — снова обратилась она к коротышке. — Наша жизнь зависит теперь от того, кто появится здесь раньше — кентавры или поезд. А я хотела бы…

— Я все давно понял, — прервал ее Хью. — Повторяю: я нападу на конвой только в самом крайнем случае. Я не убийца. И еще мне почему-то не очень хочется путешествовать по Степи в вашей компании.

— Да ты что?! — Офа рассмеялась и пошла к двери, бесцеремонно отпихнув попавшегося на пути Римти. — Атакой крутой, особо опасный… Эй, охрана! Сводите барышню до ветру!

Пока Офа барабанила в дверь, Грамон успел встать и подобраться поближе. Поэт понял, что от него уже ничего не зависит. Открылось окошко, усатый орк оскалил желтые зубы.

— Что орешь? В углу ведро!

— Мне ваш старший сказал, что имею право в отдельный нужник сходить! Вот и веди, красавец.

— Ничего не знаю, — покачал головой орк, — мне не передали. Где особо опасный?

Офа отстранилась, чтобы охранник видел Грамона. Тот позвенел цепью.

— Ты это… Не дури. И ты, дама, тоже не дури. Спать ложитесь. Окошко захлопнулось. Офа Чандр, почему-то не ставшая устраивать истерику, присела на корточки.

— Что, господин Грамон, обстоятельства изменились? Каков ваш следующий план?

— Ты уж обращайся ко мне попроще, — попросил кшатрий. — Если тебя это интересует, к эльфам я отношусь хорошо. Или почти хорошо. К полукровкам тем более.

— Полукровка? — Римти, несколько успокоившийся, опустился возле Офы. — Никогда не видел! Но ты не похожа на эльфу, совершенно!

— Вот и отвали… — Офа сильно ткнула поэта в грудь, и он шлепнулся на задницу. — Не в зверинце, чтобы пялиться. Хью, я боюсь. Нам надо выбраться. Тебе разве хочется умирать в цепях?

Грамон прижал ладонь к двери. Несколько секунд сосредоточения, и вот уже легкое покалывание в пальцах,

распространяющееся по руке тепло… Заговорена. На станции наверняка есть маг, и в камере не осталось ни одной щелки, над которой он бы не поработал. Включая потолок.

— Я отсюда вижу, что заговорен, можешь не прыгать, — проворчала Офа, когда Хью, следуя своим мыслям, задрал голову. — Имперская работа, как выражается наш приятель. Тише… Поднимите меня!

Офа прыгнула к окну. Римти послушно приподнял женщину, постаравшись обеспечить себе максимальный контакт с ее боками и задницей.

— Эй! — что есть силы заорала полуэльфа, схватившись за прутья решетки. — Эй, начальник! Ты же обещал, что меня выведут в нужник, а говорят, не положено! Начальник! Эй! Я же слышала, ты где-то рядом!

Доломи, который отдавал последние распоряжения персоналу водокачки, с удовольствием пропустил бы эти вопли мимо ушей. Но бойцы уже начали оборачиваться, кто-то за спиной рассмеялся… Сплюнув, Доломи присел у решетки.

— Не до тебя сейчас, не ори. В ведро сходи, а эти пусть отвернутся. Римти услышал, как за его спиной негромко выругался Грамон.

Поэт оглянулся и увидел, что коротышка сорвал с топчана тонкое тюремное одеяло и скручивает его в жгут. Снова происходило что-то, решавшее его судьбу. Что-то страшное. Но Кей Римти предпочел сосредоточиться на исходившем от тела Офы тепле — это успокаивало.

«Когда держу тебя в своих ладонях, — подумал он, зажмурившись, — то будто по небу скачу на конях… Полуэльфа. Говорят, у них внутри все иначе… Когда бы слог мой был богаче…»

Что-то навалилось на него, и поэт кубарем покатился по полу, подминая под себя Офу. Нельзя сказать, что это уж совсем не было ему приятно, и все же эротический настрой куда-то улетучился. Женщина хрипло кричала, звала на помощь. Проморгавшись, Кей сообразил наконец, что особо опасный коротышка душит госпожу Чандр скрученным одеялом. Первым побуждением бродячего поэта было оттащить Грамона от Офы, но, во-первых, это оказалось непросто, а во-вторых, Римти иногда соображал быстро.

«Цепью ему было бы удобнее, если бы в самом деле хотел убить! — подумал он, одновременно получая удар локтем в скулу. — Древние маги, выручите меня в этот раз, как и всегда!»

— Конвой! — орал Доломи за окошком. — Драка в камере, разнимите их!

Грамон, приподнявшись, швырнул Офу через плечо, откатываясь от окошка.

— Тише, тише! — горячо зашептал он женщине в самое ухо. — Все, сейчас придут!

— Я тебя просто порву, придурок! — прошипела она. — Просто порву! Дай только время и место!

— Не дам! — пообещал Грамон. — Даже не надейся.

Загромыхали засовы. Оба примолкли, готовясь к решающему мгновению. Римти, стараясь даже не шлепать босыми ногами, отбежал в угол.

— Что вы тут затеяли, шантрапа? — Один орк шагнул к нарушителям порядка, замахиваясь дубинкой. — Кому не терпится?

Второй встал за его спиной, сосредоточив внимание на Римти. Еще один — в дверях. Поэт понял, что самое время определиться, на чьей он стороне, и тут же определился, плюнув в надзирателя. Орк взревел, кинувшись на обидчика. Не будь Римти вором и бродягой, все кончилось бы одним ударом, но годы общения с полицейскими дубинками выработали у Кея некоторый опыт. Он просто прыгнул навстречу оружию, не дав орку нанести полноценный удар, и вцепился в гибкое дерево обеими руками.

В это самое время Офа необычайно ловко подсекла другому орку ноги, так что Грамону осталось лишь нанести цепью точный, короткий удар по голове. Он хотел было схватить дубинку, но ею уже завладела госпожа Чандр. Игнорируя вопящего Римти, которого дюжий противник обрабатывал свободной рукой, она прыгнула к двери. Третий надзиратель успел приготовиться к обороне, но в последний момент Офа споткнулась, неловко упала и ткнула его дубинкой в пах. Грамон пролетел над ней, словно обмотанный цепями метеор, сшиб орка с ног и выкатился в коридор.

Как ни занят был Римти, но успел заметить мелькнувшую в дверном проеме короткую черную косу госпожи Чандр. Сложить по случаю предательства стихи времени не было, а вот выхватить у орка из ножен короткий кинжал — по счастью, он висел с правой стороны — поэт успел. Теперь можно было отпустить дубинку. Кей прыгнул на топчан и свернулся калачиком.

— Не бей меня, не бей, я больше не буду!

— Это… это… — Орк, освободив оружие, быстро оглянулся.

— Они убежали! — подсказал Римти, утирая кровь с разбитого лица.

— Только рыпнись! — пообещал надзиратель и повернулся к Кею спиной.

Лучше ему было этого не делать.

7

Как хорошо быть капитаном,
Когда все идет хорошо!
Но Император назначает
капитанов не для наслаждения.

Рош Лепеди, капитан поезда «Могучий», положил левый кулак на стол, правый — на левый и украсил сооружение сверху собственной рыжей бородой. В таком положении ему было удобнее рассматривать модель поезда, что раскачивалась на столе в такт рывкам поезда настоящего. Три цистерны с водой сразу позади четверки троллей, четыре вагона с рудой, экипажный, пассажирский, казарменный, вспомогательный, конюшня. Насмотревшись, капитан пальцем аккуратно отцепил последний вагончик и швырнул через плечо, после чего вернулся к созерцанию.

— Мы еще найдем его! — с наигранной уверенностью сказал старпом, устроившийся возле карты.

— Не найдем, — печально, но куда более веско ответил капитан. — В Степи дерева нет, а тут целая платформа, катки… Растащат по досочкам.

— Да тут же не живет никто!

— Уж не знаю, кто и как, а растащат — точно. Жаль.

В этот раз ни лошадей, ни других животных «Могучий» не вез, и волочить почти пустой конюшенный вагон за собой при такой спешке не имело смысла. Десять конников, положенных поезду по расписанию, уже умчались к станции — или предупредить тамошний персонал о скором прибытии, или погибнуть, если станция уже захвачена.

— Я бы отцепил и вспомогательный.

Третьим в кабинете был поездной маг Хо Диммо. С положенным браминам спокойствием он перелистывал какую-то книгу.

— Вспомогательный вагон забит под завязку частными посылками. Все подадут в суд. Я не собираюсь до конца жизни платить по искам.

— Суета… — неодобрительно буркнул маг и перелистнул страницу. — Можно ведь что-то придумать. Возгорание, например. И по всем инструкциям отцепить.

— Тюрьма по тебе плачет, мошенник. Ничего, тролли успеют… Они знают, что впереди водокачка, чуют воду. В общем,

хорошо идут, только раздражены очень.

Лепеди осторожно покатал модель по столу, будто проверяя на ней: успеют ли тролли? Четыре вагона с глобосодержащей рудой — вот где настоящий вес поезда. Ради них все. Морская магия ненадежна, потому и не возят руду кораблями.

— Новости, — вдруг сказал Диммо, отложил книгу и придвинул к себе позолоченный ларец. Под крышкой оказался свиток. — Разведчики кентавров уже возле водокачки. Приказ: по возможности поторопиться, персонал и охрана станции в опасности. Если мы будем там раньше — всех взять на борт, дальше — по обстоятельствам.

— Если начальник станции не дурак, сейчас построит каре и пойдет нам навстречу. Но господин Пешти, кажется, дурак… — задумчиво протянул капитан.

— Он не имеет права оставить водокачку.

— Если основные силы кентавров близко, водокачку не отстоять. И это скверно, без воды мы далеко не уйдем… Старпом! Передай погонщикам, чтобы наддали! Пусть обольют троллей из шлангов.

Когда дверь за помощником закрылась, Лепеди ударил кулаком по столу.

— Что происходит, брамин? Станция кентаврам не нужна, значит — мы нужны?

— Я могу только предполагать… — пожал плечами маг. — Если успеем напоить троллей и заправиться, то, может статься, дотянем до Морского моста…

— Вот если успеем заправиться и будет надежда — отстегну не только вспомогательный, но и казарменный, и пассажирский. В тесноте — не в обиде, если что, отсидимся здесь, в экипажном. Надо только провизию перегрузить и все баки заполнить. Четверка троллей даст нам тогда… — капитан повернулся к карте, прикинул, — дотянем до Моста, если сможем защитить троллей. Но на это мне придется половину людей положить. Если кентавры пойдут за нами. Но если они пойдут, то они самоубийцы какие-то, прижаться к морю для них смерть… Думай, брамин, а через час доложишь мне свои соображения.

— Ты капитан, — кивнул маг, уже вернувшийся к чтению. — Исполню.

8

Степь велика, ровна, пуста,
Присесть захочешь если —
далеко тебя видать.

Господин Пешти организовал оборону станции просто: завел орков в здания и приказал там забаррикадироваться. Сам вместе со стрелками и вооруженным чем придется персоналом разместился на водокачке — по крайней мере с крыши напорной башни обзор хороший. Было темно, но Пешти надеялся, что до рассвета кентавры не появятся. Как ни крути, а даже полукони по ночам передвигаются не слишком быстро.

— Слушай, Паула, а ведь они уже две недели как на нашей территории. От населенных пунктов держались в стороне, так? Привалы короткие. Чем же они кормились все это время, а? Кентавры ведь пьют как лошади, а жрут как драконы.

— Я думал об этом, — кивнул брамин, сидевший рядом на железной крыше. — Наверняка они измотаны, и припасов почти нет. А еще в колчанах у них не так густо, как в начале рейда. Что ж, это только доказывает, что шли они именно сюда с самого начала… Перехват поезда.

— Что они могут сделать «Могучему»?

— Остановить. Задержать. Там среди пассажиров два действительно значимых персонажа: эльфийская принцесса и оркский князь. Едут на Имперский Бал. Свита, гардероб… Про остальных мои коллеги ничего толкового сказать не могут. В общем-то, случайная публика.

— Эльфийских принцесс вполне достаточно, если учесть, как долго они живут. А у орков… — Пешти на всякий случай оглянулся, но на крыше были лишь люди и гномы из персонала станции. — У орков каждый второй князь.

— Каждого второго на Имперский Бал не зовут.

Они замолчали, вглядываясь в темноту, и мявшийся рядом Доломи решился заговорить:

— Господин Пешти, а позвольте, я с двумя парнями спущусь? Этот, который особо опасный, он же в кандалах — где-то совсем рядом! Не убежит!

— Забудь, Доломи! — строго сказал начальник. — Упустил так упустил. Кстати, кандалы нашлись, валялись под столом в караульном помещении. В свое время получишь взыскание. Я тоже виноват, надо было больше уделить внимания подозрительным… Теперь поздно уже. Разведчики кентавров могут быть совсем рядом, проткнут вас — пикнуть не успеете.

— Кроме того, этих троих, может быть, и в живых уже нет, — заметил маг. — У кентавров нюх получше человеческого. Темнота не поможет. А дикари разбираться где враг, где друг, не станут. Даже если сбежавшие — шпионы, встретиться с разведчиками

кентавров для них сейчас верная смерть.

— Что мы с ними нянчились? — Спорить с начальством Доломи не привык, но настроение у служаки не улучшилось. — Кентавры… Истребить их надо было в Степных войнах, а не «выстраивать отношения»… Козогребы хреновы.

— Не спорьте с имперской политикой, мой друг, — посоветовал ему брамин. — Это вас не красит. Императору виднее.

Доломи замолчал, с надеждой вглядываясь в темноту. Если бы засечь где-то движение, можно выстрелить наудачу, отвести душу. Но, как назло, обе луны уже зашли. Тьма сгустилась перед рассветом. Вдруг Доломи вскочил.

— Тише! — громко прошептал он, хотя все молчали. — Слышите?

Топот множества копыт, слаженно идущих рысцой. Так звучат приближающиеся эскадроны кентавров в Степи. Глухой, далекий, угрожающий звук. Большинство из засевших на водокачке слышали его впервые, но перепутать было не с чем. К станции приближалась сама смерть.

— Отмаялись наши грешные тела! — сказал один из лучников. — Грядет души освобожденье!

— Типун тебе на язык! — Пожилой гном рядом с ним неумело завозился с луком. — Может, пронесет…

— Поезд!

Все обернулись. Далеко к юго-западу показался зеленый огонек. Скоро он разделится на четыре, по количеству тянущих поезд троллей. «Могучий» подходил, значительно опережая график, но почти одновременно с кентаврами.

— Так я и знал, — вздохнул Пешти. — Теперь снова нервничать: кто раньше? Готовиться к заправке или уже не стоит?

— Друг мой! — Брамин положил руку на плечо начальника станции. — Никто еще не увернулся от предназначенной ему стрелы, потому что выпускают эти стрелы с Небес. Сиди спокойно, умоляю, а то башня уже качается от твоих вздохов.

9

Каких порой друзей прекрасных
Нам дарит Случай!
И не отвяжешься потом…

Кей Римти вовсе не считал, что убийство является частью «образа жизни поэта». Тем не менее в тех местах, где он провел детство, убивали часто и без колебаний. Сарос всегда был

городком беспокойным. Усвоенный в нежные годы печальный опыт требовал действовать быстро, и Кей в критические минуты не медлил. На бегу вытирая клинок о штаны, он проскакал босиком по короткому коридору и нагнал товарищей у лестницы, в тот самый момент, когда Хью Грамон оглушил четвертого охранника.

— Справился? — не оборачиваясь, уточнил коротышка. — Отлично.

— Что стоишь? — зашипела на него Офа. — Давай наверх, надо выбраться из подвала!

— Не дергайся, там же суета. Сейчас громила должен подбежать разбираться с нами, и все. Впустим…

На лестнице раздался топот сапог. Конечно, обежавший здание Доломи понятия не имел, что произошло, а потому был совершенно не готов к нападению. Коротышка, звеня цепью, метнулся ему под ноги, Доломи с размаху грянулся на ступени и тут же получил пару оглушающих ударов дубинкой от Офы.

— Все, теперь надо всех связать ремнями и где-то запереть! — Грамон, не мешкая, вернулся в коридор. — Займитесь этим, а мне нужно найти ключи от кандалов.

— Мне нужно! — передразнила его полуэльфа. — Драпать нужно прямо сейчас.

Она вытянула из ножен Доломи саблю, мельком оглянулась на Кея Римти. Тут же посмотрела внимательнее.

— А почему у тебя кровь на штанах? Ты убил кого-то?

— Ну… Так вышло.

— Идиот! — Офа закатила глаза. — Вот ты на виселицу и заработал, поэт! Врезать бы тебе за это. И за то, что у меня вся задница в синяках после твоей поддержки! Но некогда. Сейчас выходим и спокойно идем. Ты первый, я за тобой. Доходишь до угла здания и, не сворачивая, продолжаешь идти. Не оглядываться! Бежать, только если окликнут. Вперед!

Кею Римти что-то не понравилось в этом плане, но возражать времени не было. Коротышка Грамон о нем не думал — с какой стати ему думать о коротышке?

«Когда на карте жизнь стоит, то думать вообще не стоит. А кто корову подоит, тот и двоих потом подоит» — пришло поэту в голову, пока он поднимался по ступеням, но даже оценить экспромт Кей не успел. За распахнутой дверью оказались стрелки, разбиравшие вываленные прямо на землю стрелы из станционного арсенала.

— Ваши все там, у водокачки! — рявкнул на высунувшегося Кея сержант и сильно толкнул в спину. — Ходят, путают все… Что вы хапаете без счету, зверье, в армии вы или в столовой?!

Кей, не оглядываясь, двинулся в указанном направлении. Действительно, впереди виднелась водокачка, горели костры. Вертеться у огня поэту показалось не слишком безопасным, поэтому пройдя шагов пятнадцать, он повернул под прямым углом и направился в Степь, в темноту.

— Я же сказала: до угла здания… — тихо, но отчетливо прошипела сзади Офа.

Римти пожал плечами — ни оглядываться, ни отвечать он не счел уместным. Как только стало потише, он различил за спиной легкие шаги.

«Девица с саблей, кровь не наша, собой не слишком хороша, за мной шагает не спеша, и… С саблей?!»

Он кубарем покатился по земле, больно ушиб плечо — что поделать, инстинкты сильны у детей пригородов Сароса. Сзади выругалась Офа. Показалось поэту или в самом деле свистнул клинок?

«Странная все-таки баба… Но задница приятная!» — думал Кей, ужом уползая подальше от Офы и станции. Иногда он замирал, оглядываясь и прислушиваясь. Тишина. Наверное, госпожа Чандр плюнула на сокамерника и отправилась по своим делам. По крайней мере, поэт очень на это надеялся. Одно дело производить впечатление идиота, другое — быть им. Нет, с такой дамочкой гулять ночью по Степи не самое полезное для здоровья занятие. Зачем ей лишние свидетели?

«Непроста, ох, непроста она…» Он полз уже более размеренно, пытаясь сориентироваться. Побережье, судя по всему, где-то за станцией. Значит, кентавры придут к зданиям как раз с этой стороны. Вывод: шевели ягодицами, Кей Римти, ползи, сдирая локти и колени. Если успеешь обогнуть станцию и убраться подальше до рассвета, то еще увидишь море.

Звук, похожий то ли на тихое ржание, то ли на плач болотной птицы, заставил Кея снова остановиться. Он ни разу не слышал, как переговариваются меж собой кентавры, но и ничего подобного тоже никогда не слышал… Захотелось назад, на станцию. Но охранника поэт и в самом деле заколол, а это значит, кого орки первым поймают, того и порежут на ремни. Да и второго тоже, и третьего… Кей Римти испытал что-то, похожее на раскаяние. Звук повторился вроде бы ближе. Беглец вжался в землю, стараясь замедлить пульс.

«Я камень, просто одинокий камень… Пусть всякий в руки взявший знамень, и меч, и стрелы, и копьё, идет подальше, ё-моё…»

Они были здесь. Две высокие, массивные фигуры. Кентавры ступали совершенно беззвучно. Кею даже казалось, что он видит

обмотанные мягкой кожей копыта. Медленно тянулись секунды. Потом одна из фигур исчезла в темноте, а вторая не спеша приблизилась к лежащему в траве человеку. Поэт крепче сжал кинжал — если что, хоть бок пропороть мерзавцу четырехногому… Короткого и мощного тычка тупым концом копья по голове он ждал меньше всего.

10

Будь ты хоть гоблин, хоть дракон,
Веди себя прилично.
И будет все отлично.

— Мы подъезжаем!

Князь Быстрые Стрелы получил прекрасное воспитание, говорил без акцента и пользовался дорогим одеколоном, но орк есть орк — в порыве чувств без спроса вломился в чужие апартаменты. Со звоном выскочили из ножен боевые кинжалы дежурной смены. Князь опомнился, смущенно кашлянул в кулак и постучал по косяку.

— Простите! Могу я войти?

— Можете! — Принцесса Эду Симиаэль с трудом подавила улыбку и жестом указала на кресло. — Садитесь, князь! Что-то нас последнее время сильно качает.

— Тролли спешат к воде! — Быстрые Стрелы протиснулся между недовольными гвардейцами и присел. — Меня даже немного укачало, но парень из персонала подсказал хорошее средство. Настойка на особых травах. В другой раз попробую все же плыть по морю.

— Да, и я бы хотела на корабле — свежий воздух, чайки, барашки волн… — Принцесса сделала движение бровями, и гвардейцы вышли в коридор. Колораль, как старший смены, покинул апартаменты последним, оставив дверь неприкрытой. — Увы, отец запретил. Зачем, сказал, рисковать, если есть поезд, комфорт, охрана… А теперь вот — попали в приключение! Так вы говорите, князь, мы возле станции?

— Видим огни. Вернулись те конники, что поехали вперед: кентавры где-то рядом, но станцию захватить не успели.

Они неплохо ладили в пути, эльфийская принцесса и оркский князь. Он для нее был презабавным клоуном, она для него — способом самоутвердиться. Два воспитанных в имперских традициях гражданина всегда способны найти общий язык.

— Может, и не будет никаких кентавров?… Жаль, я никогда

их не видела, а в поезде, как утверждают, совершенно безопасно.

— Ну конечно! — Быстрые Стрелы закинул ногу на ногу; даже воспитанные орки не умеют сидеть ровно. — Эти здоровяки, полукони… Ну представьте, как они сюда влезут? — Князь и сам заржал, как кентавр. — Им придется разбирать поезд по частям, чтобы до нас добраться! Но в это время из каждой щели будут лететь стрелы! Туго придется парням!

— Но тролли… Хотите вина? — Принцесса, не дожидаясь ответа, сама принялась наполнять кубки. Орк перестал смеяться и склонил голову — честь ему оказывалась немалая. — Кентавры способны убить наших троллей. Не сразу, конечно, они могучие, но постепенно… Моя свита беспокоится, что поезд может опоздать к Имперскому Балу.

— Это было бы очень скверно! — Князь принял кубок, но против обыкновения не отпил сразу половину. — Папаша договорился кое с кем, чтобы меня представили… Ну, вы понимаете. Пора поступать на службу. Если мы опоздаем, другого случая придется ждать долго. Папаша расстроится… А когда он расстраивается, во все стороны только клочья летят.

— Да, ужасно. Ну, а я, как вам известно, еду, по сути, на помолвку. — В гостиную сунулась было горничная, но принцесса Симиаэль отослала ее взмахом руки. — Мне все время кажется, что она за мной следит… Не слишком доверяю прислуге из людей, между нами говоря. Но, возвращаясь к нашей беседе, мои родители тоже придут в ужас, если я не попаду на Бал. У нас очень уважают традиции, а следуя им, мы официально встречаемся с восточными эльфами только там.

— Ну да, у вас же война как бы продолжается… — Быстрые Стрелы на секунду оторвался от кубка. — Чудесное вино, благодарю!

— Будем надеяться на лучшее.

Принцесса по привычке повернулась к окну, но капитан еще несколько часов назад приказал задраить все ставни.

— Скорее бы нам доехать! — Орк утвердил тяжелый кубок на покачивающемся столе. — Хочется пройтись по твердой земле. Хотя бы немного! А то уже…

Он рыгнул, прикрыв рот рукой. Симиаэль поднесла ко рту кубок, но лишь вдохнула аромат крепкого лесного вина. Орки несносны. А с кем общаться? Не с прислугой же? А кроме них лишь десяток напыщенных телохранителей, пассажиры второго класса — вечно полупьяные раненые офицеры да мрачный грубоватый капитан. Стоило ей вспомнить о капитане, как тот косвенно дал о себе знать.

— Моя принцесса! — В дверь заглянул Колораль. — Капитан

прислал своего первого помощника с необычной просьбой… Я хотел бы, чтобы вы приняли взвешенное решение.

— Просите.

Старпом, недолюбливавший пассажиров вообще и нелюдей в частности, вошел, чуть оттерев Колораля плечом.

— Виноват, что потревожил, Ваше Высочество! В целях ускорения движения поезда капитан принял решение отцепить все вагоны, кроме цистерн, рудных и экипажного. Таким образом, пора переносить вещи. Помещение для вас и вашей свиты выделено, хотя и менее комфортное… Капитан просит прощения. Я привел с собой парней из полка охраны, можем приступать к упаковке вещей.

— Отцепить вагоны?… Но зачем? — Симиаэль удивленно посмотрела на князя.

— Тролли! — догадался орк. — Если кентавры убьют двоих, то двое оставшихся, наверное, не смогут тянуть весь поезд!

— Простите… — Колораль выступил вперед, не преминув задеть плечом старпома. — Я хотел бы напомнить, что само по себе это возмутительно, и Ваше Высочество вправе отказать в просьбе.

— Да это не просьба… — вполголоса пробормотал старший помощник. — Кстати, все вышесказанное касается и князя Быстрые Стрелы!

Принцесса медлила, покачивая кубком.

— Ну… я-то не против… — Быстрые Стрелы поднялся, поправил перевязь. — У меня и вещей-то мало. Но в любом случае поддержу решение принцессы Симиаэль!

Старпом негромко вздохнул, разглядывая лепнину на потолке. Граждан Империи положено уважать согласно Имперскому Кодексу, но как же это порой трудно… В любом случае решение капитана — закон, перед которым отступает любой Кодекс, кроме Морского. А рудные поезда, как известно, часть Флота.

«Прикажу парням их вышвырнуть — будут жертвы. Будет суд. Но у меня приказ!»

— Нам важно успеть на Имперский Бал! — решилась принцесса. — Ради этого можно поступиться комфортом, тем более, что плату за проезд Морское Министерство все равно нам вернет. Вкупе с немалым штрафом, между прочим!

Князь Быстрые Стрелы, в целом довольный, предпочел закашляться — чтобы не расхохотаться. Орки, люди, гоблины, гномы и, наверное, даже усмиренные племена кентавров, принявшие имперское гражданство, с удовольствием пересказывали друг другу анекдоты об эльфийской бережливости.

Эта скупость и правда была чем-то совершенно особенным, отличным и от гномьей жадности, и от человеческой азартной алчности.

— Как прикажет моя госпожа! — Колораль повернулся к старпому и оскалился. — Мы передадим соответствующую бумагу в Министерство сразу по прибытии в столицу! Известите капитана.

— Вот и славно! — Помощник поклонился и поскорее покинул апартаменты эльфов.

11

Бывает, что все очень плохо.
А потом не очень.
Но к лучшему ли — не понять…

Римти пришел в себя от удара оземь. В другое время он от этого, напротив, потерял бы сознание, но поскольку уже его не имел, пришлось очнуться. Спустя пару секунд поэт понял, что кентавр, который вез его на своей спине, просто привстал на дыбы, сбрасывая пленника. К такому выводу ему удалось прийти, наблюдая, как грохнулась рядом с ним госпожа Офа Чандр.

— Как поживаешь? — спросил Кей, силясь понять: отрубили ему руки и ноги или просто туго связали.

— Это ты, мерзавец? — Офа сплюнула набившуюся в рот пыль пополам с кровью. — Спасибо, что поприветствовал меня не в стихах.

— А я сказал все это впопыхах. Когда бы было несколько мгновений, ты снова б мне сказала: ты не гений! И я б молчал, умерив пыл, а ведь тебя почти любил…

— Сказать — ничто! — Кентавр опустился на передние колени и поднес клицу Римти нож. — Отрежу-выколю тварь!

Кей только кивнул. Он привык к невеликому успеху своих стихов у всех рас и сословий. Ничего удивительного, что и кентаврам не нравятся.

— Мы — не Империя! — четко выговаривая звуки, попыталась наладить контакт с дикарем Офа. — Мы — друзья! Смерть Император!

— Смерть Император, — согласился кентавр. — Ты смерть, он смерть. Сказать — ничто!

Кентавр еще немного побыл рядом с ними, показывая нож то Кею, то Офе, убедился в смышлености пленников и бесшумно растворился в ночи.

— Почему нас не убили? — тут же шепотом спросил поэт. —

Будут допрашивать?

— Вряд ли. Но кентавры любят иметь рабов. Для развлечения. Кей вздохнул и попробовал на прочность путы. Бесполезно.

— Ты тоже думаешь, что они… Ну, могут изнасиловать?

— Что мне думать? Я на Территориях жила. — Офа Чандр заворочалась, устраиваясь поудобнее. — Все равно не выживешь, так что о позоре не беспокойся.

— Да я и не беспокоюсь… — Римти очень хотелось поговорить. — На Территориях много кентавров?

— Было бы много — там больше бы никто не жил. Спасибо вашему Императору, выгнал это отродье из Степи… Прямо в леса и горы! Теперь они у нас главные хозяева. Хорошо хоть, что трудно им в горах. У нас исстари гоблины пастушили, по овечьей части. Ну, вот и не пускают их особо на пастбища. Гадят как только могут, коз режут, травят, кентавров убивают из луков. Война у них. А люди — что? Сидят в деревне, богам молятся. Пойдет через деревню племя — кто не убежал, того уведут. Никто не вернулся. Посевы топчут, твари. Ненавидят людей.

— Ага… Мы теперь рабы, значит…

— Может, и рабы. А может, у них с провизией туго. Кентавры не побрезгуют, ты не думай. Я видела, как они гоблина жрали.

— Так гоблины ведь ядовитые! — почти воскликнул Римти.

— Может, и ядовитые, но кентавры жрут и не давятся. Перебить их надо всех, до последнего жеребенка. А Император ваш нянчится, договора заключает… Дурак.

— Не надо так, — попросил Кей. Он все же был гражданин Империи. — Император не дурак, просто основа Империи — мирное сосуществование рас. Без этого Империи вообще не было бы, и…

— Ох, уж лучше стихи читай, чем эту пропаганду! — взмолилась Офа. — Я вообще…

Кентавр стоял над ними, его силуэт неплохо просматривался на фоне звезд. Можно было разглядеть и копье, направленное на Офу. Потом что-то негромко тренькнуло рядом, еще раз, еще… Кентавр сделал несколько шагов в сторону, покачнулся и рухнул с тихим жалобным стоном. Женщина, резво перекатившись, оказалась у его крупа.

— Стрела! — прошептала она. — Непростая стрела…

— Конечно, непростая! — Хью Грамон появился из темноты и занялся кожаными ремнями, которыми связали Офу Чандр. — В караулке есть шкаф с оружием, а в нем, кроме всего прочего, нашлась склянка с заговоренным ядом чунгута. Иначе, сами понимаете, я бы не рискнул напасть на трех кентавров с одним

луком.

— Они парализованы! — догадалась Офа, растирая освобожденные руки. — Дай нож, я сама им кровь пущу!

— Смысл? — пожал плечами Грамон, перебираясь к Римти. — Пока стрела в ране, кентавры не встанут. Дней пять, как минимум. А за это время в Степи их мухи сожрут. В любом случае, сперва надо поговорить. Они владеют имперским?

— Слегка… — Офа вытащила из ножен кентавра меч, взвесила в руке. — Тяжеловат. А с таким копьем вообще много не навоюешь, если ты не здоров, как жеребец… Как бы его перевернуть — может, на другом боку нож?

— Лучше осмотри быстро остальных двоих. Там, — Грамон ткнул ножом в темноту, — и там. Только быстрее возвращайся и не убивай пока никого. И не трогай стрелы!

— Не учи, — попросила Офа, удаляясь.

— Ты неплохо видишь в темноте, — наконец нашелся что сказать Римти.

— Привычка. Вот, смотри или щупай… — Хью распахнул перед поэтом сумку. — Шарики, каждый с веревочным хвостиком. Бери десяток и дуй строго на запад. Кидай по одному через каждые пятьдесят шагов, выдергивая хвостик. Понятно?

— Понятно. А что будет-то? — Кей быстро совал шарики в карманы.

— Надеюсь, пожар. Ветер с моря, но Степь еще не слишком влажная… И торопись. Слышишь?

Римти услышал. Далекий гул копыт. Эскадроны кентавров развернулись для атаки и начинали разбег. Больше ничего не спрашивая, поэт побежал на запад. Кшатрий подсел к кентавру, взялся за стрелу, осторожно потянул. Когда гладкий наконечник наполовину вышел из раны, полуконь застонал.

— Я спрашиваю, ты отвечаешь, — сказал Грамон. — Зачем пришли кентавры?

Кентавр ответил лишь еще одним тихим стоном. Хью вставил наконечник глубже и ткнул ножом в пах пленного. Потом снова потянул стрелу.

— Будем говорить опять. Зачем пришли кентавры?

— Кентавры пришли поезд.

— Зачем кентаврам поезд?

— Золото много-много.

Вернулась Офа, помахивая большим окровавленным ножом. И в самом деле прекрасно видевший в темноте Грамон нахмурился.

— Ты убила их?

— У вас все равно нет времени посудачить! Они идут,

слышишь?

— Слышу. Любишь решать сама, полуэльфа? Ладно. Вот сумка, в ней огненные шарики. Прежде чем бросить…

— Я знаю. Где ты их взял? — Офа выхватила сумку. — Отличные штучки!

— Где взял, там больше нет! Беги на восток, кидай через каждые пятьдесят шагов! Потом возвращайся, встретимся на полдороге.

Когда женщина ушла, Хью швырнул в обе стороны последние два шарика и потрепал кентавра по заросшей гривой могучей спине.

— Немного ты сказал. Извини, брат, но тебе же лучше — чем сгореть или валяться тут без воды на солнце… — Он шагнул в сторону, вытянул из ножен позаимствованную в караулке саблю и примерился. — Прощай.

12

Верю тому, кто знает, как надо.
Не верю тому, кто знает зачем.
Все и всегда — просто так…

Огни вспыхивали в Степи один за другим, будто какой-то бог огромными шагами двигался на запад. Каждый раз сидевшие на крыше водокачки восторженно вскрикивали.

— Не ожидал от него, — покачал головой Паула.

— От кого? — не понял Пешти.

— От того, кто переложил себе в карман огненные шарики из оружейного шкафа в караулке. Вот только зачем он пошел на запад?

Будто в ответ на его вопрос вспышки теперь появились и с востока.

— Поправка. Он не пошел, и он не один, а если Степь загорится, кентаврам придется обходить пожар. Станция на время прикрыта.

— Это все прекрасно, господин маг, — вздохнул Пешти и начал пробираться к лестнице. — Но почему ты сам до этого не додумался? У нас есть еще огненные шарики?

— В том-то и дело, что нет. Их конфисковали у того табора гоблинов, в прошлом году… — Паула и сам чувствовал себя дураком. — Я о них вспомнил, только когда Доломи принес опись похищенного. Час, в лучшем случае два часа, вот что у нас теперь есть.

У лестницы, расталкивая бойцов, их нагнал Доломи.

— Если есть время, разрешите, я поищу беглецов? Орки так и рвутся найти убийцу!

— Отставить. Всем на платформу, заняться эвакуацией. Приказы капитана «Могучего» выполнять как мои.

Спустя полчаса поезд подошел к водокачке. Могучие тролли почти без подсказок погонщиков окружили башню, раскрыли огромные пасти. Забили фонтаны воды, наполняя внутренности удивительных созданий.

Капитана Лепеди господин Пешти нашел у пассажирского вагона — он торопил солдат, перетаскивавших имущество пассажиров.

— Где кентавры? — вместо приветствия спросил Лепеди у начальника станции.

— Обходят пожар, по всей видимости. Степь неплохо вспыхнула!

— Это я вижу, это вы молодцы. Только бы ветер не изменился — тролли ненавидят дым… Но с какой стороны кентавры обходят пожар: с запада или с востока?

— Трудно сказать… — Пешти только развел руками. — Темно, а разведки у меня нет.

К ним подошли оба мага, станционный и поездной.

— Осмелюсь предположить, господин капитан, кентавры пойдут с востока. — Паула коротко поклонился кшатрию. — По всей видимости, их целью является поезд, а не станция.

Лепеди покосился на Хо Диммо, которому доверял больше всех остальных браминов. Маг кивнул.

— Значит, скорой встречи не избежать. Надо успеть хотя бы ход набрать. Пусть ваши люди рассаживаются на цистернах и рудных вагонах.

— То есть как? — Пешти поспешил за двинувшимся прочь капитаном. — На цистернах? Там башенок нет!

— Просто пусть садятся сверху. У меня нет другого места: я отцепляю и казарменный, и пассажирский вагоны, экипажный будет битком набит. Кстати, башенки на рудных вагонах тоже заполнены. Поэтому ваши люди смогут сидеть только на крышах.

— Но кентавры…

— Эвакуируйте имущество станции. Принайтовьте его там же, будет хоть какая-то защита. Только быстрее — как только тролли напьются, мы сразу отходим. И пусть хоть принцесса опоздает! Никого не буду ждать!

Пешти остановился, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, а потом поспешил выполнять распоряжения Лепеди. Инструкции из столицы были просты: капитан — старший.

По платформе, мешая снующим солдатам, прогуливались

оркский князь и эльфийская принцесса. Он в сопровождении двух приятелей-нахлебников, она — с десятком телохранителей. Дополняли процессию подполковник Жекоби и господин Омо Ахастиаль, шагавшие позади.

Подполковника дряхлый эльф бесил с самого начала путешествия, и Жекоби весьма аккуратно старался вызвать в старике те же чувства. Похоже, это удавалось, вот только Ахастиаль и не думал держаться от офицера подальше — наоборот, постоянно оказывался рядом.

— Как красиво горит Степь! — Эльф едва шел, опираясь на трость. Подполковнику приходилось двигаться в том же темпе. — Вы куда-то спешите? Не советую приближаться к водокачке.

— Я ни разу не видел, как пьют тролли, — признался Жекоби. — Собственно, все хотят посмотреть.

— Что ж интересного? Глыба высотой в четыре этажа, с огромной глоткой, стоит себе и стоит. Воду льют, а они даже не глотают, пропускают ее в себя. Странные существа, но скучные. Кроме того… Часто забывают, что даже тролли имеют кое-какие естественные надобности и помимо питья. В пути они, конечно, не могут терять влагу, но на станции обычно поливают себе под ноги беспощадно! — Ахастиаль неожиданно захихикал и даже пихнул удивленного Жекоби в бок. — Да уж! А запашок-то… Вы же знаете, почему пассажирский вагон едва ли не в самом конце состава? Из-за запаха троллей! Ну, а как начнет поливать, запашок такой, что… Постоим лучше здесь.

— Боюсь, здесь мы будем мешать…

— А мы отойдем в сторонку! — Ахастиаль довольно бесцеремонно потянул подполковника от поезда. Часовой орк, нахмурившись, отошел на несколько шагов. — Орки — хорошие солдаты, но плохие командиры… О чем я? Ах, да! Господин Жекоби, вы ведь в столицу едете на лечение, не так ли?

— Не совсем. — Кшатрий с тоской посмотрел на едва видневшихся впереди князя и принцессу. — Всего лишь отпуск после ранения. Я вылечился, но требуется время, чтобы рана зажила окончательно.

— Родственники в столице?

Жекоби понял, что ему не уйти, и достал трубку.

— Нет, всего лишь хорошие знакомые.

— Ага… Зря вы курите, глупая привычка. Простите старика. — Ахастиаль подался чуть в сторону, уворачиваясь от дыма. — Значит, знакомые… Вы уж простите еще раз: а где вас ранили?

— На западной границе, обычная история во время патрулирования: степные орки обстреляли нас с холмов. Ничего

серьезного.

— Западная граница… Да, там постоянно гибнут наше граждане… — Эльф о чем-то задумался, прикрыв глаза.

Жекоби уже собирался придумать какую-нибудь причину и сбежать, но старик вдруг будто проснулся.

— У меня там служит дальний родственник. Говорит, люди — низшие чины, конечно — делают себе рисунки на коже в память о службе. Характерные рисунки: повешенный на дубе гоблин. В чем символика, не объясните?

— Слышал что-то… Но ни разу не видел. Я бы в своем подразделении не допустил такого.

— Конечно. Выкалывают, говорят, не тушью, а кровью гоблинов, а количество чешуек должно указывать на количество убитых обладателем рисунка. Все это мелочи, конечно. Странно только, как это вам удалось совершенно не загореть на западной границе.

— Я лечился, загар сошел, — сразу ответил Жекоби и скрипнул зубами с досады. — Многие отмечают.

У водокачки послышались крики, ругань. Подполковник дернулся было, но Ахастиаль вцепился в рукав.

— Началось! Запах и здесь почувствуете, друг мой, не спешите туда! Но суета не прекращалась, без умолку визжала какая-то женщина.

Жекоби все же оторвался от эльфа, быстро пошел по платформе. Неужели принцесса?… Но нет — в окружении оглядывающихся телохранителей с саблями наголо она шагала навстречу. За ней поспешал побледневший оркский князь с приятелями. Подполковник посторонился и, морщась от действительно чудовищного запаха, поспешил дальше. Толпа окружала визжащую в луже крови девушку, в ней Жекоби узнал горничную Симиаэль. Над раненой склонились два брамина, разглядывая лоб. Там должна быть невидимая простым глазом имперская печать.

— Что случилось? — спросил Жекоби сержанта-орка.

— Да как тролли поливать начали, суета началась, эта и кинулась на принцессу. Вроде как убить, и нож ее где-то тут валяется. А охрана принцессы, значит, начеку была, и девке тут же досталось. Не жить ей, говорят. Вон кишки наружу!

— Странно, что не убили…

— Эльфы! Вон один остался, пробует, чтобы, значит, допросить.

Ит Колораль, сразу не замеченный Жекоби, тоже был возле раненой, он то спрашивал ее о чем-то, то что-то делал с ее рукой, и тогда девушка кричала еще громче.

— Бесполезно! — громко сказал станционный маг Паула, выпрямляясь. — На ней заговор, снять не успеем!

— А что с печатью? — Хмурый эльф тоже поднялся.

— Тончайшая подделка на всех уровнях защиты. — Маг снова посмотрел на лоб девушки сквозь зеленое стекло. — Никогда такого не видел. Любой бы ошибся. Мне и сейчас не верится.

— Видно же вблизи: ручная работа… — Поездной маг Хо Диммо выглядел удрученным. — Я лично проверю еще раз всех, и пассажиров, и персонал… Кто бы мог подумать! Она ведь прибыла с принцессой.

Колораль, хмыкнув, прикончил девушку коротким уколом в сердце. Ниже его достоинства было упрекать в чем-либо браминов: они всего лишь люди. Но как эльфы могли пропустить лазутчицу? Да еще с заговором молчания. Раздвигая толпу плечами, Колораль отправился на поиски своей принцессы.

— Занятно, занятно… — пробормотал Ахастиаль за спиной подполковника. И когда успел доковылять? — Как хорошо, что все обошлось. Ато ведь какой скандал был бы, столько отставок… Да, господин Жекоби? Помогите старику, проводите меня до экипажного вагона. Махнем по рюмочке.

13

Нет на свете прекраснее путешествия,
Чем то, в котором ноги отдыхают.

Еще когда они лежали в паре сотен шагов от водокачки, Грамон посоветовал всем намочить рукава. Офа, пребывавшая в тот момент в игривом настроении, поинтересовалась: должна ли она на рукава пописать или всезнающий особо опасный кшатрий их изволит облизать? Поэт хихикнул, но коротышка посмотрел на него с такой грустью, что Кей заткнулся. Он не любил вызывать в людях вот такую человеколюбивую, беспросветную грусть. С другой стороны, надо было отскочить подальше от последнего огненного шарика, а не ждать, когда он вспыхнет, чтобы получше все рассмотреть… Теперь прокопченный Римти спереди был так же лыс, как и Грамон, с той только разницей, что Хью имел брови и ресницы.

— Тебе еще стоило бы умыться, — сказал кшатрий и отвернулся. — Воды будет много, когда подползем к напорной башне. Собственно, поползем по болоту, так что все равно промокнем насквозь…

— А не проще подойти к составу с юга?

— Проще. Только там оцепление, и стрельба без оклика. Это же рудный поезд, его охраняют всерьез. Очень, очень много драгоценного глобо.

— Тогда почему ты думаешь, что мы сможем подойти к цистернам? — не унималась Офа.

— Потому что если где охрана и слаба, так это там. Просто вода, ничего больше. Там даже нет башенок для охраны, часовые просто сидят сверху на площадке. Еще там же сменные погонщики, но этим на все, кроме троллей, наплевать. Мы подойдем спереди… Так, тролли начали пить. Поползли.

Римти полз с особой рьяностью, уж очень ему понравились серые великаны. Сразу видно было: добрые, безобидные. Когда-то горные тролли были редчайшим видом, но потом удалось изловить пару особей и развести их в неволе. Поговаривали, что в Империи тролли изменились, стали беспомощными и без ухода гибнут. Может, и так… Но уж лучше добрые и беспомощные, чем дикие. Кею вовсе не хотелось увидеть, как вот такая махина впадает в ярость. Но с чего бы? В горах они просто едят лед, пасутся на ледниках, как травоядные.

— По моей команде вскакиваем и бежим, что бы ни случилось. Если станет плохо видно, Офа берет за руку меня, за нее хватается поэт.

— Хорошо! — отозвался Кей.

— Если снова будешь так лапать, пеняй на себя, — пригрозила Офа.

— Действовать только по моей команде! От этого все зависит. И помните: у нас нет шансов выжить в Степи. Кентаврам надо есть, они пошлют охотничьи разъезды во все стороны.

— Да тут одни суслики!

— Тоже пища. Как и оставшиеся еще антилопы. Как и мы. Римти постарался настроиться на серьезный лад. Да, обязательно надо держаться поезда. В то же время нельзя никому попадаться на глаза. Вся надежда на суматоху.

«Хоть ты кшатрий, хоть вайшьяс, а кентавру в самый раз, на закуску и прикуску, порази их боги в глаз! — полилось откуда-то изнутри. — А может, в этот раз ничего? Порази их боги в глаз — сильный и оригинальный образ! Но надо сосредоточиться».

Под ногами, а точнее, сначала под руками, и в самом деле вскоре оказалось болото. Хоть троллям и лили воду из кранов прямо в пасти, брызг во все стороны летело предостаточно. Теперь беглецы могли рассмотреть и персонал на башне, и суету на видимой части платформы, и заправщиков на цистернах. Рядом с заправщиками замерли четко различимые в свете огней

на водокачке и головах троллей лучники.

— Правее берем, ближе к башне! — прошипел Грамон.

И правда, на водонапорной башне лучников видно не было. «Скорее всего, они там есть, но наблюдают с другой стороны — высматривают кентавров, — догадался Кей. — Интересно, сколько будет гореть Степь? А если вся сгорит, до Северных Территорий? Как же тут жить потом? Надо спросить у Грамона».

Когда один из троллей решил, что принял уже достаточно воды и пора помочиться, у ног его сразу появилось желтоватое облачко. На платформе закричали, заулюлюкали, а остальные трое гигантов дружно последовали примеру собрата. Облако росло, закрывая троллей уже по колено, скрывая платформу.

— Приготовьтесь, — скомандовал Грамон. — Подползаем пока еще ближе. Когда запах станет совсем убийственным, дышите через рукава. И не выпускайте рук — потеряемся!

— Лезть туда?! — У Офы изменился голос. — Хью, вы совсем ума лишились? Мне уже здесь глаза щиплет!

— Это самовнушение. Пока — самовнушение.

Грамон полз быстро, решительно, и Кей последовал за ним. Сзади, бубня что-то себе под нос, работала локтями полуэльфа. А желтоватое облако все росло. Они подползали с наветренной стороны, но Римти запах уже чувствовал. В каком-то смысле было даже хорошо, что он не ел около полутора суток. Облако выросло до пояса троллей, дотянулось до края цистерн, но прекращать промывку организма гиганты пока не собирались.

— Пора! — Грамон вскочил на ноги и, пригибаясь, побежал, выставив руку назад. — Офа, мать твоя эльфа!

— Папа, мать твоя коза! — поправила его полуэльфа, обгоняя Римти. — Еще раз так скажешь… О, боги подземные!

Вонь и правда была непередаваемой. Женщина попыталась остановиться, но Грамон упрямо тянул ее вперед. Кей догнал ее, схватил за другую руку, рванул, и все трое оказались в удушливом желтом облаке. Не видно было ничего совершенно, и поэт закрыл глаза, благо что они уже слезились. Мокрый рукав свободной руки прижал к носу — хоть как-то можно дышать. Офа все рвалась и рвалась, словно решила потеряться в тумане, но Римти держал крепко.

«А вот интересно, как же она через рукав дышит, если мы ее за руки ухватили? — вдруг сообразил он. — Бедная девочка! Ну ничего, эльфы живучие. И интересно, какой длины вот ей отпущен век, когда она не эльф, не человек?»

Стих мог бы получиться длиннее, ни налети Римти со всего маху на какое-то препятствие. От неожиданности и искр, посыпавшихся из-под закрытых век, он даже выпустил руку Офы.

Пришлось нащупывать дорогу самостоятельно. Все, как обещал Грамон: огромные катки, между ними промежуток, как раз протиснуться. Через несколько шагов Кей уткнулся в спину Офы.

— Привет!

— Тише, идиот… Иди…

Они прошли еще немного, потом Офа поднялась наверх — так это поняли руки Кея. Он зашарил в воздухе и нашел нечто похожее на крепкую ладонь коротышки. Еще немного усилий… Римти осторожно открыл глаза и обнаружил, что тумана вокруг уже почти нет, а они, все трое, довольно уютно устроились на широких балках под цистернами.

— Нас тут видно, если сбоку посмотреть, — прошептала Офа.

— Сейчас темно, а утром некому будет смотреть сбоку, — объяснил Грамон и несколько смущенно добавил: — Кроме кентавров… Но до них еще надо дожить.

— А если наверх подняться? — робко поинтересовался Римти. — Ну, потом, когда кентавры появятся? Тогда-то уж чего такого: все вместе будем воевать.

— Во-первых, наверху тоже нет защиты. Мы там будем так же на виду, как и здесь, даже лучше. Во-вторых… Римти, ты шудра или вайшьяс?

— Вайшьяс! — уверенно, как и всегда, соврал Кей.

— Тогда ты человек грамотный и должен знать, что по твоему преступлению срока давности или смягчающих обстоятельств не существует. Лежи тихо, вздремни. Только не вздумай храпеть — Офа тебя сразу почикает.

Римти послушно перевернулся на живот, попробовал задремать. Но как только отступила тошнота, вернулся голод.

— У нас пожевать ничего нет?

— Откуда, придурок? — устало спросила Офа.

— Ага… Слушай, Офа, а вот ты не гражданка Империи, но все равно… Вот если бы была. Какой же ты касты?

Послышался тяжелый вздох, короткая возня, потом острая пятка с размаху опустилась на беззащитный крестец Кея.

— За глупые вопросы.

— Полуэльфа, а ведешь себя порой, как орка! — обиделся поэт. — Ладно, спим.

14

Судьбе не противься:
Если дважды в стакан не попал,
Пей уж из горлышка…

Поезд тронулся несколькими сильными рывками. Потом тролли пошли ровнее, все вздохнули с облегчением и занялись делами. В основном — едой и выпивкой. О том, чтобы держать пассажиров отдельно от солдат, а тех от экипажа поезда, речи теперь не было. Все, кроме станционной охраны, которой пришлось ехать на крышах цистерн и рудных вагонов, оказались плотно набиты в экипажный вагон. Солдаты натянули гамаки даже в коридорах в три уровня, и пройти там можно было, лишь извиваясь в чавкающей, ржущей, пьющей какую-то дрянь духоте и полутьме. Подполковник Жекоби получил в распоряжение небольшую комнатку, но вскоре выяснилось, что делить ее придется еще с тремя офицерами. Не желая ругаться ни с соседями, ни с персоналом, подполковник решил подняться повыше — как пассажир он вроде бы еще имел право праздно шататься по всему вагону. Как он и ожидал, на третьем уровне никаких гамаков не было, расквартированные тут офицеры полка охраны поезда вели себя сдержанно, и вообще обстановка располагала к долгой, хотя и бессмысленной прогулке по коридорам.

— Вы к князю? — развязно поинтересовался попавшийся навстречу один из спутников Быстрых Стрел.

— Нет. Внизу очень душно, — признался Жекоби.

— Тогда вы точно к князю! — Орк хлопнул подполковника по плечу. — Он на крыше. С эльфами! — Подвыпивший юноша даже поднес два пальца к щербатой пасти, чтобы обозначить свое отношение к долгоживущей расе. — Там ничего, ветерок. Только тролли слегка попахивают. Но меня что-то… Укачало. Пойду вздремну.

Орк, не прощаясь, удалился, а подполковник отправился разыскивать лестницу на крышу. В самом деле, пока кентавры не нагнали поезд, там гораздо лучше. Почти утро, спать уже поздно, да и не хочется совсем. Наконец Жекоби почуял дуновение свежего воздуха, свернул в боковой проход и нашел самую обычную поездную лесенку, подвешенную к открытому в крыше люку.

«Неужели принцесса поднималась здесь?» — удивился он, карабкаясь вверх.

Но еще больше кшатрий удивился, оказавшись на крыше. Первым, кого он там увидел, был старый эльф Ахастиаль, с которым они расстались лишь полтора часа назад.

— Принимайте участие в игре! — прокряхтел скверно выглядящий эльф, как только голова Жекоби показалась над крышей вагона. — Князь Быстрые Стрелы выплатит пятьдесят золотых тому, кто заметит кентавров раньше него!

— Мне бы не помешала такая сумма, — признался подполковник, поднимаясь на площадку. — Уже рассвело! Я думал, мы их сразу увидим.

— Как видите, нет! Зато дыма много.

Жекоби оглянулся. Действительно, дым от ночного пожара занимал едва ли не четверть горизонта. Однако сразу бросалось в глаза, что поезд уже ушел восточнее и теперь не был прикрыт с севера горящей травой.

— Думаю, из-за дыма кентаврам и пришлось сделать такой большой крюк. Но не верю, что они совсем отвязались!

Кшатрий только кивнул эльфу и побыстрее отошел. За сторожевой башенкой он увидел принцессу, точнее — ее телохранителей, которые плотной группой загородили госпожу. Выглядели эльфы хмуро и явно с удовольствием вышвырнули бы подполковника с крыши. Ему осталось лишь как можно шире улыбнуться и пойти дальше. А там, придерживаясь за поручни и слегка покачиваясь, стоял князь Быстрые Стрелы.

— Привет! — Князь успел побывать в каком-то деле, Жекоби не помнил точно в каком, и полагал всех фронтовиков своими приятелями. — Слышали про мой приз?

— Да, конечно. Очень щедро с вашей стороны.

— Это я, чтобы успокоить принцессу, придумал. Она, бедняжка, очень переживает… Ну а деньги, — орк подмигнул, — деньги их всегда успокаивают. Так что будьте мне другом: увидите кентавров — молчите, пусть принцесса Эду крикнет первой. А с меня выпивка.

— Спасибо, князь. Телохранители Симиаэль, кажется, не слишком довольны, что она поднялась на крышу?

— Конечно! Просто озверели, придурки, не дают пообщаться благородным господам! Но я понимаю: такая промашка… Хорошо еще, что горничная оказалась дурочкой и решила прикончить принцессу на платформе. Дождалась бы случая, принесла бы госпоже что-нибудь из тряпок, и тогда только… ж-ж-жах! — Князь показал, как горничная должна была вогнать клинок в грудь Симиаэль. Телохранители принцессы недовольно оглянулись. — Вот и все, между нами.

— Магические заговоры бывают разные, — заметил Жекоби. — Может быть, этот должен был сработать в определенное время. Или, наоборот, по сигналу, а убийца торопился…

— Заговоры какие-то! — Орк сплюнул за борт. — Только на девок незамужних эти заговоры и действуют. Ну и еще на разных «особо одаренных» по части глупости. Вот Бурная Вода подтвердит… Где он?

Жекоби пожал плечами. Он не был уверен, что тот орк, которого он встретил внизу — Бурная Вода.

— Хрен с ним. В общем, не даст соврать: на меня заговоры не действуют.

В груди кшатрия что-то профессионально кольнуло. По всей видимости, нехорошее предчувствие.

— Как вы сказали, князь? Бурная Вода?

— Бурная, только не Вода — просто мы так обычно о нем говорим! А что?

Они одновременно обернулись на крик. Один из телохранителей принцессы запрокинул голову, в виске у него торчала стрела. Двое других уже вскинули луки и выстрелили почти одновременно. Лучник, стоявший на сторожевой башенке, раскинул руки и упал за борт.

— Да что происходит?! — вскричал Колораль по-имперски среди гомона на эльфине. — Кто-то должен за это ответить!

Жекоби перегнулся через перила, провожая взглядом лежащее внизу тело. Это явно был орк, один их спутников князя, по всей видимости, Бурная Вода.

— Своего забыли… — рассеянно заметил пьяный князь, имея в виду убитого эльфа. — Схватили свою принцессу и ушли… Теперь не покажутся до самой столицы. Вот дрянь!

— Кентавры! — закричали с рудных вагонов.

— Да идите вы со своими кентаврами! — отмахнулся орк. — Теперь я начинаю думать, что и кентавры здесь только для того, чтобы прикончить Симиаэль. Пойдемте выпьем, Жекоби.

«А вот я перестаю так думать», — подумал подполковник. У люка они раскланялись с Ахастиалем. Старик выглядел совсем плохо и на князя даже не посмотрел. Эльф, который не заинтересовался оркским князем, приближенный которого стрелял в принцессу… «Мысли в голову лезут совершенно дурацкие», — подумал Жекоби на лесенке. Следовало проводить, напоить и закрыть где-нибудь Быстрые Стрелы — не хватало еще, чтобы эльфы его сгоряча прикончили.

15

Как часто люди видят
удивительные вещи!
И как часто уже не могут потом
об этом рассказать.

— Кентавры! — крикнула Кею в самое ухо Офа.

— Зачем же так орать? — удивился поэт и попытался

перевернуться на другой бок.

— Упадешь прямо под каток, дурак! — остановила его полуэльфа.

— Впрочем, туда тебе и дорога. Хью! А что если нам перебраться на другой борт и все же попробовать забраться наверх? Очень уж тут неуютно, да и сделать ничего нельзя. Подстрелят, как куропатку!

— Отчего же ничего нельзя сделать? У меня есть лук, — напомнил Грамон, позевывая. — Давайте-ка так: я попробую осторожно высунуться и присмотреться. Если там не орки, то, может, и поднимемся.

— Лук оставь!

— Ладно. Только осторожнее: стрелы смазаны ядом, он еще не выдохся…

Как только Грамон перебрался с балок на борт, Офа для пробы натянула тетиву.

— Тише, тише! — перепугался Кей, на которого смотрела стрела. — Грамон же сказал: осторожнее!

— Тоже мне, командир! Может, я как раз и хочу всадить тебе эту штуку в задницу, чтобы ты живехонький свалился под катки? Ненавижу поэтов.

— Ты, кажется, говорила… — Римти, чтобы не обострять ситуацию, не стал обижаться и отполз по балке подальше. Краем глаза он заметил в Степи какое-то движение, повернул голову. — Древние маги! Кентавры!

На счастье Кея, Офа так дернулась от его крика, что отпустила тетиву и стрела вонзилась в каток. Доставая вторую, полуэльфа несколько остыла и решила не тратить столь драгоценный яд на одного, пусть и выдающегося придурка. А поэт не мог оторвать глаз от Степи.

Ему казалось, что кентавров там больше, чем травы. Огромное стадо — по-другому Кей сейчас не мог называть это скопление копытных — шло параллельным курсом с поездом. Кентавры скакали ровно, не спеша, заслоняя собой горизонт. Потом от них отделился небольшой отряд, приблизительно в полсотни особей, и с гортанными криками понесся наперерез поезду.

— Страшно? — полюбопытствовала Офа.

— Не то чтобы страшно… а пронзительно ужасно, — попытался передать свои чувства Кей. — Это как извержение вулкана наблюдать или как спрут корабль на дно тянет!

— Я ни разу не видела, — призналась полуэльфа.

— Да и я тоже! Просто — вот примерно такое чувство!

— Идиот…

Офа прицелилась в ближайшего кентавра — он уже был шагах в ста от поезда. Чуть крупнее товарищей, весь поросший рыжей шерстью. Прекрасная мишень. Она прищурилась, целя в круп, но остановилась. Похоже, кентавр был… В броне?

— Теперь понятно, почему этот яд не пользуется большой популярностью в боях с кентаврами, — вздохнула лучница. — На нем кожа гоблинов, по крайней мере верхний слой. Не пробить с руки.

— Да не в этом дело! — Кей продолжал с упоением наблюдать. — Он же не убивает, этот яд! Выдернули стрелу — и вперед, поскакали дальше!

«Он и в ядах не разбирается, — задумалась Офа, опустив лук. — И, похоже, вообще ни в чем. Стихи пишет, ноги босые, в крови. В самом деле идиот какой-то, ни малейшей способности позаботиться о себе. Но ведь орка зарезал… Хотя и это было глупо!»

Что-то шевельнулось в ее женском сердце.

— Отползай сюда, что ты там торчишь, как мишень? И обзор мне загораживаешь!

При слове «мишень» Римти немного пришел в себя и быстро перебрался по балкам ближе к правому борту. Тщательно прицелившись, Офа наконец выстрелила, метя под шлем. К ее обиде, чуть раньше в кентавра ударил выпущенный из сторожевой башенки арбалетный болт. Пробитый навылет красавец кубарем покатился по траве. Его товарищи ответили улюлюканьем и вскинули луки.

— Началось! — сказал Грамон, спускаясь на балки с борта. — Что ж, пора! В общем, ребята, я выглянул. Дело плохо: на цистернах едут орки и стрелки со станции, даже начальник там. Они нас знают в лицо, показываться нельзя.

— Будем сидеть тут и молиться, — предложила Офа. — Хотя… Хью, а почему бы нам не спрыгнуть по правому борту? Там, наверное, никто не смотрит! Поезд уйдет, кентавры с ним, а мы останемся!

— Можно, — согласился Грамон. — Большие шансы на успех. Только я с поезда не уйду по личным соображениям. Допустим, я тороплюсь в столицу. И поэтому я сейчас попробую по этим балкам сместиться назад, к рудным вагонам. Там, скорее всего, нас никто не знает.

Офа и Кей переглянулись. Поэту нравилось предложение полуэльфы, но остаться без Грамона он несколько опасался. Да еще с дамочкой наедине… Последнее время вроде бы не злится, но тогда, в Степи, он слышал свист сабли за спиной.

— Я с тобой, — быстро сказал он. — Как лист с травой.

— Ладно, попробуем, — согласилась и Офа. — Только если что — я спрыгну. Не так уж быстро катимся.

— Тогда пошли!

Кентавры если и видели людей под вагоном, то внимания на них не обращали. Быстро приближаясь, они выпускали по две-три стрелы в защитников поезда и снова увеличивали дистанцию. От общей колонны одна за другой отделялись группы, которые играли в одну и ту же игру — приближались, стреляли и уходили к горизонту. Уже не один полуконь остался лежать на траве, не один орк упал с цистерны. Хью заметил, что у некоторых кентавров в колчане закреплены горящие головни — значит, попытаются зажечь катки. Глупо, воды-то в поезде много… Вот только если придется ее расходовать, «много» довольно быстро превратится в «не очень много».

Сцепку между первой и второй цистернами они преодолели легко — никто не обратил на троицу никакого внимания. Хью забрался на гулко постукивающую конструкцию и помог Кею и Офе перелезть по ней снизу к балкам другой платформы. Уже спускаясь, он посмотрел наверх и увидел лицо изумленного орка, перегнувшегося через перила. Однако если орк и хотел что-то сказать, то не успел — длинная тяжелая стрела сбросила его прямо под катки.

«Коли в этом бою все равно кто-то должен умереть, почему не могут быть именно те, кто нас видел?» — вздохнул Грамон, хотя знал: так не бывает.

16

Принцесса и служанка, король и золотарь…

Все из одного теста.

Но золотарь лучше знает, из какого.

Принцесса Эду Симиаэль сидела на постели, поджав под себя ноги, и прислушивалась к доносившимся в ее покои звукам разворачивающегося сражения. Она выгнала всех, кроме Колораля — надо же было кого-то оставить.

— Я этого не выдержу…

— Ах, перестаньте! — Эльф подтянул к себе игральную доску и принялся расставлять фигуры. Слезы на глазах девушки его нервировали сильнее, чем присутствие убийцы в поезде. — Перестаньте дуться, принцесса. Что особенного случилось? Горничная эта — дешевка, тварь человеческая. Забудьте. Парня

жаль, но, честно говоря, он ведь недавно у вас в свите… Я и имени его не помню. В любом случае, для его семьи это огромная честь — принять предназначенную вам стрелу. Кстати, вы ведь не ссорились с князем Быстрые Стрелы?

— Глупости. Пьяного орка просто использовали, вы сами это знаете. Убийца неплохо умеет заговаривать.

— Вот! Единственное, что заслуживает внимания, это то, что вас в самом деле хотят убить…

— Какие пустяки! — деланно умилилась принцесса, ножкой в изящной туфельке сбрасывая доску на пол. — В самом-то деле! Хотят убить!

— Нет, не пустяки, — согласился Колораль. — Но и ничего страшного! Теперь, когда мы знаем, что убийца где-то рядом, мы просто никого к вам не подпустим. Он проиграл!

— Никого не пустить ко мне, никуда не пустить меня. Прелестно! А за этими ставнями, — принцесса постучала по броне, — несколько тысяч дикарей штурмуют поезд!

— Не тысяч, а сотен. И ничего они не сделают. А выходить вам, госпожа, в самом деле нельзя. Вот если мы найдем убийцу…

— То придумаете другие причины, — закончила Симиаэль. Эльф не ответил. Он поднял доску, начал было снова расставлять фигуры, но вдруг сам смахнул их рукой.

— Госпожа, давайте лучше подумаем: кто вообще может желать вашей смерти?

— А о чем, мой дорогой друг, я думаю все последнее время?! — восхитилась принцесса. — У меня живы родители, у меня два старших брата. О наследстве речи не идет!

— Да, но ваша семья весьма авторитетна среди всех западных эльфов… Ане случалось ли с вами, Ваше Высочество, за последнее время чего-нибудь значительного? Встреча, участие в делах вашего отца…

Симиаэль молча накручивала на палец локон.

— Принцесса?

— Подите вон. Никого не впускать, и вас я тоже не хочу видеть.

— Но… — Колораль меньше всего рассчитывал на такой результат.

— Вон, зарвавшийся босяк!

17

Что смерть? Пустяк.
Особенно — чужая.

Бой продолжался уже несколько часов. Капитан Рош Лепеди выдрал себе половину бороды с досады — как он не догадался переставить экипажный вагон ближе к троллям? Там, на цистернах и в закрепленных на спинах гигантов башенках погонщиков, защитники поезда несли самые серьезные потери. Чтобы занять место убитых, бойцам приходилось бежать по крышам под градом стрел.

— Мои орки больше не могут там находиться! — Начальника станции Пешти принесли на плаще. — Почти все ранены! Укрытий нет! Им нужна смена, или они взбунтуются.

— Ага, пусть бунтуют, — легко согласился капитан. — Пусть перейдут на сторону кентавров и сами убьют троллей. Я задраю люки и отсижусь — а из них хоть кто-то в живых останется?

— Нужна смена… — простонал раненый Пешти. — Я прошу вас. Персонал, орки…

— А кто виноват? — Лепеди приложил руку к уху. — А? Кто виноват, что я вынужден вас эвакуировать и мне приказано двигаться с максимальной скоростью? Может, виноваты мои люди, которых я должен выгнать из отсеков и посадить на крыши? Нет, не виноваты. И экипаж не виноват, и пассажиры. Так что тяжелораненых приму, остальные пусть перестреливаются с дикарями. Другого способа выжить у них нет.

Пешти закрыл глаза и взмахнул рукой. Три орка, державшие плащ, понесли раненого начальника прочь — они тоже все поняли. Разговор проходил на крыше второго рудного вагона, меж двух сторожевых башен. Капитан собрался было идти дальше, к цистернам, но вдруг плюнул, уселся прямо на крышу и принялся набивать трубку. Что толку бегать туда-сюда? Плохие новости найдут его сами, а хороших в ближайшие часы не предвиделось. Лепеди закурил, блаженно прищурившись, пыхнул пару раз дымом и обнаружил перед собой невысокого плечистого мужика с совершенно лысой, ничем не покрытой головой.

— Какого дракона надо?

— Мое имя Хью Грамон.

— А мое — пропади пропадом! Ты видишь, что я отдыхаю?

— Вижу, — признал Грамон. — Я всего лишь хотел спросить: как далеко до Морского моста? Дело в том, что один тролль уже упал…

— Небеса! — Капитан вскочил и кинулся к упряжкам. Теперь он и сам чувствовал, как поезд замедляет ход. — Рубите постромки, рубите!

— Да без тебя справятся, придурок… — проводил его Хью. Случайная стрела ударила о башенку, отлетела и хлестнула его по щеке. — Ну, простите, капитан, погорячился я. Офа, Кей!

Сюда, тут безопасно!

Парочка тут же появилась — сначала Офа, разгоряченная боем, с луком, оставшимся от убитого стрелка, затем поэт, обматывая тряпкой окровавленную руку.

— Ого! Курорт какой! — обрадовалась полуэльфа, присаживаясь на крышу. — Слушай, я там спросила через бойницу про твой мост, и мне сказал парень, что через час-два будем точно. У нас еще три тролля!

— А зачем нам так нужен этот мост? — Кей примостился рядом. — По нему кентавры не пойдут?

— Мост узкий, — пояснил Хью. — Если и пойдут за поездом, то их будут просто валить и валить из башенок последнего вагона. Можно просто остановиться и бить, пока лезут. Еще там по две башни с каждой стороны моста, с небольшим гарнизоном, плюс посередине моста — там опора стоит на островке — еще домик с персоналом. Должны и без нас справиться. Это не Степь, где полуконям раздолье.

— Значит, все кончается?

— Не спеши, одного тролля убили — убьют и второго. Они и так стрелами утыканы, как ежи. А если убьют третьего… Один тролль не справится.

— Надо бы нам как-нибудь вниз пробраться, под броню… — задумчиво протянула Офа.

От мысли покинуть поезд ей давно пришлось отказаться — теперь кентавры атаковали с обеих сторон.

— Кстати, Хью, все хочу тебе сказать… — Римти закончил с перевязкой. — Знаешь, когда мы под последней цистерной ползли… Мне показалось, там кто-то есть.

— Где? — Офа закатила глаза.

— Ну, в цистерне. Я стук услышал, а когда ухо приложил — гудело там что-то. Вроде, голоса. Такие тонкие, писклявые.

Грамон смотрел на Римти, о чем-то размышляя, когда на усыпанную обломками стрел площадку вбежали, пригибаясь, два орка и два человека. Они несли раненого — здорового окровавленного мужчину, в котором трое беглецов сразу опознали Доломи. Он тоже узнал их, но сказать ничего не смог, на губах умирающего пенилась кровь.

— Мы его оставим пока! — прокричал орк-сержант. — Капитан разрешил нам уйти с цистерн! Надо забирать раненых, мы скоро! Присмотрите за ним!

Солдаты исчезли. Грамон, выругавшись, прыгнул к Доломи и быстро осмотрел рану. Стрела вонзилась под правую руку и прошила оба легких. Подчиненные выдернули ее, обрезав наконечник, и теперь из раны обильно шла кровь. Доломи

задыхался.

— Ну, учитывая все обстоятельства, ты не жилец! — быстро вынес приговор Грамон.

Он приподнял умирающему левую руку и аккуратно вставил кинжал в выходное отверстие. Доломи все силился что-то сказать.

— Не сейчас, брат, потом все объясню, — пообещал Хью и сделал резкое движение. — Вот и все.

Он не глядя швырнул кинжал через башенки за борт.

— Хью!

Офа медленно тянулась к лежащему рядом с ней луку. Коротышка проследил за ее взглядом и обнаружил за своей спиной человека с саблей.

— Жекоби!

— Грамон?! Не будь ты таким лысым, дружище, или будь хотя бы в шлеме, у меня уже стало бы на одного приятеля меньше! Значит, теперь добиваешь раненых?

Кей покосился на Офу, которая сидела молча, крепко вцепившись в лук.

— Все к лучшему, — сказал он. — Древние маги хранят нас.

— Все равно я их боюсь…

Римти даже вздрогнул от неожиданности — полуэльфа говорила совершенно серьезно. Подчеркивая слово «их». Но поэт снова отвлекся. Офа сидела вполоборота к солнцу, и лучи подчеркивали округлость зеленых глаз, пухлый слабый подбородок, выступающие вперед зубы…

«Что за чушь? То эльф, то орк. Не пойму, какой в том толк… Какая плохая рифма…»

18

Капитан, капитан…
Что вы улыбаетесь?
Ведь раз пятнадцать уже
топили свои суда!

Завалив наконец второго тролля, кентавры решили взять обеденный перерыв. Из поезда можно было рассмотреть, как полукони, двигаясь на значительном удалении, трапезничают на ходу. Худшие ожидания сбылись: кентавры и правда не брезговали людоедством. Более того, отряды обеспечения подвозили на небольших арбах и трупы кентавров — от них тоже отрезали куски.

— Взять бы их да перебить… — мечтательно протянул капитан Лепеди. — Всех. Пригнать сюда пару конных армий да

копейщиков, а еще лучше драконами пожечь. И тех, что гражданами Империи стали с перепугу — тоже. Всю заразу пожечь.

Никто его не поддержал — эта мысль с самого начала боя высказывалась неоднократно. Капитан отвернулся от бойницы.

— Как думаете, брамины, позволят они нам до Морского моста дойти?

Станционный маг Паула потупил глаза, признавая старшинство Диммо. Тот улыбнулся.

— Ты же сам видишь, брат: позволяют.

— А зачем тогда было двух троллей убивать?

— Боюсь, скоро узнаем. Рош, играется какая-то большая карта. И вся история с нашим поездом может оказаться… Да всем, чем угодно. Отвлекающим маневром, например. Или просто способом не допустить принцессу Эду Симиаэль на Имперский Бал. Неспроста же ее пытались убить?

— В моем поезде! — Капитан поднял вверх палец. — В моем поезде едва не убили принцессу! Куда ты смотришь, маг?

— Дело будет расследовано, — пообещал Диммо. — Сейчас я уже могу точно сказать, что никто из экипажа к этому не причастен. Мои агенты прощупывают полк охраны. Но скорее всего — пассажиры. Вне подозрений лишь четверо из двадцати восьми.

— И этих четверых проверь, — посоветовал Лепеди. — Потому что нам теперь до конца жизни предстоит с Морским Министерством и с Имперским Судом переписываться. Вот такой печальный конец карьеры. А что делать? Выпить разве что…

В дверь постучали.

— Ну?! — рявкнул капитан.

— Это я. — Вошел старпом с перевязанной головой. — Господин капитан, показался Морской мост. Кентавры все так же идут на расстоянии. Мы будем у башен через полчаса, вот только… Башни не отвечают на наш семафор.

— Вот! — Лепеди с удовольствием выпил и только после этого продолжил: — Вот! Вот чего я ждал! Тут их главная ловушка. Готовьте десант! Надо проверить мост: не рухнет ли под нами?

— Ну это уж совсем глупо, Рош! — взмолился Диммо. — То есть проверь, конечно, но кому надо отправлять на дно залива столько глоборуды?! Или ты думаешь, они разрушат мост, только чтобы прикончить одну принцессу?

— Я ничего не думаю… — Капитан снова налил, теперь себе и старпому. — Просто будет по-моему.

Но вышло не совсем так.

Империя превыше всего.
Почему бы и нет?
Только не всегда.

Вместе с десантом, который отправил на мост капитан, ушли Жекоби и Грамон. Поэт сбегал к пробитой цистерне, набрал в потерявший хозяина шлем воды и вернулся к полуэльфе. Она дремала в тени сторожевой башенки на той же крыше.

— А может быть, а может статься, что время прекратить скитаться, — медленно начал Кей, покачивая шлемом. — И может быть, что это ты — ты, женщина моей мечты.

— Ужасно… — сказала, не открывая глаз, Офа. — Как там наши государственные деятели?

— Пошли в башню, ту, что слева. Скоро, наверное, вернутся. Ты хотела пить.

Женщина села ровнее, приняла шлем.

— Кей Римти, здесь полно трупов. Неужели трудно найти себе сапоги?

— Я потом об этом подумаю. А сейчас я думаю о тебе.

— Потому что ты идиот, — печально сказала Офа, утолив жажду. — Кентавры не вернулись?

Дикари вошли на мост как раз перед тем, как к нему подъехал «Могучий». Вошли, спокойно проскакали и исчезли на том берегу залива. Ни одна из башен не выпустила по ним ни единой стрелы.

— Не вернулись! Успеем поесть! — Веселый Грамон забрался на крышу. — Жекоби отправился за пайком в экипажный вагон. Смешная история: в башнях ничего нет! Кто-то унес все: мебель, оружие, припасы, трупы — а я думаю, что гарнизоны полностью вырезаны, — все унесли! Уверен, что с остальными башенками та же история, и с домиком персонала на острове тоже. Только лужи крови, едва успевшей засохнуть, и все.

— И что это значит?

— Значит, что было весьма неожиданное, хорошо подготовленное нападение. Ну, и нападавшие повели себя странно. Кто бы это мог быть?

Офа пожала плечами и снова принялась пить. Кей задумался. Он посмотрел за борт: совсем недалеко, в сотне шагов, берег. Море.

— Водяные?

Хью Грамон удивленно приподнял брови.

— Соображаешь иногда! Только учти: это большая глупость.

Потому что с тех пор, как Империя утвердила свои границы на этих берегах, о водяных на побережье никто не слышал. Знаешь, как их победили? Тогдашний Император приказал из каждой деревни доставить по четыре бочки навоза. В городах собирал, а солдат просто обязывал. И когда дерьма набралось достаточно, флот вышел из рек и устроил местным подводным пиратам такую бомбардировку, что они несколько месяцев кверху пузом всплывали. Мораль: с Империей ссориться не стоит.

— То есть я не прав? — попробовал уточнить Кей.

— Я думаю, прав. Осталось понять, зачем они нам приготовили ловушку вот на том островке, что под третьей опорой, и кто хочет убить эльфийскую принцессу.

Римти понятия не имел ни о какой принцессе, но спросить не успел — вернулся Жекоби и принес еду. Поглощать пищу, глядя на жующую Офу… Это оказалось действительно поэтическим удовольствием. Вот только стихи в голову почему-то не лезли.

— Глупости все это, — сообщил, наевшись, подполковник Жекоби. — Нет никаких водяных. А напасть на башни могли просто какие-то наемники.

— Наемники пришли бы по мосту, — заметил Грамон. — Тогда нападение не было бы таким неожиданным. А водяные поднялись по опорам.

— Дышали жабрами? Ох, Грамон, может быть… — Жекоби закурил, поглядывая на море. — Ну, тогда нашей Империи светят веселые времена. Значит, водяные решили украсть три вагона глобосодержащей руды? Интересная версия, брат.

Офа ела, опустив голову, молча. Кей вспомнил, как она их назвала: «особисты». Чиновники для особых поручений. Нельзя верить тому, что они о себе говорят, нельзя верить их знакам различия… Просто: им нельзя верить. Возможно, Офа и сама по себе была весьма непростой штучкой, но теперь Римти доверял ей больше: с какой стати «особисту» оставлять его в живых? Лишний свидетель. А у Грамона рука не дрогнет; кто сомневается, пусть спросит у покойного Доломи.

— Трогаемся! — закричали откуда-то. — Все по вагонам!

— Половину моста проверили, — удовлетворенно кивнул Грамон. — Идем прямо к ловушке. Спорим, кентавры вернутся и добьют наших троллей возле острова?

— Не буду! — отказался Жекоби. — Но в эту ловушку, если она есть, обязательно надо попасть. Ради некоторой информации можно рискнуть и поездом.

Хью глазами показал подполковнику на товарищей. Тот лишь хищно ухмыльнулся в ответ.

Под водой жить прекрасно,
Но невозможно.
Даже с тобой.

Спустя два часа Кей Римти сверху донизу обегал трехэтажное здание обслуги моста, чтобы собрать паутину. По-другому он лечить раны не умел. Смешал со слюной и глиной и попытался хоть немного помочь простреленной Офе. Она лежала на полу первого этажа, в самом углу, и умирала.

— Не уходи…

— Что? — Кей потянулся к ее губам, прислушался. Офа молчала. — Ты говори! Ты не умирай, пожалуйста!

— Больно говорить… Не верь им, поэт. Они холодные. Они нас используют… И бросают. Ради Империи. Убивают… Они всегда знают, что больше: деревня или город, человек или Империя, эльф или оркское княжество… Они убьют тебя, а я уже не смогу защитить…

— Ты не так много говори, — поправился Кей. — Все будет хорошо. Атака почти отбита.

Все вышло так, как предполагал Хью Грамон. Поезд дошел до середины Морского моста, и тогда кентавры вернулись. Несмотря на ожесточенную перестрелку, спасти троллей не удалось. Истекая водой, два последних гиганта умерли. Уцелевшие кентавры унеслись прочь, прорываться к своим «усмиренным» сородичам на востоке. А водяные тем временем уже выползли на остров и ударили неожиданно.

Двухчасовой бой унес больше жизней защитников поезда, чем битва с наскакивающими кентаврами. Капитан вывел полк охраны на остров целиком — держать оборону в поезде против водяных оказалось труднее. Хилые, в странных масках, с наполненными бурдюками за спиной, они были вооружены короткими арбалетами. Сбить таких воинов в воду нетрудно, но враги возвращались снова и снова, сотнями ложась на берегу. Арбалетная стрелка пробила живот Офы. И для Римти, поначалу старавшегося помогать, война кончилась.

— Может, тебе сбежать? — вдруг спросила Офа. — На мосту, наверное, никого нет. Беги… Выберешься на ту сторону — забудь все и иди куда-нибудь подальше от столицы. Такие, как Грамон, ничего не забывают… Пока ты ему нужен, он твой друг. А потом, когда ты не нужен, уже не друг, а не друг — это враг, а с врагами они не церемонятся… Беги…

— Да, сейчас…

Тряпки снова пропитались кровью. Надо менять перевязку. Хотя зачем, если паутина не помогает? На глаза сентиментального Кея наворачивались слезы. Тогда он видел перед собой похожую на женщину орку. Когда смахивал их — похожую на человека эльфу. Черноволосые, зеленоглазые, они нравились ему одинаково.

— Римти! Ты тут?

Запыхавшиеся, мокрые Грамон и Жекоби шли через пустой зал. Хью тащил изорванные бурдюки с трубками и маску, одни из тех, что были на водяных.

— Зачем тебе это?

— Пригодится, ради интереса. Но мы тут подумали с другом… И я вспомнил: ты говорил, что слышал голоса из цистерны! Было?

Кей пожал плечами, глядя в веселые, злые глаза не остывшего от боя Грамона.

— Было… Хью, она умирает.

— Я постараюсь прислать мага! Но нам надо спешить. Посторожи это!

Бурдюки шлепнулись рядом на пол, обдав Кея и Офу брызгами. Поэт осторожно обтер лицо Офы.

— Я бы отнес тебя к поезду, но боюсь, ты умрешь… А Хью скоро приведет мага.

Офа растянула губы, и Кей понял: она смеется.

21

Платок! Как много в этом слове,
Когда это ее платок.
А может, не ее…

У распахнутых дверей экипажного вагона курили легкораненые. Жекоби растолкал их и первым взобрался по лесенке. Второй уровень, третий… Топоча, кшатрии подбежали к временным апартаментам принцессы. Подполковник едва не упал, оскользнувшись — кровь.

— Дело плохо, — одними губами сообщил он Грамону.

Тот, не отвечая, показал пальцем на ухо и на коридор впереди. Тихий шлепающий звук за углом. Раз, еще раз… Еще… Тяжелое падение. Шуршание, сопение, кто-то пытается встать. На ходу вытаскивая саблю, Грамон рванулся вперед. Водяной успел раньше: стрелка из короткого арбалета звонко ударилась о клинок. На второй выстрел Хью ему времени не оставил.

— Ну вот! — расстроился Жекоби. — Не будь я хромым после

некоторых дел, взяли бы живьем!

— Молчи!

Водяной еще дышал, еще колыхалась вода в бурдюках за спиной. Они склонились над ним, Хью содрал маску с бледного безносого лица.

— Симиаэль!.. — то ли сказал, то ли проклекотал умирающий. Они подождали еще немного, потом Жекоби выпрямился.

— Все, отплавался. Надо швырнуть его тело вниз — может, отстанут уже от нас!

— Или наоборот, будут лезть, пока всем кишки на шею не намотают! — усмехнулся Грамон. — Но не спеши, давай обыщем. Мне послышалось… Нет, не послышалось.

За пазухой водяного нашелся цветастый платок, уже изрядно в крови. Инициалы эльфийской вязью.

— Ты разбираешься?

— Я каждый день такое вижу! — Жекоби взял платок, присмотрелся. — Да, ее метка. Что ж, кое-что прояснилось. Великая сила любви! Смотри: нашел как-то возможность пробраться в цистерну с товарищами, долго сидел там в духоте, спланировал это нападение, заплатил кентаврам… И все ради эльфы, которую и видел-то, наверное, раз в жизни!

Они рассмеялись, но Хью несильно толкнул в грудь приятеля.

— Смех смехом, но надо посмотреть — может, она еще жива? Дверь оказалась заперта. Жекоби постучал.

— Убирайтесь!

— Господин Ахастиаль? Я так и думал! Открывайте, все уладилось.

Старик открыл не сразу, да и тогда продолжал прижимать кинжал к горлу принцессы. Только увидев труп водяного, он отпустил рыдающую Симиаэль.

— Жалко девочку, но нельзя ее было отдавать, — сетовал он, на дрожащих ногах добираясь до кресла. Чуть в стороне лежал мертвый Ит Колораль, последний телохранитель своей госпожи. — И теперь нельзя, если они будут продолжать наседать. Мертвая эльфийская принцесса гораздо лучше, чем эльфийская принцесса в заложницах.

— Ну, тут не совсем в этом, кажется, дело… — Жекоби налил вино в три бокала. — Водяной просто влюбился.

— Просто ничего не бывает, — вздохнул старик. — Мы не знаем пока, кто он, но, наверное, под водой есть и другие. Менее влюбчивые. Вы же знаете, как мой народ относится к аристократии. Да и вообще, я не очень понимал, что происходит. Проще было устранить источник бед — на всякий случай. В

некоторых видах магии я, слава Творцу, еще разбираюсь, но не повезло. Теперь вы должны все много раз перепроверить: нет ли двойной игры? Уж очень странная история.

— Выводов пока два, — сказал Хью Грамон, присаживаясь на диван рядом с плачущей принцессой. — Первый: водяные снова размножились и несут угрозу Империи. Второй: они встречались с западными эльфами. Где, когда — пока неизвестно. Но будет известно.

— Я вам с трудом верю, — усомнился Ахастиаль.

— Платок! — Хью изящно взмахнул трофеем. — Неопровержимое доказательство! Но я, кажется, кое-что забыл… Прошу меня извинить.

Мага он нашел в капитанском отсеке.

22

История любая — лишь эпизод
Истории, которая длиннее.
А над самой длинной,
Наверное, зевает и Творец.

Новые сапоги немного жали. Особенно правый. «Сапог мой правый — парень бравый… — вспомнил Римти. — Как там дальше? Да ладно, еще сочиню».

Они шли по проселочной дороге, приближаясь к постоялому двору. Надежные, обжитые имперские места. Вкусная пища, крепкое вино, вежливые граждане.

— А когда Офа вылечится, ей дадут гражданство? — спросил Кей.

— Попросим — дадут, — кивнул Хью. — Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Если меня не будет в столице, иди к Жекоби, он поможет.

— Где же мне его найти?

— Ну… Я дам тебе один адресок.

Помощь прибыла на мост к вечеру — в том числе и мягкие, рессорные кареты для пассажиров высшего класса и раненых. Грамон сунул браминам какую-то записку, и Офу положили на лучшее место без всяких вопросов. Солдаты и экипаж остались охранять поезд, ждать новых троллей, а Жекоби умчался верхом по своим, особо важным делам. Только Кей и Хью пошли пешком.

— Я думал, вы всегда торопитесь.

— Мы? — Грамон усмехнулся и вытер пот с лысины. — Кто как. Я думаю, что дело не в спешке, а в ритме. Чтобы быть там, где ты нужен, можно бежать, а можно ползти, только скорости

должны быть кратными. Понимаешь?

— Даже не пытаюсь.

— Я тоже. Но в любом случае приятно прогуляться, подумать о том о сем… В компании с приятным во всех отношениях попутчиком. Тем более, что никто не должен знать, как я выбирался с Северных Территорий и что там делал.

— Я никому не расскажу, — на всякий случай сказал Кей.

— Да ты вообще славный малый! — Хью приобнял его. — Только стишки сочиняешь дурацкие и нож в дело пускаешь не думая. И то, и другое может довести тебя до беды. Ну ничего, доберемся до столицы, пристроим тебя к какому-нибудь делу. Офу тоже… Пока мы охраняем Империю, она охраняет нас. И с водяными справимся.

— Я знаю, — кивнул Кей Римти, не отрывая голодных глаз от постоялого двора.

«Есть двор, в котором я как вор. А есть другой, я там герой. И вечером и поутру я от двора хожу к двору. Живу я так, и скажет всяк…»

— Да перестань шевелить губами!

Фред Чаппелл
ТАНЕЦ ТЕНЕЙ

У Астольфо, которого публика, пусть и не слишком охотно, все же признает выдающимся мастером торговли тенями, нет отбоя от коллекционеров. Их влечет именно его гений, поскольку физически он ничем к себе не располагает. Иногда, раздражаясь, он говорит мне:

— Фолко, ну что ты вечно нависаешь надо мной всей своей тушей?

При этом я всего на полголовы выше пухленького, лысоватого, подвижного человечка, а вес — пятнадцать стоунов[8] — не так уж велик и ненамного больше его собственного. К сожалению, в мои обязанности входит терпеть подобные замечания, и эти, и куда более язвительные, но, в конце концов, я сам напросился к нему в ученики.

Четыре долгих сезона я пытался освоить умение, мастерство и, наконец, искусство торговли тенями, и если действительно хотел достичь желаемого, только Астольфо мог посодействовать

мне. Однако сейчас я пребывал почти в такой же растерянности, как в тот день, когда ворвался в его особняк, воззвал к терпимости и великодушию и был принят на службу.

Однажды он, не вдаваясь в детали, упомянул о пороке собирательства. И хотя вроде бы говорил между прочим, я давно понял, что он ничего не делает зря.

— Что ни говори, а это действительно порок, — заметил он, вскидывая на меня серые глаза, в которых так редко светились искорки юмора. — Я знал человека, потратившего все свои деньги на безделушки. Он мог выбросить целое состояние на коллекцию пробок от парфюмерных флаконов, на элегантные головки шпажных эфесов, на монеты прославленных государств, давно ушедших в прославленное прошлое. Потом подобные ценители отправляются на тот свет, а обедневшие потомки разбрасывают эти сокровища по всему миру за малую часть их истинной стоимости. Так что собирательство, Фолко, не что иное, как дорогостоящее тщеславие.

— Насколько я понимаю, исключение вы делаете только для собирателей теней.

— А собиратели теней хуже всех, — объявил он, — поскольку не только сами предметы стоят безумных денег, но приобрести к ним тонкий вкус и чутье — и трудно, и дорого. А во сколько обходятся уход, хранение и, при необходимости, реставрация!

— Но все же большую часть дохода вы получаете именно от коллекционеров.

Астольфо тяжело вздохнул и поморгал красноватыми веками.

— Я веду бесплодное существование. И не могу понять, почему тебя влечет столь никчемный образ жизни.

Я мог бы разразиться длинной тирадой об очаровании этого бизнеса и о том, почему в моем представлении он был и остается самым деликатным, самым умным, самым сложным способом заработать на жизнь. Но я слишком часто испытывал на себе кнут ядовитого сарказма своего злоязычного наставника. И поэтому всего лишь осведомился, какое занятие он считает более достойным.

— О, я бы просто ушел на покой и посвятил себя серьезному изучению трудов древних мудрецов. Пытался бы достичь невозмутимости ума и уравновешенности характера. Старался бы всегда оставаться жизнерадостным в этом мире бесплодного соперничества и злобных раздоров.

— Большинство из тех, кто знает вас, сказали бы, что вы уже достигли желаемого. Вас трудно назвать меланхоликом.

— Уныние вредит торговле, — изрек он. — Увидев меня хмурым, клиенты могут заподозрить, что я разорился, и пойдут к

другим продавцам.

— Значит, ваши слова не просто философские рассуждения? Нас ждет новое предприятие, верно?

— Так оно и есть.

Он не возразил против местоимения во множественном числе.

— И это имеет какое-то отношение к собирательству теней?

— Как только приведешь себя в порядок и будешь достаточно презентабелен, чтобы появиться в приличном обществе, мы едем в дом сьера[9] Плермио Рутилиуса, — объяснил Астольфо. — По пути я расскажу о нем.

— Мютано будет нас сопровождать? — спросил я. Если Астольфо испытывает необходимость в немом гиганте-слуге, значит нас ждет не слишком приятное дельце.

— Нет, — покачал головой Астольфо. — Узрев нас втроем, хозяин может усомниться в моих возможностях. Ты вполне сойдешь за приличного компаньона, и не более того. Он увидит, что ты безвреден. О Мютано такого не скажешь.

Я согнулся в почтительном поклоне, надеясь, что учитель заметит мою ироническую гримасу, выражающую несогласие.

Путешествовали мы со всей возможной роскошью, поскольку сьер Рутилиус прислал дорогой экипаж, запряженный парой лошадей, чтобы доставить нас в его шато, находившееся в двух лигах от особняка Астольфо. Пока экипаж неспешно катился по дороге, вьющейся через весенние зеленеющие поля, Астольфо сообщил, что хозяин шато — отпрыск древнего рода воинов, нанимавшихся к королям, герцогам и князьям с целью защиты их от мародеров, врагов, а заодно и друзей. Поскольку наша провинция Тлемия пребывала в мирном покое, наследственные таланты Рутилиуса никому не требовались. В молодости он предавался разгулу, опустошая подвалы, заставленные бочками с тонкими винами, заказывая у портных наиболее дорогие и роскошные плащи и камзолы и соблазняя самых красивых женщин знатных семейств.

— Короче говоря, — добавил Астольфо, — наш наниматель вел такую жизнь, о которой ты, Фолко, лишь мечтаешь: безделье, развлечения и удовольствия, догоняющие друг друга, словно дождевые капли. Разве не этого ты все еще жаждешь?

Я ничего не ответил.

— Но Рутилиус — умный молодой аристократ и, перебесившись, сумел отречься от прошлого. Теперь он изучает науки и искусства. Фермы его находятся в прекрасном состоянии и приносят немалые доходы. Он отточил и усовершенствовал

свои боевые навыки, сделался известным знатоком и ценителем живописи, гобеленов, скульптур и архитектуры. Его чувства и ощущения стали такими утонченными, что, вполне возможно, он придет к собирательству теней, ибо это занятие чрезвычайно трудно постичь. Но хотя подобные причуды весьма дороги, они одновременно и наиболее увлекательны, ибо пробуждают в коллекционере бесконечный интерес и восторг, как ты уже успел заметить.

Я молча согласился, втайне завидуя тому, что человек, занимающий такое положение, как Рутилиус, способен стать приверженцем теней, не испытывая того физического дискомфорта, который был вынужден терпеть я во время обучения.

Астольфо, казалось, угадал мои мысли.

— Не стоит считать его мягкотелым, изнеженным дилетантом. Он превосходный фехтовальщик, заядлый охотник, ловкий делец и бесстрашный боксер. Правда, о его подвигах с женщинами я ничего не слышал. Может, одна из городских девок уже успела что-то тебе нашептать?

Я покачал головой.

— Итак, заранее понятно, что любое его поручение окажется достаточно сложным, тем более, что сам он обладает большими возможностями и неистощимыми способностями.

— Да, и судя по этим возможностям вполне может позволить себе ту зубодробительную плату, которую вы запросите.

— Потому мы и едем к нему, — хмыкнул Астольфо. — Тем более, что я уже в том возрасте, когда обычные трудности не привлекают… А вот мы уже на месте.

Лошади остановились, кучер открыл дверцу, опустил лесенку и помог нам спуститься по золоченым ступенькам. Мы оказались на выложенной зеленым дерном дорожке, перед массивными дубовыми дверями шато.

Дворецкий немедленно проводил нас в вестибюль, где уже ожидал сам Рутилиус. Я огляделся. Просторное помещение с высокими сводчатыми потолками из кедрового дерева. Три ступеньки вели вниз, к небольшому круглому бассейну, выложенному голубой мозаикой. Там, медленно шевеля пышными прозрачными хвостами, плавали золотые и серебряные карпы. Цветы в изысканных вазах радовали глаз. Из соседней комнаты доносились нежные звуки лютни, на которой играла чья-то невидимая рука.

А я-то считал верхом роскоши особняк Астольфо, расположенный вблизи самого центра портового города

Тардокко, с его садами, газоном и конюшней. Но теперь понял: какое бы состояние ни сколотил Астольфо, по сравнению с деньгами Рутилиуса это всего лишь песчинка в пустыне.

Но сам Рутилиус не показался ни заносчивым, ни тщеславным. Стройный светловолосый человек, лет тридцати пяти, с непринужденными манерами, он, казалось, был искренне рад знакомству, хотя я заметил, что он не протянул нам руки. И все же при этом держался весьма дружелюбно, без намека на высокомерие. Хозяин, как водится, предложил немного вина. Признаюсь, лучшего я в своей жизни не пробовал.

Завязалась оживленная беседа, во время которой барон и мастер Астольфо обменивались воспоминаниями и осторожными мнениями относительно общих знакомых. Сьер Рутилиус прощупывал Астольфо на предмет его связей в обществе, осведомляясь о здоровье княгини N и новом жеребце в конюшнях графа Z. Торговец тенями с честью выдержал испытание, показав, что знаком с вышеуказанными людьми и их делами, и не произвел при этом впечатления сплетника.

Наконец Рутилиус резко оборвал затянувшуюся болтовню.

— Имеете ли вы хоть какое-то представление о цели нашей встречи?

— Полагаю, вам потребовались мои услуги.

— И вы знаете, какие именно? Можете отвечать правдиво и ничего не бояться.

— Понятия не имею, — мягко обронил Астольфо. Барон облегченно вздохнул.

— Рад слышать это. Я боялся, что мое поведение в последнее время выдает меня с головой. Весьма многие пристально наблюдают за мной, выискивая признаки слабости.

— Значит, речь идет о нежных чувствах, — кивнул Астольфо. — Но должен сказать прямо, сьер Рутилиус, я не склеиваю разбитые сердца. Мало того, не разбиваю целые.

— Ни того, ни другого от вас не потребуется, — заверил Рутилиус. — Но прошу, пойдемте в другую комнату. Позвольте наполнить ваши бокалы. Возьмем их с собой.

— Благодарю. Прекрасное вино, — похвалил Астольфо.

Долив вина в бокалы, Рутилиус проводил нас по длинной, увешанной шпалерами галерее в маленький салон. Паркетный пол был устлан пушистыми коврами, что вызывало ощущение покоя и даже неги. В большие окна лился теплый свет, создавая впечатление простора. Но я не мог оторвать взгляда от стен, увешанных картинами и рисунками. Некоторые были портретами в натуральную величину, другие — прелестными миниатюрами.

Я переходил от картины к картине, любуясь каждой.

Изображение теней — самое сложное и деликатное из изящных искусств, и даже прославленные художники должны трудиться целый сезон, чтобы достичь весьма среднего результата. Здесь же каждый экземпляр был шедевром. Кое-какие я узнавал по книжным репродукциям-гравюрам, но остальные были мне неизвестны, и при виде их мороз шел по коже.

Астольфо, чьим девизом было «ничему не удивляться», на этот раз не скрывал искреннего восхищения, то и дело отступая и приближаясь к очередной картине, склоняя голову набок, прищуривая глаза. Никогда еще я не видел его столь взволнованным и невольно задавался вопросом: уж не спектакль ли это, призванный показать Астольфо ценителем искусства и заодно похвалить тонкий вкус Рутилиуса.

Я отметил также, что барон внимательно наблюдал за моим учителем и казался довольным, когда мастер теней упорно возвращался к одному и тому же рисунку. Среди других, более эффектных, он поначалу не производил сильного впечатления. На бумажном листе мелками и графитом была набросана тень женщины. Но чем дольше я вглядывался в изображение, тем больше поражался не только искусству автора, но и непередаваемому, неописуемому очарованию, исходившему от модели.

Несмотря на все наставления Астольфо, изучение десятков картин и рисунков из коллекций его клиентов, чтение заумных трактатов по живописному искусству, я не приобрел достаточных знаний, чтобы изрекать мудрые слова. Но искренне считаю, что картины говорят сами за себя, а все, что сказано по их поводу мазилками в чернильных пятнах и присыпанными мелом школьными учителишками, такая безмозглая чушь! Лично я предпочел бы слушать, как козел пускает ветры, чем терпеть присутствие высокопарных всезнаек, рассуждающих о композиции, способе наложения красок, перспективе и тому подобной чепухе.

Однако, улавливая случайные замечания Астольфо, я все же сумел развить в себе чисто практическое чутье и умение оценить картину, особенно там, где речь шла об изображении теней.

— Прежде всего, — объяснял он, — художник должен учиться передавать объем, то есть положение тел в пространстве. Только дети видят тени плоскими, темными двухмерными полосами, растянувшимися на поверхности. Поэтому главное — увидеть, что при всей своей невесомости, хрупкости и иллюзорности тени имеют объем и трехмерность, к которой, в отличие от твердых тел, таких, как камни и деревья, добавляется еще одна поверхность, позаимствованная из потустороннего, запредельного

источника, с каковым они тесно связаны.

В то время я не понимал, что требует увидеть Астольфо, но его высказывания в точности соответствовали этому, на первый взгляд, простому рисунку. Контуры фигуры словно поднимались с бумаги, на которой были нарисованы. Тень казалась эскизом скульптуры из бронзы или стекла.

— Насколько я понимаю, эти картины — ваша собственность, — заметил Астольфо еще мягче обычного.

— Да, и почти все — изображения теней, которые я собрал, — кивнул Рутилиус. — Один или два шедевра я приобрел, восхитившись мастерством художника. Некоторые из них весьма стары.

— Совершенно верно, и даже подписаны авторами. У двери висит Манони, а в углу соседней картины нарисована маленькая саламандра: знак прославленного Проксимо. Правда, новейшие экземпляры не подписаны.

— Рисователи теней обнаружили, что обнародовать собственные имена за границей небезопасно, — пояснил Рутилиус.

— Да, но некоторые работы настолько изумительны, продуманы и индивидуальны, что в подписях нет нужды. Например, рисунок тени молодой женщины, должно быть, создан Петриниусом. Он современный гений теней, и его рука узнаваема.

— Вы правы.

— Я вижу также, что этот рисунок совсем свежий. Должно быть, он попал к вам недавно.

— Автор закончил его всего неделю назад.

— И сама тень находится в вашей коллекции?

— Совершенно верно.

— Поздравляю. Эта тень — сокровище, которой может гордиться любой коллекционер.

— Гордиться? Возможно. Но полного счастья я не ощущаю.

— Причина?

— Я испытываю огромное, непреодолимое желание знать, какая женщина отбросила эту тень и где она сейчас.

— Разве ваш поставщик не поведал вам все эти подробности?

— Он ничего не знал, потому что получил рисунок от человека, который сам оставался в неведении. Возможно, этот шедевр прошел через много рук, прежде чем попал в мои.

Астольфо выступил вперед и наклонился ближе, чтобы рассмотреть рисунок.

— Возможно. Трудно сказать. Если бы я видел оригинал…

— Прежде чем я рискну показать вам тень, мне необходимо

знать, примете ли вы мое поручение и каковы ваши условия.

— Желаете, чтобы я все разузнал о той особе, которая отбросила тень?

— Хочу, чтобы вы нашли ее, саму женщину, и рассказали, кто она и где находится.

— Я согласен принять поручение только условно, — покачал головой Астольфо, — поскольку не могу предвидеть, какие трудности нас ожидают. Не исключено, что утомительные, долгие поиски окажутся бесплодными.

— Вполне справедливо. И все же вы самая опытная ищейка во всей своре, и если уж пускать кого-то по следу, так именно вас. Ваша репутация, должно быть, заработана тяжким трудом и вполне оправдана. И, поверьте, вы будете достойно вознаграждены.

— И все-таки — условно. Давайте посмотрим оригинал. Может, тогда я смогу сказать больше.

В другом помещении, поменьше, рядом с комнатой, где хранилась коллекция, находились приобретенные Рутилиусом тени. Я заметил, что Астольфо восхищается способом их хранения. Многие собиратели и торговцы считают, что тени необходимо запирать в темных местах: чуланах, шкафах, подвалах, — чтобы окружающая тьма сохраняла их свежесть. Но, по моему мнению, она одновременно высасывает из них энергию, постепенно поглощает некоторую часть их природной живости. Лучше всего полумрак: неверный, мерцающий, непостоянный свет. Эти переменчивые условия сохраняют тени в тонусе и придают гибкость и податливость. Запахи, исходящие от них, в подобном свете всегда бывают чище, а контуры реже теряют резкость, чем при хранении в какой-нибудь темной дыре.

Для самой ценной и дорогой тени сьер Рутилиус заказал специальный шкаф из стекла, на целую ладонь выше моей головы. Внутренность была выложена слегка затонированными и обычными зеркалами, и тень плавала среди них в постоянно изменяющемся, смутном свете. Сами зеркала медленно вращались посредством часового механизма, прикрепленного к боковой стороне шкафа. Тень перемещалась в этом пространстве, как карп, разрезающий воду в мозаичном бассейне вестибюля.

Астольфо трижды обошел шкаф, то и дело наклоняясь, чтобы рассмотреть тень под разными углами. Сразу было видно: он размышляет, как лучше сделать такое же устройство у себя дома. Я отметил также, что он довольно часто отворачивается от стеклянного шкафа, чтобы взглянуть на сьера Рутилиуса.

Барон, должно быть, тысячу раз любовался этим зрелищем и

все же как завороженный стоял перед тенью, пожирая ее глазами. Он заткнул большие пальцы за широкий парчовый кушак, жадно перебирая остальными складки ткани.

Ничего не скажешь, красота просто ошеломляла. В этой тени было столько утонченности и грации, в ней ощущалась такая неукротимая свобода, что на сердце становилось легко. Астольфо не раз описывал самые прекрасные тени как гениальную музыку, и если следовать ходу его мысли, эта тень была прохладной, прозрачной арией чистейших тонов в исполнении гениального сопрано. Впрочем, я не был в таком восторге, как наш хозяин: мне по вкусу более темные оттенки, более гладкая, атласная текстура, более насыщенная ткань. Но для тех, кто предпочитает тени, балансирующие на грани исчезновения, образ, кажущийся шепчущим эхом оригинала, эта тень была идеальной.

Потребовалось немало времени, прежде чем Астольфо закончил осмотр, а наш хозяин смог оторваться от созерцания своего сокровища.

— Любой коллекционер, — начал Астольфо, — самый богатый или знатный, посчитал бы эту тень своей королевской регалией.

— Для меня так оно и есть… и даже больше, — кивнул Рутилиус.

— Ваша любовь к объекту убедила меня, — объявил Астольфо. — Я принимаю поручение, при условии, что не берусь гарантировать положительный результат.

— А ваши комиссионные?

— Пока трудно сказать, но я не разорю вас.

На обратном пути, удобно разместившись в экипаже, Астольфо предостерегающе заметил:

— Это весьма деликатное дело, и нам следует действовать с большой осторожностью. Прежде всего нужно потребовать от сьера Рутилиуса письменное обязательство в том, что нам не грозит опасность от его руки.

— Но с чего ему придет в голову причинить нам зло?

— Все влюбленные — безумцы и в порыве страсти способны на любую выходку. Неужели ты не заметил, как он смотрел на нее? Он влюблен.

— В тень?!

— Он мысленно представляет вместо тени настоящую женщину. Обыкновенную смертную женщину, которая отбрасывает такую грациозную, такую гибкую, такую романтическую тень. Ее образ запечатлился в его сердце, словно высеченный в камне.

— Вы говорите о нем, как о робком девственнике, но человек его положения… — запротестовал я.

— Человек, имевший десятки женщин во плоти, уставший от их навязчивости, стремления опустошить его кошелек и истощить чресла, возможно, мечтает найти иные и более возвышенные отношения с женщиной-тенью.

— Но та, которая отбрасывает тень… она живая. Из плоти из крови, как и все мы.

— Из плоти и крови — да. Но не как ты и я.

— О чем это вы?

— Какая особа способна отбрасывать столь эфемерную тень? Подумав, я пожал плечами:

— Возможно, святоша. Аскетичная студентка или преданная храму девица.

Астольфо кивнул, но во взгляде таилось сомнение.

— Пророчица… но только подобные лица редко обладают утонченностью, и если так, подобная утонченность строго индивидуальна и даже эксцентрична. А вот движения этой тени обладают высокой степенью грации, не доступной темпераменту отшельницы.

— Вы говорите так, словно уже догадались, кто эта женщина.

— Всего лишь зыбкие предположения, не более. А пока давай попробуем заманить художника, нарисовавшего тень, на завтрашний ужин.

— Петриниуса? Он не придет. Говорят, он презирает всякое общество, кроме собственного.

— И даже им он не слишком доволен. Но все же, думаю, для нас он сделает исключение. В любом случае, мы попытаемся.

Угрюмый, широкоплечий Мютано проводил Петриниуса в большую библиотеку, где мы с Астольфо стояли перед гигантским камином в ожидании гостя. Вечер был слишком теплым, так что огня не зажигали, а вместо этого Астольфо приказал вычистить камин и установить внутри маленькие мраморные статуэтки, изображающие духов пламени. Мало того, из всех углов и комнат дома он принес лучшие произведения искусства: картины, рисунки, вышитые ширмы, керамические безделушки, книги в затейливых переплетах и расставил их в библиотеке, рассчитывая произвести благоприятное впечатление на великого художника.

После дежурных приветствий он начал было восторженную речь, но Петриниус немедленно оборвал его.

— Я пришел, чтобы есть мясо, пить вино и послушать, что за дело у тебя ко мне, Астольфо, поэтому не стоит тратить время на

пустую риторику.

Астольфо окинул Петриниуса мягчайшим из самых мягких взглядов, ничуть не возмутившись бесцеремонностью художника, которую тот, похоже, выставлял напоказ. Петриниус был коротышкой, почти карликом, с быстрыми, порывистыми движениями и походил на марионетку, управляемую парализованным кукловодом. Он так и искрился нервной энергией, она словно потрескивала в нем, как в янтаре, натертом мехом рыси. Пальцы подергивались, ноги постоянно шаркали по полу. Слова вылетали из его рта, подобно дротикам, а когда он молчал, лицо выдавало каждую мысль и каждый порыв серией выразительных гримас. Одним из его прозвищ было Огонек Свечи, и он действительно горел, как пламя.

— Я рад, что ты пришел выпить моего вина, — кивнул Астольфо, наливая из фляги в форме дракона три бокала ароматного темного напитка.

Петриниус опрокинул бокал и снова протянул его Астольфо.

— Нам ни к чему спешить, — заметил Астольфо, наливая до краев протянутый сосуд, — ибо я уверен, что вы уже догадались о предмете беседы.

Петриниус осушил бокал одним хлюпающим глотком и опять протянул хозяину.

— Речь пойдет о рисунке, купленном сьером Плермио Рутилиусом. Я прав?

— Абсолютно, — учтиво улыбнулся Астольфо, наливая вино.

— Вряд ли я смогу вам помочь. Я почти ничего не знаю о тени, а то малое, что мне известно, дорого вам обойдется. Надеюсь, вы уже поняли, какова будет цена?

— Это определенная тень или, вернее, ее часть.

— Именно.

— Вы, должно быть, все еще пишете свою великую фреску. Какое название вы дали давно задуманному шедевру?

— Пока что он назван «Шествие мертвых». Возможно, завтра я назову фреску по-иному. Что вы можете предложить за мои сведения?

— Отрежу от тени Маласпино на два пальца в ширину. И даже больше, если ваш ответ меня удовлетворит.

— Спрашивайте.

— Как по-вашему, сьер Рутилиус говорит правду, утверждая, что ему ничего неизвестно о тени, которую вы гениально изобразили?

— Не тратьте время на лесть. Я вполне сознаю, на что способен. По-моему, говорить правду в интересах Рутилиуса. К чему обманывать того, кого нанял?

Даже весьма откровенный глагол «нанять» не обидел Астольфо.

— Дело в том, что торговля тенями — дело неверное и неизбежно связано с мошенничеством. Имеются ли у вас предположения, откуда взялась эта тень?

— Давайте оставим прописные истины, — резко бросил Петриниус. — Простое наблюдение за объектом сказало мне многое. Он прошел через несколько рук, прежде чем оказался у Рутилиуса: объект совершенно свеж, не загрязнен и без следов износа; характер вполне определенный и ясный. Я считаю, что вор отдал его посреднику, имея в виду именно Рутилиуса в качестве единственного покупателя.

— Тот, кто украл тень, не был вором по призванию, иначе посредник, желая защитить себя, узнал бы от него имя той, которая ее отбросила.

— Разумеется, разумеется, — нетерпеливо отмахнулся Петриниус. — Это предполагает также, что цена, полученная посредником, и тень, которую тот сохранил для себя, были для вора менее важны, чем необходимость избавиться от нее.

— Но не из страха, поскольку тень принадлежала молодой женщине, и она вряд ли могла причинить ему зло.

— Если только не имела любовника, брата или другого покровителя, который стал бы преследовать похитителя.

Астольфо кивнул.

— И все же…

— И все же, прошло достаточно времени, но никто не появился. И я подозреваю, что девушка могла быть парией или сиротой.

— Возможно, рабыней?

— Разве это неуклюжая деревенская простушка? Разве это деревенщина, как твой ученик? — бросил Петриниус, пренебрежительно махнув рукой в мою сторону. — Своей грацией она обязана не только природе. Ее долго и тщательно обучали и воспитывали.

— Я тоже так подумал.

— Ты заранее знал все, что я скажу. Или позвал меня, просто чтобы позлить? Веди к столу. Я наемся досыта и удалюсь.

— Мы скоро поужинаем бараниной со спаржей и шпинатом, — пообещал Астольфо. — Повар позовет, когда все будет готово. Обещаю, вы не пожалеете о его медлительности.

— Даже самый вкусный обед всего лишь топливо для телесной жаровни, — изрек Петриниус, впервые глядя прямо мне в лицо.

Только сейчас я заметил, что глаза у него разного цвета:

левый — мутно-серый, правый — ярко-синий.

— Интересно, сумел ли этот приятель усвоить разницу между бараньим рагу и овсяной соломой? По-моему, Астольфо, он плохо подходит для твоих махинаций.

— О, Фолко совсем не плох. Ему требуется всего лишь небольшая шлифовка.

— Сбрую мула можно надраить, но веса самому мулу это не придаст.

— Скажите, сколько, по-вашему, весит хозяйка тени?

— Не более восьми стоунов. Она правша, хотя при ходьбе ступает с левой ноги. Кости рук и особенно ног узкие, подъем высокий. Способна на быстрые, резкие движения, но может долгое время оставаться неподвижной. Плечи почти прямые, как у солдата, и подчеркивают длинную, грациозную шею. А вот кисти рук для меня — загадка: иногда мне кажется, что они слишком малы для ее тела, иногда, что слишком велики.

— Но как могли украсть ее тень? Насильно? При внезапном нападении? Или медленно и осторожно, усыпив ее бдительность?

— Только не насильно. И не постепенно. Контур не слишком резкий, но и не размытый.

— Я отрежу от тени Маласпино три пальца в ширину. И теперь, когда мы покончили с этой темой, расскажите о композиции своей фрески.

— В центре она будет темная, непроглядно темная. И тень негодяя, взятая у него перед повешением, добавит еще темноты. Вы ведь стояли на эшафоте рядом с Маласпино, верно? До меня дошли слухи.

— Поскольку все, кроме меня, уже мертвы, могу это подтвердить. Я подкупил одного из палачей, уговорив остаться дома. Надел его мантию и грязный капюшон. Он должен был связать ноги Маласпино, перед тем как наденут петлю, и я, встав на колени, отрезал тень прямо у носков его сапог. В жизни не видел подобной черноты. Злосчастный поэт Эдгардо подмешивал крошечные частицы в чернила, и его стихи становились все более мрачными и сардоническими.

— Вы имеете в виду стихотворение «Шанс»? «Склоняюсь перед демоном мира… Этот чудовищный властитель наполовину идиот, дикарь наполовину…»

— И другие строки, в которых он слишком строго судит наших современников…

— Думаю, он чересчур высокого мнения о себе, — отрезал Петриниус. — Пусть сочиняет, что хочет, я готов проглотить самую горькую пилюлю.

— Поскольку у вас такой хороший аппетит, идемте

ужинать, — пригласил Астольфо. — Мой нос подсказывает, что блюда готовы. Заодно потолкуем еще о вашей великой фреске.

Петриниус, как оказалось, был не прочь поговорить о себе. Между бесчисленными кубками с вином и увесистыми кусками мяса Петриниус охотно распространялся о любимой работе. По мере того, как он все больше увлекался, названия менялись. Иногда он называл фреску «Триумфальный марш справедливости против мерзости жизни», в другой раз — «Священная ярость, или Смотрите, кто мы есть на самом деле». Работа была его местью истории и жизни, которую он считал скорее преступлением, чем бедствием.

— Многие, вглядевшись в фигуры на стене, узнают себя и станут гневно завывать от бессильной ярости!

— Ваш шедевр будет исполнен страсти.

— Да-да, именно страсти! — вскричал Петриниус с набитым ртом, плюясь крошками баранины. — Я вложу в него всю боль своего сердца, всю точность руки и глаза.

— Но разве ваше творчество не действует на прототипы? — спросил Астольфо. — Из того, что приходилось слышать о Манони, я понял одну вещь: его искусство настолько мощно, что, когда он испытывает недобрые чувства к оригиналу, тот действительно заболевает. Говорят, некоторые — даже смертельно.

— Ба! — фыркнул Петриниус, глотнув вина. — Все это сказки! Старушечьи суеверия. И я вовсе не уверен, что Манони заслужил столь высокую репутацию. Я могу показать вам слабые места в его лучших работах.

— Значит, это неправда, что творчество художника может повлиять на здоровье модели?

— Это неправда, хотя многие мои собратья предпочитают поддерживать эту легенду. Однако что касается теней, все верно. Так получается, что портрет тени может повлиять на ее внешность, в хорошем или плохом смысле.

— Понимаю. Наверное, на результат действует страсть, владеющая художником?

— Отчасти. Однако, я вижу, ты пытаешься выведать мои секреты? Спасибо, я больше не голоден, не страдаю от жажды и потому удаляюсь.

— Может, я сумею соблазнить тебя сладким вином с островов Солнечного сияния? Свежей дыней?

— Прибереги свои манеры для другого случая, Астольфо. Я желаю тебе доброй ночи.

После резкого ухода Петриниуса, который, пьяно

пошатываясь, размахивал молескиновым[10] пакетом, унося фрагмент тени Маласпино, Астольфо предложил мне пройти в малую библиотеку и выпить перед сном. Там, за письменным столом, уже ждал Мютано, перед которым стояли графин с шерри и три маленьких бокала.

Несколько минут он оживленно беседовал с Астольфо на языке жестов, которого я не знал. Астольфо налил шерри, и мы молча выпили, после чего хозяин обратился ко мне:

— Итак, что нам удалось узнать сегодня вечером?

— Что Петриниус так и напрашивается на трепку. Его талант, столь высоко ценимый, когда речь идет о красках и холсте, тут же тает, стоит ему открыть рот.

— Да, он распознал в тебе безмозглого болвана и, признаюсь, попал в точку.

— Ничего, под вашим руководством, надо полагать, я приобрету необходимые лоск и остроумие и научусь вкрадчиво бормотать пустые комплименты. Вы еще будете гордиться своим созданием, — парировал я.

Должно быть, столь неожиданный сарказм застал учителя врасплох, ибо он не сразу нашелся с ответом.

— Замечаю, ты выгодно используешь свою внешность. Никогда не помешает казаться глупее, чем есть на самом деле. Люди склонны обманываться, и это можно обернуть к нашей выгоде.

Я кивнул. Его слова пробудили во мне надежду, что наше сотрудничество, пусть и ненадолго, но продолжится.

— Скажи, какие физические качества, по-твоему, способствуют силе творчества господина Петриниуса?

— Я поражен его манерами. Он весь состоит из ломаных, дерганых, резких движений. Изгибает под немыслимыми углами свое тело так же часто, как искажает немыслимыми гримасами лицо — и все же его рисунки безупречны до такой степени, что можно подумать, будто он создает их одним дыханием.

— Странно представить, что человек, который пьет вино, как воду, и громко чавкает, роняя крошки на стол, тот же самый художник, который создает гениальные картины. Взяв кисть, он разительно меняется.

— Он свивает и развивает кольца, словно гадюка в пламени.

— Да, и поэтому видит окружающее совсем иначе, чем мы. Заметил его глаза?

— Они разного цвета.

— Ярко-синий — наблюдателен и точен. Левый, оттенка стали кинжального клинка, был потерян в уличной драке. Ему приходится постоянно вертеть головой, чтобы видеть

окружающее. Потеря зрения на один глаз дала ему преимущество в изображении теней.

— Значит, он приобрел ценное увечье.

— Вернее, сам сделал его ценным. Его увечья и чудачества тщательно культивируются. Дурные манеры и грубоватая речь, говорящие о независимом характере, свободном от низкопоклонства и подхалимажа, а также постоянная бравада повышают гонорары, которых он требует. Там, где иному приходится есть жаб, чтобы добиться милости сильных мира сего, Петриниус изрыгает яд — и получает признание. Его великая фреска в законченном виде будет считаться наиболее мощным памятником мизантропии. Многие в этом городе придут в бешенство, узнав на фреске себя. Если он к тому же изобразит их тени, несчастные вскоре придут к печальному концу. Полоска тени злодея Маласпино даст ему еще больше власти. Некоторые высокопоставленные персоны жестоко пострадают, увидев последнее произведение Петриниуса.

— Но это рискованно, — заметил я. — Кое-кто их знатных людей сотрет его с лица земли, если он посмеет их прогневить.

— Он полагается на защиту своего гения. Заметил, что он рассказывал об украденной тени?

— Но он ничего не знает. Утверждал, что тень не украли силой. И не стащили потихоньку.

— Знаешь первые два способа, которыми крадут тени?

— Тайком, — ответил я, — и это называется «отделение тени». Или силой, и тогда это называется «отсечение тени». Третьего способа я не знаю, поскольку вы еще не сочли нужным о нем рассказать.

— Но ты и сам можешь легко сообразить. Как приобрести что-то, не оставив следов хищения?

Я озадаченно наморщил лоб.

— Ну, полагаю, если человек сам отдаст мне вещь…

— Если ты добровольно отдашь кому-то свою тень, не останется признаков ни насилия, ни воровства. Этот акт называется «передача».

— Но люди неохотно отдают свои тени, — заметил я. — В каких обстоятельствах можно сделать нечто подобное?

— Этот вопрос я задам себе во сне. Если моя подушка окажется словоохотливой, возможно, нам троим придется завтра побродить по городу, — объявил Астольфо и снова завел с Мютано безмолвную беседу. Пальцы мелькали, будто стая воробьев в кроне шелковицы.

Я оставил их, вернулся в свою одинокую, почти голую комнату, разделся, лег в постель и заснул, как часовой после

дневной вахты.

Наутро после обычного скудного завтрака я стоял в восточном саду с закрытыми глазами и поворачивался вокруг собственной оси, определяя расположение теней. Было бы ошибкой предполагать, что постижение природы теней и их расположения зависит исключительно от остроты зрения. В этом участвуют все чувства. Я прислушивался к ветрам, соединявшим свет и тьму, обонял различия между растениями, произраставшими в тени стены и на солнце, кончиком языка ощущал вкус запахов, витавших в воздухе. Чувствовал пятнистую тень, падавшую на лицо и отброшенную веткой платана, на которой только появились листья. С особым удовольствием я слушал птичью песню, изливавшуюся из низких густых зарослей, отмечая, как песня светлеет и поднимается к небесам, по мере того как трели вырываются из зеленого полумрака в солнечный день.

Я воображал, будто охватил все, что творится вокруг, но эта иллюзия была грубо рассеяна неожиданным, крепким, но не злобным пинком в зад. Мютано, друг и слуга, хотя и напоминает медведя размерами и повадкой, может двигаться бесшумно, словно полуночный призрак. Астольфо назначил его моим инструктором по боевым искусствам, и он вечно тренировал во мне бдительность, заставляя сражаться на деревянных мечах, устраивая борцовские схватки, лошадиные скачки и так далее. Я был благодарен ему за этот пинок. В иное время в подобной ситуации настоящий враг успел бы воткнуть мне в спину кинжал.

Он жестом велел следовать за ним в малую библиотеку, где в потертом кожаном кресле сидел Астольфо. Когда мы вошли, он, казалось, дремал и заговорил со мной лениво, врастяжку, едва ворочая языком. Такова была манера учителя изъясняться, когда ум его занимала очередная проблема.

— Мои поиски не были бесплодными, но окончательного результата не принесли. Сейчас мы отправляемся в мастерскую танцмейстера Максинио. Перед уходом ты должен выпить чайник специально приготовленного чая. Это даст тебе хороший предлог и возможность осмотреть его дом. Мютано при необходимости послужит нам защитником, а также наблюдателем, ибо, говоря по правде, я сам не знаю, чего ожидать от этого визита. В этом деле мои инстинкты могут оказаться либо верны, либо нет. Так или иначе, придется идти безоружными, лишь Мютано захватит свой короткий меч. Так что будь готов.

Как мне велели, я умылся, надел чистый камзол и большими глотками осушил чайник, после чего присоединился к Астольфо и

Мютано, уже ожидавшим в вестибюле. Астольфо, как я заметил, сменил костюм и был одет в зеленые с золотом штаны и камзол торговца пряностями. Но если он надеялся удачно замаскироваться, то у него ничего не вышло: одной одежды недостаточно, чтобы сойти за почтенного представителя купеческой гильдии. В городе Тардокко всякий знал мастера теней Астольфо.

Дверь в заведение Максинио, небрежно сколоченная из неструганых дубовых досок, с маленьким оконцем посередине, производила убогое впечатление. Мы постучали. На пороге появилась девочка лет десяти-двенадцати в сереньком платьишке судомойки: ничем не примечательная особа, если не считать огромных, темных, миндалевидных глаз, сиявших с бесстрастного лица и казавшихся старше чумазой физиономии. Девочка молча проводила нас на второй этаж, в студию, где занималось с полдюжины молодых девушек, от двенадцати до шестнадцати лет, в белых трико и пачках. Все отрабатывали прыжки и пируэты под холодным взглядом седовласой матроны-хореографа. Максинио сидел на раскладном стуле, без особого интереса поглядывая на учениц. Музыкант, едва умещавшийся в ободранном деревянном кресле, не поднимал глаз от лютни.

Астольфо, тоже не удостоив девиц взглядом, поспешил поклониться Максинио и пожать его вялую руку. Мы с Мютано наоборот, следуя инструкции, пристально осматривали каждую. Все были удивительно хороши собой, в самом расцвете юной красоты. Я пытался не отвлекаться, сосредоточиться на том, что искал.

— Странные цвета одежды для похитителя теней, не находишь, Астольфо? — осведомился Максинио. — К чему такой кричащий наряд с самого утра?

— Ну разве не восхитительно? Я счастлив, что мое преступное прошлое, если таковое и было, давно осталось позади, и я могу позволить себе подобную ливрею. Сегодня зелень и золото означают, что я поступил на службу к богатому торговцу пряностями.

— Какое отношение я имею к торговцам пряностями? Мне абсолютно наплевать на твое оперение!

— Он богат, и эти сведения должны бы интересовать тебя!

— С чего это?

— Он раздумывает, стоит ли вложить деньги в твою балетную труппу.

— Должно быть, ты принес с собой груду золота, поскольку велел этим двум громилам охранять сокровище? Твоего

тупоголового слугу я уже видел, этого Маттона,[11] или как там его.

— Мютано, — поправил Астольфо. — Самый скромный и молчаливый из всех людей на свете.

— Пусть таким и остается. Но кто этот погонщик волов на глиняных ногах? Выглядит так, словно из его гульфика сейчас посыплются кузнечики.

— Ему нравится откликаться на имя Фолко, и, думаю, сейчас бедняге просто не по себе. Насколько мне известно, он с утра накачивался элем, не зная, что мне потребуются его услуги. И теперь последствия не замедлили сказаться. Возможно, здесь имеется место, где он может облегчиться.

— В эту дверь и вниз по длинному коридору. В конце он найдет туалет, — объяснил Максинио и, морщась, добавил: — Не нравится мне вид этого Фолко.

— Я намереваюсь улучшить его внешность, — пообещал Астольфо, жестом отпуская меня.

Горький чай Мютано возымел свое действие, так что я почти бегом промчался по коридору к открытой двери. Внутри высились четыре керамических унитаза. В комнате не оказалось ни одной женщины, так что я закрыл дверь и занялся своим делом, стараясь, как было приказано, чтобы звук доносился наружу, свидетельствуя об истинности моих намерений.

Натянув штаны, я немного постоял, прислушался, после чего прокрался к двери и осторожно ее приоткрыл. В коридоре никого не было, и я медленно и бесшумно зашагал вперед, останавливаясь у каждой двери. Но повсюду было тихо.

В противоположном конце коридора оказалась лестница, и мне почудилось, что с верхнего этажа раздается музыка. Я поднялся по ступенькам и приблизился к первой же двери у лестничной площадки. Оттуда отчетливо доносились мягкие аккорды арфы. Пришлось толкнуть дверь, но она не поддалась. Я только улыбнулся. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы открыть замок полоской жесткой кожи.

Когда я открыл дверь и заглянул внутрь, оказалось, что в комнате достаточно светло. Солнечные лучи падали на бледного юношу романтического вида, с длинными локонами, очевидно, погруженного в музыку и не замечавшего ничего вокруг. Посреди комнаты танцевала девушка, затянутая в белое трико. На ней не было обычной пачки.

На вид ей было не больше шестнадцати. Стройная, как тростинка, она казалась серебряной спиралью, медленно вращавшейся с поднятыми руками. Девушка смотрела вверх, на маленькие кисти с длинными пальчиками. Светлые волосы

свободно свисали почти до талии. Должно быть, я увидел приму труппы Максинио, танцевавшую в световом столбе, подобно духу одиночества, словно она была единственным живым существом в своем отдельном мире. Я вдруг ощутил, что, глядя на нее, взираю на собственный дух, каким я его представлял в приступах меланхолического юмора: одинокий, без друзей и родных, в момент остановившегося времени. Если всякая человеческая душа — сирота, как утверждал Астольфо, эта молоденькая девушка была воплощением той самой души.

Я зачарованно наблюдал, прежде чем понять, почему ей удалось создать атмосферу столь щемящего одиночества. Танцуя в широком солнечном луче, она не отбрасывала тени на полированный кленовый паркет и словно горела холодным серебряным пламенем, чистым, как свет звезды, замерзший в куске льда. Отсутствие тени еще сильнее связывало ее с музыкой: она казалась частью этой музыки, будто арфист, мягко перебирая струны, ласкал ее тело кончиками пальцев, извлекая из него, а не из своего инструмента аккорды и ноты, вливавшиеся в мои уши.

С трудом очнувшись, я спустился вниз и вернулся в студию, где Максинио и Астольфо беседовали с другими девушками. Но перед моими глазами плыла серебряная танцовщица. Войдя в комнату с более резким освещением, другой музыкой и гарцующими девицами, я поморщился от неприятного ощущения. Все, и особенно танцовщицы, казались неловкими, унылыми и грубыми. До своего открытия я считал комнату достаточно уютной, но сейчас она показалась мне скучной, неопрятной и обшарпанной.

— А, Фолко! — приветствовал Астольфо. — Наконец-то! Должен тебя поздравить: твой мочевой пузырь наверняка побьет рекорд вместимости. Готов выставить тебя на турнир.

— Я пил чай, а не эль, — оправдывался я. — Мои внутренности не переносят чая.

— Долго еще мы будем обсуждать достоинства твоего болвана? — спросил Максинио. — Или больше не о чем поговорить?

— Возможно, мы злоупотребили твоим гостеприимством, — заметил Астольфо. — Теперь, когда я узнал, что у тебя нет желания принимать инвестиции от посторонних лиц, наши дела здесь закончены.

— Ты прав, Астольфо, — объявил Максинио. — Закончены. Вообще не понимаю, почему ты постучался в мою дверь в сопровождении двух подозрительных типов, да еще наплел небылиц о каком-то торговце пряностями. Какие бы грязные делишки ты ни задумал, меня не впутывай, и на этом все!

— Тебе лучше знать, — бросил Астольфо, поклонившись. Мы последовали его примеру, а девочка с огромными глазами и в сером платьице проводила нас вниз. Звуки лютни стали громче.

Мы уселись на кухне, и я рассказал Астольфо о виденной мною танцовщице. Астольфо любил это пахнущее хлебом и пряностями помещение, с огромной печью и стенами, увешанными начищенными медными сковородами и котлами. Он обожал оседлать гигантскую колоду мясника и устроиться там, болтая ногами, что и проделывал сейчас, пока мы пили из глиняных кружек дивный эль и жевали ржаной хлеб с козьим сыром.

Внимательно выслушав меня, учитель прикрыл глаза и кивнул:

— Танцмейстера, должно быть, попросили приготовить достойное развлечение для членов нашего муниципалитета. Вот он и поставил столь необычный танец. Ты видел репетицию, Фолко, и был потрясен. Наверное, представление будет иметь огромный успех.

— Да, ради такого зрелища стоит жить, — согласился я.

— Но Максинио вряд ли захочет отдать свое сокровище сьеру Рутилиусу.

— Ни за что не отдаст, — заверил я. — Да узри вы ее хоть раз, тоже не отдали бы!

— Уверен, что это именно ее тень находится в стеклянном ящике Рутилиуса?

— Другой просто быть не может.

— В таком случае, нужно учесть все варианты. Что сделает Рутилиус, если мы немного подождем, а потом доложим, что не смогли найти хозяйку тени?

— Поручит другим ее отыскать и заплатит любые деньги.

— Но как они могут ее отыскать? Я немного подумал.

— Объяснит им, что мы потерпели неудачу. Тогда они начнут нас выслеживать. К этому времени все узнают о нашем визите к Максинио. Им легче легкого пойти по нашим стопам, обнаружить серебряную танцовщицу и уведомить Рутилиуса.

— А Рутилиус, услышав их рассказ, посчитает, что…

— …Мы предали его и имеем собственные планы на танцовщицу. Думаю, он будет крайне недоволен.

— А что станет с девушкой?

— Он похитит ее, несмотря на все усилия Максинио сохранить тайну и уберечь танцовщицу.

— А потом?

Я пожал плечами.

— Трудно сказать. Он добьется цели. Получит девушку.

— Каковы же будут последствия?

— Понятия не имею.

— Последствие может быть только одно. У тебя сложилось какое-то впечатление о ней? Не о балерине, а именно о девушке, независимо от танца?

Я размышлял. Но на ум ничего не приходило.

— Думаю, девушки вне танца просто не существует. Астольфо недоуменно моргнул глазами, но тут же мрачно кивнул:

— Потому что она не отбрасывает тени. Не отбрасывает тени, как сама музыка. Она изменилась, подобно тем несчастным мальчишкам, которых лишили мужской сути, чтобы сделать из них певцов, чистые сосуды искусства с хрустальным сопрано. Ты прав: вне танца она почти не существует. И Петриниус это понимает. Его рисунок тени насыщен более сильным жизненным духом, более яркими искорками души, чем сама тень. А тень, в свою очередь, обладает большей жизненной энергией, чем девушка, которая ее отбросила.

— Но чем этот факт может помочь Рутилиусу? Я вижу преимущества только для Максинио и спектакля, который он ставит.

— Он сослужит ему плохую службу, да и нам заодно. Нам нужно искать другие пути отступления или успеха.

— Каким это образом? Астольфо пожал плечами.

— Что-то я устал строить планы, размышлять, обдумывать и взвешивать. Мои мозги уже не так хорошо работают, как прежде. Почему бы тебе не пощекотать ребра своей хитрости и не изобрести стоящий план?

— Попытаюсь, — пообещал я, стараясь говорить беспечно и весело. Я пытался скрыть собственную неуверенность и дурные предчувствия.

— Мы, затаив дыхание, будем ждать твоего шедевра коварства и хитрости, — улыбнулся Астольфо. — Изложишь все завтра, до полудня.

Итак, мне предстоит составить некую программу и уклониться нет возможности. Ясно также, что мастер теней отвергнет ее, как идиотскую, глупую и невыполнимую. Поэтому я не особенно встревожился и посчитал, что этот вечер — мой, и я могу проводить его по своему усмотрению.

Поэтому я зашагал через весь город к «Сердцу Агаты», своему любимому кабачку, чтобы взбодрить ум и тело. Именно там, между бесчисленными кружками эля и постельными забавами, в один из моментов, когда я стал сомневаться в целесообразности такого времяпрепровождения, в мозгу блеснула некая мысль,

после чего я мгновенно отправился домой, пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу. Конечно, это не было озарением, но даже и при таких обстоятельствах я не хотел утопить ее в пропитанном алкоголем забытьи.

Я встал поздно, за несколько минут до назначенного часа, наскоро привел себя в порядок и, выйдя из дома, приветствовал Астольфо, сидевшего в восточном саду под большим цветущим каштаном. Он с веселым пренебрежением оглядел меня, покачал головой, но ничего не сказал. Мютано, стоявший у маленького столика, наливал пенящийся эль из старого кувшина. Я попытался отвернуться от омерзительного зрелища и не менее омерзительного запаха, но он сунул мне в руки кружку. Я выпил и почувствовал себя немного лучше.

— Ты и представить не можешь, с каким волнением мы ждем твоего рассказа. Говори быстрее и развей наши тревоги, — с иронией предложил Астольфо.

Я с трудом сглотнул и, набравшись храбрости, спросил:

— Разве не вы говорили, что сьер Рутилиус провел юность в разгульных забавах и распутстве?

Астольфо не ответил, поэтому я поскорее выпалил:

— Должно быть, в те времена он разбрызгивал свое семя направо и налево. А если он неведомо для себя стал отцом парочки бастардов? Может, мы попробуем убедить его, что к ним принадлежит и танцовщица? Мол, она его родная дочь.

— И что тогда?

— Тогда он не сможет уложить ее в постель и оставит в покое.

— Но он уже до безумия обожает ее тень! И разве не будет горд признать, что плоть от плоти его наделена такой прелестью? Не станет пуще прежнего стремиться заполучить ее в свой дом?

— Как его дочь, то есть предполагаемая дочь, она сумеет заставить его склониться перед ее желаниями.

— Но разве молодая девушка, бедная и одинокая, отданная почти что в рабство своевольному балетному тирану, не будет счастлива найти богатого и любящего отца и вести роскошную беспечную жизнь?

— Нет, если она обвенчана с балетом и музыкой, — объяснил я. — А именно эту безумную увлеченность я и увидел, когда подсматривал за ней. Трудно поверить, что она добровольно расстанется со своим искусством.

— Зато она беспрекословно отдала свою тень.

— Но… но… это совсем другое, — заикаясь, пробормотал я.

— Не пойдет. Слишком велик риск, — вяло, словно нехотя

бросил Астольфо фразу, которую я знал заранее. Но все же он сумел удивить меня: — И тем не менее тут есть над чем поразмыслить. Давай немного отложим эту беседу. Можешь хорошенько обдумать свой план, пока Мютано наставляет тебя в искусстве владения хлыстом. Кстати, хлыст — тоже способ завладеть тенью.

Прошло три дня, в течение которых Астольфо, казалось, забыл обо всей этой истории: о поручении сьера Рутилиуса, о Максинио и лишившейся тени танцовщице. Я и сам был очень занят. Мютано не давал мне ни минуты покоя. Теперь основное внимание уделялось рисунку. Меня заставляли вспомнить все случившееся за последние двенадцать месяцев и рисовать тени, распластанные на неровных поверхностях: тень Мютано, стоявшего в углу чулана с глиняными стенами так, что она раздваивалась, падая сразу на обе стены; тень черного кота Крипера, сгорбившегося у шершавых камней ограды; тень моей левой руки, падавшую на куртину колокольчиков.

Таланта к рисованию я не проявил, но Астольфо объяснил, что особого значения это не имеет. Уроки необходимы, чтобы различать тени, падающие на различные поверхности.

Но тем не менее эти новые занятия имели отношение не столько к геометрии, сколько к искусству. Я сидел над стопкой бумаги, пытаясь передать сходство, но не теней, а их хозяев: садовых ваз, гиацинтов, айвового дерева, спящего Крипера, неуклюжих лапищ Мютано. Время от времени Астольфо подходил ко мне, перебирал рисунки и быстро поправлял их остро отточенным обломком графита. Каждый его штрих был для меня откровением, и хотя за короткое время я многое усвоил, становилось все более очевидным: мне не стать ни Манони, ни Петриниусом. Я с прискорбием сознавал, что эти часы потрачены зря.

Однако я обрадовался, узнав об очередном визите к Максинио и о своей роли в этом деле.

— Вряд ли танцмейстер станет тебя допрашивать, — сказал Астольфо, — но лучше подготовиться к встрече заранее. Ты должен припомнить каждую подробность о танцовщице, которая не отбрасывает тени. Если тебя спросят, отвечай правду.

— Вряд ли он будет доволен, обнаружив, что мы пронюхали о ее существовании. И если полезет в драку, можно ли сцепиться с ним?

— Сомневаюсь, что ты сумеешь достойно сразиться на шпагах с таким блестящим фехтовальщиком, как танцмейстер. Пожалуй, стоит нанять тебе учителя танцев, чтобы ноги поменьше

заплетались.

— Но если он все же захочет драться?

— Не захочет, — отрезал Астольфо. — Иди готовься. Через час выходим.

Однако перед тем как отправиться в путь, Астольфо вооружился шпагой, которую именовал «Избавительницей». На этот раз он не пытался рядиться торговцем пряностями, а вместо этого надел обычный костюм: красновато-коричневый камзол и панталоны, а также мягкие сапоги, в широких голенищах которых прятались просторные карманы. В руке он держал свернутый футляр из мягкой кожи, в котором обычно носил большие карты.

Мы неспешно шествовали на убогую городскую площадь, окруженную сонными лавчонками портных, сапожников и лудильщиков.

Добредя до студии Максинио, мы постучались. Дверь отворила та же самая девочка. Теперь, по приказу Астольфо, я пристальнее присмотрелся к ней, но ничего нового не обнаружил: худенькое невысокое создание с черными волосами и огромными темными глазами, сиявшими, словно мокрый обсидиан. Поношенное серое платье судомойки надежно скрывало ее фигуру.

Она повела нас в репетиционный зал. Там все было как раньше: строгая наставница грубо орала на подопечных, скучающий лютнист лениво перебирал струны инструмента, Максинио, сидя на кожаном походном стуле, громко отбивал ритм короткой тростью с серебряным набалдашником.

Нужно сказать, что при виде нас он отнюдь не засиял от радости.

— Опять ты, Астольфо! — рявкнул он. — Похоже, ты, неведомо отчего, чувствуешь себя обязанным оказывать мне честь своим присутствием.

— Доброго тебе утра, — смиренно поклонился Астольфо.

— Никак ты пустил с молотка свою лавку пряностей? Вижу, сегодня ты обрядился в более привычное платье.

— Сегодня я защищаю интересы свои, а не чужого торговца.

— Которого вообще не существовало, — вставил танцмейстер.

— Совершенно верно. Но ведь ты не в обиде, поскольку с самого начала не верил моей истории. Да и как можно обмануть столь проницательного человека?

— А вот теперь я носом чую очередное мошенничество, — отрезал тот. — И предупреждаю: если мне надоест терпеть твои жалкие махинации, заставлю своих девушек выкинуть тебя из окна. Кроме того, они не прочь отправить той же дорогой этих

двух негодяев, которые липнут к тебе, как сережки к мочкам ушей.

— Умоляю о милосердии, — не сдавался Астольфо. — Посмотри, какой чудесный день: позор, если он будет омрачен насилием. Я пришел только сообщить сведения, которые вряд ли тебе известны.

— То есть явился поделиться сплетнями? Не надейся, что я заплачу тебе за твои «сведения».

— Я всего лишь прошу взглянуть на рисунки, которые принес с собой. Интересно, что ты о них скажешь?

Он развязал тесемки кожаного футляра и стал его разворачивать.

— Единственные произведения искусства, которые меня интересуют, это эскизы декораций нового балета, — отрезал Максинио. — Те, что уже имеются — сущая чепуха, и нам придется начать заново.

— Ты только взгляни на это! — попросил Астольфо и, развернув рисунок, сделанный на тонкой бумаге, поднес его к глазам танцмейстера.

Заметив, что Максинио ошеломленно хлопнул глазами и содрогнулся, я осторожно заглянул через плечо учителя. Увидев красующуюся на бумаге фигуру, я от изумления охнул. Максинио ничего не заметил, пристально вглядываясь в рисунок, безразличный ко всему окружающему.

На рисунке была танцовщица, лишенная тени, та самая женщина, которую я узрел в приоткрытую дверь. Лицо поднято к небу, фигура удлиненная и словно невесомая, руки воздеты вверх, волосы рассыпались по плечам. Мои последние упражнения в рисовании, пусть и неуклюжие, позволили по достоинству насладиться шедевром, неизвестно откуда появившимся у Астольфо.

Наконец Максинио перевел взгляд с рисунка на мастера теней. Мне стало не по себе: лицо танцмейстера искажала бешеная ярость. Сейчас он невероятно походил на маленькие статуэтки демонов, предназначенных отгонять злых духов от храмовых садов.

— За это ты поплатишься жизнью, — произнес он едва слышно, задыхаясь от гнева.

— Мои помощники позаботятся о моей безопасности, — заверил Астольфо. — Но почему ты угрожаешь мне? Я принес тебе в подарок это изысканное произведение искусства.

— Танцовщица — моя тайна, гарантия успеха нового спектакля. Не понимаю, как ты набрел на ее изображение. Я не выпускал ее из дома. Никто не должен видеть ее до нового

сезона, когда назначена премьера балета «Духи света».

— Она не появится в танце духов света. И никогда не будет танцевать на публике.

— Она должна. Все решено окончательно и бесповоротно.

— Ты спас от нищей и убогой жизни много молодых девушек, — продолжал Астольфо. — Самых способных сделал танцовщицами, а для других нашел работу. Но тебя интересует только дело. Ты почти ничего не знаешь о том, откуда девушки взялись, кто они и кем были прежде.

— У меня не приют и не богадельня, — буркнул Максинио. — И они учатся быть не личностями, а всего лишь балеринами. Стремятся жить только ради танца, как живу я сам.

— Поэтому ты даже не можешь назвать истинного имени девушки. Значит, вот почему ты лишил ее тени, продал эту тень, чтобы она не смогла ее вернуть, и теперь представишь на сцене танцовщицу, исполненную безупречной чистоты.

— Я легко могу отнять тени у всех девиц. Но только она одна воплощает идеал, который я искал так долго. Именно в отсутствии тени и заключается ее совершенство.

— Но мне удалось обнаружить, что она побочная дочь знатного и могущественного аристократа, которому вовсе не хочется видеть, как она выламывается перед всякой швалью. Тебе придется отдать ее мне. Я доставлю девушку к отцу, и за это он пощадит твою жизнь и жизни всех, кто служит тебе, и не сожжет этот дом до основания.

— Кто этот кошмар, которым ты мне угрожаешь?

— Тебе не стоит знать.

— Но как ты докажешь, что он действительно существует?

— Довольствуйся тем, что я тебе сказал. Кроме того, у меня ее портрет, не так ли? Кстати, взгляни на это. Что ты видишь?

Астольфо свернул первый рисунок и отдал Мюрано, который перевязал его черной атласной лентой, а сам развернул еще один листок и поднес к глазам Максинио. Тот недоуменно вскинул брови, подался вперед и пристально всмотрелся в изображение.

— Кажется, я видел эту тень, хотя не помню где.

— Это тень твоей серебряной танцовщицы. Максинио покачал головой.

— Нет. Ее тень обладает непревзойденной грацией, а в этой что-то не так. Она ущербна. Ее словно поразила чахотка, какая-то болезнь.

— В этом состоянии она находится с тех пор, как ушла из твоих рук. Так она выглядит именно в этот момент, и я отдам рисунок отцу девушки. Он наверняка посчитает, что здесь с ней плохо обращались. А когда его гнев достигнет апогея, я назову

твое имя и скажу, где тебя искать.

— Ты погубишь меня… и уничтожишь мое дело… но зачем? Между нами не было вражды. Ты абсолютно мне безразличен, как и я тебе. Если ты задумал уничтожить меня, то лишь с целью набить свой кошелек.

— Конечно, отец вознаградит меня за благополучное возвращение дочери. Да и тебе кое-что перепадет.

— Я не нуждаюсь в подачках.

Максинио, в бессильной злобе сжимая и разжимая кулак, барабанил по полу тростью черного дерева.

— Копи свое золото, пока не утонешь в нем! Я забочусь только о «Духах света». Если я отпущу танцовщицу, она помчится к отцу на крыльях ветра, но, к сожалению, балет не может обойтись без примы.

Астольфо протянул рисунок тени Мюрано, который свернул его и перевязал красной лентой.

— А теперь взгляни на третье изображение.

Он развернул перед Максинио последний рисунок, портрет другой молодой танцовщицы. Поза была та же, что и у серебряной девушки, но у модели были не светлые, а темные волосы, а глаза, обращенные к небу, сверкали черным ониксом. Не такая высокая, как первая танцовщица, она тем не менее была столь же грациозна: изысканное создание, словно стремящееся взлететь.

Максинио с мрачным интересом всмотрелся в модель.

— Интересная фантазия на тему совершенства в балете. Никто, кроме Петриниуса, не способен нарисовать такое, но это лишь игра воображения. Существуй девушка на самом деле, я нашел бы ее.

— Рисунок сделан по памяти, и сама девушка вполне реальна. К тому же ты знаком с ней. Ее зовут Линила.

— О нет! Единственная Линила, которую я знаю, всего лишь маленькая служаночка в моем доме. Подметает, моет полы и горшки вот уже три года, с тех пор как умерла ее мать.

— Это она и есть.

— Но если это так, разве я не узнал бы ее даже в этом наряде?

— Ты так свыкся с ней, что она стала для тебя невидимкой.

— Она не танцовщица, а всего лишь судомойка.

— Ею можно позаниматься.

— Со временем, возможно, если у нее откроются способности. Но до премьеры осталось слишком мало времени.

— Можно подумать, у тебя остается выход. Отец потребует назад свою серебряную дочь, я предлагаю тебе другую на ее

место. Остается только задержать премьеру твоих «Духов…».

— Это не так просто и потребует дополнительных расходов.

— Все затраты будут компенсированы. Повторяю, у тебя нет выхода. В сумерках за девушкой пришлют экипаж. Ты сделаешь все, чтобы она выглядела как можно лучше, и сам посадишь ее в карету. Пойми, вернуть ребенка отцу — благородное деяние!

— Благородное или подлое — ничего тут не поделаешь! И все же я не забуду той гнусной шутки, которую ты со мной сыграл.

— Я спас тебе жизнь, — напомнил Астольфо.

Вечером мы собрались на кухне за накрытым столом, перед гигантским пирогом с говядиной и почками, который Астольфо выманил у поваров. Для утоления жажды хозяин припас флягу с выдержанным сидром. Днем мастер теней побывал в шато Рутилиуса и договорился о приезде танцовщицы.

— Надеюсь, девушке повезет, — заметил я, — хотя потеря для балета огромная.

Астольфо весело кивнул и сказал, что обязан мне удачной мыслью.

— Какой именно?

— Я объявил сьеру Рутилиусу, что считаю девушку его побочной дочерью и указал на некоторое сходство в лице и телосложении. Ведь это ты сам предложил. Вполне возможно, что мы уберегли обоих от гибели.

— Гибели?

— Тот, кто влюбляется в тень, увлечен идеалом. Ни одна женщина не способна приблизиться к совершенству столь ослепительной иллюзии, и непременным следствием такой страсти становится отвращение к женщине из плоти и крови, ибо она, по мнению влюбленного, предает идеал, портит совершенство, которое так отчетливо отпечаталось в его мозгу и сердце. И тогда перед глазами возникают кинжал, петля и кубок с ядом, грозные и неумолимые. Нет на свете никого более отчаявшегося, более опасного, чем тот, чьи идеалы рухнули.

— Значит, мы правильно сделали, что обманули его в отношении родственных связей? — спросил я.

— Кто знает, обман ли это? Существует вполне реальная вероятность, что она его дочь.

— А что если он ринется на поиски ее матери?

— Увы! — вскричал Астольфо. — В моем пылком изложении мать была удушена ревнивым возлюбленным и брошена в море, которое приняло ее бездыханное тело.

— А этот возлюбленный? Вдруг сьер Рутилиус пустит сыщиков по его следу?

— Невозможно! Ревнивец раскаялся и удалился на Туманные острова, где ведет одинокое жалкое существование, оплакивая пороки своей прежней жизни.

— Милая сказочка. Но я все же чего-то не понимаю. Каким образом Петриниусу удалось сделать три рисунка? Он не видел девушек и не мог знать, насколько разительно изменилась тень.

— Я знал, что для своей коллекции он непременно сделает копию рисунка, проданного Рутилиусу. Я попросил его сделать еще один, изменив контуры таким образом, словно тень начинает разрушаться.

— Но девушки? Откуда он мог их видеть. Неужели он сумел незамеченным пробраться в дом Максинио?

— Петриниус не видел девушек.

— Но каким же образом он нарисовал их портреты?

— Он ничего не рисовал.

Астольфо глотнул сидра, поставил кружку и вытер рукой рот.

— Поверь, в этой стране есть другие таланты, помимо этого тщеславного и наглого художника. Я сам частенько делал наброски, иногда в манере Манони или даже в стиле самого Петриниуса.

— Так это ваша работа? Но вы не видели серебряную танцовщицу! В тот раз вы сидели в репетиционном зале, отвлекая внимание Максинио от моих скитаний по дому.

— Я внимательно выслушал твое описание. И кроме того, у меня был рисунок тени. Послушай, Фолко, если человек может отбрасывать тень, почему бы тени не отбрасывать человека?

— Тень может отбрасывать?…

— В этом случае тень может отбрасывать изображение девушки. Подумай о своих похотливых и непристойных фантазиях. Разве они не приводят кое к каким чисто физическим реакциям организма? Только, ради всего святого, не нужно ничего рассказывать. Я скромный человек, которого легко смутить.

Вы когда-нибудь задавались вопросом, как смеется немой? В случае с Мютано смех принимает форму омерзительно широкой ухмылки, оглушительного грохота по столу, хлопанья по бедрам и потоков слез, струящихся из уголков глаз.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Fred Chappell. Dance of Shadows. 2006. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

Раджнар Ваджра
ИЗУМРУДНЫЕ РЕКИ, ЖЕМЧУЖНЫЕ НЕБЕСА

Между магией и наукой существует достаточно элементарное отличие, однако это не мешает ему быть глубоким и принципиальным.

Итак, давайте начнем наше небольшое путешествие протяженностью в несколько миль и в тысячу лет. Пожалуйста, расслабьтесь, чтобы ничто не мешало вам усваивать информацию, которую подготовили для вас ваши наставники. Все готовы?… Ну, поехали!..

Ага, вы уже здесь?!.. Отлично. Эта извилистая дорога впереди носит название Тропы Старых Богов. В ближайшее время вам предстоит испытать самые разные ощущения; постарайтесь же полностью отдаться им, чтобы как можно полнее слиться с предлагаемой вам реальностью, сделаться ее частью. Обратите

внимание на четкую, словно резцом прочерченную тень, которую отбрасывает на гранит цветущая яблоня. Сосредоточьтесь! Какая совершенная гармония таится в перекличке радужных попугаев, в гудении отяжелевших от меда пчел и несущейся издалека тихой мелодии.

Но вот напев становится громче. Чу!.. Слышите, как хрустит ракушечник, которым усыпана дорога? Это он, маг Винкас! Старик с серебряной бородой и таким морщинистым лицом, что он мог бы сойти за дедушку старых богов, не спеша бредет по дороге, опираясь на отполированный ореховый посох. Согласитесь, несмотря на больную ногу и внушительных размеров дорожный мешок за плечами, он шагает достаточно уверенно и даже мурлычет что-то себе под нос. Давайте же присоединимся к нему. Урок начинается…

* * *

На берегу Изумрудной реки маг Винкас остановился, и песня без слов, которую он напевал на ходу, стихла сама собой. Стелющийся по земле туман был недостаточно густым, чтобы скрыть неприятный сюрприз: ветхая, полуразваленная переправа через реку исчезла. Вместо нее на другой берег перебросился высокий, горбатый мост в японском стиле, сделанный из дорогого тикового дерева. Он был очень крутым, этот мост, и Винкас, неодобрительно хмыкнув, протянул посох и потыкал лакированные ступеньки с вырезанным на них узором. Узор был сделан для того, чтобы нога не очень скользила, но это мало что меняло. Слишком, слишком круто для его больной ноги!..

— Еще в прошлом году, — пробормотал Винкас себе под нос, — я бы перешел этот мост играючи. А теперь мне не переползти его и на четвереньках.

Пожав плечами, он отошел от берега на несколько шагов, найдя место, где земля была не слишком каменистой, уселся в модифицированную позу лотоса и закрыл глаза. Довольно долго он сидел неподвижно, дыша глубоко и спокойно, обратив все чувства вовнутрь.

— *Ну?…* — раздался тоненький, скрипучий голосок, который, казалось, исходил из самой груди волшебника. — *Что тебе нужно? Зачем ты беспокоишь меня?…*

— Я уперся в реку и не могу перейти на другую сторону.

— *Значит, нужно найти мост.*

— Мост прямо передо мной, Панкс, но для меня он слишком крут.

— Ты стал стар и немощен, волшебник. Ладно, так уж и быть… Только что я буду с этого иметь?

«Вот до чего дошло!» — подумал Винкас, стараясь справиться с раздражением. В последнее время ему приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы сохранять душевное равновесие, без которого контакт с импом был бы невозможен.

— Если сейчас ты исполнишь мое желание и не будешь ставить никаких условий, я два дня не стану беспокоить тебя своими просьбами. Целых два дня ты свободен!

— И это ты называешь свободой? Что еще ты имеешь мне предложить?

— Шанс на примирение. Неужели ты забыл годы, когда мы работали вместе? Мы были неплохой командой, Панкс, и… Разве тогда тебе было хуже, чем сейчас, когда мы стали почти чужими?

— Ага. Ты, кажется, спишь и видишь, как бы снова превратить меня в своего слугу. В раба! Я читаю твои помыслы между твоих слов. Они так ясны, что их способен понять даже слепоглухонемой имп. Никаких высших побуждений у тебя нет — одна голая корысть и забота о собственном удобстве.

— Нехорошо, — покачал головой маг. — Мы с тобой торгуемся, словно на базаре. Поверь, я тебе сочувствую и, конечно, освободил бы тебя, если бы мог. Но разве каждый из нас не является неотъемлемой частью другого?

— Ты удивляешь меня, маг! Во всяком случае, твои слова звучат вполне искренне. Ну хорошо, на сей раз я тебя уважу. Только не забудь: в ближайшие пару дней ты не должен беспокоить меня никакими просьбами!

Старый маг терпеть не мог подобных разговоров — они неизменно вызывали у него ощущение неловкости, но сейчас он почувствовал, как в нем шевельнулось любопытство. Интересно, как имп собирается решить проблему? Может быть, Винкас разбежится и перемахнет на другой берег? Или бросится в воду и поплывет, преодолевая сильное течение? А может быть, его больная нога обретет на время былую силу, и он просто перейдет выгнувшийся дугой мостик? В последнем, впрочем, Винкас сомневался. Импы не отличались рационализмом — во всяком случае, в общепринятом смысле слова. Учитывая их нечеловеческую природу и крайнюю бережливость, с которой они относились к расходованию энергии, следовало ожидать какого-то нестандартного, экстравагантного решения.

Открыв глаза, Винкас стал ждать.

Довольно долгое время ничего не происходило, если не считать того, что над его головой пролетели два попугая в ярком оперении да большая черепаха с чересчур длинными для этого

вида конечностями выбралась из зарослей травы и устроилась в небольшой ямке возле тропы. Спустя минуту к ней подковыляла вторая. Когда Винкас увидел, что обе лежат практически рядом, он улыбнулся и, опираясь на посох, поднялся с земли. Не без усилий он встал ногами на их панцири, а посох перехватил горизонтально, чтобы легче было удерживать равновесие.

Медведей, енотов и шакалов действительно лучше держать под контролем, подумал он. То же управление делает собак, кошек и птиц почти идеальными домашними животными. Ящерицы и насекомые также могут приносить определенную пользу. Но зачем, интересно, Древним понадобилось встраивать командные контуры в черепах?

Тем временем черепахи привстали на своих ногах, и маг пожалел, что не придумал способа ехать на них сидя. Земля оказалась непривычно далеко, и он крепче сжал посох, хотя и знал, что управляться с ним со сноровкой циркового канатоходца ему вряд ли под силу. Однако обе его ездовые черепахи двигались совершенно синхронно, без каких-либо рывков. С легкостью выбравшись из ямки, они двинулись к реке, удерживая мага; при этом они так соизмеряли свои шаги, что их панцири все время оставались на одном и том же уровне. Собственно говоря, стоять на них было так же легко, как на чуть-чуть вибрирующей широкой доске. Даже когда черепахи карабкались на ступеньки, их панцири почти не наклонялись, и маг без труда удерживал равновесие.

Оказавшись на противоположном берегу, Винкас с легким вздохом облегчения спешился и, потрепав своих бронированных рысаков по морщинистым головам, зашагал дальше. Несмотря на больную ногу, он двигался намного быстрее черепах, и это привело его в прекрасное расположение духа. Изумрудная река текла теперь параллельно тропе, но маг знал, что скоро она отклонится далеко на запад, и он снова увидит ее, только когда доберется до пункта своего назначения.

После моста дорога перестала петлять. Она оставалась прямой и ровной на довольно протяженном участке, так что уже через несколько минут своей самой быстрой ходьбы Винкас заметил далеко впереди какого-то человека, который с невероятной скоростью двигался ему навстречу. Несомненно, это тоже был маг, только его имп обладал более покладистым характером. Во всяком случае, то, что он буквально излучает энергию, было заметно уже издалека. Винкас определил, что перед ним полумаг Кирстану, причем понял это задолго до того, как тот приблизился на достаточное расстояние, чтобы они могли обменяться приветствиями.

— Почему ты так торопишься на юг? — спросил Винкас, когда они наконец остановились друг напротив друга. — Ведь Зен-Лу, где проходит фестиваль, находится на севере, а Состязание Магов в этом году обещает быть весьма интересным. Прошлой осенью, как ты знаешь, я в нем не участвовал, но в этом году намерен наверстать упущенное.

Кирстану — высокий, молодой, рыжеволосый парень с узким и острым, как лезвие топора, лицом, выпустил своих ездовых ящериц и протянул руки, чтобы обнять старика. Его дорожный плащ при этом распахнулся, из-под него сверкнул ярко-алый камзол полумага. Ящерицы Кирстану, неожиданно оказавшись на свободе, так и замерли на задних лапах и лишь слегка покачивались, преданно глядя на хозяина немигающими желтыми глазами.

— Это Состязание мне придется пропустить, — ответил Кирстану. — Очень жаль, потому что мне всегда нравилось смотреть на выступления таких признанных мастеров, как вы и Глин Тан. Увы, обстоятельства сложились так, что я был вынужден покинуть Зен-Лу. К тому же ламе Го… — тут молодой маг заговорщически подмигнул, — не понравилась одна моя проделка, и он запретил мне участвовать в фестивале.

— Ах вот оно что… — протянул Винкас, которому действительно многое стало понятно. — Насколько я успел заметить, твои шутки редко бывают оценены по достоинству. Удивительно, что ты еще не перестал, э-э-э… веселиться. Надеюсь, впрочем, оно того стоило…

Губы Кирстану дрогнули, словно он старался спрятать усмешку.

— Трудно сказать, может быть, и не стоило, — проговорил он. — Дня через три я наверняка начну горевать, что не увижу, как вытянется лицо Глина Тана, когда Золотой Тор достанется вам. С другой стороны… Ах, если бы вы только могли узреть, с какой живостью наш почтенный лама отмахивался от попугаев, которые пытались накормить его лучшими червяками и гусеницами! В конце концов ему пришлось просить магов приостановить все заклинания, потому что только так он мог избавиться от моего заклятия! Чему вы улыбаетесь, мастер?

Винкас усмехнулся.

— Ты упомянул о червях. Боюсь, что довольно скоро, — учитывая мой возраст, — мне придется познакомиться с ними ближе, чем хотелось бы.

— Любопытная ассоциация, мастер. Кстати, хотел вас спросить… Надеюсь, вы простите мою дерзость, но я не мог не обратить внимания, что морщин у вас как будто прибавилось, да

и хромаете вы довольно сильно. Я не ошибся?

— К сожалению, нет. Не меняться с годами — привилегия молодости. Ты вот выглядишь таким же здоровым и веселым, как раньше… Дело, собственно, не во мне, а в моем импе — в последнее время он что-то заупрямился и больше не помогает мне преодолевать мои физические недостатки, а магия мало на что годится в этих пустынных, неосвоенных краях. Вот почему я ковыляю там, где раньше бегал, Кирстану.

Молодой маг задумчиво поскреб козлиную бородку. Между его огненно-рыжими бровями появилась глубокая складка.

— Не пойму, в чем дело. Надеюсь, ваш джинн в порядке?

Вместо ответа Винкас закатал рукав туники и продемонстрировал светлые, тонкие как паутина нити, едва проступавшие сквозь морщинистую, старческую кожу предплечья.

— Если судить по внешнему виду, с ним все в порядке. Ну а насколько мой джинн работоспособен я узнаю, только когда подойду достаточно близко к Энергостанции Зен-Лу и ко мне начнут возвращаться силы.

Полумаг слегка развел руками.

— Если вы чувствуете себя хорошо только возле Энергетической Станции, почему бы вам не переехать на постоянное жительство в Уэстморленд или в Плест? В том же Зен-Лу, где могучий Пагмас без устали насыщает эфир энергией, вы могли бы участвовать в магических состязаниях самого высокого уровня.

Лицо Винкаса отразило сложную смесь радости и сожаления.

— Ты спрашиваешь почему, Кирстану? Я могу объяснить тебе это в трех словах: внуки, правнуки, праправнуки. К сожалению, ни один из моих отпрысков не унаследовал дар и не пошел по моим стопам. Я люблю их, может быть, даже слишком. Расстаться с ними выше моих сил, а между тем никто из моих потомков не соглашается поменять место жительства ради прихоти выжившего из ума старика.

— Иными словами, в повседневной жизни вы полностью зависите от вашего упрямого импа, и так будет продолжаться до тех пор, пока вы не найдете способа договориться с ним или не откроете новые магические силы, которые помогут вам как-то на него воздействовать.

— Ты, насколько я успел заметить, всегда был в хороших отношениях со своим импом, — осторожно заметил старый маг.

— Возможно, потому что я мало от него требую…

— И все-таки удивительно, что ты до сих пор не получил аттестат с отличием и вместе с ним статус полного мага. У тебя, несомненно, большие способности, — заметил Винкас.

— Способности у меня, возможно, и есть, но мне не хватает магической силы и, что хуже всего, художественного воображения. — Кирстану поднял руку, словно заранее отметая возможные возражения, но Винкасу до того пришелся по сердцу замаскированный комплимент в его адрес, что он и не подумал возражать. — Впрочем, я наделен некоторыми другими качествами, которые отчасти компенсируют мне вышеупомянутые недостатки, — добавил Кирстану с легким сожалением в голосе. — Кстати, нашу с вами случайную встречу можно назвать вдвойне счастливой — и для моей совести, и для вашего кошелька.

Седые брови мага удивленно поползли вверх.

— Как так?

— Я должен вам довольно много денег.

— Что-то я не…

— Три года назад, мастер, мы с вами очень вкусно пообедали в Плесте, и вы были так любезны, что одолжили мне некоторую сумму.

— Честно говоря, я ничего такого не помню, но если ты говоришь…

— В Зен-Лу хватает игровых столов, а удача по большей части мне улыбалась. Быть может, азартную игру нельзя назвать честным заработком, зато теперь я не только могу вернуть долг, но и вручить вам некоторую сумму в качестве, так сказать, скромной компенсации за долготерпение. — С этими словами молодой маг вынул из кармана горсть монет (как минимум пятнадцать медных и три серебряных) и ловко высыпал их в дорожный мешок мага. Пока Винкас, раскрыв рот, решал, что сказать, Кирстану добавил к первой еще две пригоршни меди и серебра.

— Мне кажется, — ошеломленно проговорил маг, глядя в свой мешок, — я не мог одолжить вам столько… Это слишком много!

— Вовсе нет. Ведь я вернул вам долг с процентами. Сумма займа плюс «интерес», как выражаются банкиры из Хавена. Любопытный, но довольно точный термин — вы не находите?… Не беспокойтесь, я могу себе это позволить, ведь мой долг вам составляет лишь незначительную часть суммы, которую я выиграл в один только последний день в Зен-Лу. Наконец, расплатившись с вами, я преуспел вдвойне, так как облегчил не только свою совесть, но и свой багаж. Прошу вас, мастер, окажите мне честь — примите эти деньги и вместе с ними мою искреннюю благодарность.

Винкас растерянно покачал головой.

— Ну хорошо, если ты настаиваешь… Только мне кажется, это я должен тебя благодарить.

Двое волшебников раскланялись, потом каждый продолжил свой путь. Не спеша шагая по дороге, Винкас слышал позади быстро удаляющийся топот ездовых ящериц Кирстану.

* * *

Когда на небе высыпали крупные звезды, Винкас свернул с дороги на прилегающее пастбище и, остановившись, достал из дорожного мешка какой-то предмет, похожий на раковину виноградной улитки. Бросив его перед собой на землю, маг некоторое время смотрел, как ракушка катается по ней, точно пес, которого одолевают блохи. «Процесс наращивания полезной массы» всегда его забавлял, хотя в нем не было ни капли волшебства: джинн Винкаса был достаточно чувствителен к подобным вещам, чтобы он мог заблуждаться на этот счет. Древние, в тысячный раз подумал маг, бесспорно, были несравненными учеными.

Энергетическая Станция Зен-Лу все еще была слишком далеко, чтобы автопалатка могла полностью развернуться, однако она все же приобрела достаточные размеры, дабы в ней хватило места для сухонького, невысокого мага. По команде Винкаса входная диафрагма отворилась и плотно закрылась, стоило ему войти. Как всегда, в палатке приятно пахло океанским ветром, а когда маг поужинал, к его услугам была удобная постель, на которой он с удовольствием вытянулся, давая отдых усталым членам. Заснул он под негромкое бормотание радужных попугаев, которых, по некоторым предположениям, Древние создали не только для борьбы с насекомыми, но и для красоты.

* * *

Следующий день дался Винкасу гораздо легче, так как тропа, расширившаяся до размеров настоящей дороги, пошла под уклон, плавно спускаясь в долину Зен. Примерно после полудня он начал ощущать во всем теле легкое покалывание (это ожила под кожей биоэлектрическая сеть), а мускулы на руках и на ногах сделались пластичнее и начали наливаться силой, которую маг ощущал как нежгучее тепло, дававшее иллюзию возвращающейся молодости. Вскоре вступил в действие закон обратных квадратов, и в какой-то момент Винкас поймал себя на том, что уже не

опирается на свой посох, а просто несет его в руках. Несмотря на это, его походка с каждой минутой становилась все более быстрой и легкой, морщины на лице разгладились, а больная нога больше не давала о себе знать. Почувствовав приток энергии, где-то внутри него шевельнулся Панкс; имп, впрочем, пока помалкивал.

Задолго до того, как солнце начало клониться к горизонту, минареты, шпили и решетчатые павильоны Зен-Лу уже радовали взгляд Винкаса своими строгими очертаниями, а в ноздри вползал дразнящий аромат лотосовых роз. Несколько минут спустя маг уже миновал городские ворота, с восторгом и восхищением разглядывая созданный Такатой Хаи праздничный облик зданий, который из соображений экономии становился видимым только человеку, находящемуся в пределах города.

Таката давно специализировался на иллюзиях, а в последнее десятилетие занимался еще и тем, что украшал Зен-Лу к каждому осеннему фестивалю. За все время он ни разу не повторился, ни разу не использовал один и тот же узор или прием, а его работы год от года становились все вычурней и изысканней. В этот раз Таката предпочел бьющей в глаза роскоши игру на контрастах. Каждый дом, каждая лавочка, храм, мечеть, церковь, миниатюрный дворец или усадьба-перерост были словно покрыты тонким слоем прозрачного льда. И везде лед имел свой оттенок — голубоватый, серо-стальной, бронзовый, золотой или аквамариновый, однако тона были довольно глухими и выглядели в сумерках почти темно-коричневыми. Создающие контраст элементы были через неравные промежутки вделаны прямо в лед. Выглядели они, как огромные бриллианты, искусно ограненные таким образом, чтобы улавливать и преломлять любой, даже самый слабый свет. Бриллианты тоже имели цвет льда, но более яркого оттенка. На один такой камень, отливавший золотом, Винкас смотрел до тех пор, пока у него не заслезились глаза, а когда он отвернулся, впечатавшийся в сетчатку образ еще долго горел перед его взором.

По случаю праздника даже запах лотосовых роз был усилен и улучшен: с помощью магии к нему добавили ароматы ванили, мускатного ореха и мускуса, что производило, как минимум, необычное впечатление.

Выразительный лаконизм Такаты весьма понравился Винкасу, и он обещал себе при случае выразить мастеру свое восхищение. Однако на данный момент номер в гостинице и горячая ванна представлялись ему гораздо более важными, а благодаря необычайной щедрости Кирстану Винкас мог позволить себе и то, и другое, притом высшего качества.

Как обычно, он решил остановиться в «Гавани Риши».

Небольшая, уютная гостиница была покрыта как бы слоем малиново-красной глазури, но без искусственных бриллиантов. Вместо них создававший иллюзию мастер воспользовался огненными опалами, которые разбрасывали золотисто-алые блики, пронизывавшие всю толщу призрачного льда. Задумавшись о том, почему убранство гостиницы так заметно отличается от всего виденного им в городе, Винкас решил, что Таката сам остановился у «Риши» и теперь с помощью этого нехитрого приема пытается привлечь к своей персоне внимание тех, кто в состоянии нанять его для каких-то других декоративных работ.

Находившийся за стойкой хозяин гостиницы Мьюригам — уютный толстяк с темной кожей цвета жженой умбры — засиял, как платиновый слиток из Бербанка, едва завидел входившего в вестибюль старого мага. И Винкас знал почему. Чем больше претендентов на главный приз приедет на Состязание, тем выше поднимутся ставки тотализатора. А чем выше были ставки, тем меньше люди задумывались, расставаясь с деньгами. Объяснить этот небольшой парадокс Винкас мог, пожалуй, только чем-то вроде легкого массового помешательства — правда, он никогда и не задумывался об этом всерьез. Ему было очевидно одно: в ближайшие дни винные погреба Мьюригама понесут значительный урон, а его кошелек, напротив, пополнится. Этим и объяснялась радость толстяка, который при всех своих достоинствах был не чужд корысти. Кроме того, Винкас слыл вежливым и нетребовательным постояльцем и не позволял себе никаких эксцентричных выходок, чем грешили некоторые из его коллег-магов.

— Вам как обычно, мастер? — спросил Мьюригам вместо приветствия и потянулся за своей регистрационной книгой.

— На этот раз не угадали, почтенный Мьюригам. Недавно у меня завелись лишние деньги, и теперь я ищу способ с пользой от них избавиться. Вы бы очень облегчили мою задачу, если бы сочли возможным предоставить мне лучший номер.

Хозяин гостиницы удивленно поглядел на него.

— Разумеется, мастер, вы получите самый удобный номер. Он стоит всего на пять монет дороже, чем обычно. Вас это устроит?

— О, разумеется.

— Вы, вероятно, хотите, чтобы я, как всегда, зарегистрировал за вас вашу заявку на участие в Состязании?

— Если вас это не затруднит.

— А как насчет пансиона, мастер?

— Я бы с удовольствием отведал ваших лучших блюд, если только редкие специи не обойдутся мне больше четырех монет в

день.

— Вы, как всегда, благоразумны, мастер. Что называется — солидный клиент… Можете не сомневаться, у нас вы получите все самое лучшее. Остается сущий пустяк, мастер. Не могли бы вы внести часть платы вперед?…

Винкас достал из мешка три серебряных и десять медных монет и протянул хозяину. Мьюригам сделал пометку на куске кожи ящерицы, потом открыл кассу и ловко разложил монеты по отделениям согласно достоинству. Только один серебряный кругляш Мьюригам будто случайно уронил в стоящий на полу сосуд со слабым раствором кислоты. Увидев, что монета потемнела, он выудил ее оттуда, быстро протер тряпкой, пропитанной восстанавливающим естественный блеск серебра составом, и положил в кассу к остальным.

Винкас, от которого не укрылись эти манипуляции, только улыбнулся в бороду. Похоже, не он один похоронил свое истинное призвание: трюк с монетой хозяин гостиницы проделал с ловкостью, которой позавидовал бы и профессиональный фокусник.

Не успел Мьюригам закрыть кассу, как в вестибюль торопливо вошли двое приезжих, которые попросили хозяина разменять им несколько золотых. В большом зале шла игра в «тохоку», а эта парочка уже просадила всю мелочь. Заглянув в кассу, Мьюригам согласился, хотя и без особой охоты. Сделав кое-какие подсчеты (и незаметно искупав золото в том же составе), он выдал туристам несколько пригоршней меди, куда попало немало монет, только что полученных им от мага.

Когда туристы снова устремились навстречу переменчивой фортуне, Мьюригам еще раз сверился со своими записями, покусал нижнюю губу и спросил:

— Может быть, рассчитаемся в конце, мастер? Сегодня всем нужна мелочь, а у меня почти не осталось меди.

— Разумеется, любезный хозяин. Приятно сознавать, что вы так хорошо меня понимаете — ведь теперь можно считать эти деньги уже потраченными, и я не буду страдать от приступов бережливости. Кстати, коли на то пошло… ваша еда превосходна, но я был бы рад, если бы в этом году вы разнообразили мой стол еще парочкой десертов. Положительно необходимо, чтобы к тому моменту, когда придет пора покинуть ваше гостеприимное заведение, я напоминал Путаи хотя бы фигурой.

— Я не знаком с этим господином, мастер.

— Ну, разумеется, не знакомы!.. Я имел в виду не живого человека, а одну легендарную личность, некогда широко известную в Древнем Китае. В Древней Японии его называли

Хойтей. Это так называемый Смеющийся Будда — бог, которого отличало несравненное чувство юмора и внушительное телосложение. Изображающие его статуэтки во множестве выпускают в Новом Ниппоне и Байя-Амуруке, благодаря чему большинство жителей запада по-прежнему убеждено, что Будда был толстым-претолстым китайцем.

Мьюригам рассмеялся.

— Я видел эти статуэтки и, несмотря на мое индийское происхождение, тоже считал его одним из китайских божков. Мне и в голову не приходило, что это сам Сострадательный. Боюсь только, что во всем Зен-Лу не найдется столько пищи, чтобы откормить вас, мастер. Я, впрочем, обещаю сделать все, что от меня зависит.

— Весьма признателен вам за заботу, добрый хозяин. Мне, со своей стороны, тоже хотелось бы ответить любезностью. Если вам нужна мелкая монета, я мог бы разменять медью и серебром один или два золотых. Думаю, даже после этого у меня останется достаточно монеток на сувениры и прочие безделушки, которые мне, возможно, захочется купить в ближайшие дни.

— Это было бы превосходно!

После того как размен совершился, Мьюригам спросил:

— Не хотите ли подняться в ваши комнаты, мастер? Кстати, там есть отдельная ванна…

— Да благословит вас небо, Мьюригам. Честно сказать, горячая ванна привлекает меня даже больше, чем сам номер. Пожалуй, с нее-то я и начну. Ведите меня, добрый хозяин!..

* * *

Одно из преимуществ гостиницы «Риши» заключалось в том, что прямо напротив нее, на другой стороне широкой, вымощенный булыжником улицы, стояла таверна «Бодхи». Это, бесспорно, была лучшая в городе таверна, которой владела и управляла Адити Чандрасекар — миниатюрная, спокойная и уверенная в себе женщина.

После омовения в ванне Винкас опустил в карман несколько медяков, плотно поел и, лишний раз напомнив Мьюригаму, что производить уборку в комнате мага в отсутствие самого мага было бы не слишком мудрым занятием (Мьюригам, впрочем, и сам прекрасно это знал), поспешно пересек улицу, надеясь, что коллеги заняли для него любимое кресло.

Едва переступив порог таверны, Винкас сразу подумал, что местная волшебница Тран, соперничавшая в искусстве создания

иллюзий с самим Такатой, превзошла самое себя. В воздухе висел легкий серебристый туман, который нисколько не мешал видеть, но смягчал выражения лиц и дарил каждому посетителю уют и уединение. В дюйме от досок потолка плавало несколько светящихся золотых колец, каждое из которых представляло собой увеличенную копию Золотого Тора — главного приза Состязания. Кроме них зал освещало несколько массивных канделябров, перевернутых так, что острые язычки пламени указывали вниз, а капли расплавленного воска бежали по толстым свечам вверх. Винкас, впрочем, сразу догадался, что светящиеся кольца были не чем иным, как весьма распространенным видом домашних светлячков, которых волшебница заставила летать по кругу. Что касалось перевернутых свечей, то это были либо те же светляки, либо местная разновидность огнедышащих ящериц, известных под названием «драконицы».

За восьмиугольным столом под самым большим канделябром сидели пять величайших в мире магов и какой-то человек в мантии ученого, и Винкас направился туда, с удовольствием отметив, что его любимое кресло действительно свободно. Первым заметил его приближение маг Мокшананда — средних лет мужчина с лицом, сплошь заросшим густой черной бородой. Он был столь могущественным волшебником, что, как утверждали некоторые, светился в темноте. Улыбнувшись, Мокшананда почтительно поднялся навстречу Винкасу и отодвинул от стола свободное кресло.

Поблагодарив мага, Винкас сел и посмотрел на ученого, которого видел впервые в жизни. Тот был молод, невысок, но широкоплеч; курчавые темно-каштановые волосы росли на его черепе какими-то неаккуратными кустиками, а в удлиненной мочке каждого уха болталось по золотой Звезде Давида. Мария Джинетти, Первая Магиня Уэстморлендская, представила их друг другу, поскольку всех остальных Винкас давно знал:

— Рада видеть тебя в добром здравии, Винк. Позволь представить тебе Шломо Леви, который приехал к нам из далекого Зо-Хара в Новом Израиле. Познакомься, Шломо — эта великолепная старая развалина и есть знаменитый маг Винкас Аполло.

Глаза Шломо Леви ярко блеснули в полутьме.

— Даже в моей далекой стране знают о вас, мастер. Позвольте заверить вас, что мы высоко ценим ваше искусство. Ваш великолепный трактат под названием «Сколько импов могут поместиться на кончике иглы и другие вопросы магической топологии» является обязательным для изучения членами моего

Ордена. Знакомство с вами — большая честь для меня.

Винкас смерил израильтянина взглядом, в котором смешались уважение и некоторая озабоченность. До него уже давно доходили слухи, что несколько лет назад легендарный еврейский мудрец Моше Авраам выкопал из земли какое-то новое и весьма могущественное магическое устройство. И вот теперь этот израильский ученый появляется в Зен-Лу буквально накануне Состязания… Не исключено, что и сам Винкас, и другие маги могут столкнуться с непредвиденными трудностями.

Тем не менее он протянул через стол руку, чтобы по новоизраильскому обычаю обменяться с ученым рукопожатием.

— Я тоже польщен знакомством с вами, адон Леви, — сказал он. — Или я должен называть вас мистер Леви?

Глаза израильтянина удивленно расширились.

— У вас потрясающая интуиция, мастер! Я действительно переехал в Новый Израиль из Амуруки — из Тусенса, где родился и вырос.

Винкас откинулся на спинку кресла.

— Вы мне льстите. Интуиция почти ни при чем — просто в вашей речи мне почудился знакомый аридзонский акцент. Вы приехали сюда, чтобы участвовать в Состязании?

— Да, но не как претендент на главный приз.

— Нет? Насколько я слышал, плод победы может вырасти и на Древе Жизни.[12]

Израильтянин улыбнулся и слегка пожал плечами.

— Я тоже слышал теории, согласно которым иные каббалистические практики позволяют несколько расширить возможности импов, но это не для меня: я не отличаю одну клипу[13] от другой. Нет, я здесь для того, чтобы поделиться с вами некоторыми недавними удивительными открытиями, сделанными членами моего Ордена. Мы называем их Научными Откровениями.

— В таком случае, — сказал Винкас, — я буду с нетерпением ожидать вашего выступления, после которого с удовольствием побеседую с вами приватно. А сейчас, с вашего позволения, я должен поприветствовать своих старых друзей.

И он улыбнулся сидевшим за столом магам. Мария Джинетти и Мокшананда улыбнулись в ответ, мулла Нур, Хан Пенгью и Глин Тан ограничились простым кивком. При этом Винкасу показалось, что зеленые, как перезрелые лаймы, глаза Глина Тана заблестели, словно маг смаковал про себя какую-то отменную шутку.

Тут к ним подошла сама Адити Чандрасекар. Винкас попросил чашку чая, и хозяйка быстро, но с достоинством

удалилась, чтобы выполнить заказ.

Мария Джинетти откинула со лба свои густые, золотисто-каштановые волосы, в которых только начинала проглядывать седина.

— Ты выглядишь на редкость здоровым и бодрым, дорогой, — проговорила она, пристально глядя на Винкаса.

— Только в здешней богатой энергией обстановке и в таком милом обществе, — галантно ответил маг.

Мария покраснела от удовольствия, и ямочки на ее щеках сделались глубже.

— Тогда что же заставляет тебя каждый раз покидать общество, которое ты находишь столь… вдохновляющим?

— Точно такой же вопрос задал мне позавчера наш общий знакомый Кирстану. Я ответил, что мои правнуки и праправнуки наделены обаянием, которое превосходит все, что способна дать любая Энергетическая Станция.

Израильтянин амуруканского происхождения подался вперед.

— Кирстану, вы сказали? Я знаю одного младшего мага, который носит такое имя. Вот уже три зимы подряд он постигает науки под водительством лучших специалистов нашего Ордена. Может, мы говорим об одном и том же человеке?

— Высокий, худой, и лицо, как нос корабля… — начал Винкас.

— Это он! Точно!

— Поразительно… И что же именно он изучает в вашем Ордене?

— Компьютеры и древние компьютерные Сети.

— Вот как? А что такое компьютеры? Леви чуть заметно улыбнулся.

— С вашего позволения, мастер, вы узнаете это завтра.

— В прошлом году, — меланхолично проговорил мулла Нур своим тихим голосом, — Кирстану подменил весь мой запас кофейных зерен мешочком маленьких золотистых ос. Должен сказать, напиток из них получился… ниже всякой критики, — закончил он после небольшой паузы.

— Надеюсь, в этом году с вами не произойдет ничего подобного, почтенный мулла! — раздался из-за спины Винкаса глубокий бас, заставивший всю компанию вздрогнуть от неожиданности.

Это был сам лама Го, одетый в шафранного цвета дхоти. С широких плеч свисал такого же цвета плащ — атрибут высокого сана. Широкое, круглое лицо придавало ему сходство с пандой. Руки ламы были такими могучими, что казалось, он способен завязать узлом стальную трубу.

— И еще я надеюсь, — добавил лама мрачно, — что уважаемый маг Винкас встретил этого негодника Кирстану вдали от города.

Винкас слегка прикрыл глаза ладонью, словно пытаясь рассмотреть что-то вдали.

— О, нет, — сказал он. — Когда я встретил Кирстану, он мчался в направлении Хволи-Оук со всей скоростью, какую только способны развить сцинки-гологлазы.

— Отлично! И… доброго вечера вам всем, — прогудел лама и удалился, шелестя плащом.

Винкас раздумывал о том, что он узнал о Кирстану от израильтянина, пока его не отвлек Глин Тан. Подняв худую, бледную руку, маг вырастил из кончика пальца пышный голубой цветок и, завладев таким образом всеобщим вниманием, проговорил негромко:

— Я бы настоятельно советовал всем никоим образом не злить мастера-распорядителя. Власяница ответственности натерла ему плечи.

— Твой совет, как всегда, хорош, — заметил Хан Пенгью своеобычным двусмысленным тоном. — Но час уже поздний, и поскольку перед завтрашней схваткой мне необходим отдых, я желаю всем крепкого, освежающего сна.

Вскоре после этого маги разошлись, и в таверне остались только Винкас и Мария Джинетти. Не дожидаясь просьбы хозяйки, они перебрались из-за большого стола за маленький столик в углу и, заказав лучший белый чай, долго беседовали вполголоса. Винкас поинтересовался, устраивал ли Глин Тан закрытый просмотр своего выступления, как он делал в прошлые годы. Мария ответила, что, по слухам, устраивал, но ее туда почему-то не пригласили. Как ни странно, из всех общих знакомых на предварительном просмотре побывал только Кирстану, но против обыкновения ни словом не обмолвился о секретах Тана.

Потом Винкас поделился с Марией своими тревогами. Он боялся, что если Панкс будет и дальше отказываться от сотрудничества, ему придется вовсе оставить магию, но Мария сказала, что он не одинок и многие мастера тоже жалуются на своих импов.

Наконец она собралась спать, и Винкас настоял на том, чтобы заплатить за чай. Не такое уж это тяжкое бремя — полный кошелек, подумалось ему. Однако, доставая из кармана медяки, маг заметил, что одна монета была значительно теплее других, а проходя мимо большого стола, за которым они сидели всей компанией, он невольно обратил внимание на то, что в

очертаниях висевших под потолком перевернутых свечей проступили сквозь призрачный воск чешуйчатые лапы. Это показалось ему странным. Винкас знал, что созданные Тран иллюзии держатся намного дольше.

Но на этом странности не закончились. Когда Винкас вернулся в гостиницу, ему показалось, что блеск украшавших ее огненных опалов несколько потускнел. Поначалу он решил, что ему это просто мерещится из-за наступившей темноты и чересчур яркого лунного света. Кроме того, Винкас привык ложиться намного раньше, поэтому не исключено, что злую шутку сыграли с ним уставшие за день глаза. Но войдя в вестибюль гостиницы, он застал там самого мастера иллюзий Такату, который напряженным шепотом обсуждал что-то с Мьюригамом, сменившим кафтан на ночной халат. Заметив второго мага, Мьюригам поклонился обоим и, усевшись за свой рабочий стол, погрузился в свои бухгалтерские книги.

— Винкас! — негромко воскликнул Таката. — Как хорошо, что ты пришел! Мне необходимы твой острый ум и проницательность.

— Мои скромные возможности к твоим услугам, мастер. Но прежде позволь выразить тебе мое восхищение тем, как ты украсил город к предстоящему Состязанию. Нигде и никогда я не видел ничего подобного.

— Я счастлив, что сумел доставить тебе удовольствие, мастер Винкас. Мне очень приятна твоя похвала, но, боюсь, я ее не заслужил. Проблема в том, что мои заклинания теряют силу, хотя я рассчитывал, что они продержатся как минимум до конца недели.

— Как странно!.. Вся эта красота… Ты, должно быть, ужасно огорчен, мой друг? Удалось ли тебе установить причину?

Таката сокрушенно покачал головой.

— В том-то и дело, что нет. Я теряюсь в догадках. Быть может, моих скромных способностей и достаточно, чтобы приносить мне некоторый доход, но в качестве инструмента анализа они совершенно не годятся.

— Понятно… — Упоминание о доходе заставило Винкаса вновь задуматься о нагретой монете. В душе мага зародилось страшное подозрение. — Скажи, твои заклинания теряют силу во всем городе или в какой-то определенной его части? — спросил он.

— Насколько я могу судить, эпицентр находится где-то здесь, но болезнь быстро распространяется.

Старый маг нахмурился и повернулся к владельцу гостиницы.

— Любезный Мьюригам, — начал он, — простите, что

отвлекаю вас от ваших занятий, но мне необходимо задать вам один вопрос.

— Конечно, мастер, спрашивайте.

— У вас остались еще какие-то монеты из тех, что я дал вам по приезде?

Хозяин на мгновение замер, потом сверился со счетом, который вытащил из целой пачки подобных документов, записанных на коже ящерицы.

— Навряд ли, мастер. За сегодняшний вечер я разменял десять солнц, двенадцать лун, сорок серебряных и семь золотых монет. Кроме того, я на несколько дней раньше срока заплатил своим работникам, чтобы они могли как следует погулять на завтрашнем празднике. На это ушла почти вся медная разменная монета.

— Вы очень заботливый и великодушный хозяин, Мьюригам.

— Может быть, вы хотите, чтобы я вернул вам часть вашего аванса, мастер?

— Разумеется, нет, — сказал Винкас.

Лицо хозяина гостиницы выразило такое облегчение, что старый маг едва не рассмеялся. Лишь в последний момент он спохватился и сделал вид, что откашливается.

— Разумеется, нет, — повторил он. — Я просто хотел провести, э-э… небольшой эксперимент.

Таката вежливо тронул его за рукав.

— У тебя появилась какая-то теория?

— Ничего определенного, друг мой, пока ничего определенного. Я только собирался исключить одно из возможных объяснений.

Таката был слишком хорошо воспитан, чтобы задать свой вопрос вслух, но в его глазах появилось выражение такого жгучего нетерпения, что старый маг машинально кивнул.

— Существует вероятность, — признал он, — что все мы сделались жертвами одного весьма хитроумного розыгрыша. Вы оба знакомы с Кирстану и знаете, какая у него репутация… Только человек вполне определенного сорта способен регулярно проделывать шутки вроде той, какую Кирстану сыграл с уважаемым ламой Го… — В этом месте магу снова захотелось смеяться, и он еще раз принужден был сделать вид, будто поперхнулся. — А теперь я расскажу, как вышло, что в этом году я нисколько не стеснен в средствах. По пути сюда мне встретился именно Кирстану, который сказал, что хочет вернуть мне какой-то старинный долг. Честно говоря, я не помню, чтобы когда-нибудь давал ему взаймы, но это не исключено, к тому же я привык доверять людям. Как бы там ни было, Кирстану

настаивал, и в конце концов я взял у него деньги…

Таката побледнел.

— Ты считаешь, что на деньгах Кирстану лежало что-то вроде заклятия, направленного против… против моих иллюзий? Но как неодушевленные предметы могут нести столь мощный магический заряд?

— Понятия не имею. Впрочем, я не очень хорошо представляю, как можно украшать иллюзиями дома и превращать в мираж насекомых и ящериц. Досконально мне известен только один вид иллюзий — тот, который передается непосредственно от одного джинна к другому.

— Я и сам не знаю, как это возможно, — вздохнул Таката. — С точки зрения исполнения мое искусство не представляет никаких сложностей, но что касается теории… темный лес! — Он снова вздохнул.

— Я пока никого ни в чем не подозреваю, — строго сказал Винкас. — Но мне кажется, что было бы только разумно проверить монеты, которые находятся у меня в кармане. А чтобы окончательно снять этот вопрос, было бы неплохо проверить и те, которые успели перейти от меня к другим людям.

— Но если дело в деньгах, которые подсунул тебе Кирстану, то каким образом мы можем предотвратить последствия? Ведь нельзя же исключить из обращения всю медь, к тому же кто сказал, что эта… инфекция не передается от монеты к монете?

Винкас подергал себя за бороду.

— Я дал себе слово приложить все усилия, чтобы выиграть в этом году Золотой Тор. И это будет весьма и весьма непросто. Глин Тан держится победителем, Мария Джинетти буквально излучает уверенность, к тому же в этом году нас посетил заморский гость — израильтянин, от которого не знаешь, чего ждать. Да и Мокшананда что-то чересчур приветлив…

— К чему ты клонишь, мастер Вин?

— Ни к чему. Просто я пока не знаю, в какой мере могу позволить себе заняться решением твоей проблемы, Таката-сан. В силу возраста мои возможности крайне ограничены, так что… Прими мои глубочайшие извинения, мой друг, но мне кажется, что если монеты Кирстану немного испортят твои блестящие декорации, на само Состязание это никак не повлияет. Но не унывай!.. Мне не хотелось бы, чтобы хоть что-то омрачило праздник, поэтому я должен подумать… И если мне посчастливится найти решение, дальше я стану действовать так, как подскажет мне совесть. В конце концов будет только справедливо, если человек, который — пусть сам того не подозревая — принес в город эту странную болезнь, возьмет на

себя часть ответственности и попытается исправить зло, которое он невольно причинил…

— Буду весьма тебе признателен, Вин. Сделай, что сможешь, а уж я постараюсь отблагодарить тебя за твою доброту! — воскликнул Таката.

Винкас слегка погрозил ему пальцем.

— Не нужно никакой благодарности, коль скоро в случае моего успеха выиграют все. А сейчас с твоего позволения я хотел бы подняться к себе. Прежде чем начать действовать, мне необходимо решить одну сложную этическую проблему…

Оказавшись у себя в комнате, маг опустился на бирманский шелковый коврик, покрытый затейливым орнаментом из цветов зеленовато-голубого, синего, коричневого и кремового оттенков, и принялся раскладывать перед собой содержимое своего дорожного мешка. Потом маг сделал три глубоких вдоха и обратился к той проблеме, о которой упомянул в разговоре с мастером иллюзий. Он обещал Панксу, что не будет тревожить его просьбами два дня, то есть до завтра; больше того, Винкас собирался сдержать слово, зная, что без помощи импа ему вряд ли удастся добиться успеха на Состязании. С другой стороны, ему необходима обостренная чувствительность микроимпа, чтобы оценить, верна ли его догадка насчет опасности полученных от Кирстану монет. Наконец, с третьей стороны, — виртуальной, о которой можно было говорить лишь в непосредственной близости от импа, — Винкас мог попытаться использовать органы чувств Панкса, не привлекая к работе его самого. В конце концов, разве не был Панкс всего лишь частью джинна? Правда, микроимп был управляющим центром этой высокочувствительной биоэлектрической сети, но ведь сам джинн являлся частью тела Винкаса! И чтобы задействовать джинна самостоятельно, ему нужна была лишь небольшая помощь со стороны.

Закрыв глаза, маг ощутил присутствие Пагмаса. Больше того, он почти увидел его как теплое, золотисто-оранжевое сияние, встающее над холмами к юго-западу от города. В своем воображении Винкас уже потянулся к нему, как вдруг услышал внутри себя холодный, до отвращения знакомый голос:

— Доброе утро, или день, или что там у нас сейчас, маг! Судя по тому, что на нас пролилась манна небесная, мы находимся в Плесте, Хейвене, Уэстморленде или Зен-Лу. Я угадал?

— Извини, Панкс, я не хотел тебя беспокоить…

— Ты меня не беспокоил — я побеспокоился сам. Так где же мы? Неужто в Плесте?…

Винкас растерялся. Последние пять лет его имп не проявлял ни особого дружелюбия, ни стремления шутить.

— Мы находимся в Зен-Лу, — сказал он.

— *Ах вот оно что! Значит, в этом году ты все-таки решил принять участие в Состязании?*

— Да, но только если мы с тобой сумеем договориться. Состязание, кстати, состоится завтра, а сейчас в городе поздний вечер. Кроме того, Зен-Лу, похоже, подвергся магической атаке…

Последовала короткая пауза.

— *Я не ощущаю никакой враждебной магии,* — сообщил имп.

— Возможно, она слишком хорошо замаскирована или еще не заработала в полную силу. Ее действие проявляется пока лишь в том, что иллюзии, которыми Таката Хаи украсил город к празднику, слишком быстро рассеиваются в воздухе. Я подозреваю, что корень зла в заколдованных монетах, которые всучил мне полумаг Кирстану. Ты его, возможно, помнишь.

— *Я помню его импа — Кюрта. Человек не произвел на меня особого впечатления.*

Винкас нахмурился.

— Как бы там ни было, я собирался воспользоваться помощью Пагмаса, чтобы проверить оставшиеся у меня монеты.

— *В этом нет необходимости. Энергия, присутствующая в окружающей среде, вливается в меня широким потоком, и я чувствую себя полным сил. Мне не терпится пустить их в дело. Давай сюда свои монеты и одолжи мне ненадолго твое зрение. Через секунду я скажу тебе все, что ты хочешь знать.*

Маг подчинился, хотя все еще испытывал некоторые сомнения. Захватив в ладонь как можно больше медяков из лежащей перед ним кучки (в том, что среди них попадется хотя бы одна монета Кирстану, он не сомневался), Винкас поднес их к глазам и расслабился, предоставляя импу возможность воспользоваться его зрением. Как всегда в подобных случаях, его зрительный рефлекс отключился; глазные яблоки начали сохнуть и чесаться, но Винкас терпел, зная, что Панксу не понадобится много времени, чтобы вынести свой приговор.

В этот раз, однако, имп возился дольше обычного. Маг уже собирался спросить, в чем дело, когда Панкс сказал:

— *Разменная монета — кровь городов. Удивительные штучки — эти маленькие медные кружочки, но я не обнаруживаю в них ничего волшебного, кроме, быть может, покупательной способности, которой их наделяют люди. Кроме того, на поверхности монет присутствуют обычная грязь, микробы и следы биологических выделений… но это совсем не то, что тебя интересует. Повторяю: никакой магии в них нет. Кстати, можешь посмотреть…*

— Спасибо. — Винкас несколько раз моргнул и почувствовал,

как его глаза наполняются слезами. — Ты уверен, что они не заколдованы?

— Я всегда уверен в том, что говорю. А насчет завтрашнего дня не беспокойся: мне приятно сотрудничать с тобой. Мы снова будем работать вместе, как в старое доброе время, и постараемся завоевать этот их дурацкий приз!

Винкас медленно уложил обратно в мешок свое имущество, оставив только туалетные принадлежности и ночную рубашку. Заодно он убедился, что Кирстану не подсунул ему вместе с деньгами еще что-то. Ничего не обнаружив, маг, однако, не успокоился. Хуже того, несмотря на все уверения импа, его подозрения относительно монет еще больше усилились, однако он не осмелился высказать свои сомнения вслух, чтобы не раздражать Панкса, добровольно предложившего ему свою помощь.

Жаль разочаровывать Такату, подумал Винкас, но удовольствие, которое хотелось бы доставить маленькой Алинде, намного дороже необходимости избавить город от постигших его неприятностей. Состязание — штука непростая, так что лучше не отвлекаться на пустяки… Быть может, потом, когда все закончится, он соберет коллег-магов, и вместе они что-нибудь придумают.

Приняв такое решение, Винкас поскорее лег в постель, но сон долго не приходил. Наконец он все-таки заснул, но спал беспокойно, тревожно. Ему снилось, что он любуется аквариумом, в котором живут изящные маленькие крабы и колышутся похожие на волосы водоросли. Внезапно аквариум раздвинулся, и Винкас очутился внутри него. Стоя на песчаном дне, он слышал, как где-то в отдалении поют русалки, но их чудесное пение заглушали маленькие крабы, у которых были теперь человеческие лица и которые тоже пытались издавать какие-то музыкальные звуки, но лишь наполняли подводный эфир бесконечными жалобами и абсурдными требованиями. Винкасу захотелось спеть вместе с русалками, и он открыл рот, чтобы набрать побольше воздуха и заглушить крабью какофонию, однако вместо воздуха ему в горло хлынула соленая морская вода. Чувствуя, что он вот-вот захлебнется, Винкас в панике оттолкнулся ногами от дна и рванулся к поверхности, но крабы вцепились в него своими клешнями и тянули вниз, вниз…

Винкас проснулся от удушья. Ночная рубашка насквозь пропиталась холодным потом. «Что значит этот сон?» — спросил он себя, немного отдышавшись и успокоившись. Неужели какая-то потаенная часть его души страдает, не в силах найти выход? И стоило Винкасу сформулировать вопрос, как он тотчас понял

очевидное: это был не его сон.

* * *

Второй раз Винкас проснулся уже на рассвете. Все кости ломило, как после тяжелой работы; совесть тоже была неспокойна, точно желудок после кружки начавшего скисать молока. Все же он пересилил себя и отправился в ванную. После купания, дыхательной гимнастики Баг Хон Дао, нескольких потягиваний и пары упражнений на концентрацию внимания, маг надел лучший костюм и спустился в вестибюль отеля, где уже собралось немало таких же, как он, ранних пташек. Все разговоры, правда, велись вполголоса, однако в воздухе ясно чувствовались волнение и растерянность, к которым примешивалось легкое беспокойство. Горничные и коридорные приносили из кухни и раздавали плетеные ивовые корзиночки с завтраком тем из постояльцев, кто торопился в парк, чтобы занять лучшие места. Изысканные ароматы, тянувшиеся от корзиночек, заставили Винкаса несколько раз сглотнуть слюну, однако усилием воли он сумел сосредоточиться на предстоявшей ему нелегкой задаче. Сегодня Мьюригам выложил на табльдот[14] сладкий рулет, фрукты, фруктовые соки, китайские булочки, соевые сосиски, паровую спаржу и вареные сморчки, козий сыр, кофе и несколько сортов чая, но Винкас позволил себе лишь чашечку сенчи, полагая, что голод обострит его восприятие и придаст силу и четкость заклинаниям. Впрочем, на случай если ему понадобится срочно повысить уровень сахара в крови, он сунул в мешок пару спелых персиков и, торопясь избавиться от суматохи и шума, выскользнул из вестибюля через черный ход.

Присев на скамейке у задней стены гостиницы, волшебник подставил лицо ласковым лучам утреннего солнца и мелкими глотками потягивал чай, любуясь пышными фруктовыми садами, покрывавшими пологий склон. Он даже слегка вздрогнул, когда перед ним бесшумно возник младший сын Мьюригама Арджун. Мальчик вежливо поклонился, и Винкас удивился еще больше: по традиции никто не осмеливался беспокоить участника перед Состязанием.

— Не хотите ли чашечку чая покрепче, мастер? Или печенья? — спросил Арджун. Он был темнокожим, худым и лицом напоминал отца, но черты его были более тонкими, почти изящными.

— Меня вполне устраивает чай, который я пью, но все равно я благодарю тебя за заботу, — церемонно ответил маг.

Мальчишка снова поклонился, но не уходил, и Винкас взглянул на него внимательнее.

— У тебя ко мне какое-то дело, Арджун?

— Ничего такого, из-за чего стоило бы вас беспокоить, мастер, но… — Мальчик виновато обернулся через плечо и продолжил: — Я только хотел спросить… Не могли бы вы принять меня к себе в ученики, когда… когда мои способности окончательно проснутся?

Чтобы дать себе время обдумать ответ, Винкас сделал глоток чая из своей чашки.

— Я от души надеюсь, что твои надежды оправдаются… Однако для начала мне бы хотелось узнать, почему ты так уверен, что сумеешь овладеть магическим искусством? По опыту я знаю: это удается немногим.

— Я уверен, потому что уже умею хорошо чувствовать магию. К примеру, когда вы или мастер Тан создаете тюльпан с лепестками пяти разных оттенков, я ясно вижу их все, тогда как мой отец способен различить только четыре или даже три. А если какой-нибудь великий маг вроде вас даст мне такой цветок в руки, я почувствую и его вес, и какой он на ощупь… Мой отец и братья на это не способны. Винкас криво улыбнулся:

— Ради твоего же блага, Арджун, я желал бы, чтобы дело и впрямь обстояло так просто, но все, к сожалению, гораздо сложнее. Действительно, и магия, и чувствительность к ней являются свойствами одного и того же джинна, однако в каждом джинне существуют две разные подсистемы, одна из которых отвечает за магические действия, а другая — за восприимчивость к колдовству. Иными словами, твоя способность чувствовать магию, какой бы острой и развитой она ни казалась, вовсе не означает, что ты непременно станешь оператором.

— Не стану? — Глаза мальчика потемнели от огорчения.

Винкас вытянул вперед руку, и на его раскрытой ладони появилась изящная медная шкатулка.

— Потрогай ее и скажи, что ты чувствуешь. Мальчик подчинился.

— Она… Поверхность намного грубее, чем кажется, и она ужасно холодная.

— Ого! Ты не смог бы почувствовать мнимую температуру без помощи контролирующего узла. Это значит, что такой узел у тебя действительно есть, и он развивается. Если так будет продолжаться и впредь, то не исключено, что в конце концов он разовьется в полноценной микроимп.

— И тогда я стану магом?

— Ну, если ты готов много работать, если ты жаждешь

учиться, тогда у тебя неплохие шансы.

— А вы согласны учить меня, если у меня заведется имп, мастер? Винкас заколебался:

— Возможно. Коли сумеешь преодолеть первые трудности, мы подумаем, как быть дальше.

Арджун улыбнулся, и его глаза весело заблестели.

— Спасибо, мастер! — Он повернулся, чтобы уйти, но снова остановился. — Я думал, имп есть у каждого, — сказал мальчуган.

— У большинства людей существует некое внутренне пространство, в котором при определенных условиях может развиться имп, но, к сожалению, в наши дни это происходит все реже и реже.

— В наши дни, мастер?

— В это время, Арджун. Ученые утверждают, что в Древние времена каждый человек был магом, способным создавать неотличимые от реальности иллюзии, которые держались сколь угодно долго. Однако с каждым последующим поколением магические способности в людях ослабевали.

— Мне бы не хотелось, чтобы все люди могли создавать иллюзии, мастер. Какой тогда интерес быть магом? А если магия никого не удивляет и не восхищает, зачем она в таком случае нужна?

Винкас уставился на мальчика. Он почти забыл о предстоящем Состязании.

— В самом деле — зачем?… Знаешь, Арджун, я прожил долгую жизнь, но за все эти годы ни разу не задумывался над этим вопросом. Мне представляется, что Древние создали джиннов в качестве некоего необходимого дополнения к обычным человеческим способностям, но даже для них это была непростая работа. Джинн дает человеку силы и укрепляет здоровье — эти его свойства трудно переоценить. Вот почему я уверен, что и у магии должно быть какое-то весьма важное предназначение… — Винкас покачал головой. — Ты показал себя проницательным и вдумчивым пареньком, Арджун, и я обещаю, что мы обязательно вернемся к нашей сегодняшней беседе, как только твой имп начнет разговаривать с тобой.

Мальчик низко поклонился и убежал. Винкас допил остывший чай и вслед за Арджуном вернулся в гостиницу. Кивнув на ходу нескольким незнакомым и полузнакомым людям, которые приветствовали его почтительным поклоном, маг выбросил чашку в мусорную корзину и быстро пошел через вестибюль к входным дверям.

* * *

Выйдя на улицу, Винкас остановился на крыльце, пораженный плачевным видом, который приобрел город за прошедшую ночь. Стоявший тут же Таката Хаи тоже разглядывал жалкие остатки своих многоцветных миражей, и вид у него был самый печальный. Вместо прозрачного льда, в котором еще вчера вспыхивали яркие бриллианты, дома и храмы были укрыты пеленой серого дыма или тумана, напоминавшего грязный весенний снег. В тумане уныло тлели крошечные огоньки, похожие на остывающие угли.

— Мне очень жаль, Таката-сан, — негромко проговорил маг. — Вчера вечером мой имп внезапно сменил гнев на милость и даже предложил свою помощь, но ничего путного из этого все равно не вышло.

Через силу улыбнувшись в ответ, мастер иллюзий махнул рукой.

— Тут, как видно, ничего не поделаешь. Тем не менее я благодарен тебе за усилия.

— Ты великодушный человек, Таката. Ведь не исключено, что это я стал невольным виновником твоих неприятностей.

— Никто не обвиняет тебя, Вин. Что касается Кирстану, то… Словом, если он действительно виноват, наша следующая встреча вряд ли придется ему по душе. Проводить тебя до «Колеса»?

— Мне будет очень приятно, — сказал маг, хотя он и предпочел бы побыть в одиночестве, чтобы как следует настроиться на Состязание.

— По крайней мере, сегодня стоит отличная погода, так что украшения, наверное, не так уж важны, — вздохнул Таката. — Посмотри: на небе ни облачка! Кстати, можешь не обращать на меня внимания, а я, со своей стороны, постараюсь не отвлекать тебя пустой болтовней.

— Ты очень любезен, Таката-сан.

Пока двое магов шагали вверх по холму к главному городскому парку, носившему название «Колесо», с Винкасом внезапно заговорил Панкс.

— *Не хочешь поделиться со мной своими планами на предстоящее Состязание?* — голос импа, поступавший непосредственно на слуховой нерв мага, казался дружеским. В нем даже звучало что-то вроде воодушевления.

— Я собирался, — ответил Винкас при помощи все тех же внутренних слуховых цепей, — создать иллюзию, в которой было

бы, так сказать, четыре слоя, четыре уровня. В первом слое будет вид долины Зен с высоты птичьего полета. Только цвета нужно сделать поярче, а размер как раз такой, чтобы видели зрители даже с последнего ряда. На втором этапе я покажу им с птичьего полета город — его я тоже намерен раскрасить как можно ярче. В третьем слое будет парк, а в четвертом — зрители, которые как будто смотрят сверху на себя самих; при этом каждое лицо должно быть минимум втрое больше естественного размера. Раскрашивать лица я не собираюсь, но их нужно немного… идеализировать, облагородить. Особенно это касается жюри.

— *Кажется, мне ясно! Хочешь победить с помощью грубой лести?*

Услышав эти слова, маг вздохнул с облегчением. Последнее ироничное замечание было совсем в духе прежнего Панкса, к которому он привык и которого ему так не хватало в последнее время.

— Я обещал праправнучке, что обязательно выиграю, — с достоинством ответил Винкас.

* * *

Широкая травянистая лужайка, на которой исстари проводилось Состязание магов, находилась в южной части парка, где деревьев было совсем немного. Одним своим краем она упиралась в обрыв, с которого открывался очень красивый вид на холмы. На одном из холмов высилась Энергетическая Станция долины Зен — приземистая, массивная белая башня, отдаленно напоминающая индийскую ступу, только вместо шпиля ее венчал блестящий белый купол, похожий на шляпку гриба. В парке близость Пагмаса ощущалась даже теми, кто не имел о магии ни малейшего представления, однако что он такое и в какой части башни обитает, не знал ни один человек, потому что даже несчастные, родившиеся с нефункциональным джинном, не могли подойти к холму ближе, чем на несколько сот ярдов. Легкое покалывание, которое Винкас ощущал, глядя на Станцию с расстояния в десять миль, вблизи купола превращалось в острую боль, вынести которую было выше человеческих сил.

Солнце встало всего час назад, но на влажной от росы траве вокруг сцены, где сегодня должна была твориться высшая магия, уже собралось немало зрителей, причем каждый притащил с собой собственное сиденье. Винкас насчитал десять мэнских непромокаемых ковров, на которых восседали младшие клерки, и семь мини-тронов — пока пустовавших — для жюри Состязания.

Что касалось складных стульчиков, скамей и табуретов, то их количество не поддавалось исчислению. Проходы между рядами оставили самые узкие. Пожалуй, впервые на памяти Винкаса они были размечены не при помощи иллюзий, а посредством цветных лент и мела.

Пока он оглядывался, на сцену по наклонному пандусу поднялся отряд крупных медведей гризли, каждый из которых держал в передних лапах кадку или горшок с роскошными живыми цветами. Погонщицу медведей, хрупкую женщину в бирюзовом сари, Винкас не знал, но не мог не оценить расторопности устроителей фестиваля. Изысканные иллюзии, которыми Таката украсил сцену к празднику, растаяли вместе с утренним туманом. Теперь от них осталось только чуть заметное переливчатое сияние, которое на глазах становилось все призрачнее, и Винкас невольно вздохнул. Рядом скрипнул зубами Таката. Похоже, главное событие года начиналось с конфуза. Это почувствовали даже зрители, так как над собравшейся на лужайке толпой поднимался гул голосов, в котором легко угадывались растерянность и тревога.

Тем временем за границами предназначенного для зрителей широкого круга коротко подстриженной травы устанавливали свои лотки и разжигали мангалы разносчики. Еще дальше виднелась аккуратная шеренга переносных общественных туалетов. Один торговец жонглировал дынями; подкидывая высоко вверх, он на лету рубил их кривой саблей на аккуратные дольки. В другое время это представление привлекло бы немало зевак, но сегодня утром за его мастерством наблюдали в мрачном молчании лишь служители да попугаи, которые, рассевшись на ветвях деревьев и кустов, топорщили столь яркие хохолки, что казалось — птицы тоже принарядились для праздника.

Медведи расставили на сцене горшки с цветами и все так же на задних лапах заковыляли прочь, на ходу жуя кусочки лукума, которые они получили в качестве награды. На них почти никто не обратил внимания. В парке сгущалась атмосфера напряженного ожидания.

Когда лучи солнца наконец вызолотили купол Энергетической Станции, со стороны городского центра донесся гулкий удар главного храмового колокола, и в парк вступила торжественная процессия. Первыми шли самые богатые горожане; они-то и сели впереди на шелковых мэнских ковриках, которые до их появления занимали слуги и мелкие клерки. Потом — без суеты, тщательно соблюдая достоинство — в парк вступили судьи. Подойдя к мини-тронам, стоявшим у самого помоста, все семеро одновременно повернулись и сели. По традиции каждый

судья был облачен в мантию одного из семи основных цветов, и свои места они занимали в строгом порядке — в соответствии с расположением цветов спектра. Когда судьи уселись, лама Го, похожий на облаченную в шафранное дхоти гору (только плащ по случаю великого дня он надел серебряный), поднялся на сцену, куда вела лесенка из семи ступеней. Остановившись в центре помоста, лама величественно повернулся, так что каждому из зрителей, число которых к этому моменту достигло уже четырех тысяч, показалось, что грозный взгляд главного распорядителя праздника устремлен лично на него.

— Как вы, вероятно, знаете, — начал лама голосом, который, наверное, был слышен не только в самом дальнем уголке парка, но и в городе, — из-за злого умысла одного бессовестного вандала… язык не поворачивается назвать его магом… мы лишились превосходных декораций, созданных непревзойденным мастерством мага Такаты. Это обстоятельство ни в коем случае не должно огорчить нас или омрачить нам праздник. Мы не доставим негодяю этого удовольствия, не так ли?!

Зрители отозвались согласными возгласами, среди которых Винкас отчетливо расслышал сказанное на идише «кен». Вытянув шею, он обежал взглядом толпу и вскоре заметил Шломо, который сидел в каких-то двух рядах от него. Израильтянин приветливо улыбнулся магу, Винкас поклонился в ответ и снова обратил все внимание на сцену.

— Благодарю вас, — чопорно сказал лама. — А теперь давайте перейдем к делу. Основными критериями выступления каждого из претендентов на Большой Приз будут, как всегда, изящество замысла, сила иллюзии и так называемый «форс» или магический стиль. Быть может, кому-то интересно узнать, откуда взялось это слово…

По рядам зрителей пробежал шепоток. Лама Го был хорошо известен своим педантичным отношением к мелочам.

— Согласно результатам последних исследований, слово «форс» восходит к старофранцузскому *forte,* что означает силу, однако по другим данным оно может быть видоизмененной фамилией Чарлза Форта — древнего хрониста, специализировавшегося на истории необъяснимых явлений и загадок.

Пытаясь привлечь внимание ламы, судья в зеленой мантии помахал в воздухе каким-то документом. Лама заметил и нахмурился.

— Ну ладно, — сказал он, слегка поводя могучими плечами. — Поскольку в нынешнем году у нас довольно много претендентов, я вынужден сократить свое вступительное слово и

вызвать первого участника. — Над лужайкой пронесся дружный вздох нескольких тысяч людей, подозрительно похожий на вздох облегчения. — Однако после Состязания я продолжу свою речь специально для тех, кто никогда не упускает возможности узнать что-нибудь новенькое. Вернемся же к нашей программе… Как всегда, порядок выступлений был определен с помощью жребия для каждой квалификационной категории. Первым продемонстрирует нам свое искусство младший маг Вернер Тафт из Германской Гештальт-республики. Доктор Тафт порадует нас сеансом, э-э-э… овощной магии.

Тафт поднялся на сцену, держа в каждой руке по большому кочану капусты. Остановившись у края помоста, он начертал в воздухе магический знак, и крестоцветные, оттопырив наружные листки, встали на них, как на ноги, и принялись расхаживать из стороны в сторону. Маг сделал следующий жест, и кочаны, отогнув еще листы, которые служили им вместо рук, совершили несколько передних или задних сальто. Какой именно акробатический номер они исполнили, определить было нелегко, так как никто не мог сказать, где у капусты зад, а где перед. В целом, однако, для младшего мага иллюзия выглядела достаточно реалистично. Под конец оба кочана с такой скоростью замахали листочками, что поднялись в воздух и неуклюже затанцевали в воздухе, однако стоило им приблизиться к плечам Тафта, как иллюзия внезапно разлетелась вдребезги. Кочаны тоже. Вся сцена оказалась засыпана измочаленными и переломанными капустными листьями. Несколько мгновений гештальт-немец ошарашенно смотрел на весь этот мусор, потом побрел к выходу со сцены. От стыда он низко опустил голову, и ему было невдомек, что капустные листья маршируют следом.

Когда лама Го поднялся на помост, чтобы объявить следующего выступающего в категории младших магов, его и без того темные глаза казались черными, как грозовое небо, и разве что не метали молнии. Винкас, который собирался посвятить первую половину Состязания медитации и концентрации, не мог оторвать взгляда от сцены, на которой один за другим терпели фиаско младшие маги. В его душе боролись сочувствие и стыд. Неужели, думал он, во всем этом действительно виноват Кирстану? Но как мог обыкновенный полумаг добиться столь сокрушительного эффекта?

Следующие три часа обернулись настоящим кошмаром. Один провал следовал за другим, несмотря на то, что от категории к категории уровень магического мастерства повышался. Некоторые номера просто не удавались, другие заканчивались скандалом. Например, танцующие языки пламени, которые

демонстрировал полумаг Лакшми Шива, прыгали и вытягивались так, что угрожали подпалить бороды и брови зрителей в первых рядах. И хотя иллюзорное пламя не могло быть горячим, это оказалось небезопасно: добротно сделанная иллюзия вполне могла вызвать ощущение боли и настоящие ожоги у людей, чей джинн обладал достаточно высокой чувствительностью. Одной богатой женщине, сидевшей в первом ряду, магическое пламя так сильно опалило глаза, что она временно утратила зрение, и ее, жалобно стенающую, на носилках отнесли в шатер целителей.

Из Ангельских Труб мадам Корселу вылетали не только звуки, от которых страдальчески кривились даже те, кто был напрочь лишен музыкального слуха, но и брызги слюны, достигавшие чуть ли не последнего ряда слушателей. Чадран Римпаш пытался продемонстрировать свой знаменитый номер, когда какое-нибудь небольшое животное или растение на глазах зрителей увеличивалось до гигантских размеров, но и его постигла неудача. Крошечная мышь-полевка, которую незадачливый полумаг посадил себе на ладонь, внезапно и без всякого предупреждения превратилась в чешуйчатое, клыкастое чудище с громоподобным голосом. Тварь спрыгнула со сцены и во всю прыть промчалась по поляне, оставляя на мягкой земле глубокие следы-вмятины, какие порой находят в триасовых отложениях, а четырнадцать зрителей с переломами и ушибами различной степени тяжести оказались в шатре целителей.

Единственной причиной, помешавшей массовому исходу публики, было то обстоятельство, что никто из зрителей не решился первым броситься наутек под тяжелым взглядом ламы Го, громовым голосом призывавшего собрание к мужеству и порядку.

— Мы не должны позволять какому-то отщепенцу, отныне и навсегда изгнанному из Зен-Лу… — («Кирстану!..» — прошипел кто-то за спиной Винкаса таким голосом, словно бранился.) — … испортить нам праздник. Теперь уже нет никаких сомнений, что налицо вопиющая попытка сорвать наш ежегодный магический фестиваль. Недаром этот субъект назвал своего импа именем Кюрт, что является анаграммой слова «трюк»!.. Ничего подобного не случалось с того трагического дня, когда маг Казан, да упокоится в мире его дух, сошел с ума и перекусал множество людей. В связи с особыми обстоятельствами судьи обещают быть снисходительными к участникам. Что касается уважаемых зрителей, то я рекомендую им последовать совету древнего мудреца и философа Риши и наслаждаться тем… тем, что у нас есть.

Тут Винкас невольно вздрогнул. Он жалел раненых и

испытывал самые нехорошие предчувствия относительно того, что может произойти во время его выступления, но теперь к этим чувствам добавилось и ощущение собственной вины. Судя по тому, что он услышал, о его подозрениях относительно Кирстану стало широко известно, и теперь многие в городе были убеждены в виновности молодого полумага. Каким путем могли распространиться эти слухи, маг догадывался. Таката вне подозрений, зато Мьюригам слыл известным на весь Зен-Лу сплетником.

* * *

В знак уважения к Зо-Хару выступление Шломо Леви было запланировано непосредственно перед состязанием магов-мастеров.

Несмотря на многочисленные разочарования, которыми был полон сегодняшний день, Леви поднялся на помост бодрой, почти беспечной походкой. Через плечо у него висел большой мешок. Опустив его на пол, израильтянин выпрямился и заговорил, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы охватить всех собравшихся на поляне зрителей.

— Я приехал из Нового Израиля, — проговорил он, — чтобы поделиться с вами информацией об удивительных научных открытиях, сделанных недавно нашим Обществом Вечных Истин.

Угроза еще одной лекции, касающейся научных, хотя бы и «удивительных» открытий, могла бы не на шутку напугать аудиторию, но энтузиазм, который излучал израильтянин, оказался заразительным.

— Для пущей наглядности, — начал Шломо, — позвольте задать вам один простой вопрос. Приехав в ваш прекрасный город, я не мог не обратить внимания, что его жители и гости говорят на множестве самых разных языков. Между тем вы все прекрасно понимаете и тот язык, на котором я обращаюсь к вам сейчас. Может ли кто-нибудь из вас сказать, как именно называется этот язык?

Подобное вступление многим показалось странным, однако около десятка человек все же выкрикнули, правда, не слишком уверенно:

— Амлийский!

Шломо Леви изобразил вежливые аплодисменты.

— Прекрасно. И как по-вашему, откуда взялся этот язык?

Винкас почувствовал, что интерес толпы стремительно слабеет, однако после нескольких мгновений угрюмого молчания,

ответить на вопрос гостя взялся Хан Пенгью:

— Он взялся из древнекитайской провинции Ам-Ли, как должно быть известно каждому образованному человеку.

— Ага!.. В школе мне говорили то же самое, а между тем это неверно. В Древнем Китае действительно была такая провинция, однако наш общий язык некогда носил название универсального стандартизированного английского, или сокращенно — УСА. Древние просто обожали подобные сокращения.

— А как вы об этом узнали? — с сомнением в голосе вопросил Пенгью.

— Я мог бы сказать, но лучше покажу, — ответил Леви и извлек из своего мешка плоскую прямоугольную коробку длиной примерно в фут, похожую на плиту белого кварца. В центре обращенной к зрителям поверхности поблескивало золотом вделанное в камень стилизованное изображение не то персика, не то яблока.

— За последнее десятилетие, — проговорил Шломо, осторожно поставив коробку на небольшую деревянную подставку, — археологи Нового Израиля под руководством главы нашего Ордена Моше Авраама обнаружили в развалинах древнего города Теля-Вива больше двух десятков подобных предметов. Кроме того… — Он снова запустил руку в мешок и достал длинный, черный, заостренный стержень. — Кроме того, мы нашли множество вот таких штук, которые получили у нас название «цветов пустыни»…

Шломо Леви воткнул острие в щель между досками настила.

— Абракадабра!.. — произнес он с интонацией провинциального фокусника и раздвинул состоявшую из нескольких тонких пластинок верхнюю часть стержня, превратив ее в подобие круглого черного веера. Наклонив стержень так, что плоскость веера оказалась повернута к солнцу, Шломо вытер со лба воображаемый пот и снова поклонился, словно отвечая на аплодисменты.

— Предназначение стержней и белых блоков оставалось для нас загадкой, и только четыре года назад нам удалось проникнуть в их тайну.

Внезапная вспышка интуиции подсказала Винкасу, что черные стержни каким-то образом аккумулировали солнечную энергию и передавали ее загадочным блокам, которые, вероятно, представляли собой электрическое устройство. Чего он никак не мог понять, так это зачем подобное устройство понадобилось Леви в непосредственной близости от Пагмаса. Насколько он знал, Станция не только обеспечивала магов необходимой для создания иллюзий силой, но и снабжала энергией город, в

котором сохранилось немало оставшихся от Древних приборов — холодильников, кондиционеров и микроволновых печей.

Неужели эти белые коробки были предтечами Энергетических Станций?

— Как-то на раскопках в южной Калиф-Орнии, — продолжал Шломо Леви, — меньше чем в четверти мили от печально знаменитого зоопарка Зен-Диго, где Древние, по всей видимости, пытались воссоздать во плоти некоторых мифологических чудовищ, равви Авраам нашел запертый ящик, спрятанный под угловым столбом заброшенной синагоги «Храм Бет Израиль». Внутри этого ящика… — Шломо выдержал театральную паузу, — находился еще один такой блок, который оказался инициирован — сейчас мы говорим «запрограммирован» — и мог сообщить о себе все необходимые сведения. Для этого нужно было выполнить очень простые письменные инструкции, которые находились в том же ящике. Мы их расшифровали и прочли. Так нам стало известно, что эти белые блоки называются «компьютерами», хотя большинство из нас предпочитают изобретенный Моше Авраамом термин «цуремет», который можно перевести как Скала Правды или Камень Истины. Компьютер, который вы видите перед собой, содержит точную копию всей информации, найденной нами в зендигском Камне Истины. Прошу минуточку внимания…

Шломо нажал на стилизованное изображение яблока, и над белым блоком тотчас возник правильный вертикальный прямоугольник, словно заполненный равномерно мерцающим жемчужно-серым туманом. В нижней части прямоугольника горели какие-то маленькие цветные изображения. Толпа негромко ахнула, когда Шломо погрузил палец в туман и коснулся одного из этих изображений, а то, в свою очередь, развернулось, увеличилось в несколько раз, превратившись в анимированное изображение мужской головы. У мужчины были гладко причесанные черные волосы, разделенные с левой стороны безупречно-прямым пробором, квадратное лицо, крупный нос картошкой, большие, широко расставленные темные глаза под черными бровями и мясистые губы, на которых играла легкая полуулыбка.

— Автономный имп! — воскликнул сидевший в переднем ряду маг Мокшананда, и Винкас почувствовал, как любопытство сменилось в нем отчетливым беспокойством. С таким устройством, если только догадка Мокшананды была верна, израильтянину ничего не стоило выиграть Золотой Тор.

— Не имп, а всего лишь наставник, — поправил Шломо, улыбаясь от уха до уха, или, вернее, от серьги до серьги. — Уважаемые жители Зен-Лу и не менее уважаемые гости

фестиваля, позвольте представить вам мистера Стернза — электронного наставника, учителя и консультанта по любым вопросам.

Мимические мышцы на лбу мистера Стернза пришли в движение, темные брови сдвинулись, и приятный, звучный баритон произнес:

— Я приветствую тебя, Шломо, но я регистрирую присутствие других людей. Если хочешь, я могу сделать наш разговор строго конфиденциальным. — Его амлийский был безупречным, но в нем слышался легкий акцент, принадлежность которого Винкасу никак не удавалось определить.

— В этом нет необходимости, Стернз, — ответил израильтянин и повернулся к зрителям. — В последних рядах!.. Всем видно и слышно?

Послышалось несколько ответных реплик, и Леви слегка усмехнулся.

— Ну вот, нас, кажется, слышат, а я тебя что-то… Ну, это дело поправимое. — Захватив пальцами уголок серого прямоугольника, Шломо потянул его вверх и в сторону, и прямоугольник волшебным образом увеличился. Вместе с ним увеличилось и окошко с изображением головы, которая стала теперь в несколько раз больше. Потом израильтянин коснулся пальцем одной из светящихся точек в нижнем ряду, которая после увеличения превратилась в схематическое изображение человеческого уха.

— У меня есть предложение, старина, — проговорил мистер Стернз значительно более громким голосом. — Я сам могу увеличить свое изображение до любого размера, какой ты укажешь. То же касается и звука. Тебе нет необходимости совершать физические действия.

— Хорошо, я буду иметь это в виду.

— Должен ли я повторить подсказку в аналогичных обстоятельствах?

— Спасибо, только не для меня.

— О’кей. Чем я могу служить тебе сегодня? Желаешь ли ты возобновить наши исследования с того места, на котором была прервана предыдущая сессия?

Израильтянин потер ладони. Казалось, не только его лицо, но и вся фигура излучают неподдельный энтузиазм.

— Хорошо. Расскажи нам, пожалуйста, Стернз, что такое имп. Какова его природа.

— Будь любезен, уточни, имеется ли в виду ИИИМП или ЭМПП?

— Да какая разница?! — крикнул кто-то из толпы.

— Объясни нам разницу, — предложил Шломо, укоризненно покосившись на невыдержанного зрителя.

— Термин ИИИМП, в просторечии — «имп», является аббревиатурой от «индивидуального искусственного интеллекта на микропроцессорах». Аббревиатура ЭМПП расшифровывается как «электромагнитный питатель-преобразователь». Несмотря на сходное звучание, оба термина различаются сильнее, чем бит и байт, первый из которых означает…

— Расскажи, пожалуйста, об искусственном интеллекте, — перебил Шломо, в голосе которого послышались нетерпеливые нотки. Зрители с каждой минутой шумели и волновались все больше. Винкас по-прежнему слушал очень внимательно, но его ближайшие соседи ерзали, откашливались и перешептывались.

Мистер Стернз на экране кивнул.

— В двадцатом веке нашей эры ученые впервые задумались над созданием машины, способной к истинно самостоятельному мышлению. Задача оказалась довольно сложной; минуло целых девяносто лет, прежде чем произошел решительный прорыв. Только в конце двадцать первого столетия, когда были разработаны и имплантированы людям-добровольцам первые ИИИМПы, цель, которую ставили перед собой исследователи, оказалась наконец достигнута, хотя произошло это совершенно случайно…

— Хорошо бы эта идиотская лекция совершенно случайно достигла своего конца, — пробормотал кто-то справа от Винкаса.

Мистер Стернз сделал паузу, словно услышал и это замечание, и последовавшие за ним смешки, и счел и то, и другое оскорбительным.

— Секрет заключался во взаимодействии между искусственными нервами ИИИМПов и нервной системой человека. Когда ИИИМПы познакомились с человеческим самосознанием, они научились сознавать самих себя как самостоятельное живое существо. Только тогда ученые поняли и признали, что в действительности они с самого начала разрабатывали машинное *сознание,* а не искусственный интеллект как таковой…

К этому моменту публика была уже практически неуправляемой. То там, то сям раздавались громкие, порой откровенно оскорбительные выкрики, смысл которых сводился к одному: хватит лекций, даешь Состязание! Шломо пришлось напрячь голос, чтобы перекрыть шум.

— Что такое Пагмас? — спросил он у компьютера.

— Еще одна аббревиатура. ПАГМАС расшифровывается как «Плимутский автономный генератор, Массачусетская аварийная

сеть».

Всеобщий мучительный стон, пронесшийся над парком, побудил ламу Го вмешаться.

— Все это очень интересно, уважаемый адон Леви, — пробасил он и, пренебрегая лестницей, взметнул на сцену свое сильное тело. Судя по всему, с его джинном все было в порядке. — Но что побудило вас рассказать на нашем празднике об этих гм-м… действительно удивительных открытиях?

От потрясения рот Шломо несколько раз открылся и закрылся. Наконец он собрался с мыслями.

— Разве вы не понимаете? Мистер Стернз, как и любая из его копий, является говорящей энциклопедией, сокровищницей утраченных знаний! Мы все почитаем Древних, их способности и достижения, не так ли? Теперь у нас появился шанс достичь тех же высот и, кто знает, может быть, даже превзойти их!

— Достойная цель, — проговорил лама, но как-то не очень убедительно. — И как скоро нам удастся, э-э-э… достичь и превзойти?

Толпа замерла, на несколько мгновений над поляной воцарилась мертвая тишина.

— Боюсь, что нескоро, уважаемый лама, — признал Шломо. — Но даже если бы нам потребовались десятилетия…

Конец его предложения потонул в возмущенном вопле, вырвавшемся из нескольких тысяч глоток одновременно.

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ, — прогремел лама, которому хватило одного огненного взгляда, чтобы усмирить публику, — вы выбрали не слишком удачное место для ваших откровений.

Шломо недоуменно развел руками.

— Мне казалось, лучшей аудитории и желать нельзя, — сказал он. — Где еще я мог бы увидеть сразу стольких людей, глубоко и искренне увлеченных магией? В каком другом месте я отыскал бы такое множество тех, кто сам желал бы сделаться магом? Ну, может быть, не он сам, но его дети наверняка смогут овладеть всеми секретами магической науки. Стернз может научить нас этому!

Лама Го подступил к ученому почти вплотную и заговорил с ним шепотом, который не предназначался для посторонних ушей, однако он забыл о наложенных на сцену акустических заклинаниях. В результате его слова достигали слуха каждого, кто обладал джинном, столь же отчетливо, как если бы лама кричал.

— Боюсь, молодой человек, вы недооцениваете темперамент наших зрителей, — увещевал он израильтянина. — Послушайте знающего человека: эти люди собрались здесь вовсе не для того,

чтобы чему-то учиться, поэтому они не терпят никаких речей — увы, даже моих. Большинство пришло сюда просто для того, чтобы гм-м… развлечься.

— Но ведь… — начал Шломо, однако лама уже повернулся к толпе.

— Этот прекрасный ученый возобновит свою лекцию после того, как Золотой Тор будет вручен победителю… и после того, как я закончу свою вступительную речь, в которой я намеревался коснуться некоторых малоприятных обстоятельств сегодняшнего праздника и воздать кое-кому по заслугам. А теперь давайте поблагодарим нашего уважаемого гостя за те весьма полезные сведения, которые он успел нам сообщить…

Зрители послушно захлопали, засвистели, защелкали пальцами и затопали ногами. Каждый старался в меру своего культурного уровня и воспитания, однако, на взгляд Винкаса, аплодисментам недоставало искренности. Леви еще некоторое время стоял на сцене, с вызовом глядя на толпу, потом плечи его поникли. Он ткнул пальцем в свой Камень Истины, и Стернз, прощально махнув рукой, исчез вместе с серым экраном. Упаковав свое имущество обратно в мешок, израильтянин покинул сцену, чем вызвал значительно более теплые аплодисменты.

Пока лама Го представлял магов, выступающих в категории мастеров или, точнее, читал аудитории нотацию по поводу того, как должен вести себя на «столь значимом мероприятии» воспитанный зритель, Винкас поднялся, чтобы перехватить Леви на обратном пути к его месту.

— Можно вас на пару слов? — негромко спросил он, когда израильтянин поравнялся с ним.

Леви пристально взглянул магу в глаза.

— Значит, вам интересно то, что я могу предложить и ради чего я ехал в такую даль?

— Разумеется, только давайте поговорим об этом позднее, хорошо? У меня есть личные причины интересоваться призом, поэтому я не хотел бы слишком отвлекаться. Но коль скоро у нас возникла небольшая пауза, не будете ли вы добры немного посидеть со стариком и ответить на пару глупых вопросов?

— Я сомневаюсь, что ваши вопросы будут действительно глупыми, как вы говорите… Где нам лучше устроиться?

Когда оба добрались до скамьи Винкаса, его соседи немного подвинулись, чтобы дать место Леви. Прежде чем сесть, маг бросил взгляд на сцену. Лама разошелся вовсю: он вразумлял, увещевал, грозил, и Винкас подумал, что успеет задать не два вопроса, а намного больше.

Шломо тоже смерил ламу взглядом и, сардонически усмехнувшись, повернулся к Винкасу.

— Итак, досточтимый маг, о чем вы хотели поговорить со мной?

— Не далее как сегодня утром я беседовал о Древних с одним неглупым, хотя и очень молодым человеком, — проговорил Винкас. — Когда я сказал, что буквально все Древние, по общему мнению, были опытными и умелыми магами, сей юноша усомнился в целесообразности столь широкого распространения магических способностей. По его мнению, в подобном обществе маг из явления уникального превратился бы в нечто…

— Заурядное, — подсказал Шломо.

— Именно, — согласно кивнул Винкас. — Вот я и хотел спросить: почему Древние прилагали столь значительные усилия, добиваясь того, чтобы искусственные устройства, которые они имплантировали людям, обладали возможностью создавать иллюзии?

Лицо Леви слегка разгладилось.

— Ну, на этот вопрос я, пожалуй, смогу вам ответить. Мистер Стернз утверждает, будто все, что ныне известно нам под собирательным термином «магия», на самом деле имеет в своей основе вполне определенные отрасли знания, которые разрабатывались Древними. И джинн, и ИИИМПы родились на пересечении пяти забытых дисциплин. Я специально заучил названия этих наук, вот они: генная инженерия, сенсорная индукция, нанотехника, теория компьютерной информации, микроволновая физика… — Оседлав любимого конька, Шломо сильно разгорячился и не заметил, что привлекает к себе внимание не только ближайших зрителей, но и самого ламы, педантизму которого он сейчас невольно подражал. — Кстати, слово «джинн» древнекитайского происхождения и означает «железо», однако оно созвучно древнеарабскому «джинн». Мистер Стернз утверждает, что так назывались духи песчаных пустынь. Джинны, в свою очередь, близки к другим сверхъестественным существам — бесам. Между тем наша биоэлектрическая сеть сокращенно называется БЭС. БЭС — «бес», вы не улавливаете сходства?

— Нам лучше говорить потише, — прервал Винкас, бросив виноватый взгляд в сторону сцены. — Боюсь, мы немного мешаем мастеру-распорядителю, что не улучшает его настроения. Кроме того, я так и не понял, какую же цель преследовали Древние…

Леви тоже посмотрел на ламу, поморщился под его тяжелым взглядом и сказал совсем тихо:

— Им нужна была надежная дальняя связь, мастер. И

доступные развлечения для широких масс. Я выдвинул теорию, что когда-то все человечество было объединено при помощи одной разветвленной Сети, благодаря которой друзья, находившиеся на разных континентах, могли свободно разговаривать друг с другом даже через океан. И не только разговаривать — они могли видеть друг друга и даже, кажется, осязать один другого.

— Наши лучшие маги тоже способны на подобные вещи, но только при условии, что они находятся не слишком далеко от Энергетической Станции.

— Насколько нам теперь известно, в Древние времена в каждом, даже самом удаленном уголке земли, включая просторы морей и океанов, не было недостатка в энергии. Больше того: Стернз говорит, что когда-то весь мир был наполнен мириадами миниатюрных синтетических организмов, которые назывались «нанопромами». Они были вездесущими, словно пыль, но сейчас сохранились только вблизи крупнейших ЭМПП типа Пагмаса.

— Для чего же были нужны эти организмы?

— Будучи правильно запрограммированными — вы бы сказали «правильным образом заколдованными» — эти организмы способны помнить приказы мага на протяжении часов и даже дней и соответствующим образом влиять на джиннов разных людей.

— Значит, создание иллюзий возможно благодаря этим миниатюрным организмам?

— Совершенно верно.

— Поразительно! Надеюсь, вы подробно объясните это магу Хаи? Уверяю вас, это заинтересует его не меньше, чем меня.

— Я буду очень рад, если почтенный маг Хаи выслушает меня. Винкас усмехнулся.

— А знаете, мне было приятно узнать о существовании этих организмов. Оказывается, сохранилось куда больше следов Древних, чем принято считать!

Шломо Леви невесело улыбнулся.

— Увы, с каждым днем их остается все меньше и меньше. Мистер Стернз мог бы помочь нам не только остановить этот процесс, но и обратить его вспять, однако… Существует и другая сторона проблемы. Не знаю, известно ли вам, но мы — я имею в виду весь человеческий род — постепенно теряем те искусственные свойства, которые делали нанопромы и ЭМПП столь полезными.

— Вы коснулись вопроса, который беспокоит меня уже очень давно, — серьезно ответил Винкас и украдкой бросил на сцену еще один взгляд, однако лама Го только вошел во вкус и не

собирался закругляться. — Кстати, коль скоро у вас теперь есть окошко, через которое вы заглядываете в прошлое… Удалось ли вам узнать, что случилось с Древними?

— Случилось?… — удивленно переспросил Шломо. — С чего вы взяли, будто с ними что-то случилось?

— Видите ли, адон Леви, в свое время я много путешествовал. Я побывал в Вай-Ом-Минге и в Уре-Гуне, много раз ездил по дороге, которая ведет из Кун-Нек-Тикута в Мэйн и Ванглию. В пустынных областях я видел развалины гигантских городов, которые могли бы вместить огромное количество людей — десятки, может быть, даже сотни тысяч. А в наши дни деревня, в которой живет пятьсот человек, считается чуть ли не городом. Может быть, Древние погибли в результате какой-то глобальной войны или страшной эпидемии?

— Ничего подобного. Благодаря Стернзу нам известно, что Древние вовсе не вымерли. С ними случилось нечто худшее. Они преодолели множество трудностей и достигли невероятного успеха, который обернулся их поражением.

— Неплохо сказано, адон Леви. Но я заинтригован. Не могли бы вы просветить меня, что означает эта фраза?

— Судя по тому, что нам удалось узнать, наши далекие предки слишком полагались на механизмы и приборы. Механизмы часто ломались, и было решено их усовершенствовать, увеличить их надежность. Это была непростая задача; Древние совершили немало ошибок, многие из которых имели трагические последствия, но в конце концов они все же научились делать по-настоящему безотказные машины.

Винкас покачал головой.

— В чем же в таком случае заключалось их поражение?

— А кто, по-вашему, захочет учиться ремонтировать машины, которые не ломаются на протяжении нескольких человеческих жизней?

— Ах вот вы о чем… Кажется, я начинаю понимать!

— Положение осложнялось еще и тем, что Древние наполнили свою жизнь всевозможными удобствами, утонченным комфортом и самыми изысканными развлечениями. В таких условиях никто не…

— …*А* теперь я попрошу всех перенести внимание на сцену! — воззвал лама. — Это касается как наших ученых гостей, так и некоторых уважаемых мастеров… Вот так, благодарю вас. Состязание в категории мастеров открывает прославленный Хан Пенгью. Попрошу досточтимого мага взойти сюда!

Пенгью вышел из толпы и начал подниматься на сцену. Он был таким изящным и хрупким, что казалось — самый легкий

порыв ветра способен сбить его с ног. Наконец он преодолел все семь ступенек, встав на краю помоста, наклонил голову и замер. Винкас, впрочем, видел, что его руки слегка дрожат от вполне понятного волнения. Маг так долго стоял неподвижно, что из публики снова послышался нетерпеливый ропот. Тогда Хан внезапно подпрыгнул футов на восемь вверх, дважды перекувырнулся в воздухе и снова приземлился на помост, держа в каждой руке по сверкающему мечу. Особенно сильное впечатление этот трюк произвел еще и потому, что теперь казалось, будто у мага не две руки, а как минимум двенадцать.

Мечи пришли в движение. Они описывали в воздухе затейливые кривые, сталкивались, звеня, и снова со свистом рассекали воздух, подчиняясь какому-то неведомому ритму. Маленький маг тоже не стоял на месте — он танцевал, делал сальто и изгибался под самыми невероятными углами. При каждом удачном пируэте захваченная представлением публика разражалась одобрительными возгласами, а потом принялась хлопать в ладоши в такт стремительным движениям сверкающих клинков.

«Вот, — с нежностью подумал Винкас, — из магов маг! Конечно, его номер не отличается особой красотой или изобретательностью, чтобы претендовать на приз, но каков контроль! Как рассчитано каждое движение! И при этом на лице — полное спокойствие и отрешенность. Да, на Хана стоит посмотреть!..»

Он как будто сглазил. Не успел Винкас довести свою мысль до конца, как два клинка сбились с ритма. Потом — еще два. Вскоре уже половина мечей беспорядочно дергалась в воздухе, и с каждой секундой они становились все более быстрыми и гибкими, точно змеи. Казалось, теперь они обладают собственной волей, и эта воля была вовсе не доброй. Спокойствие на лице престидижитатора сменилось растерянностью, которая перешла в неподдельный ужас, когда каждый из вырвавшихся из-под контроля мечей действительно превратился не то в змею, не то во что-то очень похожее. Винкасу даже почудилось, что граненые головы и гибкие чешуйчатые тела на самом деле являются частью какого-то одного многоголового существа, о котором можно было с уверенностью сказать только то, что оно принадлежит миру рептилий. Чем-то это существо напоминало дракона, каким его изображали на древнекитайских миниатюрах.

Оставшиеся шесть мечей немедленно атаковали тварь. После некоторых колебаний Винкас все же решил «болеть» за дракона, однако понаблюдав за боем несколько секунд, он понял, что сражение идет не шуточное и что на самом деле дракон

защищает мага от его же собственных мечей, которые так и норовили отсечь Хану одну из конечностей. Поначалу у дракона было небольшое преимущество, но вот он перекусил один из мечей пополам… и обломки тотчас превратились в два меча.

— Панкс! — мысленно воззвал к своему импу Винкас. — Мы должны вмешаться.

— Я уже давно чувствую испорченную магию, — отозвался имп. *— А в чем дело? Что за пожар?*

— Используй мое зрение. Мой коллега Хан Пенгью в опасности.

— Я вижу мечи, но ведь это только иллюзия. Самое большее, что грозит твоему другу, это провал. Возможно, еще с месяц он не сможет создавать иллюзии, но ведь это сущий пустяк!..

Винкас постарался справиться с охватившим его гневом. Панкс мог почувствовать это и снова взбрыкнуть.

— Мы оба прекрасно знаем, что воображаемое отсечение головы тоже может убить. Двадцать лет назад маг Казан Безумный воспользовался этим трюком, чтобы избавиться от трех своих коллег.

— Что ж, излишняя впечатлительность — один из недостатков сверхчувствительного джинна. Что я должен сделать?

— Разрушь магию Пенгью.

— Если я сделаю это, нам может не хватить сил, чтобы завоевать Золотой Тор.

— Действуй, там видно будет.

Лишние руки, мечи и клыкастые драконьи головы сделались прозрачными, потом вовсе исчезли. Тотчас Винкаса охватила невероятная слабость, но когда он увидел, что его друг Пенгью едва держится на ногах и крупно, не напоказ, дрожит, он бросился вперед и помог магу спуститься со сцены. К счастью, Хан Пенгью весил совсем немного, к тому же на помощь Винкасу поспешила Мария Джиннетти, которая подставила магу плечо. Губы Пенгью шевелились; должно быть, он пытался поблагодарить своих коллег, но в этот момент со сцены загремел голос, способный заглушить и куда более громкие звуки.

— Это становится невыносимым! — громогласно возмущался лама Го. — Я принимаю важное решение! — Он сделал паузу, но толпа только молча смотрела на него. На лицах людей застыло одинаковое выражение напряженного ожидания и тревоги. — Придется нам пойти на беспрецедентные меры, прежде чем наш праздник будет окончательно испорчен. Мастер Винкас, не могли бы вы подойти поближе к сцене?… Я хочу, чтобы вы были в радиусе действия нашего акустического заклинания.

Винкас только что сел, в чем — Пагмас свидетель! — он весьма нуждался, однако ему и в голову не пришло не подчиниться.

— Чем я могу вам помочь, любезный лама?

— Я хочу, чтобы вы кое-что подтвердили и чтобы все слышали ваши слова. Насколько мне известно, магическая гм-м… бомба, которая едва не погубила наш сегодняшний праздник, имеет отношение к полумагу Кирстану, который дал вам какие-то монеты…

— Это еще не доказано окончательно.

— Доказано, почтенный мастер. Не далее как сегодня утром, во дворике, где я обычно пью чай с маслом, я обнаружил неподписанное письмо. Кроме того, я заметил… Впрочем, это к делу не относится. Письмо…

Винкас поднял руку.

— Минуточку, уважаемый мастер-распорядитель. Тайны обступают нас со всех сторон, а это никуда не годится. Что еще вы заметили во дворе и почему вы так уверены, что это не имеет отношения к нашей проблеме?

— Если вас это так интересует — мой чайный столик был весь испачкан попугаичьими… следами, — сказал лама и грозно покосился в сторону публики, откуда послышались смешки. — Но я уверен, что это простое совпадение. — Он бросил в публику еще один сердитый взгляд. — В конце концов, сейчас сезон миграции, и многие птицы, которые прилетают в наши края, не знакомы с нашими местными обычаями. Так вот, о письме… Когда меня прервали, я как раз собирался сказать, что в нем неизвестный корреспондент сообщал о попавших в Зен-Лу монетах, несущих отрицательный магический потенциал. Как утверждалось в письме, от нормальных монет их можно отличить по тому, что время от времени они начинают излучать тепло.

Винкас сокрушенно покачал головой.

— Действительно, — подтвердил он, — вчера вечером один из медяков у меня в кармане довольно сильно нагрелся без всякой видимой причины.

— Вот видите! Кроме того, уже сегодня, перед началом Состязания, я успел навести справки, и мне сообщили, что в городе имели место несколько случаев, когда медные монеты оказывались неожиданно горячими.

— Видите ли, уважаемый мастер-распорядитель, мне представляется, что в этой истории, если она верна, есть по крайней мере одна логическая неувязка. Дело в том, что когда я встретил Кирстану, он шел из Зен-Лу. Кто мешал ему самому запустить в обращение свои отравленные монеты? Почему ему

непременно нужно было делать это через меня?

Над этим вопросом лама размышлял довольно долго, но зрители, как ни странно, сидели тихо.

— Вы прибыли в город только вчера вечером, — проговорил наконец лама. — Вероятно, магический яд, как вы изволили выразиться, был достаточно быстродействующим. И если бы эффект начал проявляться, пока Кирстану еще был в городе, мы могли бы задержать его и потребовать гм-м… противоядия. А это, несомненно, не входило в его планы.

— Но если бы Кирстану остался в городе, его бы никто не заподозрил!

— Прошу вас, почтенный мастер, вернитесь на место. Близится зима, дни стали совсем короткими, поэтому у нас нет времени обсуждать вопросы второстепенной важности. Нам придется поторопиться, чтобы завершить Состязание до темноты. Вот что я предлагаю: пусть каждый, кто имеет хоть малейшие магические способности, — за исключением, разумеется, четырех оставшихся мастеров, претендентов на Приз, — приостановит действие всех своих личных заклинаний, кроме тех, которые имеют, так сказать, косметический эффект. Как только мы освободимся от внутренней магической энергии, враждебная магия утратит над нами власть.

Винкас подумал, что план ламы имел бы куда больше шансов на успех, если бы затрагивал и «косметические» иллюзии, но ему было ясно, что от людей нельзя требовать слишком многого. Ведь даже сам мастер-распорядитель оказался не чужд обычного человеческого тщеславия.

Тем временем по толпе пронеслась волна изумленных восклицаний — это лама Го внезапно сделался еще выше ростом и еще представительнее.

— Неужели кто-то из вас настолько глуп, что не понимает всей необходимости подобного шага?! — прогремел он, но никто не отозвался. Даже если кто-то и не понимал хода мыслей ламы, готовых признаться в этом не оказалось.

— Подумайте вот над чем, — продолжал лама, воодушевляясь. — Зараженные монеты уже натворили немало вреда, и эта беда слишком велика, чтобы причиной ее могло быть обычное заклинание, наложенное на несколько металлических кружочков. Откуда же монеты черпают дополнительную энергию?

Ответом ему снова было молчание. Возможно, все слушатели просто посчитали вопрос риторическим, однако у ламы сделалось такое лицо, словно перед ним была кучка нерадивых школяров.

— Думайте, думайте, шевелите мозгами! Неодушевленные предметы не могут питаться энергией Пагмаса, следовательно,

они используют и перенаправляют магическую энергию наших же заклятий! Если мы приостановим их действие, источник энергии иссякнет, и магия Кирстану потеряет силу. Я уверен: мы все готовы принести эту маленькую жертву ради достойного завершения нашего Состязания!

Лама немного помолчал, словно давая желающим возможность возразить, однако пауза вышла довольно короткой. Уже через секунду он удовлетворенно кивнул бритой головой.

— Я вижу, все согласны, а раз так, пусть те, кто владеет магией, остановят свои личные заклятия.

И лама пристально уставился на толпу. Зрители преданно взирали на ламу, но ничего не происходило.

— Ну!.. — проговорил он. — Давайте, действуйте! Раз! Два! ТРИ!

Ни один маг не нуждался в специальных инструкциях относительно того, как прекратить действие заклинания. Это умение каждый начинающий волшебник усваивал чуть ли не в первую очередь — для этого ему достаточно было один раз побывать во мраке по ту сторону реальности и обнаружить, что она населена хорошо различимыми и, возможно, даже осязаемыми чудовищами.

— По крайней мере, старина Пагмас получит небольшую передышку за Аллах ведает сколько столетий, — проговорил кто-то за спиной Винкаса.

Благодаря усиленному джинном зрению старый мастер хорошо видел, как вокруг магов появились извилистые, словно короткие молнии, искрящиеся ветви. У каждого они были своего цвета и светились с разной силой, однако довольно скоро их блеск погас. Потом очень ненадолго интенсивность постоянных иллюзий резко увеличилась, и большинство присутствующих магов на короткое мгновение превратились в сверхъестественных красавцев и красавиц с тонкими, аристократическими чертами. Даже самый воздух над поляной сделался прозрачным и свежим, как ранним утром в Гималаях, а над сценой возникли остатки украшений Такаты — повисшие в воздухе яркие драпировки в виде гигантских крыльев бабочек и павлиньих перьев. Они красиво колыхались, словно развеваемые легким ветерком, но все это продолжалось очень недолго. Уже через несколько мгновений безупречно благородные лица и фигуры трансформировались в нечто более банальное или, во всяком случае, более привычное, а все прочие иллюзии расплылись, превратившись в некое неопределенное свечение, которое заполнило парк, словно туман, окрасив небо в жемчужно-серый цвет.

Потом туман рассеялся, и на несколько невероятно долгих

секунд в парке воцарилась мертвая тишина. Даже птицы перестали чирикать и перепархивать с ветки на ветку. Винкас тоже сидел не шевелясь, потрясенный переменой в собственных ощущениях. Свежий воздух, который так обрадовал его минуту назад, приобрел неприятный привкус, какой бывает у застоявшейся воды; некогда яркие краски как будто полиняли и выцвели, и даже мощный поток энергии Пагмаса, воспринимавшийся им как жар полуденного солнца, иссяк, превратившись в едва текущий, чуть тепловатый ручеек. На перемену отреагировали даже зрители. Они тревожно ерзали на своих местах на поляне и с беспокойством оглядывались по сторонам, словно видели парк впервые в жизни.

— Превосходно! Благодарю вас! — сказал лама, хотя его лицо тоже слегка побледнело. — Теперь мы готовы посмотреть выступление знаменитого мага Глина Тана, который по жребию выступит вторым в категории сильнейших. Я уверен, что мастер Тан сумеет доставить нам истинное удовольствие и отвлечь нас от гм-м… неприятностей сегодняшнего дня.

Не успел лама спуститься со сцены и занять свое место позади судей, как на помост спикировал неведомо откуда взявшийся крупный золотистый сокол. Попугаи в ветвях тотчас подняли крик; похожий вопль вырвался и у зрителей, когда сокол замерцал и превратился в Глина Тана, сидевшего на сцене в позе лотоса.

Материализовавшись, маг поднял тонкую, бледную руку с заостренными по последней моде ногтями.

— К сегодняшнему дню я приготовил нечто совершенно необычное и новое, — проговорил маг звонким и чистым, как звук горна, голосом. — Свой номер я решил назвать «Рапсодия идей».

И, улыбнувшись, он закрыл глаза.

В воздухе тотчас появилась какая-то беззвучная пульсация, которая постепенно становилась все сильнее и наконец заполнила собой все пространство над поляной. Ее интенсивность была такова, что Винкас — и не только он — ощутил первые признаки подступающей мигрени, однако, прежде чем его голова успела разболеться всерьез, из середины лба Тана вырвался тонкий луч яркого белого света. Устремившись вверх, свет превратился в изображение двух белых лебедей размером около десяти футов, которые спокойно плавали в воздухе над головой мага. Брачный танец двух царственных птиц продолжался несколько минут, и Винкас уже позволил себе надеяться, что на этом выступление Тана закончится, но как раз в этот момент фигуры лебедей начали меняться, утрачивая свойственные птицам очертания и

превращаясь в два старокитайских иероглифа. Специально для тех, чья эрудиция уступала знаниям Глина Тана, нечеловечески прекрасный голос пропел: «Красота порождает безмятежность». Эту незамысловатую мысль сопровождали два минорных трезвучия, взятые невидимой рукой на невидимой же лютне.

Тем временем белые иероглифы зеркально отразились вверх относительно горизонтальной оси, так что над ними возникли в воздухе еще два иероглифа, но голубого цвета. И белые, и голубые иероглифы поднялись выше над сценой и, описав правильный круг, начали сближаться, частично перекрывая друг друга. Когда область пересечения белых и голубых иероглифов приобрела темно-лиловый оттенок, образовав третью пару идеограмм, несколько самых образованных зрителей с энтузиазмом захлопали в ладоши. «Вдохновение и удовольствие», — перевел бестелесный голос. Грянули лисин и ситар, дополнившие репертуар лютни несколькими мажорными трезвучиями. Сцена вокруг мага засветилась, словно на нее упал свет четырех разноцветных прожекторов.

Многочисленные повторения, топологические преобразования и одна многоязычная палиндромическая трансформация, могли бы вызвать у публики настоящий восторг — если бы публика что-нибудь понимала. Между тем номер Тана был настоящей, без всякого преувеличения, рапсодией идей. В процессе представления маг многократно расширил свой первоначальный тезис, превращая его то в вопросы, то в умозаключения, то во взаимоисключающие доводы, касающиеся пяти основных тем: красоты, безмятежности, желания, вдохновения и энергии. Больше того, само представление Тана оказывалось мощным контраргументом против его же исходного положения, так как красота порождала у него отнюдь не безмятежность, а напряженную работу ума. Винкас, во всяком случае, пришел именно к такому выводу. В целом представление увлекло его, хотя одновременно он испытывал и какую-то непонятную тревогу.

Написанные в воздухе иероглифы плавали теперь во всех направлениях, едва не достигая повисших в небе облаков и путаясь в ветвях деревьев, окружавших площадку. Они переплетались, соединялись, заслоняли друг друга, и вот уже весь парк засветился, засиял самыми невероятными цветами и оттенками. Сопровождавшая представление музыка звучала не переставая, она все усложнялась и вскоре превратилась в нечто слишком изысканно-декоративное, чтобы в ней возможно было разобраться. Некий внутренний порядок во всем этом кружении еще сохранялся, но в целом представление Тана уже давно

балансировало на грани хаоса.

Внезапно Винкаса осенило. Он понял, как Тан собирался решить все поставленные вопросы и устранить созданные противоречия. Объединив фрагменты иероглифов, означавших энергию, желание и вдохновение, он намеревался получить новую идеограмму, означающую дисциплину, завершив таким образом свою рапсодию изящным, исполненным гармонии консонансом… Прикусив губу, старый маг покачал головой. Похоже, в этот раз ему не удастся завоевать Золотой Тор и доставить удовольствие маленькой Алинде. Судя по всему, Глин Тан трудился над своим выступлением не покладая рук с тех самых пор, как закончилось прошлогоднее Состязание — и преуспел. И ему удалось-таки создать подлинный шедевр, который судьи, несомненно, оценят по достоинству. Да и план ламы, похоже, сработал превосходно. Пока что все шло гладко, и магическое действо разворачивалось без сучка без задоринки, с плавностью хорошо смазанного механизма.

Как раз в тот момент, когда накопившиеся противоречия готовы были разрешиться резким диссонансом, иероглифы, означавшие энергию, желание и вдохновение, сошлись вместе и начали объединяться, но совсем не так, как ожидал Винкас. Новый иероглиф означал вовсе не дисциплину! Маг, похоже, тоже почувствовал неладное: широко раскрыв свои странные зеленые глаза, он растерянно уставился вверх, где горела серебром новая замысловатая идеограмма. Бестелесный голос, утративший все свое эфирное благозвучие, хрипло каркнул:

— Свобода!

Именно это и означал серебряный иероглиф.

Потом началось форменное светопреставление. Разноцветные иероглифы стремительно слетались со всех концов парка и натыкались на серебряный символ, из которого, словно искры, вылетали сверкающие нули и единицы. По земле, как перед землетрясением, прокатился грозный гул. Дощатый помост раскачивался с пронзительным скрипом. Ужас охватил Винкаса, однако даже сквозь него он вдруг почувствовал присутствие какой-то новой магии, и это открытие подействовало на него, как холодный душ.

В следующее мгновение все головы, точно по команде, повернулись в ту сторону, где была Энергетическая Станция.

Здание Станции поднималось вверх, точно гигантский червь, выползающий из бездонной шахты. Теперь оно представляло собой казавшийся бесконечным блестящий цилиндр, увенчанный, как гриб шляпкой, округлым белым куполом. Но вот наконец над землей показалось дно башни, и в тот же момент гул затих, а

сцена перестала раскачиваться и скрипеть, словно корабль, который швыряют могучие волны.

У подножия башни появилось неяркое голубое сияние, опираясь на которое, как на воздушную подушку, все здание двинулось по направлению к парку. Оно плыло, не касаясь земли, плавно и совершенно беззвучно — так скользят по небу гонимые ветром облака.

Должно быть, только глубочайшее изумление от увиденного помешало присутствующим обратиться в бегство.

Почти все взрослые зрители знали старую легенду, согласно которой каждый, у кого хватило бы сил и воли, чтобы проникнуть внутрь Энергетической Станции, получит от обитающего там макроимпа невероятные способности и глубокие познания в области магии. Увы, все, кто пытался проверить истинность этого утверждения, неизменно терпели неудачу, так как вблизи Станции испускаемый гипотетическим макроимпом поток энергии столь сильно воздействовал на болевые рецепторы, что не выдерживали даже нервные окончания на основе углеволокна.

А теперь башня, казавшаяся куда более загадочной и пугающей, чем когда-либо, сама приближалась к людям.

Но когда Станция остановилась в воздухе в считанных ярдах от обрыва, в который упиралась лужайка, боли никто не почувствовал. Впрочем, никакой энергии она больше не излучала. Башня просто висела в воздухе, опираясь на голубое сияние, и у ее подножия медленно открывалась широкая двустворчатая дверь. Она была шире, чем любая дверь в Зен-Лу, и хотя располагалась почти вровень с обрывом, внутри царила такая темнота, что рассмотреть там что-либо было совершенно невозможно. Винкасу, впрочем, показалось, что он различает широкие прямоугольные плиты или пластины, которые располагались ярусами на небольшом расстоянии друг от друга, но, возможно, это была лишь прихотливая игра теней.

Он, впрочем, разглядывал их совсем недолго, потому что его внимание привлек к себе высокий, стройный человек в ярко-алом камзоле, который выступил из темноты и остановился на самом пороге башни.

Лама Го первым пришел в себя. Одним прыжком он взлетел на сцену и, встав рядом с Глином Таном, жестом обвинителя указал на фигуру в красном.

— Кирстану?!.. Что ты наделал? И как вообще возможно подобное волшебство?

Полумаг негромко усмехнулся, но этот звук странным образом был слышен даже на самом дальнем краю поляны.

— Я сделал только самое необходимое. И пожалуйста, не

кричите — я вас прекрасно слышу. Вы, я полагаю, тоже… Кстати, больше не называйте меня Кирстану. Мое имя Курт.

— Кюрт? — переспросил лама. — Разве не так зовут твоего импа?

— Не Кюрт мое имя, а Курт. Я весьма ценю ваши организаторские способности, уважаемый лама, но, боюсь, ваш слух оставляет желать лучшего.

— А что ты сделал с Пагмасом? — крикнул кто-то из толпы. — Куда ты его дел?

Курт-Кирстану театральным жестом хлопнул себя по лбу, словно вопрос несказанно удивил его.

— Куда?… Мне казалось — на таком расстоянии его увидит даже слепой.

Лама Го так яростно затряс головой, что крупные капли пота с бритого чела полетели во все стороны и попали в лицо Глину Тану. Маг, впрочем, никак не отреагировал.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — с угрозой проговорил лама, — что башня — это и есть макроимп?

— Разумеется, нет. Пагмас перед вами, но, в отличие от макроимпа, Пагмас не является живым существом. Очевидно, произошла некоторая путаница в названиях… Впрочем, это не удивительно за столько-то столетий!

— Послушайте, молодой человек, вы должны объясниться! Во-первых, как и куда…

— Почему я должен вам что-то объяснять? Среди вас есть некто, способный ответить на все ваши вопросы, если только Шломо Леви приехал в Зен-Лу, как и собирался. Эй, Шло-омо?! Ты где-е?

— Я здесь, — отозвался израильтянин и, встав во весь рост, помахал рукой. — Но я… На данный момент я затрудняюсь что-либо объяснить. Как ты сумел проникнуть внутрь Энергетической Станции, не говоря уже…

— Я имел в виду вовсе не тебя, дорогой друг. Ответы на вопросы уважаемого ламы должен дать древний поэт, которого ты таскаешь в своем мешке.

— Поэт? Какой поэт?!

— Ты же наверняка привез с собой копию Стернза?

— Разумеется, но…

— Как-нибудь на досуге расспроси его, кем он был в прошлой жизни. Уверяю тебя — ты услышишь много интересного.[15] Впрочем, я отвлекся. К счастью для меня, Древние проектировали Энергетические Станции таким образом, что их довольно легко перемещать с места на место. Я, однако, должен заметить, что эту Станцию выдернул из земли и привел сюда не я.

Глин Тан неожиданно вышел из своего ступора. Вскочив на ноги, он погрозил полумагу кулаком. Его смуглое лицо сделалось лунно-белым, и только на щеках горели два алых пятна.

— Что тебе от нас нужно?! — выкрикнул Глин Тан тонким голоском. — Почему ты похитил наш Пагмас? И зачем тебе понадобилось уничтожать плоды вдохновения и многих месяцев тяжкого труда? Неужели только затем, чтобы посмеяться над моим… над нашими несчастьями?

— Вовсе нет, мастер Тан. Поверьте, ваши огорчения не доставляют мне никакого удовольствия. Сейчас я здесь только потому, что мне нужно сделать еще одно дело…

Кирстану взмахнул руками, и в ту же секунду в кронах окружавших поляну деревьев раздалось хлопанье множества крыльев, странно похожее на аплодисменты. Тысячи радужных попугаев разом взлетели с ветвей и ринулись в прямоугольное отверстие у подножия башни. В первое мгновение Винкас испытал странную, иррациональную радость; потом у него в груди словно щелкнул какой-то невидимый переключатель, и он ощутил внутри себя пустоту, какой никогда прежде не чувствовал. Откуда-то издалека до него донеслось собственное изумленное восклицание, которое эхом повторили ближайшие к нему маги.

— Панкс?!..

Вопрос был излишним. Винкас и так знал, что имп покинул его. И для него это было куда более удивительным, чем летающая Энергетическая Станция. Панкс всегда был его частью. Куда же он мог отправиться? И как?…

— Я уверен, вы меня извините, — с издевательской вежливостью проговорил полумаг, — но я должен посетить Уэстморленд и другие места, чтобы довести свое дело до конца. Что и говорить, работы предстоит много, но, к счастью, у меня есть прекрасное средство передвижения. Прощайте, господа.

Он поклонился и отступил назад. Огромные двери сомкнулись, и башня, чуть заметно качнувшись, заскользила прочь, словно выходящий из дока корабль. Удалившись на некоторое расстояние от обрыва, она внезапно ускорилась и вскоре исчезла из виду.

* * *

Винкас физически ощущал, как его покидают последние крохи магической силы. Больная нога, о которой он успел забыть, напомнила о себе ноющей ломотой. Кажется, и разгладившиеся было морщины на его лице снова сделались глубже. В

растерянности Винкас огляделся по сторонам. Мокшананда, сидевший неподалеку, на глазах превращался в некое подобие сушеного яблока. Мария Джиннетти, напротив, выглядела теперь совсем юной — сейчас Винкас не дал бы ей и пятидесяти. Девчонка, по принятым среди магов стандартам. Несомненно, она пользовалась «косметическими» заклинаниями, чтобы прибавить себе солидности. Вот Мария повернулась, чтобы взглянуть на него, и ее лицо отразило самое настоящее смятение. Неужели она так потрясена видом его старческого лица? Или, как и он, тоже лишилась своего импа? Только потом Винкасу пришло в голову, что у Марии могла быть еще одна причина для беспокойства. Почти все маги, которых он знал, жили в непосредственной близости от Энергетической Станции. Привычка постоянно получать энергию превратилась у них в болезнь — зависимость от магии, которая была сродни пристрастию к некоторым видам толченых грибов.

Усилием воли взяв себя в руки, Винкас перевел взгляд на сцену. Лама Го остался крупным мужчиной, но он больше не производил гороподобного впечатления, как прежде. Казалось, силы вовсе оставили его, колени ламы подогнулись, и он опустился на помост, часто моргая и теребя завязки своего серебряного плаща. Глин Тан тоже изменился. Он стал ниже ростом и заметно полнее, а его странные, почти без белков глаза экзотического ядовито-зеленого цвета потускнели и сделались зеленовато-оливковыми. Тяжело вздохнув, Глин Тан опустился на доски рядом с ламой.

Повинуясь внезапному порыву, Винкас поднялся и, тяжело припадая на больную ногу (которая, к счастью, еще слушалась), подковылял к помосту и вскарабкался наверх. Выйдя на авансцену, он поклонился ламе и Глину Тану и повернулся к публике. Перед ним было целое море испуганных лиц, и Винкас почувствовал скованность, знакомую каждому актеру или оратору, который впервые выступает перед большой аудиторией. Старый мастер никогда не испытывал ничего подобного даже в юности и был почти парализован приступом «сценической лихорадки», но постарался справиться с собой. Винкас знал, что кто-то должен успокоить этих людей именно сейчас. А раз никто не спешит взять на себя ответственность…

— Как многие из вас знают… — Маг вынужден был остановиться и откашляться, потому что в горле у него пересохло, а голос звучал даже слабее, чем всегда. — Мое имя Винкас Аполло, и я… — На этот раз он замолчал, вспомнив, что заклинания, усиливавшие каждый звук, больше не действуют. Парк в Зен-Лу никогда не отличался завидной акустикой,

поэтому, даже если бы он кричал, его голос, который тоже никогда не был особенно звучным, не достиг бы, наверное, и десятого ряда.

Пока Винкас раздумывал, что делать, к сцене приблизился Шломо Леви. Его внешность не претерпела никаких видимых изменений, и все-таки он казался другим человеком. Винкас сразу заметил, что израильтянин перестал сутулиться и буквально излучает воодушевление и энтузиазм.

— Позвольте вам помочь, мастер, — проговорил он приятным, мягким баритоном. — Вы, вероятно, хотите, чтобы вас слышали все присутствующие?

Винкас только молча кивнул в ответ, и Шломо быстро поднялся на помост. Ему понадобилось меньше минуты, чтобы снова установить на сцене свой Камень Истины, после чего он спросил у мага, желает ли тот, чтобы мистер Стернз непосредственно усиливал его слова или повторял их «несколько более громким голосом». Винкас выбрал второй вариант, благодарно улыбнулся и в третий раз повернулся к аудитории.

— Добрые жители Зен-Лу и уважаемые гости! — проговорил он и сделал паузу, давая возможность мистеру Стернзу повторить свои слова. Тот действительно воспроизвел их, но так громко, что Шломо поспешил оттащить компьютер с экраном подальше в глубь сцены, чтобы мощный звук не слишком действовал на барабанные перепонки всех, кто находился сейчас на помосте. После этого ученый снова встал рядом с Винкасом.

— Вы все меня знаете, — сказал старый маг. — И теперь, после того как мой джинн… удалился на покой, вы увидели, что я прожил на свете достаточно. — На этот раз он даже не поморщился, когда мистер Стернз повторил его слова, хотя несколько человек в первых рядах, всегда считавшихся самыми привилегированными, зажали уши ладонями. — То есть кое-какой жизненный опыт у меня имеется, и хотя опыт и интеллект — вещи немного разные, я все же надеюсь, что мое понимание ситуации окажется достаточно близким к истине. Я только прошу вас слушать повнимательнее, потому что у меня есть несколько предложений, которые, возможно, помогут вам преодолеть кризисную ситуацию.

Во-первых, вам — то есть нам — ни в коем случае не следует падать духом. Кто знает, может быть, Пагмас скоро вернется, и Кирстану — или Курт, как он себя называет — объявит, что это была лучшая шутка в его жизни и он неплохо позабавился за наш счет…

«Если это способно хоть кого-то утешить, — подумал Винкас, — то мне, пожалуй, придется признать, что, несмотря на

отсутствие Пагмаса, я не разучился показывать магические фокусы».

Сам-то он был на сто процентов уверен, что никакая это не шутка. Винкас просто чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

— Но давайте хотя бы ненадолго предположим худшее: магия навсегда покинула Зен-Лу и Ванглию…

Мулла Нур со своего места погрозил Винкасу пальцем.

— Ла! — выкрикнул он, что по-арабски значило «нет». Раньше мулла имел благородный облик персидского волхва, но без косметической магии его лицо приобрело ярко выраженные хамитские черты. — Мой имп Гул пропал. А где твой Панкс?

— Боюсь, он тоже исчез. — Повторенные Стернзом, эти слова прозвучали как окончательный приговор.

Мулла Нур показал на юг — туда, где когда-то стоял Пагмас.

— Мой джинн по-прежнему в порядке, но как я буду управлять им без импа и без Пагмаса? Этот мерзавец Кирстану похитил и мою магию, и все, что позволяло мне жить, как я привык, так что мне незачем предполагать худшее!

— А как насчет меня?! — крикнула какая-то женщина в сари. Она была столь бледна, что Винкас с трудом узнал Адити Чандрасекар. — Не все здесь в курсе, что я владею таверной «Бодхи». Так вот, мне необходимо знать, как сегодняшние события отразятся на моем бизнесе. Навсегда ли исчезла из нашего города всякая магия, и если нет, то когда она вернется? Я спрашиваю не из пустого любопытства! Все холодильники и кондиционеры в моей таверне питались энергией Пагмаса, а теперь, когда его не стало, я просто не знаю, что будет.

— А мне как быть, мастер? — Винкас узнал баритон Мьюригама, прежде чем увидел в толпе фигуру хозяина гостиницы. — Что будет со мной, ведь у меня такие же проблемы, как и у почтенной Адити? Кроме того, без магии невозможно ежегодное Состязание, а без Состязания не будет туристов и гостей. Как, скажите на милость, я закажу редкие специи и продукты у удаленных поставщиков, если ни один маг не сможет передать им, что мне нужно?…

Его последние слова утонули в голосах десятков, сотен людей, которые заговорили все разом, и у каждого была своя проблема, свой вопрос. Подняв вверх руки, Винкас попытался призвать слушателей к порядку.

— Терпение, друзья! Прошу вас!.. — крикнул он во все горло, но тщетно — Винкас не мог перекричать шум. К счастью, мистер Стернз был наделен незаурядными вокальными данными. Его громоподобный голос не только подчинил толпу, но и в

буквальном смысле слова сбил с ног Адити Чандрасекар и еще нескольких горожан, отличавшихся деликатным телосложением.

Винкас потер обращенное к Стернзу ухо и пообещал себе впредь не повышать голос ни при каких обстоятельствах. Кроме того, ему не очень нравилось, что приходится использовать компьютер подобным образом.

— Нельзя ли сделать так, — повернулся он к Шломо, — чтобы ваш компьютер передавал мои слова в письменном виде? Насколько я знаю, в Зен-Лу почти все взрослые умеют читать по-амлийски.

— Действительно! Как я раньше не сообразил! — воскликнул Леви и добавил несколько слов на идише. Тотчас экран Стернза увеличился в несколько раз, заняв почти всю сцену.

— Пожалуйста, выслушайте меня! — проговорил Винкас и обернулся, желая убедиться, что его слова появляются на экране. — Я должен сказать вам одну весьма важную вещь. Как я уже говорил, я довольно стар, а это означает, что у меня много внуков, правнуков и даже праправнуков. Я очень люблю их всех, поэтому поселился в деревне, чтобы иметь возможность чаще видеться с ними…

Толпа слушала молча, но не потому, что слова старого мага чем-то заинтересовали горожан; просто они боялись, как бы на них снова не натравили мистера Стернза.

— Деревня, в которой я живу, находится далеко от всех Энергетических Станций, поэтому и я, и мои односельчане привыкли обходиться без магии. Мы тщательно планируем нашу жизнь, и если нам нужны какие-то товары, заказываем их заранее с помощью специальных гонцов, которые путешествуют на лодках или верхом. Река мелет наше зерно и приводит в движение деревенскую пилораму. Печи мы топим восковницей, которой Древние засадили всю Ванглию, а продукты храним на льду, что запасаем с зимы. Когда в конце лета льда почти не остается, мы сберегаем наши запасы в особых обтянутых тканью ящиках, которые держим на сквозняке и поливаем водой. Есть и другие способы, я не буду их сейчас перечислять… Главное, вы должны поверить: магия не так уж важна для вашей повседневной жизни и вашего бизнеса…

Но, вглядываясь в лица слушателей, Винкас видел на них только разочарование, ярость и растерянность. Никого не тронула его маленькая речь, никому не запала в душу. Возможно, впрочем, эти люди просто не готовы были обсуждать практические аспекты своей изменившейся жизни, не говоря уже о том, чтобы взять их на вооружение. В поисках чего-то, что могло бы вдохновить слушателей, Винкас машинально огляделся по

сторонам — и взгляд его остановился на Шломо, стоявшем рядом и выжидательно смотревшем на него.

— Кстати, — добавил Винкас окрепшим голосом, — я хочу обратить ваше внимание на событие, которое, возможно, заставит нас позабыть сегодняшние неприятности. Я имею в виду чудесный аппарат, который преобразует мои слова в текст и служит наглядным доказательством того, что в нашем мире может существовать магия, не зависящая от Пагмаса.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы в глазах слушателей зажглись огоньки искреннего интереса. Обернувшись назад, чтобы указать рукой на Камень Истины, Винкас заметил, что лама Го и Глин Тан тоже выпрямились и слушают его с напряженным вниманием.

«Пожалуй, — подумал Винкас, — сейчас не тот момент, когда можно обойтись без преувеличений».

— Рядом со мной, — продолжил он, — вы видите человека, преодолевшего просторы Посредиземного моря и бурную Атлантику, чтобы открыть перед нами совершенно новые, невиданные доселе горизонты. Как утверждает наш уважаемый гость Шломо Леви, в этом аппарате заключены все секреты Древних. Я уверен: мистер Стернз способен помочь нам не только отыскать иные источники энергии, но даже построить собственный Пагмас. Конечно, не сразу, но пока имеется такой наставник, у нас нет неразрешимых проблем!

«Помилуй меня, Бесконечный, — подумал Винкас. — Я, кажется, пытаюсь уговаривать самого себя!»

— Некоторое время назад, когда нам не терпелось увидеть Состязание, многие из нас сочли выступление глубокоуважаемого доктора Леви просто досадной помехой. Но сейчас, надеюсь, мы будем внимать каждому его слову так, словно от этого зависит наша дальнейшая судьба. И в каком-то смысле она действительно зависит… Итак, добрые леди и джентльмены, позвольте представить вам гостя из Нового Израиля, светило современной науки доктора Шломо Леви!

— Стернз! — быстро шепнул израильтянин. — Режим громкоговорителя!

С церемонным поклоном в адрес старого мага, Леви шагнул вперед и воздел вверх руки, словно благословляя толпу.

— Мои дорогие друзья! — От его усиленного Стернзом голоса у Винкаса, казалось, завибрировали кости черепа. — Я уверен, что сегодняшний день непременно останется в анналах истории как начало новой эпохи! Уважаемый мастер Винкас проявил редкостную интуицию и прозорливость, когда говорил о новых источниках энергии. Например, торговое судно,

доставившее меня на ваш континент, является подлинным чудом конструкторского гения корабелов Нового Израиля. В чем его отличие, спросите вы? Да в том, что оно целиком сделано из железа и абсолютно не зависит от силы и направления ветра. Подобное судно в Новом Израиле не одно, точно такими же свойствами обладают с недавнего времени все наши корабли!

Вы спросите, как мы сумели создать подобное чудо? Ответ прост, мои дорогие друзья. Вот уже два года, как мы вкушаем крохи познания от огромного пирога мудрости, обнаруженного нами в Камне Истины. Но наш Новый Израиль — маленькая страна, а пирог этот огромен… — последние слова Леви произнес несколько невнятно, словно его рот и в самом деле был занят куском упомянутого им символического пирога. — И было бы справедливо, если бы этими знаниями могло пользоваться все человечество. Научный Орден, к которому я имею честь принадлежать, придерживается принципа *цедаха,* что означает «справедливость» и «необходимость совершать добрые дела». Вот почему мы решили разослать во все шестнадцать уголков земного шара специальных эмиссаров, одним из которых являюсь я, чтобы отыскать союзников и единомышленников.

Если вы последуете советам Стернза, я обещаю, что часть ваших проблем будет решена достаточно быстро. Чтобы устранить остальные, потребуется, возможно, больше времени и усилий, но я уверен, что в конце концов мы сумеем добиться своего. И чем быстрее мы начнем, тем скорее наступит день, когда вы не только обретете свои прежние возможности, но и станете повелевать другими, куда более могущественными силами, о которых сейчас и помыслить не можете!

«А я-то думал, — сказал себе Винкас, — что хватил через край, когда пытался их успокоить!»

Леви тем временем снова поднял руки к небу.

— Итак, вы готовы присоединиться ко мне, чтобы вместе строить новый мир из обломков старого? Я уверен: если мы будем осторожны, нам удастся достичь величия Древних, не повторяя их ошибок. Каково же будет ваше решение?

Но на этот вдохновенный призыв отозвался только каждый десятый из собравшихся на поляне. Все остальные были слишком потрясены и никак не могли прийти в себя. Тем не менее ответный клич прозвучал довольно громко; даже Винкас не удержался и присоединился к нему. Его голос, конечно, полностью утонул в шуме, однако краешком глаза он успел заметить, что мистер Стернз не только написал на своем экране слово «Да», но и снабдил его парой восклицательных знаков.

Леви сиял.

— Прекрасно! В таком случае позвольте предложить вашему вниманию примерный план нашего великого проекта. Кстати, с вашего позволения, я хотел бы назвать его в честь мифического города, который согласно древней аридзонской легенде чудесным образом восстал из пепла, когда питавшая его Энергостанция самопроизвольно возобновила свою работу.[16]

* * *

Винкас осознал свою ошибку, только когда оказался в миле от южной излучины Изумрудной реки. А он-то думал, что все рассчитал! Перестав напевать себе под нос, Винкас громко рассмеялся над собой. Стайка попугаев, почетным эскортом сопровождавшая его от самого Зен-Лу, тоже закудахтала, будто смеялась вместе с ним.

Еще в городе Винкас произвел пару экспериментов и убедился, что без Пагмаса его автопалатка не способна послужить укрытием и котенку. Тогда он позаимствовал у Марии Джиннетти ее семейную реликвию — очень легкий и компактный спальный мешок, который хотя и был сделан в Древние времена, выглядел почти как новый. Винкас взял его с собой и тем обеспечил себе сравнительно комфортный ночлег.

Еще несколько осторожных опытов, которые Винкас проделал уже в пути, показали, что полудикие звери — такие, например, как медведи — не представляют для него опасности. Раньше он всегда полагался на Панкса, но теперь, чтобы отгонять мишек, ему хватало и джинна.

С продовольствием у Винкаса тоже не возникло проблем. По правде говоря, он взял с собой даже больше еды, чем было под силу унести хромому старику, но не хотелось обижать Мьюригама, который — совершенно бесплатно! — набил деликатесами его дорожный мешок и карманы. Впрочем, неслыханная щедрость хозяина имела свои основания: узнав, что в ближайшее время Зен-Лу наверняка прославится как научный центр, первым начавший реализацию предложенного Леви проекта «Феникс», Мьюригам был на седьмом небе от счастья.

Винкас ничуть не жалел о нескольких лишних неделях, которые потратил, помогая израильтянину разработать этот проект, хотя у него и было весьма важное дело, которое призывало его домой. Когда же Винкас наконец отправился в обратный путь, он так спешил, что упустил из виду одно существенное обстоятельство…

Он совершенно забыл о новом мосте через Изумрудную.

О мосте, перейти который без помощи Панкса не под силу.

Почесав в затылке, Винкас зашагал к мосту. О том, чтобы снова использовать черепах, не могло быть и речи. Удержать от нападения медведя Винкасу было сравнительно легко, но с двумя черепахами он бы не справился. Для этой задачи необходим жесткий контроль, на который способен только имп. Разумеется, можно попытаться переползти мост на четвереньках, точнее — на двух руках и одной здоровой ноге. Или, если бы вода текла чуть медленнее, он мог сделать из подручного материала плот и перебраться на другой берег вплавь. Еще лучше дождаться, когда на реке появится барка или парусная ладья, которая могла доставить его почти до самого дома. Правда, Винкас еще ни разу не видел в этих местах никаких торговых кораблей, но, с другой стороны, новый мост наверняка сделали таким крутым именно для того, чтобы под ним могли свободно проходить суда.

Винкас так глубоко ушел в свои мысли, что невольно вздрогнул, когда мост оказался всего в нескольких шагах от него. Но он был поражен еще больше, когда увидел, кто стоит у его основания, небрежно облокотившись о перила.

— Кирстану?!..

— Рад видеть вас, Винкас, мой старый друг. А вы лучше зовите меня Куртом — ведь я не солгал ламе, и это действительно мое настоящее имя. Кстати, как поживает милейший лама Го?

Винкас внимательно взглянул на молодого человека и почувствовал легкое удивление, оттого что не испытывает ни гнева, ни презрения, а только любопытство.

— Учитывая все обстоятельства, почтенный лама проживает довольно неплохо. Мне показалось, что когда он объявлял об окончании Состязания, то был немного расстроен… Не мудрено — ведь ему пришлось сказать, что в связи с особыми обстоятельствами следующий фестиваль откладывается на неопределенный срок. Зато потом он заметно повеселел. Можно было подумать, что ему пришла в голову какая-то счастливая мысль. Впоследствии я несколько раз слышал, как он бормочет что-то насчет «серебряной подкладки» и «скверного ветра».

— Ах да, конечно! Я думаю, милейший лама смертельно устал нести на своих плечах груз ответственности за это ежегодное Состязание.

— Это, несомненно, так. Буквально на днях я видел ламу в таверне, где он налегал на чанг.

— Я рад, что он нашел себе источник утешения, хотя это мерзкое пойло может доставить удовольствие разве что тибетскому монаху. А что это вы все вытягиваете шею, почтенный

Винкас? Неужели вы думаете, что Пагмас прячется за моей спиной?

— Разумеется, нет, но… Все-таки мне было бы любопытно узнать, куда ты его дел.

— Пагмас и другие Энергетические Станции находятся в безопасном месте — на дне Атлантики. — Курт-Кирстану слегка прищурился. — Ба, что это?… У вас, кажется, новое украшение, мастер?

Винкас потянул за обвивавшую его шею золотую цепь и достал из-за пазухи массивное золотое кольцо.

— Браво! Вы все-таки выиграли Главный Приз!

— Ну, не совсем выиграл, — смущенно признался Винкас. — Просто судьи в конце концов решили, что я показал настоящее магическое мастерство, когда предотвратил массовую истерию и дал людям хоть какую-то надежду. Состязание было признано состоявшимся, Золотой Тор вручили мне, так что у одной маленькой девочки будет новая игрушка. Кстати, Шломо Леви получил такое же кольцо. И все-таки как ты это сделал, Курт?

— А почему вы не спрашиваете — для чего?

— Насчет этого кое-какие соображения и догадки у меня имеются. Курт кивнул.

— Что ж, я всегда считал вас проницательным человеком, мастер… Вы, конечно же, помните те злосчастные монеты, которые я вам всучил?

— Еще бы! До сих пор удивляюсь, как ты сумел наделить эти медяшки столь значительной силой. Лама Го считал, что они каким-то образом перенаправляют часть нашей магической энергии, но подобный фокус потребовал бы едва ли не больших затрат… Ты смеешься?

— Никакой особой силой эти монеты не обладали! Я просто использовал энергию Пагмаса. И лишь просил его для пущего правдоподобия время от времени нагревать некоторые из монет, что вполне удалось. Нет, уважаемый мастер, медяшки понадобились совершенно для другого. Они должны были убедить ламу Го, что единственный способ довести Состязание до конца — это попросить всех магов приостановить действие своих заклинаний.

Винкас прищелкнул пальцами, и его глаза слегка расширились.

— И ты подтолкнул его к этому решению еще много недель назад, когда натравил на него попугаев, одержимых материнским инстинктом? Ты сам рассказывал мне об этом в нашу прошлую встречу здесь, у моста… И это ты прислал ему анонимное письмо, где предупреждал о заколдованных монетах!

— Виновен, ваша честь! — Курт-Кирстану ухмыльнулся. — И все равно я думаю, что он не поверил бы этому письму, если бы к тому времени до него не дошли слухи о деньгах, зараженных враждебной магией.

— Но зачем тебе было нужно, чтобы маги приостановили действие своих персональных заклинаний?

— Чтобы перепрограммировать Пагмас, мне необходимо было сначала остановить его, а затем загрузить снова. Я не мог сделать этого, пока столько людей пользовались его возможностями, зависели от него. Ну а после того как Пагмас стал невосприимчив к клиентским запросам, я использовал его, чтобы аналогичным образом перепрограммировать остальные Станции.

Винкас нахмурился.

— Тогда зачем ты утопил все Энергетические Станции, если, как ты говоришь, сделал их недоступными для пользования? — При этих его словах Кирстану слегка покраснел, и Винкас спросил себя, к чему бы это?…

— Ну… видите ли… откровенно говоря, перепрограммировать управляющий узел Энергетической Станции может любой, кто обладает соответствующими знаниями. А из-за одной моей небольшой оплошности такие знания может доставить людям Стернз и его многочисленные копии.

Винкас глубокомысленно кивнул.

— Кажется, я начинаю понимать… Должно быть, ты использовал магию Глина Тана, чтобы остановить и снова загрузить Пагмас. Я угадал?

— Вы правы, мастер. Мне пришлось лишь немного изменить концовку его выступления. Пагмас и ему подобные прекрасно защищены от несанкционированного отключения: специальные программы не позволяют неавторизованному персоналу вмешиваться в работу программного обеспечения. Три года я провел в Новом Израиле, изучая так называемые «компьютерные вирусы», прежде чем мне удалось разработать собственную программу, способную преодолеть защиту Пагмаса. — Последние слова Курт-Кирстану произнес довольно-таки самодовольным тоном, но тотчас спохватился. — Конечно, — смиренно добавил он, — даже имея такую программу, я не мог обойтись без сложной наведенной иллюзии, создать которую мне было не под силу. Ведь я, в конце концов, всего лишь полумаг…

— Тогда откуда ты знал, что выступление Тана тебе подойдет? — спросил Винкас. — Впрочем, я, кажется, понимаю… Я слышал, что он приглашал тебя на предварительный просмотр.

Курт-Кирстану кивнул.

— Видите, дорогой мастер, я не оставил на волю случая ни одной мелочи. Кстати, как вы думаете, кто вообще натолкнул Глина Тана на мысль выступить на празднике с «Рапсодией Идей»?

— Ох-х…

— Позвольте задать вам личный вопрос, мастер… Мне бы очень хотелось, чтобы вы ненадолго забыли о том праведном гневе, который испытываете в отношении моей персоны, и честно сказали, как на самом деле вы относитесь к тому, что я сделал?

Прежде чем ответить, Винкас пристально всмотрелся в лицо своего собеседника, ожидавшего его ответа с нескрываемым волнением, и почувствовал жалость, происхождение которой он и сам не мог объяснить. Возможно, все дело было в том, что полумаг в итоге оказался совсем не таким непробиваемым, каким выглядел.

— Честно и откровенно, мастер, — повторил Курт-Кирстану. — Пожалуйста.

— Ну хорошо, — вздохнул Винкас. — Боюсь только, что мои чувства могут показаться тебе такими же неожиданными и странными, какими они кажутся мне. Мне, как ты знаешь, уже довольно много лет, и кое-какого опыта я за это время набрался. Пожалуй, не будет слишком нескромным с моей стороны утверждать, что я неплохо знаю жизнь, и вот что я тебе скажу: часто бывает так, что человек должен просто начать все сначала, как бы трудно и больно ему ни было. А потом проходит какое-то время, и он понимает: дело обернулось куда лучше, чем могло бы.

— Огромное вам спасибо за эти слова, мастер! Вы и не представляете, какое облегчение я испытал. Но я вижу, мой друг, что вы едва стоите на ногах. Должно быть, сегодня вы прошли немалый путь. Позвольте, я помогу вам сесть.

— Спасибо.

Они оба уселись на траву, и Винкас, кряхтя, вытянул вперед больную ногу.

— Сдается мне, — проговорил он, осторожно массируя колено, — что одну вещь ты все-таки отпустил на волю случая. Я имею в виду нашу встречу, когда ты передал мне эти деньги. Ведь я мог пойти в Зен-Лу другой дорогой… или вовсе остаться дома. Кроме того, я не понимаю, почему ты сам не пустил свои медяки в обращение, пока находился в Зен-Лу.

Курт-Кирстану ухмыльнулся.

— Я хотел, чтобы никто не сомневался в происхождении этих денег. Чтобы все точно знали: они получены от меня. Кроме того,

для моих целей мне было необходимо покинуть город, прежде чем Таката закончил бы украшать дома к празднику. Что касается нашей с вами «случайной» встречи… — Тут он хихикнул. — Вы и не представляете, как тщательно она была подготовлена.

— Ах вот как! Почему же ты выбрал именно меня?

— Только вы с вашей сообразительностью могли догадаться, что монеты с подвохом, и только вы поверили бы моим словам, когда я заявил, что должен вернуть вам старый долг. Нет, дорогой мастер, наша встреча была вовсе не случайной! Кстати, вы не задумывались, откуда у вашей праправнучки Алинды появился такой внезапный и сильный интерес к сувенирам с Фестиваля?

Винкас замер.

— До сих пор я считал, — тихо проговорил он, — что ей просто понравилось, как выглядит Золотой Тор. Ведь я выигрываю его не в первый раз.

— Боюсь, мой дорогой мастер, что Золотой Тор, который показал ей я, был намного больше и блестел намного ярче, чем настоящий.

— Мне это не нравится, молодой человек. И мне горько думать, что вы пытались манипулировать мною при помощи моих праправнуков.

— Я смиренно прошу прощения за то, что вынужденно вмешался в ваши семейные дела, но поверьте — это было вызвано необходимостью. И та холодность по отношению ко мне, которую я чувствую сейчас, служит мне строгим наказанием. Я… позвольте мне хотя бы отчасти компенсировать причиненный ущерб.

— Это как же?

— Разрешите осмотреть вашу больную ногу. Винкас заколебался.

— Что ж, пожалуйста. Я только не знаю, сможешь ли ты что-то сделать…

Курт-Кирстану положил руку на его больное колено, и Винкас невольно ахнул, почувствовав, как по ноге разливается приятное тепло. Буквально у него на глазах скрюченная конечность свободно распрямилась, как бывало всегда, когда его джинн питался энергией Пагмаса или другой Энергетической Станции.

— Я вижу, вы испытываете заметное облегчение, мастер, — сказал Курт-Кирстану. — Эффект продержится несколько дней, а потом пойдет на убыль, но это не беда. Не смотрите на меня так, мастер… Я только *произвел* изменение; поддерживать его будет ваш собственный метаболизм, а для этого вам не понадобится слишком много сил. Больше того, теперь, когда вы знаете, что

такое возможно, вы и сами научитесь совершать подобные вещи — нужно будет только немного попрактиковаться. И ничего удивительного в этом нет. Я знаю, что ваш имп исчез, но, как гласит аридзонская пословица, попугай улетел, а жердочка осталась.

— Какая приятная неожиданность. — Винкас проницательно взглянул на молодого человека. — Хотел бы я знать, как тебе удалось активировать моего джинна. Кто ты такой, Курт?

Молодой человек удовлетворенно вздохнул.

— Наконец-то вы начали задавать настоящие вопросы, мастер. Я уж думал, что вы так до них и не доберетесь.

— Я слишком боялся узнать ответы.

— И совершенно напрасно. Видите ли, мастер, я в некотором смысле ваша противоположность. Если вы естественный биологический организм, возможности которого были расширены путем имплантации искусственных органов, то я, напротив, искусственное существо, усовершенствованное путем использования донорской нервной ткани. Кстати, моим добровольным донором был древний ученый по имени Кирстану.

— Словом, ты макроимп. Курт смерил Винкаса взглядом.

— Мне кажется, вы как-то не очень удивлены.

— Ты же сам сказал, что Пагмас не может быть макроимпом: ведь он не личность и не живое существо. Кроме того, ни один живой человек не мог даже приблизиться к Энергетической Станции.

Курт озадаченно нахмурился.

— Вы правы, доступ к Пагмасу может получить только тот, кто умеет снижать чувствительность своих нервных окончаний. Или вовсе отключать их. Но если вы давно догадались, кто я такой, почему не сказали об этом сразу?

Винкас помедлил с ответом.

— Я слишком боялся, — неохотно проговорил он, — что ты и Шломо Леви сговорились, чтобы манипулировать нами.

— Разве это было бы так ужасно?

— Как говорится, вкус рагу зависит от того, что кладут в котел. Похоже, в настоящий момент наше будущее находится в руках этого ученого еврея, и мне бы очень хотелось, чтобы эти руки оказались чистыми.

— В таком случае можете быть спокойны, — улыбнулся Курт. — Весь этот обман я задумал и осуществил совершенно самостоятельно.

— Похоже, пришло время спросить — для чего?

— Древние создали рай на земле, но они забыли, что силу можно развить и поддерживать, только преодолевая

сопротивление.

Винкас медленно кивнул.

— Стернз сказал, что успех Древних в итоге обернулся поражением.

— И это поражение, мой друг, пережило их самих. В созданном ими раю было слишком мало трудностей и слишком много развлечений. Численность рода человеческого падала, дух любопытства и честолюбия угасал. В итоге, человечество так и не сумело вернуться на дорогу прогресса, потому что многочисленные дары Древних — начиная с джинна и заканчивая фабриками продовольствия — приучили людей к изобилию без усилий и сделали их существование слишком простым и безоблачным.

— Ты считаешь, что будет лучше, если наша жизнь станет суровой и жестокой?

— Я верю в равновесие. Люди наделены умом и чувствами, но сейчас этот могучий потенциал пропадает зря. Я хочу, чтобы вы научились пользоваться тем, что в вас заложено. Я хочу, чтобы вы снова начали расти и взрослеть, потому что…

Винкас покачал головой.

— Если Стернз будет вести нас за ручку, это вряд ли произойдет. Глаза макроимпа сверкнули.

— Только в начале пути, уважаемый мастер, только в начале пути! Во Вселенной есть непреложный закон: чтобы добиться чего-то большого, нужно сперва сделать вещи попроще. Стернз поможет вам начать и даст достаточно информации, чтоб вы научились работать, чтобы увлеклись новой идеей, а затем… Затем человечеству придется снова познакомиться с термином «Защищено паролем».

— Значит, ты считаешь: Стернз расскажет нам не все, что знает?

— Он сообщит вам все, на что я его запрограммировал. И не больше. Винкас вздохнул.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже надеюсь. Вы и представить себе не можете, как долго я искал способ отучить людей всегда и во всем полагаться на импов.

— Кстати, что случилось с моим импом?

— Вам, вероятно, известно, что Древние одно время носились с идеей использования компьютеров в качестве резервного хранилища индивидуального разума и воспоминаний…

— В самом деле? И зачем им это было нужно?

— Людям хотелось продлить собственные жизни, так как подобные копии могли храниться неограниченное количество

времени. Но человеческий разум нельзя перевести в ноли и единицы, чтобы записать в компьютерную память. Ведь разум — это не столько информация, сколько взаимодействие одного с другим, притяжение и отталкивание. Кроме того, копия всегда хуже оригинала.

— Ты хочешь сказать, что Панкс каким-то образом был превращен в числа?

— На самом деле Панкс всегда состоял из чисел. Благодаря этому его всегда можно скопировать или переписать на какой-нибудь достаточно сложный компьютер — и после этого он останется прежним Панксом.

— Ага! Кажется, я знаю, куда ты спрятал наших импов. Если в Пагмасе были компьютеры…

Курт расхохотался.

— Вот и мимо! Уж от вас-то я этого не ожидал!

— Тогда где же они?

— Когда Древние поняли, что им не удастся создать полноценные цифровые копии самих себя, они решили сохранять в ИИИМПах свои самые драгоценные воспоминания. Но если имп переживает своего хозяина, он действительно должен куда-то уйти, следовательно, нужна легкодоступная, разветвленная система хранения информации. И вот, экспериментируя над созданием внешних джиннов для разных видов живых существ, Древние в конце концов остановились на перьях.

— На перьях?! — перебил Винкас и показал на стайку попугаев, которая следовала за ним от самого Зен-Лу, а теперь присела отдохнуть на ветви ближайшего дерева. — Ты хочешь сказать, что один из них — Панкс?

— Ну да! Панкс вполне может контролировать одну из птиц, но, будучи информационным массивом, физически он находится главным образом в хохолке. Ведь каждое перышко может содержать колоссальный архив самой разной информации. Природные попугаи всегда отличались своей экстравагантной, яркой окраской, но теперь вы знаете, что делает этих птиц совершенно особенными…

— Невероятно! Я прожил на свете столько лет, но сейчас мне кажется — я только начинаю познавать окружающий мир!

— Мне очень приятно знать, что эти бывшие рабы теперь умеют летать, — произнес Курт так тихо, словно обращался к самому себе. Потом он добавил чуть громче: — А кроме того, я научил их копировать самих себя, так что теперь, когда птица-носитель погибает, микроимп может без труда перенести себя на другую особь. И мне кажется, что достаточно зрелый, самостоятельный имп вполне заслуживает того, чтобы жить своей

собственной жизнью… Вы не находите?

Глядя на мелькающие в ветвях живые радужные комочки, Винкас в задумчивости подергал себя за бороду.

— Наверное, ты прав. Подсознательно я давно чувствовал, что Панксу становится невмоготу оставаться в плену. Теперь он свободен, и я желаю ему удачи. А тебя я хочу спросить вот о чем… Что заставило тебя приложить столько усилий, чтобы подтолкнуть человечество на новый путь? Ведь это наверняка было нелегко.

Впервые за все время их разговора макроимп ответил не сразу, а его лицо сделалось задумчивым, почти грустным.

— Я не мог иначе, — проговорил он наконец. — Я был создан для того, чтобы любить своих создателей, и эта любовь — равно как и все злое, и все доброе — пережила тех, кто меня сделал. Я не могу забыть о себе, и точно так же я не могу пренебречь человечеством. Насколько я знаю, примерно то же самое чувство вы испытываете к вашим праправнукам…

* * *

— Ну вот, на сегодня достаточно. Пора возвращаться в наше родное время и место, потому что вас еще ждут вечерние занятия.

— Но, профессор Стернз, действительно ли все, что мы видели, именно так и происходило?

— Не обязательно все, но многое. Большая часть этой информации получена непосредственно с маховых перьев радужных свидетелей; что касается мыслей и чувств мага Винкаса, то они были записаны деканом Панксом. Кое-что, правда, было добавлено или изменено, однако в целом запись получилась достаточно точной. Надеюсь, теперь вам стало понятнее, почему мы придаем такое значение деятельности Винкаса Аполло и почему мы так пристально наблюдали за ним во время сегодняшней экскурсии?

— Я думаю — да. Руководство, которое он взял на себя сразу после того, как был перепрограммирован Пагмас, а также его дальнейшие усилия по реализации начатого Шломо Леви проекта «Феникс» послужили тем краеугольным камнем, который лег в основу нашего сегодняшнего мира. Я, однако, не догадывался, какую важную роль сыграли в истории вы, профессор. Когда вы впервые получили тело?

— Ах, как бежит время!.. Первое мое воплощение произошло примерно девять веков назад. Его осуществила небольшая группа людей-ученых, которыми руководил некий макроимп… Впрочем,

его вмешательство было минимальным, а звали того макроимпа — Курт, Спаситель.

— Проект Шломо Леви стартовал около тысячи лет назад. Означает ли это, что люди сумели научиться столь многому всего за столетие?

— Я и сам был удивлен, хотя первые указания люди получали непосредственно от меня.

— Нельзя ли повторить сегодняшнюю экскурсию и еще раз посетить те далекие времена? Боюсь, я многого не заметил и многое упустил.

— Придется вам потерпеть. У ИИИМПов, которые сопровождали нас в сегодняшнем путешествии, есть и другие дела. Кроме того, мне не хотелось без нужды волновать вас, чтобы не отвлекать от занятий, поэтому я не предупредил, что на время погружения в симулированное прошлое наши основные телесные функции были приостановлены. Наши сердца едва бились, легкие не расширялись, а ведь даже тела макроимпов в конце концов начинают испытывать нужду в живительном кислороде. Мы, разумеется, вернемся туда, но позже. А сейчас давайте немного переведем дух. В буквальном смысле этого слова…

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Rajnar Vajra. Emerald River, Pearl Sky. 2007. Печатается с разрешения автора. Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2007 году.

Рэйко Хикава
ЗОЛОТОЕ КОРОЛЕВСТВО

Березовый лес с его обильной золотой листвой, казалось, озарял ослепительным светом тусклое серо-голубое пасмурное небо. Ветви шумели на ветру, золотые сухие листья танцевали в воздухе, опадая на землю. К золоту берез примешивались ярко-красные цвета листьев клена… Воздух, пронизанный прохладным ветром, был прозрачен; он и разноцветная красота деревьев оживляли каждую клеточку тела…

«Сколько лет я не любовался осенними листьями?…»

За этими золотыми деревьями взору открывалось увитое плющом высокое кирпичное здание в европейском стиле.

Мужчина отпустил такси и, подняв воротник, направился к этому зданию.

— Можно?…

Из-за стеклянных дверей старинных шкафов на него недоверчиво поглядывали восковые куклы: девушки в старинных одеждах. Ощущая на себе их взгляд, Масаги Кэйго спросил

разрешения войти.

В ответ Сирахасэ Такуя, раскачиваясь в плетеном кресле, едва заметно скривил рот в тоскливой, скучающей улыбке: «Что?»

— Что? — переспросил он снова, и гость еще более стушевался.

Хозяин был, как всегда, худ и бледен, но его глаза выглядели как-то особенно нездорово. Он болел уже давно, и, кажется, его самочувствие ничуть не поправилось за последнее время.

Сирахасэ сделал еще одну попытку улыбнуться:

— Я рад, что ты пришел… Масаги!

С этими словами он предложил гостю бокал бренди, и было непонятно, простая это формальность или проявление искреннего радушия… Скорее всего, Такуя был действительно рад появлению гостя, иначе зачем бы он вызвал его на свою виллу на окраине Каруидзава.

Они вместе учились в школе высшей ступени.[17] И он, пожалуй, действительно был единственным близким другом Масаги Кэйго в старших классах. Теперь, в отличие от Масаги, заурядного служащего, приспособившегося к рутине жизни, Сирахасэ Такуя, удалившийся от этого бренного мира, успел стать нелегким в общении человеком, и лишь милые сердцу воспоминания школьной дружбы иной раз всплывали в его памяти.

Масаги видел причины всего этого в разнице материального положения двух бывших приятелей-подростков.

Когда они посещали элитарную частную школу для мальчиков, и Масаги, и Сирахасэ обнаружили некоторое сходство душ. Для их одноклассников само собой разумеющимся было поступление в государственное высшее учебное заведение типа старого Императорского университета, а их двоих объединяло то, что они оба предавались мечтам, далеким от действительности. Кроме того, семья Сирахасэ была необычайно богата. Его состояние позволяло ему не работать после окончания учебы, а семья Масаги хоть и была зажиточной и знатной, но в ней подрастали младшие братья и сестры, поэтому он нуждался в работе и не мог позволить себе праздных мечтаний.

…В комнате, обставленной антикварной мебелью, стояли лампы с абажурами из разноцветного стекла, отбрасывающие тусклый свет. Это были лампы времен Тиффани, и Масаги вспомнил, что ему уже показывали их в предыдущий приезд.

«Здесь все по-прежнему», — подумал Масаги, окидывая взглядом просторную гостиную, создающую иллюзию присутствия в каком-нибудь старинном европейском замке.

В большой комнате с высокими потолками комфортную

температуру поддерживал климат-контроль, а кроме того, в камине тлел древесный уголь, и от его едва заметного невысокого пламени даже там, где стоял гость, ощущалось тепло. На полочке для безделушек в отблесках пламени посверкивали ряды стеклянных фигурок — они привлекали взгляд своими оригинальными красками.

И прежде, когда Масаги приглашали в этот дом, у него захватывало дух от вида великолепной коллекции… Она заметно увеличилась со времени его последнего посещения.

Нельзя сказать, что эти визиты были тягостны для Масаги. Заполоненная антиквариатом вилла являла собой подобие музея. У Сирахасэ был острый взгляд на предметы искусства, потому он имел репутацию человека, которому нельзя всучить подделку. Именитые коллекционеры доверяли ему вести свои дела.

— Говорят, ты стал писателем, — сказал Сирахасэ.

В ответ Масаги усмехнулся.

Писатель? Просто он нашел способ отношений с этим миром. Ежедневная электричка. Двое детей. Нелюбимая и сварливая жена. Книги как предмет роскоши. А тут один из литературных журналов выдвинул его дебютный рассказ на премию. Он не помышлял о лаврах маститого прозаика, не мечтал, что благодаря литературным трудам сможет выплатить долг за свой дом, в котором они сейчас живут, и поэтому не собирался бросать свою теперешнюю службу. Однако только в те недолгие часы по выходным, когда жены и детей не было дома, он мог предаться любимому делу и забыть о действительности.

— Еще немного бренди? — спросил хозяин.

Встав с кресла, Сирахасэ придержал его, но кресло продолжало как-то странно качаться.

Казалось, что место хозяина немедленно занял кто-то другой и принялся энергично раскачивать кресло. Так выглядело это движение.

Масаги молча наблюдал странную сцену. Когда в один из прошлых своих приездов он выразил удивление, ему объяснили, что этот особняк спроектирован необычно, и поэтому мебель в нем способна двигаться под воздействием потоков воздуха.

«Дом скрипит, слышны трубные звуки; из комнат, где никого нет, доносятся голоса: все это и придает ценность этому особняку», — посмеиваясь, утверждал тогда отец Сирахасэ.

Создавалось впечатление, что дом был специально построен так, чтобы в нем происходили подобные вещи.

Сирахасэ вернулся с бокалом бренди и, усаживаясь в кресло, едва заметно взмахнул рукой, будто прогоняя кого-то. Масаги, принимая бокал, испуганно отпрянул. «И все-таки он

изменился», — снова подумал гость.

— Похоже, в этом доме по-прежнему полно привидений, которые любят пошутить, — вслух заметил он.

— Ты их видишь? — спросил Сирахасэ. Масаги отрицательно покачал головой.

— Нет, не вижу. Тебе, наверное, известно, что я совершенно лишен способности обнаруживать привидения.

— Помнится, в прошлый приезд ты говорил то же самое. Однако ты, наверное, их чувствуешь?

«Нет, не чувствую», — хотел было ответить Масаги, однако непонятное ощущение заставило его вздрогнуть. Ему показалось, будто что-то надавило ему на грудь. Словно к ней прижался ребенок. А затем ему почудилось какое-то мельтешение перед глазами.

Масаги нарочито медленно поднял бокал к глазам и затем сделал один глоток.

— Не чувствуешь? — как бы подтрунивая, спросил Сирахасэ. Масаги ответил вполне серьезно:

— Не чувствую! Не пугай меня! Это что, какой-то трюк?

— Трюк? Пожалуй…

— Не говори загадками. Мы не виделись с тобой сто лет. И вдруг ты звонишь, приглашаешь к себе. Тебе что-то от меня нужно? Скажи прямо.

Отшельник, живущий в европейском доме в глубине обширных владений; загадочные сквозняки; движущаяся мебель. Возможно, здесь водятся призраки. Чем не материал для нового рассказа?

— У меня и правда есть к тебе просьба. Так, пустяк… До меня дошли слухи, что ты стал писателем. Я вспомнил, что еще в школьные годы ты много читал и здорово сам сочинял разные истории.

— И позвал меня потому, что вдруг вспомнил?…

Сирахасэ бросил быстрый робкий взгляд в ответ на шутливую реплику Масаги.

— Об этом поговорим после ужина. Я действительно рад, что ты не поленился приехать в такую даль. Как долго ты сможешь пробыть здесь?

— У меня целых три выходных. В понедельник утром откланяюсь и днем уже буду в Токио.

— Ну что ж, значит, сможешь погостить два вечера: сегодня и завтра. Я рад!

«Интересно, искренне ли он рад? — размышлял Масаги, изучая мрачное выражение лица Сирахасэ. И в школьные годы приятель был мизантропом, сторонившимся людей, а сейчас

выглядел еще более замкнутым и странным. Его голос звучал спокойно, но Масаги чутко уловил в нем какое-то напряжение. — И почему он пригласил меня именно сейчас, ведь дружба давно врозь?»

В это время неожиданно скрипнула дверь.

Дверь в гостиную сама собой раскрылась и снова громко захлопнулась. Как будто кто-то вышел из комнаты.

Обернувшись к двери, Масаги вопросительно взглянул на Сирахасэ, тот едва заметно ухмыльнулся.

Затем, как бы желая смягчить впечатление, беззаботно рассмеялся.

На ужин была свежая тушеная говядина в томатном соусе. К ней подали ароматный хлеб, который, по словам хозяина, каждое утро привозили на виллу из местной пекарни.

Так как кухня была отменной, Масаги поинтересовался, не нанял ли он повара, на что Сирахасэ ответил, что готовит все сам.

— Мне меньше всего хочется пускать в этот дом чужих людей. Только для уборки я приглашаю человека раз в неделю… — наливая в бокал красного вина, продолжал он безразличным тоном.

Должно быть, в подвалах этой усадьбы имелся огромный запас вин. От превосходной еды и изысканного вина настроение приятелей заметно улучшилось, за разговором о любимых поэтах древности первоначальная неловкость исчезла.

Загрузив посуду в моечную машину, они вернулись в гостиную, где в камине плясал приветливый огонек, и здесь, разглядывая стеклянную посуду и лампы, достойные названия произведений искусства, огромную музыкальную шкатулку и картины на стенах, Масаги задал Сирахасэ вопрос:

— Итак, какие вещи ты коллекционируешь в последнее время? Сирахасэ ухмыльнулся:

— Хочешь взглянуть? Масаги пожал плечами.

— А разве ты не хочешь похвастаться?

Самая большая радость для коллекционера — это, конечно, самому любоваться своим сокровищем, но вслед за этим обычно приходит желание продемонстрировать его и другим. Масаги помнил, что и прежде, когда ему случалось бывать в этом доме, его водили по комнатам.

Сирахасэ поднялся с места, Масаги последовал за ним.

Они прошли по коридору, устланному ковром, на котором в полутьме угадывался яркий узор. С обеих сторон коридора тянулись тяжелые деревянные двери. Хозяин с гостем вышли на лестницу, в пролете которой свешивалась с потолка хрустальная

люстра, и поднялись на второй этаж.

За огромным оконным стеклом лестничной площадки виднелись силуэты берез, утопавших в золотой листве.

Сирахасэ пригласил Масаги войти в одну из комнат.

— Здесь!

Открыв дверь, он нажал на клавишу выключателя. И тут в глубине осветившейся комнаты взгляду открылись маски. Стены комнаты были увешаны масками самых разных видов, оттенков, с самыми разными выражениями лиц. Даже при первом приблизительном подсчете их, казалось, было не меньше ста.

— Ты опять стал собирать странные чудесные вещи! — со стоном прошептал Масаги. Он не мог оторвать взгляда от этих масок, тесно висевших на стене — он изучал их одну за другой. Казалось, со стены на него смотрели человеческие лица — такое они производили впечатление.

Пожалуй, эти маски были произведениями народного искусства из разных уголков мира, изготовленные из разных материалов. Здесь были маски из соломы и из глины (по-видимому, добытые из каких-то раскопок), маски, украшенные камнями, и скорбные маски в античном стиле, шутливые маски итальянских карнавалов. А рядом с ними — личины безобразных женщин из театра Но. Каждая из них обладала невыразимо притягательной силой. Как своего рода проклятие, на каждой из них застыло какое-то одно окарикатуренное выражение человеческих эмоций: гнев, радость, смех, печаль, ненависть.

— Обрати внимание вот на эту. — Сирахасэ снял со стены одну из личин и протянул ее Масаги.

Синяя маска, вся усыпанная камнями того же цвета и с прорезями для глаз и рта, обведенными золотом. Скорее всего, это сапфировое великолепие напяливали на себя во время народных празднеств какие-то племена с островов южной части Тихого океана. Посмеиваясь, Сирахасэ сказал:

— Примерь!

Предложение Сирахасэ вызвало у Масаги некоторую оторопь, но, не желая обидеть друга, он взял маску и приложил ее к лицу. Она оказалась гораздо тяжелее, чем можно было подумать. Он ощутил прохладное прикосновение к коже лица, а поле зрения в одно мгновение сузилось.

— Что это?…

В тот момент, когда он взглянул сквозь прорези, ему привиделась бабочка с ярко синими крыльями. И тропический лес с густой влажной листвой.

В изумлении Масаги невольно сдернул маску. А затем снова приложил к лицу. Он хотел убедиться в том, что лес и бабочки

ему не почудились. Однако…

— Ну как, видел?

Сквозь прорези в маске в узком поле зрения показалось ухмыляющееся лицо Сирахасэ. Щелкнув языком от досады, Масаги снял личину.

— Ничего не видно, — ответил он, полагая, что Сирахасэ подшучивает над ним.

«Развлекаться, пугая таким образом гостей, — в этом есть что-то ребяческое», — подумал он.

— Вот как? — Взяв маску из рук Масаги, Сирахасэ вернул ее на место.

Настал черед глиняной маски буро-желтого цвета, опушенной черной бахромой, словно гривой. Хозяин приложил ее к своему лицу. Сквозь прорези на Масаги уставились глаза Сирахасэ. Они с интересом, как будто разглядывая что-то, двигались справа налево. А затем неожиданно эти глаза остановились на Масаги. Они сузились в усмешке. Они впивались в него.

Масаги почувствовал себя неуютно под взглядом бывшего друга.

Сирахасэ, сняв маску, повесил ее на стену.

— То, о чем я тебя хочу попросить, касается этой коллекции, — как бы себе под нос пробормотал Сирахасэ.

— Вот как?! — Масаги был озадачен.

Не питая склонности к общению с людьми, он выбрал своей профессией управление финансами, полагая, что ему лучше иметь дело только с цифрами. Он кое-что почитывал об искусстве, но в области музейной науки был полным профаном. Чем же он может быть полезен Сирахасэ?

— Иди сюда! — С этими словами хозяин повел его к двери в следующую комнату.

Заглянув внутрь, Масаги поднял брови. (Разве у Сирахасэ была младшая сестра? Нет, насколько он помнил, в семье друга воспитывался единственный ребенок.)

Но это была явно женская комната, скорее даже комната девочки. Маленькая, с низким потолком. Она выглядела так, будто с самого начала ее спроектировали как детскую. Гость силился вспомнить: была ли здесь такая комната прежде? Нет, он не помнил.

Ставни на окне-эркере были закрыты, белые кружевные занавески задернуты. Посреди комнаты стояла детская кровать, скрытая пологом из великолепного белого кружева. На этой кровати под атласной простыней лежала огромная кукла ростом с четырехлетнего ребенка.

Приблизившись, Масаги понял: это старинная фарфоровая

кукла необыкновенно искусной работы. На ней было совсем новое платье, украшенное нежным кружевом и лентами, по этому платью нельзя было определить эпоху, но, пожалуй, его сшили недавно. И все-таки… Это была очень дорогая вещь.

На волнистые каштановые локоны, похоже, пошли настоящие человеческие волосы. Их натуральный оттенок почему-то неприятно поразил Масаги. Затем… взглянув на ее лицо, он вздрогнул от испуга. Оно было прикрыто белой, плоской, как блин, фарфоровой маской. Маской лица девочки.

Когда Сирахасэ приподнял эту маску, под ней оказалось лицо фарфоровой куклы с закрытыми глазами. Длинные ресницы, да и само личико поражали правдоподобием, но были безжизненны и производили отталкивающее впечатление, как будто в кроватке лежал труп.

— Что же это такое? — в ужасе прошептал Масаги. Сирахасэ, пристально посмотрев на друга, произнес:

— Моя просьба касается этой девочки.

— Этой… девочки?

Масаги становилось все более не по себе.

— Эта девочка хочет послушать рассказ, — сказал Сирахасэ, печально глядя на куклу.

— Рассказ? Но есть великое множество рассказов. В мире так много книг…

— Эта девочка хочет послушать рассказ о своем оригинале, — ответил Сирахасэ. Он приложил плоскую белую маску к своему лицу и сквозь прорези пристально посмотрел на Масаги.

— Кото, — раздался сбоку тихий звук. — Кото, кото, кото… — как будто кто-то что-то передвигал, может быть, переставлял мебель.

— Мне бы следовало самому рассказывать, но… Но девочке не нравятся мои истории, Масаги. Я читал ей разные книги, показывал всевозможные вещи. Но не мог ей угодить. Она хочет услышать свое жизнеописание. А у тебя, может быть, получится? Ведь ты писатель?

Белая маска, казалось, в это мгновение улыбнулась. Разумеется, это был какой-то эффект освещения. Однако Масаги почувствовал, как от страха сжалось сердце.

— Понимаю… Я понимаю и потому сними эту маску, Сирахасэ! — не в силах терпеть, закричал Масаги.

Сирахасэ сбросил личину. Затем тихо засмеялся.

— Ты выполнишь мою просьбу? — спросил он.

— Да! Но… можно завтра? Сейчас я вряд ли что-нибудь придумаю. Подожди по крайней мере до завтрашнего вечера. Я

что-нибудь сочиню.

— Спасибо, — облегченно рассмеялся Сирахасэ.

Масаги показалось, что он услышал еле уловимые звуки топота девочкиных ножек по ковру: топ, топ, топ!

— Я рад, — пробормотал Сирахасэ. Масаги не решился на какие-то расспросы.

Утром следующего дня Масаги рано открыл глаза.

Ему послышалось, будто снаружи идет дождь, но, выглянув в окно, он понял, что это не дождь: под ветром раскачивались ветви, роняя листья. Этим утром стояла прекрасная погода: лес, весь золотой, был ослепителен.

Выйдя из комнаты в коридор второго этажа, он услышал легкий скрип: дверь той комнаты в глубине коридора, где он был накануне, открылась. Створка двери покачивалась, как бы приглашая зайти. В памяти воскресли странные впечатления вчерашней ночи: комната масок, детская комната, где на кровати лежала кукла, странная просьба Сирахасэ.

Ему захотелось убедиться, было ли это на самом деле, и ноги сами понесли его. Дверь в комнату масок не была заперта. Он обнаружил в верхней части стены маленькое окошко, которого не заметил прошлой ночью. Оттуда обильным потоком падал свет, освещая маски, висевшие по стенам. В этом свете каждая маска отбрасывала еле заметную тень, все это выглядело мрачно.

Вдруг внимание Масаги привлекла маска в углу комнаты.

Белая плоская маска, вчера прикрывавшая лицо девочки-куклы.

Масаги невольно подошел к ней поближе и протянул руку. Затем повертел в пальцах.

Держа маску обеими руками, он взглянул на ее изнанку. Обратная сторона была густо закрашена черным, как вороново крыло, цветом. Маска была тяжелой, казалось, что она сделана из фарфора. Наконец… он невольно примерил ее к своему лицу.

Но на этот раз сквозь прорези он не увидел ничего особенного: только эту комнату. С облегчением вздохнув, Масаги, все еще не снимая маски, огляделся.

Но что это?

Белая лента?

Он поспешно перевел взгляд в ту сторону. И тут увидел девочку в красивом европейском платье, отделанном старинными голубыми лентами и кружевом. Девочку, похожую на куклу. Волосы каштанового цвета. Личико миловидное — видимо, полукровка от брака с европейцем. Она дружелюбно улыбнулась гостю и прошла в ту маленькую комнату, где вчера лежала в

кроватке кукла.

Масаги снял маску.

Он увидел, как недавно закрытая дверь «кукольной» комнаты открылась. Масаги, вернув белую маску на стену, осторожно, стараясь не шуметь, заглянул в эту каморку.

Но ставни были еще закрыты, и в комнатке царил мрак. Масаги так и не решился переступить порог.

Масаги попятился и выскочил в коридор. Пока он спускался по лестнице на нижний этаж, его не покидало ощущение, что он слышит звуки шагов маленькой девочки.

— Доброе утро! — услышал он, подходя к гостиной. Сирахасэ уже встал и встречал гостя в халате, сияя улыбкой: — Я думал, ты поспишь подольше. Ну, позавтракаем?

Завтрак, который он предложил, был весьма плотным, такой обычно подают в отеле во время ланча: яйца-пашот с ветчиной, легкий салат, поджаренный французский хлеб, масло и джем, фрукты.

— Ты каждое утро готовишь это для себя одного? — спросил Масаги.

— Не только для себя одного, — ответил Сирахасэ. Ответ прозвучал как-то страшновато.

— Разве ты живешь здесь не один?

В памяти всплыл образ девочки. Но спросить Масаги не решался.

— Ты не должен сидеть безвылазно в этой деревне. Это вредно и для тела, и для души, мне кажется. Что ты скажешь, если я посоветую тебе почаще выезжать в город? — спросил гость непринужденно. На самом деле он серьезно опасался за здоровье Сирахасэ.

— Так ты понял, что здесь не все в порядке! — улыбнулся хозяин. Его тронуло участие бывшего друга. — Но именно поэтому я не могу изменить самого себя. Я старался. Однако никак… Не могу приспособиться.

Масаги, и сам отшельник по натуре, разделял чувство отчужденности от мира, присущее Сирахасэ. И все же что-то в этом доме было не так…

После завтрака Масаги гулял по усадьбе. Только шелест пляшущих в воздухе листьев нарушал тишину. И только шорох опавших листьев под ногами отзывался во всем его теле.

Мир окутан золотом, эти краски погребли под собой все в этом мире. Наверное, когда долго живешь в таком месте, постепенно пропадает желание покинуть его.

Масаги оглядел усадьбу с обратной стороны.

«Кукольная» комната, кажется, в той стороне, подумал он.

Похоже, этот старый европейский дом недавно перестраивали.

Был виден эркер. И тюлевые занавески.

Ему казалось, что оттуда кто-то смотрит на него.

Это… та девочка?

С наступлением вечера резко похолодало.

Сирахасэ с самого полудня беспрерывно бросал в очаг уголь. Разнежившись в тепле у камина и налив в чашечки кофе, Сирахасэ заговорил:

— Масаги… Ты помнишь свое обещание? Ты ведь выполнишь его?

Масаги колебался. В его воображении всплывало много разных историй. Сама ситуация вдохновляла своей загадочностью. Но какая повесть станет историей этой девочки?

— Сегодня вечером. Прошу тебя! — настаивал Сирахасэ. — Ты ведь можешь гостить здесь только эту ночь. Завтра ты должен вернуться в Токио.

На ужин хозяин опять приготовил изысканные блюда.

Холодная говядина, салат из артишоков и суп, спагетти под соусом, прекрасное вино…

Покончив с десертом, приятели перешли в гостиную. В плетеном кресле, где всегда сидел Сирахасэ, каким-то образом оказалась великолепная кукла, та самая, что лежала прежде в комнатке на втором этаже.

На кукле было другое платье, не то, что прошлым вечером. На этот раз это было голубое платье, пышно отделанное белым кружевом и лентами.

При виде куклы гость, вздрогнув, замер: сегодня она поразительно напоминала девочку в комнате с масками. Стеклянные глаза были устремлены на Масаги. Пустые, прозрачные светло-карие глаза. Руки и ноги куклы были как-то неестественно согнуты. Усевшись на диван напротив, Масаги чувствовал себя неуютно.

Сирахасэ держал в руках белую маску. Он снова приложил ее к лицу куклы, затем приладил ее так, что и лицо куклы, и вся она оказались повернуты к Масаги. В результате Масаги встретился лицом к лицу с куклой-девочкой.

Из-под маски на него смотрели глаза куклы. Глаза, уставившиеся на него сквозь прорези маски, были почти невидимы, и поэтому казалось, что это глаза живой девочки: Масаги стало не по себе.

Сирахасэ с видом заботливого опекуна сел, придвинув свой стул к плетеному креслу.

— Итак, начинай! — поторопил он Масаги.

— Подожди! Я, в общем, думал о рассказе, но… Скажи хотя

бы, как ее имя, имя этой куклы.

— Если ты имеешь в виду имя той девочки… Ее зовут Тооко.

— Тооко?

— Да, оно пишется иероглифами «ребенок» и «глаза»: «Тооко».[18]

— Тооко… Как только в душе Масаги отозвалось это имя, ему показалось, что кто-то произнес его из-под маски. У гостя перехватило дыхание. Наконец, преодолев смятение, Масаги начал говорить. Постепенно он увлекся рассказом.

Это был рассказ не о кукле, а об одной девочке, над которой тяготело проклятие: рассказ о Тооко. Эта прелестная девочка из-за своей красоты стала игрушкой судьбы, претерпев много несчастий. И наконец, ее, живую, превратили в куклу…

Рассказывая, Масаги все больше воодушевлялся повествованием. Наступала ночь. Но мрак придавал ему силы, и Масаги все рассказывал, как будто побуждаемый лунным светом.

И лишь в полночь он вдруг очнулся:

— А кому… я рассказываю?

Сирахасэ сидел неподвижно. Но это был не Сирахасэ — вдруг все отчетливее стал понимать Масаги.

На гостя пристально смотрела белая маска.

В понедельник Масаги проснулся поздно, может быть, оттого что он рассказывал до глубокой ночи.

«Пора домой», — была его первая мысль.

Багаж уже был собран. С маленьким саквояжем в руках он вышел из гостевой комнаты и собирался уже спускаться вниз, как решил еще раз заглянуть в комнату масок. Но в это утро она была заперта.

— Спасибо за вчерашний вечер. Ты мне очень помог… Тооко очень понравился твой рассказ, — мурлыкающим голосом сообщил Сирахасэ.

— Я рад, — почти в отчаянии ответил Масаги, допивая свой кофе. — Надо возвращаться в Токио.

— Завтра на службу? Сочувствую. И все-таки ты приехал. Я тебе так благодарен, дружище, — произнес Сирахасэ. В его словах чувствовалось что-то странное.

Да, странное.

— Ну, пока, до встречи, — с этими словами Масаги с саквояжем в руках собрался выйти из гостиной.

Как вдруг он увидел, что перед камином в плетеном кресле сидит девочка.

Сегодня на ней было платье цвета индиго с белыми лентами. Светло-коричневые каштановые волосы, светло-карие глаза, бледные щеки… Но это была обычная живая девочка.

— Ты видишь, Масаги? Ты видишь?

Как будто видеть такое было в порядке вещей! И тут девочка заговорила тоном умного ребенка:

— Ну конечно! Этот человек создал мою историю. Он создал меня… Он не может не видеть меня!

Легко рассмеявшись, девочка соскочила с плетеного кресла и, танцующей походкой пройдя мимо обоих мужчин, вышла из гостиной.

Масаги растерянно взглянул на хозяина. Затем сказал:

— Сирахасэ, ты странно себя ведешь. Тебе следовало бы уйти из этого дома. Повторяю, уезжай в Токио. Это ненормально. Ты понимаешь?

Сирахасэ с улыбкой кивнул.

— А может быть, ваш мир ненормален. А нормальный как раз мой. Здесь не Токио. Здесь наше королевство. Поэтому здесь хорошо.

Масаги в одиночестве выходил из усадьбы. Золотой лес обступил его. Шурша опавшими листьями, гость направился к воротам, где его ожидало такси.

Итак, он возвращается в реальную действительность, к которой, должно быть, приспособился.

У самых ворот Масаги еще раз оглянулся на европейское здание, стоящее в золотом лесу.

«Здесь действительно его королевство, — подумал Масаги. — Только — его и той девочки.

Приеду ли я сюда еще раз?

Как знать…»

Перевела с японского Ирина МОМОБРЫВЦЕВА

© Reiko Hikawa. 2003. Публикуется с разрешения автора.

Коно Тенсеи
НАШЕСТВИЕ

Отец с сыном возвращались с велосипедной прогулки. В это осеннее воскресенье они решили покататься по дальней дороге, протянувшейся вдоль реки. На обратном пути им пришлось форсировать пыльную и загазованную автостраду национального значения, за которой начинались первые кварталы ветшающей городской окраины. Теперь от собственного дома их отделяла примерно миля. Их дом был расположен по другую сторону небольшого холма, в совсем еще недавно построенном пригороде.

Времени было всего семь вечера с небольшим, но осеннее солнце уже закатывалось за горизонт, и вокруг велосипедистов торопливо сгущались сумерки. Они остановились у перекрестка под желтым светом уличного фонаря, глубоко вдыхая холодный осенний воздух.

— Ну как ты, папа? В порядке?

— Мне кажется, у меня вот-вот отвалятся ноги. Давай немного передохнем.

— А я ничего такого не чувствую.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся отец, достал из кармана сигареты и закурил.

— Где-то готовят карри! — внезапно воскликнул мальчик, принюхиваясь. — Ой, я просто до смерти проголодался, папа. Давай поедем сразу, хорошо? Здесь уже немного осталось.

— Ну что же, — сказал отец. Он со вздохом раздавил сигарету подошвой теннисной туфли и снова взялся за руль.

Отец и сын синхронно поставили одну ногу на педаль и оттолкнулись другой. И в этот миг, когда оба велосипедиста, стартуя, смотрели на дорогу прямо перед собой, по перекрестку промчалась гигантская тень. Земля сотрясалась.

Тень была окутана аурой массы, мощи, напора. Бульдозера, десятитонного грузовика.

В глазах у отца и сына запечатлелось мелькнувшее на секунду видение толстой и гладкой, почти глянцевой кожи животного и перекатывающейся под ней могучей мускулатуры.

Оба резко остановились, по-прежнему глядя прямо вперед и судорожно сжимая руль. В свете уличных фонарей ходила клубами густая пыль. Дрожь земли у них под ногами постепенно стихала, но где-то в глубине ее, казалось, все тянулось и тянулось недовольное ворчание.

Потом совершенно внезапно это глухое ворчание смолкло. Каким-то ненатуральным образом, словно выключили звукозапись. Округа вновь наполнилась звуками телерекламы, хныканьем младенцев и аппетитными запахами готовящейся еды.

«А не взглянуть ли нам?…» — одними глазами спросил отец у сына, и мальчик утвердительно кивнул. Они подкатили к перекрестку, остановились и посмотрели налево.

Цепочка фонарей, уходящих вдаль, едва горела, но этих тусклых пятен света было достаточно, чтобы увидеть взломанный асфальт. Канавы и трубы свидетельствовали о том, что здесь поработали водопроводчики или газовщики.

— Куда же оно могло подеваться? — удивился мальчик.

— Кто его знает…

Какое-то время они стояли в молчании.

— Как ты думаешь, папа… что это было? Отец пожал плечами.

— А я вот подумал, что это носорог, — сказал сын. — Для коровы оно слишком большое, семь или восемь метров в длину и вдвое выше вон того забора. Получается, три метра или даже больше в высоту.

— А! — снова сказал отец и махнул рукой. — Носорог, конечно, может сбежать из зоопарка. Иногда. Крайне

маловероятно, но в принципе возможно, однако… Разве ты не заметил, что у него два рога на голове?

— На голове?… Действительно, было похоже на пару рогов.

— Вот почему это животное никак не может быть носорогом.

— Выходит, все-таки корова? То есть бык?

— Может быть. Хотя теперь рогатый скот так просто в городе не встретишь. Но бык мог вырваться с одной из ферм по соседству, должно быть, удрал с пастбища.

— Правда, папа?

— Да, если он с разбегу налетит на грузовик… Вот это будет цирк!

— Точно!

Мужчина и мальчик еще раз посмотрели на уходящую влево улицу и старательно прислушались. Ничего. Лишь обычные мирные вечерние звуки, говорящие о тихих радостях и уюте домашнего очага. Никакого намека на то, что в городе могло произойти нечто неладное.

Отец задумчиво покачал головой. «Будь я здесь один, то наверняка решил бы, что это галлюцинация».

Наконец отец и сын молча оседлали свои велосипеды и заторопились домой. Улица стала круто взбираться по склону холма, так что им пришлось еще раз остановиться для отдыха.

Старый город остался внизу у них за спиной. Мужчина и мальчик обернулись посмотреть, но нигде не увидели ничего необычного. Ни огромной тени, ни вздымающейся пыли, и земля под ногами больше не дрожала.

— Папа, а хвост ты разглядел? — вдруг спросил сын.

— М-м… что такое?

— Разве ты не заметил? Он какой-то странный, приплюснутый!

Наконец велосипедисты доехали до вершины холма, миновали редкую рощицу, и теперь перед ними открылась широкая панорама их новенького пригорода.

Все дома здесь были недавно отстроенные и красивые, и все окна в них весело светились. Но сверху они выглядели слишком приземистыми, словно сгорбились, пытаясь припасть к земле. Наверное, так казалось из-за резкого сияния развешенных на улицах тут и там голубоватых ртутных ламп.

Мать уже приготовила ужин.

— Да что вы говорите? — Ее рука застыла на полпути к тарелке. — Это было животное? Такого размера? — Она подозрительно поглядела сперва на отца, потом на сына.

— Да, мама! Такое большое, что я сразу подумал про носорога!

— Носорог? Но это ужасно. Должно быть, весь старый город взбудоражен.

— Представь себе, там все спокойно. Даже шума больше не слышно, он прекратился буквально в одно мгновение.

— Правда-правда! Как будто мы до этого вообще ничего не видели и не слышали.

— Но так ведь не бывает. А, теперь я поняла! Вот почему вы наперегонки помчались к телевизору. И что, сообщили о вашем чудище в новостях?

— Ни единого слова. Но, вероятно, еще рано, слишком мало времени прошло.

— Ох, папа, оно непременно должно попасть в теленовости! Семь-восемь метров в длину и высотой по крайней мере три метра!

— По-моему, ты сильно преувеличиваешь, — сказала сыну мать. — Разве ты когда-нибудь видел корову подобного размера? Или хотя бы слышал о такой? Нет, это просто ваши дурацкие шуточки! Вы оба меня разыгрываете, да?

— Вовсе нет, мама. Мы все видели собственными глазами, ведь правда, папа?

— Правда. И разве плохо, если это окажется корова? Из нее можно будет нарезать бифштексов на пятьсот человек или даже больше.

— Ох, прекрати! Повеселились и хватит, я уже все поняла.

Женщина громко, заливисто расхохоталась. Отец и сын переглянулись. Когда мать перестала смеяться, отец издал короткий и резкий смешок.

— Ну, в общем, вряд ли это имеет значение. Наверное, сперва случился подземный толчок, а после эта штука вдруг проскочила мимо нас. Мы оба были в шоке, разумеется. Понятно, это была не собака и не свинья, а животное довольно крупного размера, но оно показалось нам гораздо больше из-за тени, которую отбрасывало под фонарем. Логично?

— Да, папа.

Сын кивнул, хотя не был удовлетворен таким объяснением, уткнулся в тарелку и прилежно заработал палочками.

По телевизору стали показывать варьете. Скудно одетая девушка-евразийка, размахивая руками и ногами, пела гнусавым, напряженным, завывающим голосом. Глядя на экран, мать вновь пронзительно расхохоталась.

— Что-то смешное?

— Эта певица! Она только что прочистила свой нос!

— И что же это означает?

— Ты вчера мне сам говорил или нет? Ты сказал, что эта

певица так дудит в свой нос, что ей надо почаще его продувать. Я подумала, что не слышала от тебя ничего глупее, а сейчас… Ведь она действительно высморкалась, это так смешно!..

Женщина снова покатилась со смеху, а мужчина и мальчик вежливо улыбнулись и опустили глаза.

Отец просидел в гостиной полночи, неспешно прикладываясь к бутылке. Жена и сын давно отправились спать, а на него отчего-то напала бессоница. Он устроился в кресле поудобнее, положил ноги на электрический камин и лениво попивал виски, время от времени подливая себе в стакан. Наконец по телевизору начались последние новости, однако, как он и предполагал, там ничего не сказали про гигантскую тень, бегающую по городу.

«Неужели и вправду почудилось? Сразу двоим?»

Алкоголь впитывался в каждую клеточку ноющих мышц, окутывал теплом его усталое тело. И в какую-то минуту, сам того не заметив, отец задремал.

Кто-то начал продувать свой нос. С постоянно растущим напором, все громче и громче, пока этот нос не запел с грубым хрипом, на манер басовой трубы. «Это уже не шутки! Ни одна певица не стала бы так сморкаться. Все это мне снится, разумеется…» Его мозг продолжал колыхаться между сном и бодрствованием, однако теперь к трубному гласу добавился утробный стон, словно долетевший из пещеры. «Ну нет, это вовсе не голос певицы… Что происходит?»

Он резко открыл глаза.

Стон.

Хрип.

Стон.

Хрип.

И снова.

И снова.

Отец взглянул на экран: станция уже прекратила работу, и там крутился электронный смерч из светлых и темных песчинок. Он выключил телевизор и прислушался.

Звуки доносились снаружи.

Тогда он слегка раздвинул занавески и глянул в щель.

Странные, растрепанные растения заполонили их крошечный садик, размером чуть больше кошачьей подстилки. А дальше, за его оградой, смутно проступала гигантская черная тень, и огромный глаз таинственно мерцал в темноте, невероятно живой и пронзительный.

Это существо действительно немного походило на носорога.

Но только рог у него на носу был гораздо острее, а челюсти

под рогом загибались книзу, образуя нечто вроде клюва большой хищной птицы. Изо рта в холодный ночной воздух клубами вырывалось мерное могучее дыхание, что ужасно напоминало паровой локомотив.

Массивная голова, смахивающая на буйволиную, составляла добрую треть тела и венчалась парой длинных острых рогов, копьевидно нацеленных вперед. Шея, горло и грудь были прикрыты шлемовидным костяным щитом. Такого ему еще никогда не доводилось видеть ни у какого другого животного.

За спиной у отца отворилась дверь.

Он обернулся и увидел сына. Мальчик уже напялил брюки поверх пижамы и вопросительно взглянул на отца, торопливо натягивая свитер.

— Оно здесь? — спросил он страшным шепотом.

— Здесь.

Отец отодвинул край занавески и подбородком указал на темный силуэт за окном.

Колоссальное животное легонько поскреблось об изгородь кончиками рогов. Оно проделало это дважды. Трижды. Затем неторопливо развернулось к ним боком и медленно тронулось в путь по улице. Словно тяжелый танк, скрытно выходящий к рубежу ночного сражения.

В ограниченном поле зрения наблюдателей неспешно проплыл фрагмент коричневого туловища. Затем проследовали гигантские, могучие ляжки и потянулся свисающий с крупа толстый и тяжелый, как у ящера, хвост, постепенно сужающийся до тоненького кончика.

Под толстой безволосой кожей животного отчетливо шевелились мускулы.

— Это не корова, — сказал наконец сын сдавленным голосом. — И не носорог.

— Должно быть, это динозавр. Мне в голову больше ничего не приходит.

— Динозавр, так думаешь?… Но тогда я наверняка видел его в своих книжках! Он какой-то знаменитый. Но только это не аллозавр и не стегозавр…

— У него есть что-то вроде клюва, и зубы не особенно впечатляют.

— Рот в виде клюва?

— Вот именно.

— Трицератопс! Динозавр с тремя рогами. Все сходится, папа: два на макушке и один на носу, как раз и получается три.

— Значит, это он. Трицератопс.

Трицератопс, который жил и сражался за собственную жизнь

семьдесят миллионов лет назад, участвуя в бесконечной борьбе за выживание в меловом периоде мезозоя, когда процветал и самый жуткий хищник из всех когда-либо порожденных Землей, великий и ужасный Tyrannosaurus rex.

Трицератопс, массивный, но незлобивый пожиратель растений, закованный в самую могучую защитную броню, которая когда-либо доставалась земному животному.

В данный момент он лениво передвигался по городской улице, и можно было посмотреть на это собственными глазами.

— Подойдем поближе?

— Конечно!

Отец и сын выскользнули наружу. На улице оказалось довольно холодно, но безветренно.

Всего в десятке метров перед ними мерно раскачивались крутые холмы трицератопсовых бедер, а следом тащился хвост, толстый, как телеграфный столб. Они не могли видеть голову зверя из-за широкого костяного ошейника, но по походке было ясно, что голова опущена, рога выставлены, а передние ноги слегка подогнуты в готовности немедленно отреагировать на опасность.

Наконец трицератопс добрался до конца улицы и уперся в высокую каменную стену, справа и слева от которой возвышались стены соседних домов.

Это был тупик.

«Ему придется повернуть назад!»

Они стали отступать к калитке, но тут же замерли на месте в изумлении.

Трицератопс не остановился. Голова его, прикоснувшись к поперечной стене, легко и плавно погрузилась в твердую поверхность. Потом исчез костяной ошейник, передние ноги, в стену непринужденно нырнуло туловище, вплоть до объемистого крупа, пропали задние ноги… И наконец потихоньку, дюйм за дюймом, в каменной стене растворился хвост, от основания до тоненького кончика.

Трицератопс пропал. Без всякого следа.

Утром отец заторопился на работу, а сын в школу, и они вышли из дома одновременно.

Обменявшись красноречивыми взглядами, они подошли к каменной стене, перекрывающей дорогу. Постучали по ней, пощупали тесаные камни, но не обнаружили ничего необычного.

Стена стояла нерушимо, как скала, твердо блокируя путь.

Не обнаружилось никакого ущерба ни в беленых стенах боковых домов, ни в застекленной террасе дома, стоящего за

поперечной стеной.

— Я читал о случайных проходах между разными измерениями, — сказал мальчик.

— М-м… да. Но это всего лишь гипотезы.

— Почему гипотезы?

— А что такое, по-твоему, гипотеза? Это когда ты говоришь, что вещи могут быть устроены так или этак, но не можешь ничего доказать.

— Значит, проходов между измерениями не бывает?

— Видишь ли, кто-то выдвинул такую идею. Может быть, они существуют, а может, и нет. Но если ты полагаешь, что они все-таки есть, тогда эта стена является линией контакта. Или порогом между нашим миром и миром трицератопсов, который существовал десятки миллионов лет назад. Однако на самом деле ты волен объяснить это явление любым другим способом, который тебе понравится.

— Каким, например?

— Допустим, ты говоришь, что мир, в котором мы с тобой живем, и мир трицератопсов существуют одновременно. Тогда не надо скакать взад-вперед через случайно возникающие и пропадающие пороги, потому что мы и трицератопсы пребываем в одном и том же времени, но только с крошечным сдвигом. Вот почему мы иногда можем заглянуть в иной мир, а его обитатели способны увидеть нас. И эта вторая гипотеза, как мне кажется, гораздо лучше объясняет положение вещей.

— Почему?

— Видишь ли, я всерьез задумался на эту тему сегодня утром, когда ощутил в квартире резкий запах животного. И вспомнил, что чувствую его уже не в первый раз. Это происходит уже два или три месяца.

— Ты хочешь сказать, что трицератопс входил в наш дом?

— Вот именно.

— А другие тоже могут его увидеть? Как мы?

— Может быть. Но ты знаешь, как устроены человеческие головы. Мы, люди, обычно стараемся отрицать абсолютно все, что принято считать невозможным. Это своего рода защитный инстинкт. Поэтому, если мы даже что-нибудь такое видим или чувствуем, то автоматически выбрасываем из сознания. Предпочитаем не видеть, не слышать, не знать… А если ты видишь или слышишь то же самое второй, третий раз, на выручку приходит так называемый здравый смысл, и тогда ты смеешься и говоришь: «Это все нервы!» или «Что за идиотская мысль!». На том все и кончается.

— А если не кончается?

— Тогда ты становишься изгоем. Приличные люди больше не желают иметь с тобой дело.

Мальчик задумчиво кивнул, а потом вдруг рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Да, в общем, ничего. Просто я подумал о маме. Я, конечно, ничего не сказал ей о том, что видел ночью. А если бы рассказал? Что бы тогда произошло, как ты думаешь?

Теперь улыбнулся и отец.

— Боюсь, ничего хорошего… Всякие неприятности. Визит к психиатру. Разве только она сама вдруг увидит ту же картинку.

— Думаю, мне не следует рассказывать об этом и моим друзьям.

— Разумеется. А теперь пойдем, уже пора. Вечером у нас найдется время побеседовать.

Отец и сын дружно зашагали по улице, перебрасываясь шутливыми репликами и радостно хохоча по пустякам. И каждый раз, завидев соседей, весело восклицали:

— Доброго вам утра!

— Доброе утро!

После той ночи отец с сыном часто видели динозавров. Иногда, любуясь закатом, они замечали промелькнувший силуэт внушительного крылатого создания, именуемого птеранодоном. Однако из тех тварей, что предпочитали топтать землю, им на глаза попадались исключительно трицератопсы.

Местные условия обитания, по-видимому, больше всего привлекали именно этот вид динозавров. Однажды один из них мирно задремал в гараже: голова огромного зверя странным образом совместилась с их семейным автомобилем, и казалось, будто сама машина отрастила рога и забавно похрапывает. Они видели, как другой гигантский динозавр осторожно перешагнул через голову напуганного, громко плачущего ребенка.

Все эти видения неизменно оказывались трицератопсами. Иногда отец и сын замечали их даже среди бела дня, но только в виде неясных бледных теней, лишенные всяких красок динозавры важно прогуливались по залитым ярким солнечным светом улицам.

Но даже когда динозавров совсем не было видно, их тем не менее можно было услышать и обонять. Густой, всепроникающий животный запах. Низкое раскатистое ворчание. По ночам то и дело какая-нибудь самка трицератопса принималась издавать звучные музыкальные клики, призывающие брачного партнера.

— Вы с отцом в последнее время только и делаете, что шушукаетесь! Что-то происходит? Что вы от меня скрываете?

Бывали дни, когда мать просто изводила сына подобными вопросами, но мальчик улыбался и неизменно отвечал:

— Да нет, мама, ничего особенного.

В один из таких дней отец с сыном пришли к выводу, что лучше всего взять велосипеды и убраться из дома. Снова был воскресный вечер, как тогда, когда им впервые повстречался трицератопс, однако на сей раз они не поехали к реке, а решили покататься в окрестностях. По пути домой велосипедисты, как обычно, миновали чахлую рощицу на вершине холма и внезапно резко затормозили, когда перед ними развернулась панорама знакомого пригорода.

Оба застыли, как вкопанные, полностью лишившись дара речи.

Там было полно трицератопсов. Они сгрудились во всех городских кварталах, и каждый дремлющий зверь уютно накрывал собой свой собственный дом. Их гладкая кожа в холодном свете ртутных ламп отливала яркой изумрудной зеленью, мерно вздымаясь и опадая в такт могучему дыханию динозавров. То один, то другой ненадолго приоткрывал глаза, и каждый раз, когда приподнимались тяжелые веки, зрачки вспыхивали рубиновыми розами. Возможно, из-за особого вида пигмента родопсина, который встречается у некоторых разновидностей крокодилов.

Это было видение невообразимой, фантастической, пронзительной красоты. Словно им радостно подмигивали огромные алые светлячки, вольно рассыпавшиеся по городу.

— Как ты думаешь, папа, — спросил наконец мальчик, — они нас видят? И зачем они пришли?

— Думаю, они способны видеть людей и ощущать наш мир, как мы видим и чувствуем их. Возможно, они просто замерзли и захотели погреться…

— По-моему, папа, это похоже на правду.

— Нет, это просто невероятно! Люди выходят из брюха динозавра, чтобы отправиться на работу или в школу. И возвращаются назад в это брюхо, чтобы пообедать, поглядеть телевизор и поспать!

— Но ведь так оно и есть. Эй, если на то пошло — моя комната в самой заднице динозавра!

— Сынок, не стоит волноваться по пустякам.

— Когда они здесь, все выглядит так мирно! Внешность у них, может быть, и свирепая, но я еще ни разу не видел, чтобы трицератопсы дрались.

— Трицератопсы даже не бегают, насколько я заметил.

— Верно, папа! Только тот первый, которого мы увидели

тогда в старом городе.

— Хотелось бы мне знать, от кого он так шустро удирал, — задумчиво сказал отец.

— Но с тех пор все тихо и спокойно. Особенно сегодня.

— Да, сынок. Нет ничего на свете лучше мира и спокойствия.

Но мир и спокойствие оказались недолговечными.

Это произошло в тот день, когда сильный ветер принес тучу желтого песка с континента. Воздух помутнел, а солнце стало цвета крови. Тяжелый, очень неприятный день.

В этот день мальчик, возвращаясь домой от приятеля и рассеянно взглянув с вершины холма на национальную автостраду, заметил дюжину странно бегущих динозавров. Они бежали как страусы, на задних ногах, вздымая густые клубы пыли, а длинные, высоко задранные хвосты летели вслед за ними по воздуху.

— Это наверняка были тиранозавры! У них здоровенные, мощные задние ноги, а передние — совсем крошечные и костлявые. Будто для украшения. Морды в форме чемодана, и пасть раскрывается широко, как чемодан. Тиранозавры, это точно. И они бежали очень-очень быстро. Добежали до самой станции!

— Гм, мы живем не так уж далеко от железной дороги. Но я только что вернулся домой и по пути не заметил ничего необычного. Даже наш трицератопс в гараже ведет себя как всегда. Открыл один глаз, поглядел на меня и снова заснул.

— Но я действительно видел!

— Может быть, они проскочили через старый город и побежали дальше?

— Не думаю, я бы увидел. Нет, они просто добежали до станции и внезапно пропали из виду.

— Да… В таком случае… — Отец нахмурился и скрестил руки на груди. — Возможно, конечно, что они все еще слоняются где-то поблизости. Или же, что вполне вероятно…

— Лучше пойдем и посмотрим, — предложил сын.

— Вы, двое! Опять что-то задумали? — раздался голос матери.

Мужчина и мальчик широко улыбнулись, поспешно вскочили на велосипеды и помахали женщине рукой.

Они доехали до станции очень быстро, но не обнаружили там никаких тиранозавров. Немного понаблюдав за привокзальной площадью, они снова оседлали свои машины и не спеша покатили домой.

Неподалеку от станции в овраге протекал небольшой ручей. Этот овраг целиком перекрыли плитами и устроили в самом его

начале детскую игровую площадку. Остальная часть длинного крытого дренажа сформировала нечто вроде второй пешеходной дороги, которая тянулась в обход холма почти до самого пригорода.

— Давай поедем там, папа…

Отец и сын медленно нажимали на педали. Колеса их велосипедов подпрыгивали, попадая в зазоры между плитами, и лучи передних фар начинали беспорядочно метаться.

Через какое-то время до слуха велосипедистов донесся странный шум. Плеск воды, вроде звука небольшого водопада, к которому октавой ниже присоединялось хрюканье обширного стада свиней. Минутой позже они почувствовали, как земля заколебалась и загудела.

Отец и сын взглянули вниз, внезапно осененные одной догадкой. Потом соскочили с велосипедов и бросились к металлической крышке лючка воздушной вентиляции.

ОНИ бежали под железобетонными плитами, бешено расплескивая мутную воду. Мокрые бока тиранозавров глянцевито лоснились, шеи были жадно вытянуты вперед. Стадо неслось на пригород неудержимым потоком, целеустремленным и бесконечным, как лента конвейера.

Все тиранозавры бежали по руслу ручья. Та группа, которую сын заметил у автострады, по-видимому, была лишь случайно отколовшейся колонной и воссоединилась с главным боевым корпусом на станции.

— Это плохо.

— Очень-очень плохо.

Отец и сын крутили педали как проклятые, хотя никакие старания ничего уже не могли изменить.

Когда они подъехали к пригороду, прямо перед ними развернулось незабываемое зрелище: бесчисленные тиранозавры, перепачканные мокрой глиной, молниеносно, с грацией танцоров, выскакивали наружу из железобетонных плит, и все это ужасно походило на могучий гейзер, напористо выбрасывающий к небесам мощную струю мутной воды.

Все дома по эту сторону холма внезапно зашевелились.

Трицератопсы восстали ото сна, и великая битва началась.

Отец и сын видели, как трицератопс, низко опустив голову, тяжело рванулся вперед и всадил свои острые рога в сонную артерию атакующего тиранозавра. Толстая струя крови ударила фонтаном, как из пожарного шланга. Смертельно раненый хищник отпрянул, взревел, хлестнул длинным хвостом и в гигантском прыжке упал на противника. Он выцарапал

трицератопсу глаза одним ударом крючковатых когтей своих недоразвитых передних конечностей.

Три тиранозавра терзали гигантскую тушу трицератопса, лежащую на улице всего в десятке метров от их собственного дома. Острыми, словно бритвы, зубами они вырывали огромные куски мяса из объемистого брюха, уже располосованного когтями кошмарных рептилий. По асфальту текла темная, дымящаяся река крови.

— Папа! — пролепетал сын дрожащим голосом. — Неужели это наш трицератопс?…

— Боюсь, что ты прав, — сухо сказал отец.

Сраженный тиранозавр упал перед самой их калиткой. Отец с сыном провели мимо него свои велосипеды, опасливо наблюдая за злобными, налитыми кровью глазами издыхающего чудовища. Его светлое, теперь беззащитное брюхо судорожно подергивалось.

Бойня продолжалась всю ночь.

Даже за громогласными взрывами веселого хохота, сопровождающими телевизионный конкурс певцов, отец и сын не могли не слышать хриплых победных криков убийц и тоскливого, пронзительного визга умирающих.

К утру уже все было кончено. Везде, насколько можно было увидеть, валялись бесчисленные трупы трицератопсов и тиранозавров. У некоторых еще подергивались кончики хвостов, у других в конвульсиях шевелились выпавшие наружу внутренности.

Почти все тела трицератопсов были жестоко изувечены. Вспоротые, изодранные животы, вскрытые грудные клетки и обглоданные ребра. Массивные костяные ошейники изломаны и разбиты. Но большинство тиранозавров погибли в полной своей красе, лишь с глубокими колотыми ранами в области сонной артерии и желудка.

После этот жуткой битвы обнаружилась горстка живых динозавров, но никто из них не вышел из нее уцелевшим. У выживших просто не осталось сил, чтобы сражаться.

Один тиранозавр, с ненатурально вывернутой и ободранной до мяса ногой, все еще продолжал злобно рвать и громко, торопливо глотать требуху поверженного трицератопса. Подле него валялся труп его боевого товарища, весь в запекшейся крови и с зияющей раной на шее. А всего лишь метрах в пяти от них старый трицератопс, лишившийся в схватке глаза, вяло пощипывал зеленую травку. Из пустой глазницы гиганта обильно сочилась сукровица.

Время от времени неистово жрущий тиранозавр поднимал голову и с горьким упреком взирал (хотя, возможно, это только

воображение) на мирно пасущегося трицератопса.

ЕСЛИ ВЫ ЕДИТЕ ЭТУ ДРЯНЬ, ЗАЧЕМ ВЫ НАС УБИВАЕТЕ?

Отец и сын почти услышали могучий скорбный голос, произносящий эти слова.

И здоровый глаз трицератопса, казалось, отвечал на это:

ЕСЛИ У ВАС МНОГО ЕДЫ, ЗАЧЕМ ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ НАС УБИВАТЬ?

Отец и сын медленно плелись к железнодорожной станции. Они уже почти спокойно проходили сквозь трупы, если те не истекали больше кровью. Но огромные внутренности тиранозавра в кровавой луже посредине дороги, словно взрывом выброшенные из разодранного брюха… Это было уже чересчур. Поколебавшись немного, они сошли на обочину, чтобы собраться с духом и обойти это жуткое место.

Женщина в модных белых брюках, громко цокая каблуками, прошла мимо них по залитой кровью дороге. Обернувшись, она бросила подозрительный взгляд на застывших на обочине мужчину и мальчика.

За ней по кровавой луже прокатился микроавтобус, заполненный щебечущей малышней.

А затем за ним вприпрыжку пробежал младшеклассник, весело распевая рождественскую песенку.

Жаворонок вьется в небесах,
Бог нас ожидает в небесах.
Этот мир, мир земной, не значит ничего.

Перевел с японского Михаил АСТАФЬЕВ

© Kono Tensei. 2001. Публикуется с разрешения автора.

ВИДЕОДРОМ

Убить Болла

«Худший кинематографист современности», «Эд Вуд наших дней», «великий губитель игровых сериалов» — список нелицеприятных эпитетов по отношению к немецкому режиссеру Уве Боллу можно продолжать еще долго. Меж тем человек горячо любит фантастику, и уже это заставляет приглядеться к нему попристальнее. А вдруг все не так просто?…

Поклонникам кинофантастики Уве Болл знаком как создатель трэш-хоррора «Дом мертвых», мистического триллера «Один в темноте» и вампирского боевика «Бладрейн». На каждый из этих фильмов, снятых по мотивам компьютерных игр, вылили столько помоев, что любой режиссер на месте Болла воспламенился бы от стыда и навсегда позабыл дорогу на киностудию. Но немец по-прежнему в строю и, к разочарованию возмущенных геймеров и киноманов, уходить на покой не собирается. Он упрям, самоуверен и готов с кулаками защищать собственные ленты.

Но вот что интересно: в свое время именно этого немецкого неудачника рассматривали в качестве режиссера римейка «Кинг Конга». Правда, как пожаловался герр Болл, его опередил какой-то австралиец Питер Джексон. И, невзирая на все невзгоды, киноведы с интересом следят за ходом работы над экранизацией фэнтезийной ролевой игры «Dungeon Siege».

Рождение героя

Уве Болл родился 22 июня 1965 года в небольшом немецком городишке Вермельскирхен. До того как нынешний его почетный житель «прогремел» на весь мир своими экранизациями, городок был известен лишь тем, что под Рождество там наряжали самую высокую елку в мире. В тот же год произошло событие, в дальнейшем непосредственно повлиявшее на судьбу немца: в продаже появились пленка Super-8 и доступные любительские кинокамеры. Благодаря новому формату практически любой желающий мог снять собственное простенькое кино.

Снимал и юный Болл. Его первые короткометражки «Смерть» и «Самоубийство» получили одобрение близких и родных, после чего он уже больше никогда не задумывался над выбором профессии. Конечно, не обошлось и без детских впечатлений от посещений кинотеатров. У каждого режиссера, сценариста и оператора наверняка найдется фильм, навсегда связавший его судьбу с кинематографом. Так, создатель «Города грехов» Фрэнк Миллер загорелся кино, посмотрев «300 спартанцев». Для Болла таким фильмом стал «Мятеж на Баунти».

В результате герр Болл поступил в Мюнхенский университет на факультет режиссуры. Но не проучился там и полугода. По словам Болла, он хотел снимать кино, а не слушать нудные лекции по теории и истории синематографа. «Между мной и преподавателями лежала целая пропасть, — считает режиссер. — Они все находились под слишком большим влиянием европейского арт-хауса». Чтобы не огорчать любимых родителей, Болл все же продолжил обучение. В1995 году, в возрасте 30 лет, он окончил Кельнский университет, получив докторскую степень по литературоведению. Стоит заметить, что эти степени в России и на Западе неравнозначны. По нашим меркам «доктор Болл», как его часто называют, вышел из университета лишь кандидатом наук.

Пять минут славы

Первый полнометражный фильм Болла увидел свет в 1991 году. Пародийную комедию «Немецкое жареное кино», созданную за 60 000 марок, дистрибьюторы наотрез отказывались брать, и молодому амбициозному режиссеру приходилось обходить кинотеатры, дабы запустить картину в прокат. Упрямство помогло Боллу протолкнуть фильм, который… в первую же неделю проката окупился и вышел на 4-е место по сборам в Германии!

После «Немецкого жареного кино» Болл снял три

посредственных фильма: «Безумие» (1992), «Баршель — убийство в Женеве?» (1993) и «Первый семестр» (1997). Спустя три года появилась его первая англоязычная работа «Весельчак» — триллер категории «Б», демонстрировавшийся только по телевидению. Затем, в 2002 году, в широкий прокат вышел еще один триллер «Сумрак разума». Эти ленты не получили и толики успеха дебютной работы, о них быстро забыли, но упрямца неудачи не испугали.

В 2003 году в Сан-Франциско на фестивале независимого кино немец представил фильм «Сердце Америки», посвященный массовым расстрелам в американских школах. Никаких наград картина не собрала, зато имела настоящий успех у публики.

За время своих злоключений Уве Болл написал несколько книг, в том числе «Как снять кино в Германии», поработал пять лет продюсером и вместе с верным другом Франком Люстигом основал кинокомпанию Boll KG Productions, которой руководит и по сей день.

Невиновный

В перерывах между съемками герр Болл частенько мучил джойстик игровой приставки. Однажды нашему герою случилось поиграть в популярную стрелялку «House of the dead». Игра, все действие которой сводилось к беспрерывной стрельбе по ожившим трупам, приглянулась режиссеру в качестве объекта для экранизации. Не лишенный коммерческой жилки немец смекнул, что фильмы про зомби переживают новое рождение. Дэнни Бойл был обласкан критикой за «28 дней спустя», «Обитель зла» Пола Андерсона сделала неплохие сборы, и Болл не удержался от соблазна получить свой кусок пирога, попутно купив лицензии на экранизации еще нескольких игр. Путь к обогащению и славе был выбран правильно, но способы достижения цели сыграли с Боллом злую шутку.

Экранизируя «Дом мертвых» (2003), немец совершил две роковые ошибки. Во-первых, переоценил привлекательность брэнда. Во-вторых, не смог перенести в картину дух и сюжет игры, сделав фильм малоинтересным для геймеров. К этим просчетам добавились невразумительный сценарий, посредственная игра актеров и дешевенькие спецэффекты. Куда ушли 10 миллионов долларов бюджета, не поняли ни разочарованные поклонники игры, ни шокированные кинокритики. Картина потерпела фиаско.

Провал первой экранизации ничему не научил Болла.

Последовавшие за «Домом мертвых» работы «Один в темноте» (2005) и «Бладрейн» (2005) отличались лишь внушительным списком ролей в исполнении полузабытых звезд вроде Кристиана Слейтера и Майкла Мэдсена. Другие очевидные ошибки сохранились. Последствия такого отношения к киноадаптациям популярных игр были печальны. Обе экранизации обосновались во всевозможных антитопах, а за Боллом закрепился статус худшего режиссера всех времен и народов.

Деньги на ветер

Казалось, после столь громких провалов любая маленькая киностудия непременно пошла бы на дно. Но только не студия немца. Долгое время зрители и критики не понимали, кто и почему продолжает финансировать бесперспективные проекты «доктора». Ответ оказался прост, его произнес сам режиссер. Оказывается, много лет в Германии действовал закон, позволяющий подобным киностудиям держаться на плаву. По закону любая компания, инвестирующая деньги в немецкое кино, получала значительные налоговые льготы, причем, что интересно, оставалась «при своих» даже в случае провала фильма. Государство компенсировало потери из собственных средств, а отчисления в казну шли только с дохода от проката картины. Естественно, при отсутствии всякого риска немецкая киноиндустрия стала невероятно популярной среди инвесторов.

В конце 2005 года лазейку решили заделать. Геймеры и киноманы возрадовались в надежде, что больше никогда не увидят отвратительных экранизаций. Но, как выяснилось позже, поблажки были отменены только для зарубежных компаний, настырного Уве Болла ужесточение закона никак не коснулось.

Последний довод режиссера

Узнав, как и где Уве Болл берет деньги, киноманы подняли и без того опечаленного немца на смех, а острые на язык киноведы получили еще один повод для атаки его «недооцененных шедевров». С каждым новым фильмом вал критики рос. Рецензенты не стеснялись в выражениях. «Сказать, что «Один в темноте» лучше, чем предыдущий фильм Уве — все равно что похвалить сифилис за то, что тот не является СПИДом», — написал один из них.

В результате «непонятый гений» разозлился не на шутку и

сменил режиссерское кресло на боксерский ринг. Особенно язвительные критики (в основном с известного сайта imdb.com) получили приглашение на поединок. В черный список Болла попал даже Квентин Тарантино, отзывавшийся о творчестве немца не лучшим образом. В итоге «ответить за базар» рискнули пятеро смельчаков. Правда, принимая вызов, все они думали, что это всего лишь шутка неудачника-режиссера. За что и поплатились. Каждый был безжалостно избит воинствующим немцем, который, в отличие от оппонентов, долгое время серьезно занимался боксом. Особо жестокие моменты поединков вошли в очередную экранизацию кроваво-шизоидной игры «Postal».

Game over

Расправу с критиками можно будет посмотреть уже в этом году. Помимо побитых рецензентов, в новом творении Болла будут присутствовать террористы Аль-Каиды и стреляющие друг в друга ученики американской школы. Комментируя киноадаптацию «Postal», Уве Болл назвал якобы истинную причину своей необъятной любви к фильмам по мотивам видеоигр: «Я пытаюсь доказать, что игры — это те же самые книги, только для подрастающего поколения. По ним можно и нужно снимать фильмы. Однако каждая моя попытка сделать соответствующее кино встречает сплошные недовольные крики, мол, снимать такие ленты — преступление. И это вместо того, чтобы искренне радоваться выходу экранизации любимой игры!»

Известно также, что в конце нынешнего года Болл обрадует поклонников фантастики первой частью киноадаптации ролевой фэнтези-игры «Dungeon Siege». Рекламные ролики «Во имя короля. История осады подземной тюрьмы» обнадеживают (?), бюджет в 60 млн долларов вселяет оптимизм (?). Впрочем, все прежние «дразнилки» к фильмам немецкого экранизатора тоже смотрелись неплохо… Правда, не в пользу грядущей ленты говорит и банальная завязка. Путешествуя по волшебному миру, главный герой Фармер Дэймон в исполнении Джейсона Стэтэма должен найти похищенную жену и отомстить за убитого сына. Не стоит также забывать, что дармовые деньги немец пока тратить не научился.

Некоторое время ходили слухи, что Болл возьмется за киноадаптации таких сверхпопулярных игровых сериалов, как «Metal Gear Solid», «Half-Life» и «Halo». Однако дальше слухов дело не пошло. Как выяснилось, создатели фантастического 3D

шутера «Half-Life» и слыхом не слыхивали о планах экранизатора. Автор и продюсер стэлс-боевика «Metal Gear Solid» заявил прямо: «Это невозможно, чтобы мы когда-либо снимали вместе с ним фильм!» В случае с другим фантастическим шутером «Halo» немца опять опередил Питер Джексон.

Однако до последней игровой киноадаптации, сделанной Боллом, еще далеко. Видимо, стараясь попасть в книгу рекордов Гиннеса в качестве самого плодовитого киноадаптатора игр планеты, уже в 2008 году неудержимый немец грозится выпустить целых три ленты по мотивам видеоигр, причем две из них — сиквелы к его собственным работам. Продолжением обзаведутся «Один в темноте» и «Бладрейн». О новых похождениях детектива Эдварда Карнби подробностей нет, Болл лишь отметил, что, скорее всего, ограничится продюсированием и полностью сменит актерский состав. Сценарий другого сиквела он пишет уже не первый месяц. Точно известно, что рыжеволосая истребительница вампиров Рейн спустя век после событий оригинала отправится на Дикий Запад. Чем она там будет заниматься, помимо привычного истребления кровососов, пока остается тайной. Главная роль на сей раз достанется не Кристанне Локен, а Натассии Мальте (ее можно было увидеть в экранизации файтинга «Живой или мертвый»). Наконец, третьей жертвой станет популярный шутер «Far Cry». Действие, как и в игре, будет происходить на затерянном тропическом острове, останется и беспорядочная стрельба по мутантам, а вот будет ли киноадаптатор точно следовать довольно интересному сюжету игры — неизвестно.

По признанию Болла, эта экранизация станет последней в его карьере, дальше он намерен заняться исключительно авторским кино. А ведь может получиться современный Эд Вуд, покоряющий арт-хаусные вершины… Что-то, несомненно, будет: то ли дикий трэш, то ли внезапный, взявшийся ниоткуда успех. Все — как в его бесшабашной извилистой судьбе.

Алексей СТАРКОВ

РЕЦЕНЗИИ

ГИБЕЛЬ ЯПОНИИ

(NIHON CHINBOTSU)

Производство компании Toho (Япония), 2006.
Режиссер Синдзи Хигучи.
В ролях: Цуёши Кусанаги, Коу Сибасаки, Ецуси Тоёкава и др.
2 ч. 15 мин.

Новая «Гибель Японии» не столько экранизация романа Сакё Комацу (в русском переводе — «Гибель дракона»), сколько римейк картины 1973 года. Своеобразный привет из той ленты — участие Тецуры Тамбы, игравшего премьер-министра Ямамото в первой экранизации книги.

Увы, это не единственное, что унаследовал фильм от предшественника. Тот для проката в США был сокращен почти в два раза. Римейку подобная операция тоже не помешала бы.

Сюжет картины, в принципе, исчерпывающе выражен в названии: Япония тонет, содрогаясь от мощнейших землетрясений, цунами и извержений вулканов. Правительство не справляется с масштабами массовой эвакуации… И тут сюрприз для читавших роман: ученый, предсказавший скорую гибель архипелага, находит способ повернуть процесс вспять. Похоронив в морской пучине парочку главных героев и еще несколько миллионов простых японцев, Страна восходящего солнца радостно встречает хэппи-энд.

Создателям картины удалось адекватно перенести на экран «документальность» романа: картины повседневной жизни японцев будто взяты из видовых зарисовок, извержения и землетрясения сняты дрожащей «репортажной» камерой, эпизоды работы ученых выглядят кадрами из научно-популярного киножурнала. Почему же при таком трепетном отношении к духу книги, ее финал вывернут наизнанку?

Не стоит обвинять кинематографистов в стремлении по-голливудски завершить фильм на оптимистической ноте даже вопреки логике, превратив катастрофу в «кавайстрофу» (от японского kawaii — прелестный, миленький). Счастливый конец «Гибели Японии» выглядит куда пессимистичнее оригинального финала. Один из главных вопросов, которым задавался Комацу:

уцелеют ли японцы как народ, если их страна исчезнет? Если им это удастся, говорил один из героев романа, значит, нация выросла и стала взрослой. Похоже, чудесное спасение в финале фильма не что иное, как отказ от аттестата зрелости и попытка затянуть детство навечно.

Сергей ЦВЕТКОВ

НЕВИДИМЫЙ

(THE INVISIBLE)

Производство компании Hollywood Pictures и др., 2007.
Режиссер Дэвид С. Гойер.
В ролях: Джастин Четвин, Маргарита Левиева, Марша Гэй Харден, Крис Маркетт и др.
1 ч. 37 мин.

«Меня никто не понимает, не хочет слушать и в упор не видит» — в подростковом возрасте такая проблема нередко занимает все мысли. Как тут может помочь фантастика? А вот как — взять и применить эффектный прием: а что если такое произойдет на самом деле, а не фигурально?

И вот героя фильма, тинейджера Ника Пауэлла, уже по-настоящему никто не замечает, потому что тот — не жилец и не мертвец, а нечто вроде призрака. Школьная банда, которой верховодит местная «бедовая девчонка» Энни, свела с Ником счеты, подозревая в «стукачестве». Внешне благополучный юноша, впрочем, и сам напрашивался, всячески демонстрируя героине свое презрение. Тело Ника, сброшенное в укромный люк, еще подает слабые признаки жизни, а дух неприкаянно бродит среди сверстников и взрослых, пытаясь сообщить: я живой! Но единственная, кто в состоянии услышать и прийти на помощь — это как раз его несостоявшаяся убийца Энни…

«Невидимый» как нельзя лучше показывает тенденцию современного кино к стиранию всяческих границ — творческих, географических, национальных. Американский римейк шведской экранизации одноименного романа Матса Валя (кстати, роман недавно переведен на русский язык) снимался большей частью в Канаде. Главную мужскую роль сыграл опять же канадец, Джастин Четвин, знакомый широкой аудитории по «Войне миров» Спилберга, а главную женскую — россиянка Маргарита Левиева. Для режиссера Дэвида С. Гойера третий полнометражный проект также стал выходом за привычные рамки: Гойер более известен

сценариями к целому ряду кинокомиксов, от «Блэйда» до «Бэтмен. Начало». Размыты здесь и жанровые линии: в одном сюжете «смонтированы» неторопливая молодежная драма, мистика, романтика и триллер, причем не одновременно, а последовательно, друг за другом. При желании можно отыскать и несколько смысловых пластов. Однако мораль, обращенная к зрителю-подростку, выведена на поверхность: чтобы быть услышанным и понятым, оказывается, даже призрак сначала должен сам попытаться понять других людей.

Аркадий ШУШПАНОВ

ИДЕАЛЬНОЕ СОЗДАНИЕ

(PERFECT CREATURE)

Производство компаний Darclight Films, New Zealand Film Commission и др. (Новая Зеландия/Великобритания), 2006.

Режиссер Гленн Стендринг.

В ролях: Дюгрей Скотт, Саффрон Барроуз, Лео Грегори и др.

1 ч. 29 мин.

В альтернативном мире фильма причиной эпидемий чумы, оспы и гриппа, унесших сотни миллионов жизней, стали безответственные эксперименты алхимиков. Эти же эксперименты привели к появлению улучшенной разновидности человека — вампиров-носферату. Со временем две расы научились жить в гармонии. Объединившее более совершенных созданий Братство стало для остального человечества и Церковью, и научным центром, а сами вампиры превратились в своеобразных ангелов-хранителей для обычных людей.

Решить проблему воспроизводства новой расы (ее представители — только мальчики — рождаются у обычных женщин) пытается талантливый ученый-вампир Эдгар. Он спасает немало жизней, создав вакцину, остановившую пандемию гриппа. Но в процессе исследований ученый выпускает на волю вирус, превращающий человека в кровожадное животное, и сам становится первой жертвой заразы. Остановить обезумевшего Эдгара должен Сайлус, его родной брат, к охоте подключается женщина — капитан полиции Лили.

Фильм насыщен аллюзиями. Грехопадение Эдгара, не желающего служить «низшим существам», будто списано с истории падшего ангела из раннехристианских апокрифов. Отношения ослепленного гордыней Эдгара и добродетельного

Сайлуса — явная отсылка к библейским Каину и Авелю. Практикуемое Братством таинство крови, при помощи которого Эдгар осуществляет свой злодейский план — дьявольская карикатура на церковное причастие. Сцены в трущобах Джеймстауна словно позаимствованы из фильмов о Джеке-Потрошителе, финальная схватка заставляет вспомнить битву Шварцнеггера-Мэтрикса с героем Вернона Уэллса: «Спусти-ка пар!» А развязка выглядит явным парафразом картины «Дитя человеческое» Альфонсо Куарона.

Под грузом цитат, придающих простой, в общем-то, истории эффект глубины и многозначности, совершенно теряется ответ на вопрос: а ради чего все это? Только для того, чтобы сказать: вампиры — хорошие? Воля ваша, но что-то в этот раз «вампирское лобби» перемудрило.

Матвей ГРИБКОВ

ПРОРОК

(NEXT)

Производство компании Revolution Studios (США), 2007.
Режиссер Ли Тамахори.
В ролях: Николас Кейдж, Джулианна Мур, Питер Фальк.
1 ч. 36 мин.

Как показывает опыт, за словами «кино по Филипу Дику» способно скрываться все, что угодно. Создатели фильма могут трепетно и почти дословно воспроизвести авторский текст, сопроводив экспериментальным визуальным рядом («Помутнение»), поменять идею произведения на противоположную («Особое мнение») или вовсе использовать первоисточник лишь как трамплин для собственной фантазии («Вспомнить все»). Фильм «Пророк», снятый, как сообщают титры, по рассказу Филипа Дика «Золотой человек» — из последних.

Киношный Крис Джонсон с литературным прототипом имеет мало общего: он разумен, принадлежит к тому же биологическому виду, что и все человечество, кожа у него не золотого, а самого обычного цвета, и способность вызывать симпатию у слабого пола объясняется просто: трудно не стать любимцем женщин, имея внешность Николаса Кейджа. С персонажем книги киногероя роднит лишь умение предвидеть ближайшее будущее. Но если в рассказе Дика оно было приспособлением для выживания, подаренным эволюцией взамен

отобранного ею же разума, то для героя «Пророка» это не дар, а сущее проклятие. Из-за него на Криса охотятся агенты ФБР, которые хотят использовать его способности для поиска террористов, и террористы, которые вовсе не хотят быть обнаруженными. Сам же Крис хочет покоя и простого человеческого счастья. Такое вот несовпадение желаний.

Оттолкнувшись от фантастического допущения «Золотого человека», Ли Тамахори ведет разговор на темы, далекие от затронутых в первоисточнике. Предопределено ли будущее, следует ли жертвовать личными интересами ради общественных, имеет ли право общество принудить индивидуума к такой жертве? Подобных вопросов «Пророк» задает много, а вот ответы зрителю придется искать самому. Нет в фильме и традиционного хэппи-энда, открытая концовка картины дает простор для фантазии и размышлений, что для современного развлекательного кино явление редкое, а потому заслуживающее, по крайней мере, внимания.

Сергей ЦВЕТКОВ

ПИРАТЫ КАРИБСКОГО МОРЯ 3: НА КРАЮ СВЕТА

(PIRATES OF THE CARIBBEAN 3: AT WORLD'S END)

Производство компании Walt Disney Pictures, 2007.

Режиссер Гор Вербински.

В ролях: Джонни Депп, Орландо Блум, Кира Найтли, Джеффри Раш и др.

2 ч. 48 мин.

Феерическая карусель, которую закрутили во втором фильме, в третьей части стала еще головокружительнее. Однако не стоит настраиваться на веселый праздник, где главным клоуном выступит Джек Воробей. «На краю света» — мрачная пиратская история со множеством смертей, инфернальной мифологией, сюрреалистическими картинками а-ля Сальвадор Дали и черным юмором на грани трэш-кино. Да, Джек все еще смешит ужимками и прыжками, но зачастую его специфический юмор теряется во всеобщем мракобесии. Уже начальные кадры, где вздернули на виселицу множество людей, вызывают сомнение: и это долгожданная комедия про пиратов?

Здесь все интригуют против всех. Каждый из героев стремится к своей цели, и только Воробей желает прибрать к рукам все, что в эти руки плывет. В центре истории — любовь

морского дьявола Дэйви Джонса, известного по прошлой серии, и морской богини Калипсо. Богиня назначила Джонса присматривать за покойниками, сделав его подобием Харона, но разбила парню сердце, отчего тот решил пренебречь обязанностями адского паромщика и начал промышлять морским разбоем. Вообще мифологическая линия третьих «Пиратов…» — нечто маловразумительное. «Тот свет» находится на краю «нашего света», откуда можно возвратиться, всего лишь перевернувшись с ног на голову, а богов легко пленить при помощи хлама, ненароком завалявшегося в карманах.

Понимая ходульность подобных схем, авторы фильма щедро маскируют их гэгами в духе: «Да, я такой!», «Почему ты бросила меня, богиня?», «Да, я такая!», «Почему ты предал нас, Джек?», «Да, я такой!»… После чего герои с энтузиазмом предают друзей и союзников, и складывается впечатление, что предательство — всенародная забава.

«На краю света» — фильм настолько же красочный, насколько бессмысленный. Есть забавные шутки, сюжетные находки, некоторые реплики и диалоги способны стать афоризмами, но все это наспех свалено в кучу.

Елена НАВРОЦКАЯ

БЕЛЫЙ ШУМ 2. СИЯНИЕ

(WHITE NOISE 2: THE LIGHT)

Производство компаний Gold Circle Films и Brightlight Pictures (США — Канада), 2007.

Режиссер Патрик Лусье.

В ролях: Натан Филлион, Кэти Сакхофф, Эд Андерс, Джошуа Баллард, Кендел Кросс и др.

1 ч. 35 мин.

Белый шум — это такие помехи в теле- и радиоэфире, называемые ФЭГ, Феномен Электронного Голоса. Если долго-долго к ним прислушиваться, можно услышать посторонние членораздельные монологи: два года назад об этом уже был снят фильм с Майклом Китоном в главной роли.

Какой бы нудноватой ни получилась та лента, сборы неожиданно превысили десятимиллионный бюджет в пять раз, что побудило продюсеров снять сиквел. Вероятно, тянуть резину из тупикового варианта о потусторонних голосах смысла не было, и концепцию решили поменять. В новой ленте Эйб Дейл (Натан

Филлион), переживший травму и потерявший жену и сына, не слышит голосов, он видит… Видит в сияющей ауре тех, кто умрет в ближайшее время. И пытается их спасти. Спасает до тех пор, пока не приходит к пониманию, что они вскорости становятся смертоносными маньяками и поэтому все-таки обязаны умереть. Причем не без его посильной помощи.

Не в пример первому фильму, очередная (какая уж по счету?) вариация на тему «ух-ты-я-вижу-мертвых» получилась куда более динамичной. Да и к оригинальной ленте с Китоном сиквел имеет опосредованное отношение — во многом благодаря названию.

Если зритель ожидает напряженного душераздирающего зрелища и интеллектуальных вывертов, то он ошибается. Немножко сатанизма, чуточку страданий героя, впадающего в три степени крайности (убитый горем вдовец, супергерой, спасающий каждого встречного-поперечного, и опустошенный вершитель судеб), вот, пожалуй, и все.

Единственный плюс — обилие экшена. Неплохой фильм, пусть и идущий по следам «Пункта назначения» и «Шестого чувства». Смотрится с интересом. Хотя от Филлиона, звезды «Миссии Серенити» и «Слизняка», все-таки ожидали большего, чем просто появления на экране. Ну и самой ленте не помешала бы или порция здравого смысла, или, наоборот, пугающего до дрожи ужаса. Иначе получается псевдотриллер с банальной концовкой.

Вячеслав ЯШИН

НАУКА СНА

(LA SCIENCE DES REVES)

Производство компаний Gaumont и Partisan Film (Франция), 2006.

Режиссер Мишель Гондри.

В ролях: Гаэль Гарсия Берналь, Шарлотт Гейнсбур, Ален Шаба, Миу-Миу и др.

1 ч. 45 мин.

Европейская неанглоязычная фантастика — редкий гость на киноэкранах. Впрочем, французский сюрреалист Мишель Гондри успел сыграть и на голливудском поле «Вечным сиянием чистого разума». В работе, опять снятой во Франции, режиссер вновь размышляет о любви и выбирает основным местом действия человеческое подсознание. Только на этот раз обходится даже без

толики «научности».

Молодой художник Стефан (Гаэль Гарсия Берналь) каждую ночь спасается от ежедневной рутины и скучной работы, убегая в причудливый, феерически красочный мир своих сновидений. Здесь существуют и Париж, и чудаки-коллеги, и объект желаний — миловидная соседка, у которой с героем много общего, даже имя похоже: Стефани. Лишь в этом мире застенчивый фантазер чувствует себя всемогущим и способным завоевать любовь. Но скрыться от самого себя не получается и в царстве Морфея. Когда разлад с любимой проникает и в сновидения, Стефан начинает терять всякое различие между снами и реальностью…

Жанр фильма отечественные дистрибьюторы определили как романтическую комедию. Если с романтикой в ленте все в порядке (а как же еще во французской картине), то юмор у создателей «Науки сна» весьма своеобразный. Того, кто настроится на легкое зрелище в духе незабвенных комедий Франсиса Вебера, ждет разочарование. Действо больше напоминает текстовые лабиринты Виктора Пелевина. Сюжет фонтанирует идеями, вычурными образами, символикой: тут и остановки времени, и проникновение в чужие сны, и репортажи «альтер эго» героя прямо из его черепной коробки. Вместе со Стефаном зритель вынужден блуждать по уровням и закоулкам сознания, попадая в ловушки, расставленные режиссером.

Отчасти тяготы путешествия искупает видеоряд. На живописания, «куда приводят мечты», явно потрачена немалая часть вполне приличного для европейского фильма бюджета в шесть миллионов долларов. Калейдоскоп изобразительных приемов — от компьютерной графики до кукольной анимации — делает этот артхаусный проект еще любопытнее.

Аркадий ШУШПАНОВ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

(PREMONITION)

Производство компаний Hyde Park Films и Metro Goldwyn Mayer, 2007.

Режиссер Меннан Ямо.

В ролях: Сандра Баллок, Джулиан Макмэхон, Питер Стормар, Ниа Лонг, Амбер Валетта.

1 ч. 50 мин.

Фильмы на тему возможности или невозможности

«переиграть» уже произошедшие события стали особенно популярными в «нулевые» годы. Одна из причин: люди дадцать первого века живут в наступившем будущем, а оно оказалось не совсем таким или даже совсем не таким, каким виделось из прошлого. Кино откликается на это — по мере сил. Правда, нынешние герои зачастую пытаются изменить отнюдь не будущее всего человечества, как приснопамятная Сара Коннор, а всего лишь свою личную историю.

Казалось бы, и этот сюжет не выделяется на общем фоне. В самом начале фильма на домохозяйку Линду (Сандра Баллок) обрушивается несчастье: в автокатастрофе погибает муж. Однако на следующее утро женщина обнаруживает супруга целым и невредимым. Что же она видела до того: ночной кошмар или предвестье реальной беды? Дальнейшие события не проливают свет на происходящее, а только увеличивают тревогу. Нечто нарушило последовательность дней, перемешав их, как паззлы: каждое новое утро героиня просыпается или раньше, или позже дня катастрофы. Чтобы решить головоломку и попытаться уберечь семью, Линде нужно восстановить всю цепочку фактов, предшествующих аварии. Но каждые новые сутки жизни только подбрасывают неизвестных в это уравнение.

Отличительный признак хорошего фильма, равно как и хорошей книги: их можно прочитывать и толковать по-разному. Немецкий режиссер Меннан Япо в своем американском дебюте оставляет свободным поле для трактовок происходящего на экране. Что пережила героиня: божественное вмешательство, темпоральный феномен или просто видение? Любому из этих объяснений легко подыскать доказательства, но это — не главное. К финалу — вполне предсказуемому — сюжет отчетливо склоняется к философской притче о столкновении рядового, среднестатистического человека с Неведомым. И вопрос — можно ли изменить предрешенное будущее? — отходит на второй план, уступая место иному: что нужно изменить в себе перед лицом будущего?

Аркадий ШУШПАНОВ

ИСТОРИЯ ЖАНРА

Сказочник из «Окон РОСТА»

Кто-то видит в нем исключительно соавтора Николая Эрдмана, кто-то удивится, узнав, что его перу принадлежит текст песни «Весна идет, весне дорогу…», кто-то вспомнит, что именно Вольпин с Эрдманом написали русский вариант либретто оперетты Штрауса «Летучая мышь». Но какое отношение Вольпин имеет к сказке, к фантастике, к фэнтези?

Михаил Давыдович Вольпин (1902 — I988), выдающийся русский советский драматург, поэт и киносценарист, в истории отечественного искусства останется прежде всего как Сказочник, а в наших зрительских сердцах — как добрый волшебник, подаривший нам немало ярчайших впечатлений и счастливейших минут соприкосновения с чудесами настоящего кинематографа. Что же касается фантастики, то в его фильмографии есть фантастическая картина «Ключ»; элементы фантастики и научной популяризации просматриваются в мультфильмах «Огонь» и «Человечка нарисовал я»; его киносказки «Царевич Проша» и «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» стали предвестниками русской юмористической фэнтези.

Родился Михаил Вольпин в 1902 году в семье потомственных интеллигентов, с детства жил в Москве, в школьные годы

увлекался рисованием, брал уроки у Сурикова.

Юношей воюет в гражданскую, а в 1920 году идет работать в «Окна РОСТА» — в качестве художника и автора сатирических текстов. Затем учится во ВХУТЕМАСе, сочиняет стихи для «Синей блузы» и «Крокодила», принимает участие в поэтических баталиях на стороне своего кумира и учителя В. Маяковского. В конце двадцатых пишет комические сценки для театров и кабаре, причем среди его соавторов немало будущих известных писателей и драматургов: В. Масс, И. Ильф, Е. Петров, В. Ардов, В. Катаев и, конечно, Н. Эрдман. В 1933-м за сочинение «антисоветских» басен Эрдмана, Масса, а затем и Вольпина арестовывает ОГПУ. Первые двое отправляются в ссылку, Вольпин — в лагерь за Полярным кругом. В 1937-м их выпускают, и Вольпин с Эрдманом случайно встречаются в Калинине, где и начинают работать вместе.

Именно в этот момент происходит настоящее рождение авторского дуэта, просуществовавшего более тридцати лет — часто работая самостоятельно или в соавторстве с кем-то еще, они постоянно возвращались друг к другу и вместе творили чудеса. В их совместной фильмографии есть картины самых разных жанров: комедии «Волга-Волга», «Актриса», «На подмостках сцены», остросюжетные «Смелые люди» и «Застава в горах», детские «Здравствуй, Москва» и «Косолапый друг» и даже совсем неожиданные «Рассказы о Ленине». Но наиболее полно и ярко талант драматургов раскрылся в жанре сказки — причем сказки семейного типа, то есть одинаково захватывающей и детей, и их родителей.

После войны Эрдман и Вольпин попадают на киностудию «Союзмультфильм». В результате случайного знакомства с режиссерами Валентиной и Зинаидой Брумберг появляются ставшие классикой советской анимации фильмы «Федя Зайцев» (1948) и «Остров ошибок» (1955). Уже в первой работе просматривается отношение соавторов к избранному жанру: современная сказка по Эрдману и Вольпину должна развлекая поучать.

В пятидесятые годы Вольпин создает сценарии мультфильмов М. Цехановского «Сказка о рыбаке и рыбке» (1950) и «Царевна-лягушка» (1954). Он умело учитывает специфику кинематографа при перенесении литературной сказки на экран, сохраняя дух первоисточника, осовременивает и очеловечивает сказку, добавляет многое от себя — как в сюжетных ходах, так и в диалогах. Лучшая тому иллюстрация — знаменитый «Заколдованный мальчик» (1955) режиссеров В. Полковникова и

А. Снежко-Блоцкой — любимая мультипликационная картина многих поколений. Повесть С. Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями», задуманная автором как учебник географии для шведских детей и поэтому изобилующая несколько затянутыми описаниями природы и исторических достопримечательностей, под легким пером Вольпина становится настоящей анимационной жемчужиной. Используя заложенные в первоисточнике наметки интриги, он выбирает наиболее выигрышные главы, придумывает занимательную коллизию и заново собирает сказку — «по мотивам».

Вряд ли кто-нибудь из послевоенных зрителей фильма «Федя Зайцев» догадывался, что любимая картина их поколения — экранизация только первой части написанного Вольпиным и Эрдманом двухсерийного сценария «В царстве Лжи» о приключениях школьника Феди и его сказочного друга Нарисованного Человечка. Во второй части герои должны были из современности попасть в волшебную страну, которой правила лицемерная царица. Тема так напугала цензоров своей двусмысленностью, что даже внесенные Вольпиным поправки, призванные усилить сходство царства Лжи с капиталистическим обществом, не помогли делу — ассоциации все равно возникали. Сценарий удалось экранизировать лишь в 1960 году (реж. В. и З. Брумберг). Фильм адресован прежде всего детям, и авторы верны своему кредо — Федя Зайцев и Человечек одерживают победу над коварной правительницей с помощью научной мысли: из книги «Физика в играх и забавах» они узнают, как удержать в руках мыльный пузырь, и это совсем маленькое открытие помогает им победить большую ложь, развенчать невежество и разрушить изолгавшееся государство.

«Занимательная физика» появляется в сценарии неслучайно. Вольпина всегда интересовали научные проблемы, а среди настольных книг было полно популярной литературы об Эйнштейне, Боре, других великих физиках. Эти увлечения привели его к осмыслению научно-фантастических и научно-популярных тем в анимационном кино. Вольпин всерьез подумывал о некоем популяризаторском мультипликационном проекте, в котором можно было бы доходчиво и занимательно разъяснить юному зрителю сложнейшие законы, на ярких визуальных примерах продемонстрировать действие физических явлений и процессов. Вольпин проводил огромное количество времени в беседах со знаменитыми учеными, пытаясь найти точное решение возможного сценария, его собеседниками были Марк Азбель, Бруно Понтекорво, украинский ученый Гуртовой —

все они с удовольствием включались в игру и пытались по просьбе драматурга «на пальцах» объяснить ему сущность только им одним понятных вещей.

Почерпнутые Вольпиным в общении с физиками идеи нашли отражение в нескольких сказках, прежде всего в «Ключе» (1961). Этот полнометражный мультипликационный фильм Л. Атаманова долгое время оставался в безвестности, и только в последние год-два его снова стали показывать. «Ключ» — один из первых образцов жанра «советской фэнтези», то, что братья Стругацкие назовут «сказкой для младших научных сотрудников». Фильм занимателен по содержанию и изящен по форме. Бытовая социальная сатира (некоторые действующие лица будто бы сошли с плакатов «Боевого карандаша») соседствует в нем с традиционной сказочной канвой (волшебный клубок, феи, дракон). Но самое интересное, что в «Ключе» ярко выражен элемент научной фантастики: здесь и лаборатория думающих машин, и считывание мыслей специальным прибором, и управляемый на расстоянии робот «механофея», и даже синтезирование целого предмета по его микроскопическим фрагментам! Поучительный сюжет и классическая тема — победа трудолюбия над праздностью, противопоставление мастеровых жизненных ценностей обывательско-чиновничьим — делают эту сказку надвременной. А маленький герой, в поисках счастья совершающий путешествие в Царство Быстрых Подвигов и Легких Побед, выглядит героем именно нашего времени — инфантильный недоросль-неумеха начала XXI века, дитя благополучных родителей и протеже сомнительных фей. В картине, ткань которой буквально пропитана настроениями шестидесятых годов, предпринята попытка разрешить популярный в то время спор между физиками и лириками, примирив обе стороны, развернув их против общих врагов — мещанства и конформизма. Сценарий был чрезмерно острым даже для времен «оттепели», и «Ключ» надолго исчез с экранов.

А вот еще один мультфильм Вольпина с фантастическим сюжетом и популяризаторской подоплекой — «Огонь» (1971) сестер Брумберг — вряд ли можно отнести к удачам. Сценарий, написанный по рассказу Ю. Олеши Вольпиным в соавторстве с вдовой писателя Ольгой Суок, повествует о том, каким образом человечество приручило огонь. Великолепные стихи Вольпина, обрамляющие сюжет, производят здесь гораздо более яркое впечатление, чем решенная в жанре немого кино история необыкновенного приключения очередного двоечника, отправленного с помощью волшебства в доисторические времена. «Огонь» — тот редкий случай в фильмографии Вольпина, когда

сценарий получился кривым на один бок — просветительская линия пересилила сюжетную.

В шестидесятые годы Вольпин и Эрдман переносят свой сказочный опыт в пространство игрового кино. Режиссер А. Роу делает по их сценариям три киносказки: «Морозко» (1964), «Огонь, вода и… медные трубы» (1967), «Варвара-краса, длинная коса» (1969). Все эти фильмы вошли в золотой фонд отечественного кино, а «Морозко» без преувеличения можно назвать лучшей советской киносказкой, эталоном жанра.

Однако у самих авторов режиссерское обращение с «Варварой-красой…» вызвало негативную реакцию, в конце работы они потребовали убрать их фамилии из титров.

Расставшись с Роу, Вольпин и Эрдман задумывают написать сценарий-сказку для ленинградского постановщика Н. Кошеверовой, автора незабываемой «Золушки» и «Каина XVIII». Но в 1970 году Эрдман умирает, и Вольпин осуществляет замысел уже в одиночку. В лице Кошеверовой Вольпин находит режиссера, соответствующего не только уровню его мастерства, но и его жизненному настрою. Их первый фильм «Царевич Проша» (1974) стал событием в истории отечественной киносказки, но еще более замечателен второй — «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» (1976): в нем нет отрицательных персонажей, нет ни одного законченного негодяя. Пожалуй, это беспрецедентный случай в кинодраматургии — увлекательнейшее сказочное повествование без единого злодея. Эту притчу о созидательной силе добра, о возможности открытого человека быть в гармонии с миром и самому эту гармонию порождать можно с уверенностью назвать вершиной сценарного искусства Вольпина.

Далее последовали «Соловей» (1979) и «Ослиная шкура» (1982). Андерсен и Перро в этих работах лишь предлог; автор в обоих случаях весьма своевольно обращается с исходным материалом, нанизывает на канву одной сказки еще несколько мотивов из других, но делает это так по-вольпински захватывающе и остроумно, что вряд ли классики остались бы в обиде за его вольность.

Сюжетная линия «Сказки про влюбленного маляра» (1986, сценарий написан совместно с В. Фридом) отошла от народных тропинок еще дальше. В сюжете переплелись мотивы русского фольклора и классической европейской сказки, будто бы колорит двух первых фильмов Кошеверовой и Вольпина соединился с колоритом двух последующих. Вольпин словно пытался подвести этой работой итог всему сказанному и написанному. Да и главный герой фильма — юный маляр с наклонностями

живописца — не является ли отсылкой к восемнадцатилетнему Вольпину, рисовальщику из «Окон РОСТА»?

Так или иначе, но «Влюбленный маляр» стал последним фильмом мастера: летом 1988 года Михаил Вольпин погиб в автомобильной катастрофе…

Сегодня дело великого сказочника продолжает его сын Михаил Бартенев — детский писатель, драматург, много работающий для театра и кино, иными словами, тоже Сказочник.

* * *

В чем же секрет волшебства драматурга Вольпина? Пересмотрите «Иванушку-дурачка», «Заколдованного мальчика», «Капризную принцессу», «Храброго портняжку», «Историю одного преступления», и вам станет ясно: в его произведениях нет сугубо отрицательных персонажей; зло представлено в них глупостью, самодурством и невежеством, оно смешно и несчастно. Главная же черта вольпинского таланта заключается в том, что при отсутствии этой, казалось бы, основной движущей драматургию коллизии «добро против зла» сказки Вольпина не только не проигрывают в сюжетной занимательности, но смотрятся куда интереснее многих остросюжетных фильмов. Зато сюжет, строящийся на пересечении благих намерений неплохих по своей сути людей, всегда непредсказуем и парадоксален — как сама породившая его жизнь. В этом Вольпин — последовательный продолжатель традиций русской классики.

Константин АРБЕНИН

КРИТИКА

Кодзи Миякадзе
ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ ЗАЛЕ

Мы продолжаем знакомить наших читателей с состоянием «фантастических дел» в других странах. О становлении и первых шагах японской фантастики мы уже писали (см. «Если» № 2 за 1998 год). Но что собой представляет нынешняя НФ Страны восходящего солнца? Об этом — обзор японского критика и переводчика русской фантастики Кодзи Миякадзе.

Во всем мире большой популярностью пользуются японские мультипликация (аниме) и графические романы (манга). Но даже несмотря на то, что часто в их основе лежат конкретные произведения, современная литературная НФ, в силу известной изолированности японского языка, известна в гораздо меньшей степени. Чаще всего знание НФ Страны восходящего солнца у зарубежного читателя (и российского в том числе) ограничивается, в основном, произведениями Сакё Комацу и Синити Хоси, да еще несколькими «полуфантастами» — Кобо Абэ, Киндзабуро Оэ и бестселлериста Харуки Мураками.

Действительность такова, что, к сожалению, у нынешних фантастов Японии не слишком много шансов быть переведенными на другие языки. И единственная возможность стать известным за пределами страны — это «трансляция» своих литературных сюжетов через манга и аниме.

Отличительной чертой всей японской фантастики является то, что, жадно впитав достижения зарубежных писателей, японцы серьезно переосмыслили их опыт и создали сугубо национальный «продукт», отличный и от западных образцов, и от советско-российских. Эта литература настолько специфическая, что практически невозможно дать четкой характеристики, что такое нынешняя НФ Японии. Хотя бы потому, что она не придерживается жанровых стандартов, принятых в остальном мире. Чаще всего «традиционное» НФ-произведение японского автора обязательно содержит в себе приемы мистического детектива и даже литературы ужасов, пускай оно и сделано в жанре научной фантастики.

Как уже было сказано, японская НФ редко покидает страну. Однако здесь с давних времен существует богатейшая переводческая традиция. Можно сказать, что именно поток переводов западной и советской прозы послужил мощным

катализатором для становления и последующего развития в послевоенные годы этого жанра в Японии. Кстати, большинство авторов, пришедших в литературу в 1950-1960-е годы, испытали сильное влияние прежде всего трех писателей — Роберта Шекли, Рэя Брэдбери и Ивана Ефремова. Произведения этих фантастов оказались наиболее созвучны художественной эстетике послевоенной японской литературы.

* * *

Точкой отсчета принято считать создание в 1959 году главного профильного издания Японии — журнала «SF Magazine». Главный редактор Масами Фукусима с первого же номера манифестировал «особость» новой японской НФ, которая должна двигаться иными маршрутами, нежели англо-американская и советская фантастика.

Журнал «SF Magazine» объединил вокруг себя мощный отряд писателей, которых критика окрестила «Первым поколением»: Сакё Комацу, Синъичи Хоси, Рю Мицусэ, Маюмура Таку, Рё Ханмура, Ясутака Цуцуй, Хиросэ Тадаси…

Именно они заложили основу всей жанровой литературы Японии и оказали колоссальное влияние на младших коллег.

Очевидные лидеры поколения — Сакё Комацу и Рю Мицусэ. Им принадлежат самые значительные книги 1960-х: роман Комацу «У границы бесконечного потока» (1966), в котором причудливым образом соединились сюжет о параллельных мирах и прогрессорская тема, и масштабная философско-религиозная космическая эпопея Мицусэ «Десять миллиардов дней, сто миллиардов ночей» (1967), послужившая литературной основой одной из самых знаменитых манга — одноименного многотомника, созданного Мото Хагио. В содружестве с этой же мангакой Рю Мицусэ уже в течение многих лет выпускает собрание своих статей и фрагментов ненаписанных книг под общим названием «Поэма о Вселенной».

Один из самых язвительных НФ-сатириков Японии Ясутака Цуцуй и сегодня остается в ряду наиболее активных и влиятельных авторов. Самые известные и популярные романы этого писателя — «Самба побега и погони» (1971), «Эскадра, плывущая в пустоте» (1984), «Утренний Гаспар» (1992) и «Паприка» (1993).

Серьезное влияние на японскую фантастику 1960-1970-х оказал Рё Ханмура, создавший, по сути, национальный аналог европейской фэнтези — «легендарная фантастика». В таких его

романах, как «Кровь камня» (1971) и «Тайные записи горы Санрё» (1973), действие разворачивается в легендарных самурайских временах, здесь много мистики, магии и традиционной синтоистской философии. Дальнейшее развитие жанра продолжили Сюгоро Ямамото и Сюхэй Фудзисава. Кроме того, Рё Ханмура стал в японской словесности и первопроходцем жанра альтернативной истории (сага «Легенда о подозрительной звезде», 1975–1993).

* * *

Так называемое «Второе поколение» национальной НФ (по градации местных критиков) пришло в литературу в 1970-е годы и продолжило развитие идей, заложенных «шестидесятниками», изрядно обогатив жанр идеями и литературными экспериментами британской «Новой волны». Наиболее заметные имена этого поколения — Масаки Ямада, Акира Хори, Чиаки Кавамата, Синдзи Кадзио, Мусаси Камбэ.

Наиболее последовательным «национализатором» заокеанских литературных концепций «Новой волны» был Чиаки Кавамата. А такие авторы, как Синдзи Кадзио и Мусаси Камбэ, привнесли в фантастику юмористическую струю.

Один из самых разносторонних фантастов поколения — Масаки Ямада, с равным успехом выпускающий и героическую фэнтези, и мистику, и приключенческую НФ, и литературу для подростков. Одно из самых значительных произведений писателя — роман «Охота на богов» (1975), в котором Масаки Ямада по-своему исследует любимую тему Сакё Комацу — противостояние человека божественным силам. Роман имел огромный успех, а критики сравнивали книгу схьюгоносными «Долгими сумерками Земли» Брайана Олдисса. Среди других популярных произведений этого фантаста — романы, созданные в рамках «твердой» НФ (однако с богатой приключенческой подкладкой), «Похититель драгоценностей» (1980) и «Аида» (1994). Уже в новом тысячелетии Ямада выпустил роман-мистерию «Мистическая опера» (2001), также имевший большой успех.

В эти годы активно развивается и «завезенная» с Запада фэнтези (преимущественно ее героическая ветвь). Центральным фэнтези-событием Японии стал многотомный сериал Каору Куримото «Сага о Гуине», стартовавший в 1979 году и не законченный до сих пор. Сага, вокруг которой сложилась огромная армия фанатов, оказала существенное влияние на всех авторов, работающих в жанре героической фэнтези. В 1970-е годы

в ряду перспективнейших писателей этого направления называли Юко Ямао.

Однако, выпустив за десятилетие несколько любопытных сборников, в 1980-е она практически ушла из литературы.

* * *

Именно в 1970-е годы фантастика в Японии выделяется в самостоятельный литературный жанр, прежде НФ шла как часть общего литературного потока.

Окончательно же «обособили» фантастику от всей остальной словесности писатели поколения 1980-х — такие, как Чохэй Камбаяси, Марико Охара, Адзуса Ной, Косю Тани и некоторые другие.

Стремление Чохэй Камбаяси к метафизическому поиску, экзистенциальному исследованию распадающейся действительности, а также акцентированное внимание к теме социального соперничества людей и андроидов позволило критикам объявить прозаика прямым наследником традиций Ф. К. Дика. В числе наиболее заметных книг Камбаяси — футуристическая антиутопия «Мир твоей душе» (1983), дилогия о противостоянии инопланетному вторжению «Боевая фея «Вьюга» (1984) и «Удачи, «Вьюга» (1999), а также романы, лежащие в русле лингвистической, экспериментальной фантастики — «Месяц отсрочки» (1992) и «Горшок со словами» (1994).

Марико Охара привнесла в японскую НФ эстетику киберпанка, при этом изрядно «адаптировав» ее к национальной специфике. Самое известное произведение писательницы — наполненный философскими обобщениями роман «Ребенок-гибрид» (1990), главными героями которого оказываются обладающее разумом некое сверхоружие и 800-летний синтоистский священник.

Косю Тани дебютировал в 1979 году сериалом в жанре интеллектуальной космооперы «Космические парламентеры». Если действие первых книг цикла протекает в пределах Солнечной системы, то сюжет завершающего романа «Бесконечный бег за врагом» (1993) разворачивается уже на галактических просторах. Сериал насыщен интереснейшими НФ-идеями и неожиданными сюжетными построениями, а своей масштабностью и философскими выводами роднится с легендарным манга-романом Осаму Тэдзуки «Жар-птица». Из поздних произведений Косю Тани выделяется роман «Эрико» (1999), в котором писатель уклонился от магистральной ветви

«твердой» НФ в сторону мистического триллера.

Пришедший в литературу в том же 1979 году Адзуса Ной основной областью своих творческих поисков избрал исследование восточной ментальности в условиях разрушительного урбанистического мира (романы «Злой ангел», 1991; «Запах Вавилона», 1991; «Содомское яблоко», 2001).

Большой знаток восточных единоборств Баку Юмэмакура заявил о себе в 1980 году романами приключенческой самурайской фэнтези, изобилующими экшеном и кровавыми сценами. Однако к концу десятилетия этот сочинитель самурайских боевиков изрядно удивил как критиков, так и читателей, выпустив две книги «высокой фантастики» — пронзительно-лиричные и очень глубокие романы «Лев, пожирающий месяц» (1989) и «Счастливы ли полевые цветы».

Широко известен как мастер малой формы Дзин Кусагами — автор множества парадоксальных рассказов, наполненных изящным юмором и лиризмом. На счету писателя свыше десятка сборников и роман «Механизм цветения Токио» (1997).

* * *

В 1989 году была учреждена Главная премия за рассказ в жанре фэнтези, а в 1994-м — Национальная премия за произведение в жанре ужасов. В обоих случаях победитель выявляется открытым почтовым голосованием. По существу, это конкурсы для молодых авторов. Поэтому можно с уверенностью сказать, что поколение рубежа веков — дети этих конкурсов. Японская словесность всегда тяготела к мистике и хоррору, однако утверждение, что в нынешней фантастике доминируют фэнтези и «страшилки», ошибочно. Для японской фантастики 1990- 2000-х характерно смешение и взаимопроникновение жанров, постмодернизм.

Один из самых заметных, серьезных и разносторонних авторов «Новой волны» — Хикару Окуидзуми. Он работает на стыке Большой литературы (неслучайно в 1993 году его роман «История камня» получил премию Акутогавы) и сюжетной словесности. Его книги — это парадоксальный синтез НФ, мистики и фэнтези. Например, в романе «Наши люди — кошки. Убийство» (1996), опираясь на творчество мастера пера эпохи Мэйдзи Сосэки Нацумэ, современный писатель выстраивает детективный сюжет, но увиденный глазами кошки. Роман «Гранд-мистерия» (1998) лежит уже в русле криптоисторической НФ, да еще приправленной классической НФ-темой путешествий во

времени и закрученной детективной интригой: действие разворачивается в годы второй мировой войны, а главный герой — моряк японского флота, сумевший вернуться в прошлое и получить новую жизнь. Однако исправить трагические исторические ошибки ему не удается. «Фантазии орнитолога» (2001) также завязаны на темпоральных перемещениях и попытках осмыслить итоги второй мировой (по сюжету героиня, джазовая пианистка, «проваливается» во временную дыру и оказывается в нацистской Германии). Хикару Окуидзуми не чужд, однако, и чистых форм — в его активе немало текстов, написанных по классическим канонам «твердой» НФ и фэнтези.

Конкурсы, существующие вокруг Главной премии за рассказ в жанре фэнтези, представили читателям целую плеяду талантливых авторов, среди которых Аки Сато, Эичи Икэгами, Тэцуя Сато, Фумио Такано, Юсаку Китано, Масая Фудзита, Хироси Яманогучи. Однако тексты этих писателей далеки от привычной фэнтези европейского или американского образца. Как я уже сказал, японские фантасты нового поколения склонны к синтезированию различных литературных приемов в рамках одного произведения.

Центральные произведения одного из лауреатов премии Фумио Такано вообще от фэнтези далеки. То, что пишет этот автор, можно назвать психоделической альтернативной историей, густо замешенной на истории музыки. Любимый прием Такано — столкновение двух музыкальных культур, компьютеризированной современной и «живой» классики прошлого, как, например, в дебютном романе «Магическая машина» (1995). А следующий НФ-роман «Вацлав» (1998) и вовсе основан на биографии гениального русского танцора Вацлава Нижинского. По мнению критики, «Вацлав» — самая большая удача молодого японского фантаста, соединившего в романе сюжет о создании виртуальной реальности в начале XX столетия и серьезные размышления о трагическом одиночестве гения в обществе.

В рамках альтернативной истории работает и Аки Сато. Самое известное ее произведение 1980-х — роман «Законы войны», действие которого разворачивается в альтернативном 1975 году в оккупированной советскими войсками префектуре N. Другой популярный роман Сато «Путешествия Бальтазара» (1991) создан в том же ключе.

Антивоенным пафосом, выраженным антиутопизмом наполнены книги Эичи Икэгами «Фестиваль ветряных мельниц» (1997) и «Rikiosu» (2000), для которых характерно соединение НФ-сюжетики и приемов фэнтези.

Самыми же успешными в коммерческом плане сочинителями

литературы ужасов и вампирских романов остаются «восьмидесятники» Хидэюки Кикучи, Кэн Асамацу и Масахико Иноуэ. Бестселлерами в 1990-е стали также трилогия «Кольцо» (1991), «Спираль» (1995) и «Петля» (1998) Кодзи Судзуки, «Паразитка Ева» (1995) Хидэаки Сэны и «Труп демона» (1998) Оно Фуюми. Из других авторов, разрабатывающих хоррор, можно выделить Осаму Макино, Кичиро Курасака, Ясуми Кобаяси, Такуси Накаи, Симако Иваи. Тем не менее в последних своих произведениях эти авторы все активнее обращаются к «чистой» НФ, и это объясняется отчасти тем, что классическая научная фантастика сегодня все стремительнее завоевывает читательские симпатии. Так, например, дебютная книга Хидэаки Сэны — национальный бестселлер «Паразитка Ева» — была награждена Японской премией за литературное произведение в жанре ужасов, а уже следующий роман — «Brain Valley» — завоевал самую авторитетную и старейшую (вручается с 1980 года) жанровую награду Японии — Главную японскую премию научной фантастики. Последующие книги автора — «Музей августа» (2000) и «Робот завтрашнего дня» (2002) — уже созданы в соответствии с канонами НФ.

Осаму Макино, дебютировавший еще в 1970-х, тоже начинал с литературы ужасов, но успех к нему пришел только в 1990-е, когда писатель переключился на научную фантастику — романы «Мышь» (1996) и «Королева марионеток» (2002), получившая Главную японскую премию научной фантастики.

Из других авторов, развивающих, с одной стороны, НФ-линию, а с другой — стремящихся к созданию текстов откровенно экспериментального характера, стоит назвать: Хоскэ Нодзири, Дзёдзи Хаяси, Синго Фудзисаки, Рику Онда, Хироэ Суга, Хирото Кавабата, Хиротака Тоби, Хироюки Мориока, Хирофуми Танака. Все активнее используют приемы научной фантастики авторы мейнстрима и детективного жанра. Иногда им удается создавать подлинные жемчужины НФ (творчество Кобо Абэ яркое тому подтверждение). Неоднократно такие «пограничные» авторы становились лауреатами Главной японской премии научной фантастики: в 1981 году ее получил знаменитый драматург Хисаси Иноуэ за роман «…человек», в 1990-м — эссеист Макото Сиина за роман «Ado Baddo», в 1997-м — автор детективов Миюки Миябэ за роман «Происшествие на вилле…».

Невозможно отразить все многообразие современной японской НФ и фэнтези в коротком обзоре, автор ограничился лишь ключевыми фигурами жанра. В заключение могу сказать одно: фантастика в Японии переживает небывалый подъем и, хочется надеяться, что российский читатель в скором времени

все-таки получит возможность познакомиться с лучшими ее представителями.

КРУПНЫЙ ПЛАН

БОЛЬШОЙ БЕДЕКЕР ПО НФ
Геннадий ПРАШКЕВИЧ. КРАСНЫЙ СФИНКС: ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ ОТ ОДОЕВСКОГО ДО Б. Г. ШТЕРНА. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007

Геннадий Прашкевич в представлении не нуждается. Во всяком случае, поклонникам фантастики и просто хорошей литературы его имя известно давно. Природа щедро одарила сибирского писателя талантами. Он и прозаик, и поэт, и переводчик, и историк литературы и науки, а вдобавок восхитительный рассказчик. Тот, кто хоть раз общался с Прашкевичем, вне всякого сомнения, отметил его эрудированность и способность удивительно интересно говорить на любые темы. А уж если речь зайдет о фантастике…

Многие помнят увлекательнейший цикл очерков «Малый Бедекер по НФ», публиковавшийся на страницах «Если» в нескольких номерах 2002 года. Новую же книгу писателя-исследователя смело можно назвать «Большим Бедекером».

Появление «Красного Сфинкса» без преувеличения есть событие для российской фантастики знаковое. Столь

масштабного исследования прежде не было (работы Бритикова все-таки адресованы в первую очередь научной аудитории) и, наверное, еще не будет долго. Сложно представить, что в ближайшее время — время повсеместной коммерциализации — найдутся трудяги, готовые задарма погрузиться в архивные раскопки. Десять лет работы в частных и библиотечных архивах, около пятидесяти исследованных авторов, шестьсот страниц текста обширнейшей панорамы отечественной НФ, начиная с царской России и заканчивая первыми постперестроечными годами, — все это и есть «Красный Сфинкс». Название книги намекает на то, что читателя ждут тайны и загадки. Так и есть. Кто из соотечественников работал в жанре в XIX веке? Как предкам виделось будущее — наше настоящее? Что происходило с фантастикой во времена репрессий и тоталитаризма? Что повлияло на творчество писателей? Наконец, какова природа самой фантастики? «Красный Сфинкс» отвечает на многие вопросы словами автора и современников, удачными цитатами из классиков: «В сущности говоря, — писал Брюсов, — все исторические романы носят в себе элемент фантастический». И постепенно из этих цитат, комментариев и мнений начинает вырисовываться общая картина развития российской научно-фантастической прозы.

Стоит заметить, что в книге представлены не только именитые творцы жанра, такие, как князь Владимир Одоевский, Сергей Снегов, Кир Булычёв, Владислав Крапивин и братья Стругацкие, но и авторы сегодня практически забытые: например, Осип Сенковский, Вивиан Итин или Александр Чаянов. Конечно, нашлось место и классикам Большой литературы, без которых невозможно представить историю российской НФ. Николай Гоголь, Михаил Булгаков, Александр Грин и Евгений Замятин — далеко не полный список авторов, навсегда вписавших себя в историю как русской литературы вообще, так и в историю жанра в частности. Поэтому каждый читатель найдет здесь что-нибудь интересное и познавательное для себя.

Весьма любопытна форма подачи материала. Каждая глава-персоналия (а книга как раз и представляет собой серию очерков об Именах) — гармоничная смесь из цитат, воспоминаний современников и авторских комментариев Прашкевича. Кстати, книга сибирского фантаста напрочь лишена «тусовочного элемента», она почти академична, хотя и читается на одном дыхании. Да и иронических пассажей не лишена: «За картами нельзя думать ни о чем, кроме карт, — иронизировал Одоевский в романе «Русские ночи» (1844), — и, главное, за картами все равны: и красавец, и урод, и ученый, и невежда, и гений, и нуль, и

умный человек, и глупец; нет никакого различия: последний глупец может обыграть первого философа в мире, а маленький чиновник — большого вельможу. Представьте себе наслаждение какого-нибудь нуля, когда он может обыграть Ньютона или Лейбница и сказать им: «А вы, г. Ньютон, играть не умеете; вы, г. Лейбниц, не умеете карты в руки взять…»

Приятно сознавать, что есть в отечественной фантастике люди, которые заботятся о ее престиже и истории, а не используют ее исключительно для заколачивания барышей, штампуя пустышки и бесконечные сиквелы. Конечно, создание книги, подобной «Красному Сфинксу», всегда сопряжено с риском, что создателя в ней будет больше, чем исследуемых авторов. Особенно если сам автор — писатель. Однако достаточно прочесть несколько глав, чтобы понять: Прашкевич с этой проблемой легко справился. А вот ответил ли он на вечный, но все еще волнующий многих вопрос «Что такое фантастика?», — решать читателям.

Степан КАЙМАНОВ

РЕЦЕНЗИИ

Генри Лайон ОЛДИ
ОЙКУМЕНА: КНИГА ВТОРАЯ. КУКОЛКА
Москва: ЭКСМО, 2007. — 416 с.
(Серия «Стрела Времени»).
12 000 экз.

Читателю предложена вторая (но не последняя) часть цикла, который сами авторы обозначили как «космическая симфония». Это уже не интригующая завязка, но еще не развязка — на первый взгляд, промежуточная, а на деле самая ответственная. Именно здесь начинают проясняться только-только намеченные в первой книге сюжетные линии: как и почему оказались на корабле помпилиан-рабовладельцев близнецы-гематры, что случилось с легендарным вехденским антисом, почему высокородная Юлия ведет себя таким странным образом… И наконец, что значит быть семилибертусом: именно такой статус, напомню, получил главный герой Лючано Борготта, после того как гордый рабовладелец легат Тумидус вынужден был ослабить узы симбиотического рабства.

В первой части авторы щедрыми мазками набрасывали яркую, мозаичную и оттого загадочную, открытую к уточнениям и дополнениям картину населенного космоса, где бывшие земные расы получили «выведенные» из культурно-психологических особенностей метафизические способности управлять «чистой энергией». Где навстречу эволюции человека в могущественных антисов, свободно перемещающихся в пространстве, движется эволюция сгустков энергии, космических флуктуаций, которые учатся понимать людей и сотрудничать с ними. Во второй части авторы сужают свою Ойкумену — почти каждый из заявленных в первой книге персонажей, даже эпизодических, проявляется уже как полноправный участник событий, он так или иначе оказывается связан с судьбой «кукольника» Лючано. Тема свободы в рабстве, столь значимая для первой книги, уходит на задний план, уступая место психологии, юнгианским и фрейдистским мотивам.

Остается только гадать, какой сюрприз нам преподнесет третий роман цикла, без сомнения, ставший новым и интересным опытом как для авторов, прежде в повышенном интересе к космический теме не замеченным, так и для читателей.

Татьяна Рудницкая

Нил СТИВЕНСОН

ЗОДИАК
Москва: АСТ, 2007. — 316 с.
Пер. с англ. А. Комаринец.
(Серия «Альтернатива. Фантастика»).
5100 экз.

«Зодиак» — ранний роман культового американского фантаста Нила Стивенсона. В отличие от поздних работ центральное место в «Зодиаке» занимают экология и проблемы защиты окружающей среды. Впрочем, несмотря на столь общественно значимую проблематику, роман лишен пафоса. Напротив, трудовые будни и подвиги активистов природоохранной организации «ЭООС Интернешнл» описаны с фирменным стивенсоновским юмором. Ну-ка попробуем закрыть трубу, сбрасывающую в океан отравляющие вещества, с помощью набора для салатов, прокладок для унитаза и некоторого количества средств, изменяющих сознание…

«Зодиак» начинается как повесть молодежная и контркультурная. Вполне уместно смотрелась бы книга и в серии «Альтернатива». Фантастический элемент минимален, субкультуре борцов за экологию уделено гораздо больше внимания, да и прописана она более интересно. Музыка бунта, песни протеста были бы подходящим саундтреком для книги. Однако во второй части действие сворачивает на территорию триллера.

Сэнгеймон Тейлор — один из «экстремистов охраны окружающей среды» — сталкивается с крупными корпорациями, загрязняющими акваторию Бостона. Перипетии сюжета показывают, как романтика молодежного бунта оборачивается смертельной угрозой не только для героя, но и для большинства бостонцев.

«Зодиак», конечно, выглядит сыровато на фоне прочих текстов Стивенсона. Но и достоинств у него немало: запоминающиеся характеры, авторская ирония и фирменный стивенсоновский финал, куда, как в водоворот, затягивает все сюжетные линии. К несомненным достоинствам «Зодиака» следует отнести и отличную работу переводчика.

Поклонники Нила Стивенсона прочтут книгу в любом случае. А вот остальным стоит начать свое знакомство с других романов автора, к примеру «Алмазного века» или «Криптономикона».

Сергей Шикарев

Вячеслав РЫБАКОВ
ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ
Москва: ЭКСМО, 2007. — 416 с.

(Серия «Русская фантастика»).
8100 экз.

Новый роман Вячеслава Рыбакова так и просится в «актуальную тему». О сведении фантастического элемента к минимуму — созданием в наши дни некоего полугосударственного городка гениев, упрятанного в сущую глушь и занятого разработками по освоению космоса, уже никого не удивишь. О полном преобладании «публицизма» над «художеством» — вплоть до того, что лексические характеристики принципиально различных персонажей у Рыбакова, имеющего репутацию разборчивого стилиста, порой совершенно идентичны. О позиции значительной части современных русских образованных людей, наперекор всему ставящих во главу угла творчество и развитие. О заметном дрейфе Рыбакова в сторону христианства.

Да только все не так. Все мимо. Над страницами романа витает великолепная авторская интуиция, предъявляющая потаенную правду нашего времени. Огромное количество интеллектуалов сейчас как будто погрузилось в полусон. Не работает на полную катушку. Выживает в условиях тесных и некрасивых. Отстраняется от жизни или понемногу жертвует собственную личность в угоду мелкобытовой суете и повседневным конфликтам. Тысячи, десятки тысяч хотят получить большое настоящее дело. Послужить своей стране. Сдвинуть с мертвой точки великие задачи, брошенные когда-то за рыночным недосугом. И вся их огромная творческая сила, дай ей только шанс, устремится ввысь, будто пружина, сжатая до отказа, а потом отпущенная. И если правительство еще не созрело или не из того материала создано, чтобы дать этой накопленной энергии настоящую цель, то пускай хотя бы отечественные предприниматели потихоньку, таясь и отбивая наскоки, привлекая к нефальшивому делу изголодавшихся по серьезной работе людей, примутся строить дорогу в будущее.

Ведь космос у питерского фантаста — это и есть будущее. Мечта не умерла. Вот правда, которую сумел сказать Рыбаков.

Дмитрий Володихин

Чарлз СТРОСС
НЕБО СИНГУЛЯРНОСТИ
Москва: АСТ, 2007. — 381 с.
Пер. с англ. М. Б. Левина.
4000 экз.

Чарлз Стросс — одна из новых звезд британской НФ. Нашим читателям он известен по отличной повести «Очень холодная

война» и рассказам в журнале «Если». Рецензируемый же роман — явно не лучшее детище Стросса, хотя он и дает представление о творческой манере и мировоззрении автора.

Итак, в середине XXI века человечеству в очередной раз не повезет: некая почти божественная сущность, прозванная Эсхатоном, разбросает 90 процентов населения Земли по планетам Галактики. После этого Эсхатон потребует, чтобы люди следовали одному важному правилу — ни в коем случае не нарушали принципа причинности в ходе экспериментов. Тех же, кто ослушается, высший разум попросту сотрет в порошок, взорвав ближайшую звезду…

Позже мы узнаем, что Эсхатон — не просто задуривший божок, а результат развития человечества, итог его приближения к Точке Омега. И запрет на игры с принципом причинности необходим для выживания как людей, так и самого сверхсущества. Потому, когда некая Новая Республика, созданная изгнанниками из Восточной Европы, попытается во время военной операции нарушить принцип, то в дело вмешаются агенты Эсхатона…

Вот тут-то и начинаются проблемы. Прописывая Новую Республику, Стросс неожиданно ушел от основного сюжета совсем в иные дебри. Из всех щелей поперли культурологические антирусские комплексы, заложенные в англосаксонской традиции. «Небо сингулярности» — красноречивый образец ненамеренной интеллектуальной русофобии в НФ. Автор не то чтобы изначально плохо относится к России. Он ее просто не понимает, а потому и не приемлет, целиком солидаризируясь с главными героями, исполненными отвращения к реакционной и мракобесной Новой Республике. Однако раздражает даже не русофобская позиция автора, а то, что, увлекшись к середине книги весьма примитивной «этнополитологией», писатель загубил интересный сюжет.

Глеб Елисеев

Дмитрий ЛИПСКЕРОВ
ЛЕОНИД ОБЯЗАТЕЛЬНО УМРЕТ
Москва: Астрель — АСТ, 2007. — 384 с.
7000 экз.

Есть такой старый анекдот: мальчик стоит у входа в кинотеатр и требует с входящих по 10 копеек, иначе он расскажет — кто в фильме убийца. В роли такого мальчика решил выступить и Дмитрий Липскеров, раскрыв в заглавии концовку романа. Такая ситуация, можно сказать, весьма символична для мэйнстрим-авторов на поле фантастики. Они никак не могут

понять: если ты берешь на вооружение фантастические приемы, то надо хотя бы пытаться соответствовать неким правилам. Фантастика — жанр сюжетный, а раскрытие концовки означает смерть сюжета. В результате сколько бы нереалистических элементов (сверхразум, левитация, бессмертие) ни внедрял автор в текст, роман все равно останется «толстожурнальным». Хорошо написанным, с большим количеством «вкусных» моментов, причудливыми переплетениями судеб и… абсолютным отсутствием логики, когда дело касается нереалистичной части. Скажем, один из двух главных героев, Леонид, жизнеописание которого начинается с состояния эмбриона, по ходу становится банальным грабителем (зачем нужны деньги сверхчеловеку, способному летать и годами обходиться без пищи?), а весь смысл его существования сводится к поиску идеального, пардон, соития. Теме «про это» посвящена большая часть страниц — многочисленные герои долго и подробно совокупляются (впрочем, после секса с медведем, описанного в одном из прошлых романов Липскерова, нынешние сцены выглядят даже несколько пуританскими). Автор пытается свести воедино все распускающиеся сюжетные нити, в концовке связывая их грубыми узлами, но все равно роман остается набором отлично написанных рассказов, перемешанных между собой. Особенно хороша сквозная история второй главной героини — бессмертной старухи-снайперши Ангелины Лебеды. Ее биография, начиная с военных лет — самая интересная часть текста. И ведь почти без фантастики.

Илья Североморцев

Ольга ЛУКАС, Евгений ЛЕСИН
ПО КАБАКАМ И МИРАМ
Москва: Гаятри, 2007. — 128 с.
3000 экз.

В ассортименте у писателей есть немало способов отправить своего героя в мир, альтернативный нашему. У приверженцев психоделической фантастики есть понятие «трип»: буквально с английского «путешествие», в данном же случае путешествие в иллюзорные миры.

Оригинальный вариант русской психоделики предлагают читателю Евгений Лесин и Ольга Лукас. Герои их повести, которых так и зовут Лесин и Лукас, под воздействием местного психотропа (алкоголя) отправляются в необычное странствие, пронизывающее целую череду альтернативных миров.

Все начинается с того, что двух «продажных журналистов» хозяин нового пафосного кабака «Послание президента»

привлекает для пиар-компании: мастера пера должны обругать все питейные заведения в районе. Выпив с заказчиком, подрядчики отправляются на задание. Однако заведения им попадаются все более и более странные. Сначала они оказываются в кабаке, находящемся в фойе метро «Усачевская», которое якобы строили между станциями «Спортивная» и «Университет». Дальше больше — герои оказываются в питейном заведении, открытом в универмаге «Детский мир» на Лубянке, а оттуда уже недалеко идо подвалов… Герои попадают в доведенный до гротеска мир репрессий 30-х годов. Выбравшись оттуда, они оказываются в кафе «Антигламур», где их встречают «охранники в трусиках танго с перламутровыми пуговицами на гульфиках».

Миры сменяются — один причудливее другого. В одном царит закон здорового образа жизни, его обитатели, подгоняемые ударами тока, бегут «от инфаркта к инсульту». Во втором Москва разбита на множество государств, и даже некоторые дома имеют суверенитет… Есть мир фашистской диктатуры. Есть мир, жители которого покинули Землю и поклоняются святому Гагарину… В этой фантасмагории реальность причудливым образом сплетается с диковатой фантастикой, жанровые клише мелькают, словно булавы в руках у жонглера.

Андрей Щербак-Жуков

Олег ДИВОВ
ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ
Москва: ЭКСМО, 2007. — 416 с.
(Серия «Легенды»).
20 000 экз.

Фантаст, ни разу не надкусивший горбушку реализма, все равно что сочинитель верлибров, не написавший ни одного регулярного стиха. Он вполне любим «своим» кругом, а за пределами оного вроде как специалист без диплома, доверия не внушает. Фантаст Дивов еще в «Толковании сновидений» деликатно намекнул, что в форматной, тщательно подогнанной одежке жанровой литературы ему тесновато. И время от времени осторожно, небольшими шажками-рассказами пробовал пройтись по ухабистой для цеховых собратьев дороге — к иным сюжетам, формам, иной языковой пластике…

Не удержался — сделал книгу. Книгу отменной прозы. Очень смешную, очень ехидную и одновременно очень трагическую. Не надо быть оракулом, чтобы предсказать: на будущий год «Оружие…» не попадет в списки жанровых наград, но наверняка окажется в номинационной таблице «Большой книги» и «Нацбеста». И вероятно, прорвется в шорт-лист.

Роман — многоцветный веер историй из жизни самого автора в годы срочной службы в рядах Советской Армии. Тут хватает ностальгии и яростного неприятия Системы, смеха до колик и жесткой дивовской «социалки». Здесь и мемуарные записки, и армейские байки, и комический трагифарс, и героическая поэма… Сам автор назвал роман трагикомедией.

Смешного, однако, в книге больше. Писатель старался. «Оружие» — книга сугубо мужская. Она для тех, кто Там был и для тех, кто Там будет. Последним особенно рекомендую в качестве учебника по выживанию.

«А при чем же тут фантастика?» — спросите вы. А разве это не фантастика, что вопреки тем чудовищным порядкам, которые царили в Советской Армии, мы умудрялись оставаться мощнейшей военной державой! Дивов написал реалистическую, очень честную (и светлую, кстати) книгу о фантастической жизни в фантастической стране. Хотя кто-то, уверен, посчитает эту историю альтернативной.

Евгений Харитонов

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

Терри Пратчетт: «ДОБРО, ЗЛО, МИЛОСЕРДИЕ ПРИВНОСЯТ В МИР САМИ ЛЮДИ»

Подобного читательского ажиотажа Москва не видела давно. Желающие подписать книгу образовали километровую очередь. А герой всего этого хеппенинга английский прозаик Терри Пратчетт, чей приезд в столицу организовали издательство ЭКСМО и британская сторона, едва не падал с ног от усталости… Несмотря на это, писатель все же сдержал свое давнее обещание дать эксклюзивное интервью журналу «Если», который на протяжении многих лет не оставлял без внимания ни одной новой книги автора.

В начале июня в издательстве ЭКСМО вышел «Пятый элефант», очередная и, по отзывам фэнов, едва ли не самая сложная и масштабная книга из цикла «Плоский мир». На сей раз командору Ваймсу и его супруге Сибилле пришлось отправиться с ответственной дипломатической миссией в Убервальд — страну, где царит равновесие сил между вампирами, вервольфами и гномами, а люди служат лишь фоном для этого странного троевластия. А заодно расследовать загадочную пропажу Каменной Лепешки — тронного камня, без которого невозможно возведение на престол очередного Короля-Под-Горой.

В то же время капитану Моркоу и констеблю Ангве приходится решать свои личные проблемы, но эти личные проблемы по понятным причинам опять же ведут в Убервальд —

ведь констебль Ангва принадлежит к старинному роду вервольфов, а равновесие сил в Убервальде, кажется, начинает нарушаться, причем не без помощи родни Ангвы… А тут еще сопровождающие дипмиссию в сверхконсервативный Убервальд представители нацменьшинств Анк-Морпорка — феминистка-гном Шельма (ныне Шелли), Задранец и тролль Детрит, плюс загадочный Иниго Сепаратор, навязанный Ваймсу патрицием Витинари… В общем, понятно, что путь дипломата Ваймса, официального представителя вольного Анк-Морпорка, не будет усыпан розами…

— Начиная цикл о Плоском мире, вы знали, что он разовьется в столь сложное полотно?

— Понятия не имел. Меня часто спрашивают: как можно было придумать такую замысловатую конструкцию? Я воспринимаю этот вопрос, скорее, как риторический — я ее не придумывал. Она развивалась сама по себе. По мере написания.

— Первая ваша книга, посвященная Плоскому миру — «Цвет волшебства» — явно отличается от последующих. Она более пародийная, в ней больше черного юмора.

— Я бы сказал, отличаются первые две. «Цвет волшебства» и «Безумная звезда». Вы говорите об эволюции. Я становился старше, учился по мере написания, овладевал инструментарием… И начал лучше понимать, что именно хочу делать. Поначалу я еще не очень представлял себе, какие возможности предоставляет Плоский мир. Первые два романа — это просто забавные приключения и путешествия, не больше; там много шуток, гэгов, но, если честно, они меня самого теперь слегка раздражают. Сейчас — имея нынешний опыт — я, наверное, написал бы все это по-другому.

— То есть сейчас вы воспринимаете Плоский мир как способ донести до читателя какие-то важные для вас идеи?

— Вот это очень-очень русский вопрос. Вы понимаете, я не пишу беллетризованных трактатов. Я пишу книгу — и в ней идеи играют не меньшую роль, чем сюжет и персонажи. Но и не большую. Идея должна органично встраиваться в книгу, но, если так можно выразиться, на общих основаниях. И она должна быть универсальной; например, во многих более поздних книгах цикла я пишу о застарелой взаимной вражде, фактически о холодной войне гномов и троллей, о ксенофобии. Люди говорят: «А, мы знаем, это о…», — и называют какую-то конфликтную, враждующую пару стран… Или — о «Патриоте»: «А, это ведь вы о ситуации на Ближнем Востоке!» Я в ответ: «Нет, я писал обо всех ситуациях сразу!» Хотя, если честно, на Ближнем Востоке всегда какая-нибудь та еще ситуация… Этот регион — сам по себе

ситуация. Не вижу причины, по которой тролли и гномы вели бы себя умнее любых других разумных существ.

— Судя по книгам, вы скорее умеренный консерватор, а не сторонник прогресса любой ценой — во всяком случае, в сфере человеческих отношений. Вы считаете себя защитником традиционных ценностей?

— У меня к прогрессу двойственное отношение. Я, безусловно, за новые технологии, облегчающие жизнь людей. Но я действительно люблю традиции. Традиция помогает не слишком раскачивать лодку. Но если находится разумная альтернатива тому, что делалось с незапамятных времен, то традицию, конечно, можно и отвергнуть. После серьезного размышления. Но не по той причине, что это, мол, устарело, а следовательно, никуда не годится.

— В одной из последних книг, вышедших в России — «Carpe Jugulum», — говорится, в частности, о том, что старая добрая тирания лучше современной промывки мозгов. По крайней мере, честнее. Я правильно поняла?

— Да. Верно. Этот старомодный вампир, который появляется в конце книги — своего рода альтернатива вампирам новомодным. Он ведет себя как царственная особа, джентльмен или король, говорящий со своими подданными. Он говорит: «Да-да, я помню, это ведь ваш батюшка вогнал в меня кол…» Или: «Я знавал вашу бабушку…» И людям это нравится. Поймите, это лучше, чем то зло, которое сейчас распространилось по всему земному шару, от Запада до Востока. И Россия далеко не исключение. Я имею в виду бюрократию. Эта машина существует единственно для того, чтобы поддерживать саму себя. Именно для этого она и вмешивается в жизнь людей, имитирует какую-то деятельность, поднимает какие-то глупейшие, несуществующие проблемы, выпускает директивы — например, считать картошку овощем или продуктом питания… Люди эту машину не интересуют — даже когда она утверждает, что все ее помыслы направлены на благо народа, что она заботится о безопасности населения, ну, к примеру, выдумывает какие-то торговые ограничения, изымает какие-то продукты из магазинов…

— Тут, скорее, политика…

— А что, политика разве не бюрократия? Это все равно что связывать людей по рукам и ногам ради их собственной безопасности. Или душить детей в колыбели, дабы уберечь их от жизненных невзгод. Но, убирая из судьбы опасности, трудности, свободную волю, вы тем самым лишаете жизнь самой жизни.

— Промывка мозгов и бюрократия обычно идут рука об руку.

— Конечно. Кстати, сами чиновники подвержены ей не меньше. Они боятся думать. Именно поэтому мне так симпатичен мой лорд Витинари из Анк-Морпорка.

Он может показаться циником, но он думающий правитель. Витинари несовместим с любыми формами промывания мозгов. И он верит в свободу. Но свобода — это еще и свобода умереть. Потерпеть неудачу. Отвечать за последствия своих поступков. Свобода ведь очень сложная штука. Именно поэтому люди, едва прикоснувшись к ней, предпочитают бежать прочь.

— Выходит, вам нравится лорд Витинари?

— Очень! Витинари, безусловно, умелый политик, и у него чудовищный интеллект. У вас есть такие японские головоломки — судоку? Кроссворд по числам. Они очень популярны в Англии, их печатают в газетах, там надо вписывать числа в квадратики, и если вовремя прислать правильный ответ, то можно даже заработать на этом… Так вот, Витинари разгадывает судоку в газете, едва бросив мимолетный взгляд, по памяти, просто диктует числа секретарю.

— Значит ли это, что и вы цените интеллект больше других человеческих качеств?

— Вы понимаете, он не особенно добрый человек. Даже безжалостный. Но город работает! И процветает. И люди процветают, потому что город работает. Вы можете выталкивать друг друга из лодки, но не пытайтесь дырявить днище — вот его принцип. Да, я люблю Витинари. Командор Ваймс, например, уважает демократию, но в таких условиях, которые создал Витинари для Анк-Морпорка, демократия тоже работает. Он интеллектуал. И именно поэтому он ухитряется сохранять свои позиции. А не потому, что он устраняет неугодных. Витинари слишком горд, чтобы преследовать недовольных. И чтобы заботиться о том, какое впечатление он производит на людей. И на все, что он делает, у него есть серьезные причины.

— Его прототип — Макиавелли? Ваш Витинари даже пишет трактат «Слуга» — по аналогии с «Государем» Макиавелли.

— Конечно, Витинари — это чистая идея, весьма приблизительно основанная не столько на том, кем Макиавелли был в действительности (он ведь был просто чиновником), сколько на наших представлениях о нем. Как раз на его трактате, первоначально посвященном Джулиано Медичи. Кстати, возможно, Макиавелли общался с Леонардо да Винчи, которому Джулиано покровительствовал.

— У российских читателей ваши книги находят огромный отклик. Как вы думаете, почему?

— Ну, это уж вы должны мне объяснить… Я не знаю. Полагаю, дело в том, что культура юмора у нас схожа. Мы смеемся над одними и теми же вещами, и все же иногда мне кажется, что по всей Европе, включая и Россию, культура в какой-то степени американизирована. Исключение составляет, пожалуй, Франция, которая старается держаться в стороне, но многие штампы, массовые понятия… полагаю, вы понимаете, о чем я.

— Вам не нравится американская культура?

— Я не люблю лишь то, что заслуживает нелюбви. В американской культуре много хорошего. Скажем, того же Воннегута я чрезвычайно любил и ценил… Потом, не надо забывать, Америка очень большая и потому очень разная: совсем не похожи друг на друга, скажем, Западное и Восточное побережья. На Восточном — интеллектуалы. Даже телепередачи там другие. Беда в том, что мы, как всегда, склонны копировать плохое и отбрасывать хорошее. Что прекрасно работает для Америки — не всегда годится для Европы. Хотя дураки у власти этого не понимают.

— Насколько я знаю, есть два полнометражных мультфильма о Плоском мире — «Вещие сестрички» и «Роковая музыка». И недавно поставленный фильм «Санта-Хрякус». Вы довольны экранизациями?

— А вы смотрели «Санта-Хрякуса»?

— Да.

— От начала до конца?

— Да.

— И откуда вы его взяли? Скачали из интернета?

— Ваши фэны скачали из интернета.

— Полагаю, нелегально.

— Не знаю. А он есть легально в интернете?

— Нет. В том-то и дело, что легально его в интернете нет. Ладно, чего уж там… Так вот, мне как автору не понравилось одно: очень много упущено, урезано. При экранизациях это почти всегда случается. Например, как отснять эпизод, где Смерть дарит Сьюзен новогоднюю открытку с перьями, потому что малиновку приклеить не удалось? Тем не менее фильм следует за книгой. Иногда даже слишком буквально. И мне это приятно. В целом мне фильм понравился. А вам?

— Трудно сказать…

— Актриса, игравшая Сьюзен (Мишель Докери) была великолепна, хотя это первая ее большая роль. Кто бы мог подумать во время кастинга, что это окажется настолько удачным выбором? Да, дух книги сохранен. Потому что удалось передать главный смысл романа, идею, подводящую к тому, что говорит

Смерть в самом конце фильма: во Вселенной, даже если разобрать ее на мельчайшие частички, нельзя найти ни атома справедливости, ни молекулы жалости. Тем не менее мы ведем себя так, будто жалость и справедливость существуют. В мире не существует ни добра, ни зла, ни милосердия, их привносят в мир сами люди.

Беседовала Мария ГАЛИНА

СТАТИСТИКА

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Писатель и критик Мария Галина, как известно, еще и ученый-биолог. Поэтому ее вопрос, адресованный любителям фантастики, буквально напрашивался. Что произойдет с человечеством как биологическим видом в неблизком, но обозримом будущем? Разобраться с Homo Sapiens решили 740 участников опроса.

Ответы распределились следующим образом:

Самоистребится в результате войны или экологической катастрофы — 12 %

Уйдет с арены эволюции, уступив место новому разумному виду, не состоящему в родстве с человеком — 1 %

Эволюционирует, поскольку этот процесс все еще не завершился — 13 %

Эволюционирует искусственно, приобретя новые качества, связанные с нанотехнологиями и генной инженерией — 38 %

Не эволюционирует, но, сохранив видовые признаки, станет физически совершенным — 5 %

Деградирует под влиянием виртуальной или сверхкомфортной техногенной среды — 14 %

Полностью откажется от физической формы, превратившись в «чистую» энергию — 3 %

Не изменится вообще — 14 %

Напомню, что речь идет не о «настоящем» научном прогнозе (который требует совсем иного подхода), а о мнении определенной группы людей — читательского сообщества, причем той его части, которая любит новые идеи и открыта техническим новшествам и экспериментам. А мнение читателя фантастики сформировано НФ-произведениями — что, кстати, отчасти подтвердили результаты нынешнего опроса.

Итак, что мы получили?

На первый взгляд, среди читателей фантастики явно преобладают оптимисты. Абсолютное большинство полагает, что человек не просто уцелеет на планете Земля как доминирующий разумный вид, но и эволюционирует искусственно благодаря достижениям науки и техники. Неудивительно: успехи нанотехнологии, генной инженерии и прочих сверхсовременных направлений науки явно свидетельствуют о том, что человечество на его пути ждут великие перемены; единственное, что может удержать наш вид от полной утраты человеческого облика — это

природная консервативность, которая безуспешно борется с природной любознательностью и тягой к новому. Фантасты охотно подтверждают это — от Станислава Лема, отобразившего в одном из Путешествий Йона Тихого население планеты, полностью отказавшееся от изначального «человеческого облика», до таких шокирующих образцов кибер-панка, как «Нет!» Линор Горалик и Сергея Кузнецова или «Demo-сферы» Ильи Новака.

Казалось бы, рациональней всего предположить, что радикальные изменения внешнего облика (и связанных с этим особенностей организма) затронут в первую очередь «фронтир» человечества: исследователей, работников «глубокого космоса», поселенцев, осваивающих чужие планеты. Об этом, начиная с Беляева и его Ихтиандра, фантасты не уставали говорить на протяжении всего XX века. Четырехрукие «квадди», созданные для работы в невесомости в романе «В свободном падении» Л. М. Буджолд; превратившиеся в юпитерианских «скакунцов» люди в «Городе» К. Саймака; исследователи чужих миров в «Легенде о некрасивом биоморфе» Кира Булычёва… Увы, именно космические прогнозы фантастов сбываться не спешат.

А вот «новые формы» человечества, кажется, лепятся быстрее, чем ожидалось, особенно там, где речь идет о «киборгизации», внедрении имплантантов… Появилось и новое направление искусства — переделка собственного тела, воспринимаемого в качестве арт-объекта, как бы шокирующе это ни выглядело на первый взгляд (одно из первых упоминаний подобного «хэппенинга» в НФ — держательница светского салона Мари Бомон с гипертрофированными, как у первобытной скульптуры, женскими формами в «Человеке без лица» Альфреда Бестера). Иными словами, такая переделка слабо мотивирована необходимостью, но осуществляется просто из любопытства, ради экзотики. То есть все той же извечной любознательности и тяги к новому, которые свойственны не только человечеству, но всем высокоорганизованным существам. А поскольку игровое исследовательское начало — прерогатива молодых особей, резонно предположить, что масштабные изменения такого рода в первую очередь затронут технически продвинутые молодые или инфантильные группы населения земного шара, то есть популяции высокоразвитых стран.

Успехи медицины и биологии действительно подтверждают: природу человека можно изменить. Скорее всего, такие перемены не за горами. Другой вопрос — останется ли человек при этом человеком?

Немногим более 5 % опрошенных полагают, что, оставшись внешне и внутренне неизменным, человечество тем не менее

избавится от того, что портит ему жизнь: болезнь, старость, уродство. Казалось бы, такая перспектива реальнее превращения человека в нечто иное, но… недаром сторонников у этого, на первый взгляд, вполне оптимистического прогноза оказалось немного. На деле эти два направления — радикальной переделки и «приведения человека к желаемой норме» — идут рука об руку, и неизвестно, какая участь постигнет человечество раньше. Первое, как ни странно, вероятней. Да, вполне возможно, что нежелательные качества человека (социопатию, например), некоторые врожденные заболевания можно будет генетически корректировать еще на стадии оплодотворенной яйцеклетки (это уже делается). Да, весьма вероятно, что физическая уязвимость человека будет компенсирована возможностью «поменять» заболевший орган, вырастить из стволовых клеток новую руку-ногу взамен искалеченной, а крохотные наноботы, перемещаясь с током крови внутри организма, начнут удалять «неправильные» клетки и холестериновые бляшки. Но вот к возможности вечной молодости ученые относятся весьма скептически. Иными словами, почти все заявленные достижения на этой ниве они полагают просто очередной попыткой вытрясти гранты на исследование; ведь нет более сильных искусов, нежели «эликсир молодости».

Писатели, впрочем, относятся к вечной молодости настороженно; почти все произведения, связанные с этой темой, — антиутопии, от «Средства Макропулоса» Карела Чапека до «Последней башни Трои» Захара Оскотского. Если бессмертными становятся один человек или небольшая группа людей, они очень быстро «отрываются» от человечества, становятся равнодушными к его проблемам и играют в свои игры, как бессмертные мутанты в романе К. Саймака «Город». Если бессмертными становятся большая группа людей или вся популяция, за этим быстро следует обрушение привычного мира. Попутно заметим, что о возможности полного и даже, кажется, утопического переустройства мира на «бессмертной» основе говорится также в недавнем романе «Плерома» Михаила Попова. Но бессмертный уклад, сконструированный этим автором, настолько непривычен, что опять возникает тот же вопрос: о человеческой природе общества «Плеромы».

Конечно, более приемлемо (и человечно) общество, где люди просто красивы и здоровы, но о физическом бессмертии речи нет. Как в обществе «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова. Здесь однако, возникает множество вопросов этического плана: до каких пределов следует вмешиваться в человеческую природу, чтобы получить человека «красивого и здорового»? Ответ один —

сознательная селекция, когда предполагаемые нарушения отслеживаются еще на этапе оплодотворенной яйцеклетки, чтобы излечивать то, что можно излечить, и уничтожать то, что излечить невозможно. Но насколько этична наука евгеника, не станет ли она орудием (как уже бывало) в чьих-то руках? И коль скоро по утверждению ученых, гениальность все-таки отклонение от нормы — не потеряем ли, не отсечем ли мы наряду с «нежелательными крайностями» тех, кто по праву считается гордостью человечества?

Иными словами, то, что за «человека совершенного» проголосовал сравнительно небольшой процент читателей «Если», есть свидетельство интеллектуальной зрелости аудитории.

Более 13 % оптимистично полагают, что эволюция человека еще не завершилась, и нас на этом пути еще могут порадовать приятные неожиданности. Например, приобретение или пробуждение неких до поры спящих, латентных качеств: телепатии, ясновидения, вообще сверхвозможностей. Или неких более «материалистических» особенностей; например, увеличения объема головного мозга, или, по крайней мере, более полного использования его скрытых резервов. Здесь теоретически возможны два варианта: эволюционирует небольшая группа людей, оставляя «непродвинутое человечество» далеко позади (мутанты у Саймака, людены у Стругацких), или же — эволюционирует все население Земли. Фантасты, надо сказать, предпочитают первый вариант, поскольку он обеспечивает наличие «движущего конфликта». Впрочем, редко кто рассматривает эволюцию в чистом виде: и в «Волнах гасят ветер», и в рассказе Рэя Брэдбери «Куколка» новые свойства и скрытые резервы человека пробуждаются все-таки после техногенного вмешательства в организм.

Такое же вмешательство извне (эпидемия и вакцина против нее) понадобилось для того, чтобы все человечество обрело телепатические способности в повести Вячеслава Рыбакова «Вода и кораблики»; или в результате прививок отказалось от агрессивных инстинктов («Возвращение со звезд» Станислава Лема). Самая симпатичная и толерантная картина эволюционировавшего человечества показана в рассказе Ильи Варшавского «Под ногами Земля», но и там не слишком понятно, эволюционировало человечество естественным путем или же просто перешло на рельсы другой биологической цивилизации, а наследственная память, телепатия и регенерация — заслуга не столько эволюции, сколько сверхвысоких технологий… Так что, как вы заметили, произведений на тему тотальной биологической

эволюции человечества не так уж и много, и все примерно на один сюжет: космонавты после долгого отсутствия возвращаются на Землю и… в общем, особенно развернуться негде. Разве что в очередной раз написать историю, как обычные люди травят и преследуют людей, наделенных необычными качествами (например, телепатией, как в романе Дж. Уиндема «Хризолиды»). Впрочем, и там, чтобы часть населения обрела телепатические способности, понадобилась ядерная война.

Удивительно, но тема «тотальной эволюции» человека как вида фантастами не слишком любима. И правильно: ученые утверждают что эволюция человека уже закончилась, и если нас ждут какие-то сюрпризы, то они будут, скорее, на ниве именно технологической, искусственной эволюции.

Есть, впрочем, антиутопическая разновидность этого сюжета, где эволюция человечества приводит к «расщеплению» вида и появлению малоприятных существ — морлоков, которые гоняются за приятными существами — элоями. Сейчас эта тема отдана на откуп кино и трэшевым боевикам.

Чуть больше опрошенных — почти 14 % — полагают, что комфортное общество будущего (комфорт вполне может быть и виртуальным, что-то наподобие «Матрицы» братьев Вачовски) приведет человечество к деградации и вырождению. Модель, привлекательная для алармистов и создателей антиутопий (вспомним «Клетку для орхидей» Герберта Франке, да и те же марсиане Уэллса — продукт «интеллектуального развития» изначально близкой к человеку формы), однако на практике маловероятная. Деградация — тоже эволюция, хотя и не самая симпатичная, а эволюция человека, напомню, закончена. И все же отмечу, что в природе обычно деградируют паразитические виды, и в этом смысле труд и творчество — залог процветания человечества.

Но есть среди нас и тотальные пессимисты. Их не так уж мало: 12 % участников голосования полагают, что человечество самоистребится в результате глобальной войны или экологической катастрофы. Мрачный и любимый авторами апокалиптических антиутопий вариант… но, увы, вполне возможный. Дело в том, что против использования чудовищных разрушительных сил, находящихся в распоряжении современного человечества, не предусмотрено никаких выработанных эволюцией инстинктивных ограничителей; а на разум и здравый смысл надежда, честно говоря, слабая. Вдобавок, хотя каждому виду присущ инстинкт самосохранения, у человека этот инстинкт может «сбоить» как раз из-за скученности, перенаселения. Рост неконтролируемой агрессивности в таких условиях наблюдается у

многих высокоорганизованных социальных животных — например, крыс. Парадоксальным утешением может послужить то, что, превратившись в силу глобального масштаба, человечество все же не сравнилось по самоистребительной мощи с другими природными силами; падение гигантского метеорита или мощные цунами, глобальное потепление или похолодание могут расправиться с человечеством не менее эффективно; и помешать этому пока никто не в состоянии…

Возможность вытеснения человека с эволюционной арены другим разумным видом читателями «Если» практически не рассматривается: за нее проголосовало чуть больше одного процента. Фантасты тоже не очень охотно разрабатывают эту модель. Впрочем, можно вспомнить все тот же «Город» Саймака, где Земля отдана на откуп разумным муравьям и мутировавшим псам (и те, и другие получили разум не без человеческого вмешательства); Севера Гансовского с его отарками; Павла Амнуэля, заставившего в одной из своих новелл все человечество «потерять» разум. Возможно, эта идея подсознательно кажется нам уж очень обидной — недаром в вымышленном будущем человек уступает лидирующие позиции по собственной вине, создавая или принимая чуждый ему разум искусственно — случайно или целенаправленно. На деле эта модель не столь уж невероятна — эволюция биологического вида совершается в сравнительно короткий отрезок времени, в дальнейшем же любой биологический вид существует постольку и до тех пор, пока его не вытесняет другой, более приспособленный и занимающий примерно ту же экологическую нишу. Впрочем, человек — пока что существо уникальное, единственный достоверный носитель разума, и применимо ли это общее правило к нему, сказать трудно.

В три раза больше — около трех процентов участников опроса — проголосовали за совершенно невероятный, нолюбимый философами и фантастами вариант: человек избавится от бренной телесной оболочки и превратится в чистую энергию — как, например, у Артура Кларка в «Конце детства». Такое понимание грядущей судьбы человечества тесно смыкается с религией, недаром одним из первых, выдвинувших подобный тезис, был религиозный философ Тейяр де Шарден в своей «Точке Омега». Вариант симпатичный еще и потому, что снимает множество противоречий, которые обещает «материальная эволюция»: человек в форме чистой энергии превращается в некое могущественное существо, способное перемещаться среди звезд, времен и пространств, занятое познанием мира и свободное от «низменных» инстинктов… Замечательная перспектива, а

главное, настолько невероятная, что здесь можно строить самые фантастические гипотезы, чем, собственно, с удовольствием и занимаются фантасты — например, Г. Л. Олди в своей новой космоопере «Ойкумена».

Чуть меньше 14 % читателей «Если» полагают, что человечество не изменится вообще. Самый скучный вариант, самый здравый и, кстати, самый правдоподобный. Но и самый бесперспективный — из современных нам видов дольше всего на арене эволюции продержались тараканы и мелкие ракообразные щитни, живущие в обычных летних лужах.

Мария ГАЛИНА

«Локус»,

самый известный критико-публицистический англоязычный журнал фантастики, объявил своих лауреатов прошлого года. Лучшим НФ-романом читатели «Локуса» назвали «Конец радуги» Вернора Винджа, романом-фэнтези — «Привилегию меча» Эллен Кашнер, дебютом — трилогию Наоми Новик «Темрэр», книгой для юношества — «Зимних дел мастера» Терри Пратчетта. Лучшей повестью назван «Ракетный прорыв» Чарлза Стросса, в номинации «Короткая повесть» лидирует Кори Доктороу с его «Когда сисадмины правили Землей», а в номинации «Рассказ» — «Как заговорить с девушкой во время вечеринки» Нила Геймана. Его же книга «Хрупкие вещи» названа лучшим сборником. Среди антологий, как всегда, не было равных Гарднеру Дозуа с его очередным ежегодником «Лучшая научная фантастика. Выпуск 23». Биография знаменитого фантаста «Джеймс Типтри-мл.: Двойная жизнь Элис Б. Шелдон», написанная Джули Филипс, объявлена лучшей критико-публицистической книгой.

Автору-дебютанту практически невозможно продать права на экранизацию своей первой работы. Однако американцу Томасу Уилеру это удалось: компания Gold Circle Films решила экранизировать его дебютный роман «Арканум». Действие происходит в 1919 году. Тайное общество, в которое входят Артур Конан Дойл, Говард Лавкрафт, Гарри Гудини, противостоит на территории Нью-Йорка злобным демонам, в том числе и серийному убийце ангелов. Не обошлось и без Григория Распутина — куда же без него?

Продолжение компьютерной игры «Завтра война», созданной по одноименному роману Александра Зорича, появилось на прилавках магазинов и носит название «Завтра война. Фактор К». Помимо технических улучшений сиквел изобилует новыми персонажами.

Невидимость — наркотик?

Режиссер и сценарист Дэвид С. Гойер сразу после выхода его фильма «Невидимый» (см. рецензию в этом номере на стр. 133) ничтоже сумняшеся решил заняться Гербертом нашим Уэллсом и реализовать на экране собственный вариант знаменитого романа классика «Человек-невидимка». По замыслу Гойера это будет нечто вроде сиквела романа Уэллса и в центре повествования окажется племянник «оригинального» человека-невидимки.

«Стругацкие и православие»

— так называлась встреча в магазине «Библио-Глобус»,

посвященная христианскому восприятию творчества братьев Стругацких. Инициатор встречи — популярный православный журнал для сомневающихся «Фома». На встрече выступили православный публицист Александр Ткаченко, священник Дмитрий Струев, диакон Михаил Першин, а также критик и писатель Виталий Каплан.

Девятая церемония вручения «Семигранных гаек» — именно так выглядят призы «АБС-премии» — состоялась, как всегда, 21 июня (в день равноотстоящий от дней рождения Аркадия и Бориса Стругацких). Премия, носящая имя знаменитых фантастов, в этом году досталась Дмитрию Быкову (в третий раз за последние четыре года) за роман «ЖД» и Антону Первушину за книгу «Завоевание Марса. Марсианские хроники эпохи Великого Противостояния».

В Австралии главной фантастической премией считается «Дитмар». На этот раз призы вручались во время конвента Convergence-2 в Мельбурне. Лауреатами стали: роман Уилла Элиота «Цирк семьи Пило», повесть Пола Хайнса «Дьявол в мистере Пусси» и рассказ Рюрика Дэвидсона «Страх белого». Лучшим дебютантом оказалась писательница с оригинальной фамилией Элис Красноштейн.

Роман,

ставший одним из столпов киберпанка — «Нейромант» Уильяма Гибсона, — наконец-то обретет экранное воплощение. Радует и бюджет будущего фильма — около семидесяти миллионов долларов. Однако большие опасения вызывает фигура режиссера: Джозеф Кан известен в основном по рекламным роликам и видеоклипам, а также по весьма посредственному фильму про байкеров «Крутящий момент».

Иногда бывает полезно покупать книжки малоизвестных авторов. Ибо потом они могут оказаться весьма дорогими. Несколько экземпляров из самого первого тиража (составлявшего всего от 500 до 1000 копий) книги никому не известной Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» будут выставлены на одном из лондонских аукционов. Ожидаемая цена каждого лота — от десяти до двадцати тысяч долларов.

Агентство F — пресс

PERSONALIA

ВАДЖРА Раджнар (VAJRA, Rajnar)

Американский писатель и профессиональный музыкант Раджнар Ваджра родился в 1947 году в Нью-Йорке. До занятий литературой выступал в качестве «классического» пианиста и занимался роком, сочинял песни, преподавал в университете и был владельцем музыкального магазина. И это только часть его богатой биографии; вдобавок он работал поваром в ресторане, писал картины, создавал ювелирные украшения.

Ваджра дебютировал в научной фантастике рассказом «Прохождение теста Арболи» (1997). За десять последующих лет опубликовал десять же романов в межавторской серии «Нулевая вероятность» — «Последовательности» (2000), а также отдельную книгу «Выступ у Нокай Коррал» (2003). Писатель сравнительно редко обращается к малой и средней форме: таковых произведений тоже десять и почти все напечатаны в журнале «Analog».

ДУБИНЯНСКАЯ Яна Юрьевна

Украинская писательница Я. Дубинянская родилась в 1975 году в Феодосии. Училась в Крымском художественном училище, но высшее образование получила в Киевском институте журналистики.

Жанровым дебютом в печати стал рассказ «Три дня в Сиренополе» (1998), опубликованный в местном журнале. Год спустя вышел первый сборник на украинском языке. С тех пор выпустила десять книг: «Финал новогодней пьесы» (2002), «Жены призраков» (2003), «Кукла на качелях» (2003), «Лестничная площадка» (2003), «За горизонтом сна» (2003), «Проект «Миссури» (2005) и другие. Яна Дубинянская — лауреат премии Международной ассамблеи фантастики «Портал». Живет и работает в Киеве.

ПЕЙН Майкл (PAYNE, Michael)

Этот американский писатель больше известен как художник-карикатурист (а также художник кино) и литературный критик. Родился в 1965 году в Ньюпорт-Биче, штат Калифорния, закончил Университет Калифорнии в Ирвайне с дипломом филолога.

Первой научно-фантастической публикацией Пейна стал рассказ «Крысиная репутация» (1989). Затем писатель опубликовал роман «Кровавый ягуар» (1998) и полтора десятка рассказов и повестей. В настоящее время живет на родине в

Ньюпорт-Биче.

ПРОНИН Игорь Евгеньевич

Московский прозаик и журналист Игорь Пронин родился в 1968 году в Москве. Служил в рядах Советской Армии, учился в ВЗФЭИ на экономиста, работал в банковской системе Москвы.

Прозаический дебют состоялся в 2002 году: повесть «Мао» (2002) обратила на себя внимание как критиков, так и читателей. С этого момента И. Пронин профессионально занимается литературной и журналистской деятельностью. Является одним из лидеров писателей-фантастов «Нулевого поколения» — тех, кто пришел в литературу уже в новом веке. Перу фантаста принадлежат книги «Свидетели Крысолова» (2004), «Паутина зла» (2004), «Нашествие» (2005), «Звездные викинги» (2006).

ТЕНСЕИ Коно (TENSEI, Копо)

Ветеран японской НФ Коно Тенсеи родился в 1935 году в г. Кочи. Как и его знаменитые соотечественники, Кобо Або и Сакё Комацу, он тяготел к фантастике, но оставался представителем мейнстрима. Первый НФ-рассказ впервые был опубликован в 1967 году и назывался «Прекрасное искусство». Через пять лет вышел сборник фантастических новелл автора «Зеленое время».

Его поэтичный стиль сформировался под влиянием произведений Рэя Брэдбери. С 1973-го до 1977-го в национальном журнале «Научная фантастика» публиковался цикл рассказов Тенсеи «Хроника городских происшествий», вошедший в классику японской фантастики. Позже появился сборник «Продолжение хроники городских происшествий» (1979).

Кроме фантастических произведений Тенсеи писал и детективы. Его криминальный роман «Животные для жертвоприношений» (1963) получил мировую известность, а на родине писателя заслужил приз Японского детективного общества.

ФРИСНЕР Эстер (FRIESNER, Esther M.)

Американская писательница Эстер Фриснер-Стуцман родилась в 1951 году и закончила колледж в Нью-Йорке с дипломом лингвиста, после чего защитила диссертацию по испанскому языку и преподавала его в университете.

В фантастической литературе Фриснер дебютировала в 1982-м рассказом «Дело для героев». С тех пор писательница, в своем творчестве тяготеющая к фэнтези, опубликовала более сотни рассказов и 35 романов, в том числе несколько многотомных серий, построенных на мотивах арабских сказок: «Хроники

двенадцати королевств», «Нью-Йорк», «Демоны», «Гномы», «Маджик» и другие. Среди отдельных романов Фриснер выделяется «Кровь друида» (1988) — альтернативная история, действие которой развертывается в викторианской Англии, а главные действующие лица — пара сыщиков, напоминающих Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Наибольший успех принесла автору именно фэнтезийная проза: два рассказа писательницы, «Смерть и библиотекарь» (1994) и «День рождения» (1995), завоевали престижную премию «Небьюла», позже Фриснер получила премию Skylark за общий вклад в развитие жанра.

Эстер Фриснер составила несколько тематических антологий, в том числе и такую экзотичную, как «Инопланетянка, беременная от Элвиса» (1996, в соавторстве с Марти Гринбергом).

ХИКАВА Рейко (HIKAWA, Reiko)

Японская писательница нового поколения своим дебютом считает цикл рассказов «Биография героя Елвза», публиковавшийся в журналах в 1988–1992 гг. В 1988 году вышла ее первая книга — «Три метеора Графтона». Позже роман был развернут в сериал «Женщины-воины Эфера и Джилиора».

Перу Рейко Хикавы принадлежит более полусотни книг, среди которых наибольшим успехом пользуются сериалы в жанрах фэнтези и космооперы «Серебряный Шанун» (1990–1995), «Хроника Священной войны ста звезд» (1992–2005), «Хроника Хрисениана» (1993–2001). В 2006-м писательница запустила новую книжную фэнтези-серию «История двора Артура».

Как и большинство японских авторов, Рейко Хикава — создательница сюжетов для манга и аниме. В 1990 году по ее сценарию был снят полнометражный анимационный фильм «Герб Гуды». Кроме того, она активно выступает в качестве литературного критика: лучшие ее статьи о фэнтези были изданы отдельным томом под заголовком «Личное мнение Рейко Хикавы» (1999).

ЧАППЕЛЛ Фред (CHAPPELL, Fred)

Американский прозаик и поэт Фред Чаппелл родился в 1936 году в Кантоне, штат Северная Каролина, учился в Университете Дьюка, а в настоящее время ведет творческие курсы в Университете Северной Каролины в Гринсборо.

Первый НФ-рассказ «Дуэт» Чаппелл опубликовал еще в 1975 году. Но с тех пор выступал нечасто, хотя всегда заметно. На его счету всего два десятка рассказов и два романа — «Я навеки один из вас» (1985) и «Дагон» (1987). Последний, навеянный Лавкрафтом, был признан Французской академией лучшим

переводным романом года; помимо этого Чаппелл дважды награждался Всемирной премией фэнтези.

ШАИНЯН Карина Сергеевна

Карина Шаинян родилась в 1976 году в Грозном, но вскоре вместе с семьей переехала на север Сахалина. Высшее образование получила на факультете психологии МГУ, работала школьным психологом. В настоящее время — инструктор в конных походах по Горному Алтаю.

Первая публикация состоялась в 2003-м — рассказ «Корм для пеликанов». В 2004 году рассказ «Рыба-говорец» победил на росконовском мастер-классе Сергея Лукьяненко. За опубликованный в «Если» рассказ «Затмение» (2006, в соавторстве с Д. Колоданом) молодая писательница получила премию «Бронзовый Роскон».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Один из рыцарей Круглого стола, возлюбленный Джиневры, жены короля Артура. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Игра слов, основанная на созвучии со словом «seals», тюлени, котики.

3

Находится на водохранилище Лейк-Мед, штат Невада, в тридцати минутах езды от Лас-Вегаса. Перекрыла реку Колорадо.

4

Американская марка кофе, продаваемая «Старбакс кофе компани», в ресторанах и магазинах фирмы по всей Северной Америке, особенно в штатах Тихоокеанского побережья.

5

Поздний завтрак; завтрак-обед (англ.).

6

Празднование совершеннолетия мальчиков у евреев.

7

Поздравляю.

8

Английская мера веса. Один стоун — 6,35 кг. (Здесь и далее прим. перев.)

9

Сокр. синьор (ит.)

10

Вид плотной ткани.

11

Баран (англ.). Имя Мютано происходит от слова mute — немой.

12

Древо Жизни — схематическое представление строения мира в каббале. (Здесь и далее прим. перев.)

13

Клипа (мн. клипот, каббалистический термин) — намерение насладиться ради себя.

14

Табльдот — стол с общим меню в пансионах, в гостиницах, на курортах.

15

Вероятно, имеется в виду Томас Стернз Элиот, один из крупнейших представителей английской литературы, лауреат Нобелевской премии. Критика часто называла его «голосом поколения, лишенного иллюзий».

16

Здесь автор подразумевает город Феникс, который находится в штате Аризона.

17

Старшие классы в японской школе. (Здесь и далее прим. перев.)

18

Тоо — глаз, зрачок; ко — «ребенок», входит в состав многих женских имен.